

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
МАСТЕРСКИЕ
CREATIVE
WRITING
SCHOOL

ПАШНЯ

АЛЬМАНАХ
ВЫПУСК 5

2020

УДК 82–3
ББК 84–4
П 22

П 22 Пашня : Альманах. Выпуск 5 / Литературные мастерские Creative Writing School. – Киров : О-Краткое, 2020. – 536 с. : 31 с. цв. ил.

ISBN 978-5-91402-257-7

В 2019 году в CWS возникла премия «Пахарь года». И теперь альманах «Пашня» становится лонг-листом этой ежегодной премии. Разделы альманаха соответствуют трем основным номинациям: «Пахарь года», «Пахарь онлайн» и «Юный пахарь». На премии претендуют лучшие сочинения, написанные в мастерских CWS в самых разных жанрах: проза, поэзия, драматургия, нон-фикшн и комиксы.

УДК 82–3
ББК 84–4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Creative Writing School, 2020
© Елена Авинова, художественное оформление, обложка, 2020
© Оформление. О-Краткое, 2020

ISBN 978-5-91402-257-7

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Осипова. Литературная пашня 8

ПАХАРЬ ГОДА

<i>Елена Авинова. Алфавит для друга</i> 18+	13
<i>Анна Аксёнова. Выстрелить и рассмотреть</i>	34
<i>Алексей Алёхин. Ринг и где-то рядом</i>	41
<i>Катерина Андрианова. По справедливости</i>	54
<i>Александра Баженова-Сорокина. Цирк приехал</i>	65
<i>Иван Барно. Ночное зрение</i>	72
<i>Александр Васько. Три Владимира</i>	77
<i>Натали Верна. Последние дни</i>	87
<i>Платон Гурьянов. Живая речь</i>	93
<i>Артём Ефименко. Женщина-единорог.</i> 18+	97
<i>Екатерина Задохина. Старый</i>	153
<i>Анна Занадворова. Не правильный, не Новый, не год!</i>	157
<i>Полина Зонова. Такая вот мирная жизнь</i>	164
<i>Анастасия Иванова. Сны и что-то большее</i>	168
<i>Ульяна Киришина. Одын, два, тии, четыле</i>	189

<i>Светлана Коваленко. «День России»</i>	196
<i>Илья Мамаев-Найлз. Words Unsaid</i>	204
<i>Сергей Маслов. Баба Шура</i>	216
<i>Надежда Ожигина. Гребибля и гребубля</i>	226
<i>Вера Русских. Поток</i>	233
<i>Александр Семёнов. Дерево стоит – листья его дрожат... (18+)</i>	238
<i>Лиза Смирнова. Загадочная история сэра Константина</i>	244
<i>Вадим Тарасов. Съёмная жизнь</i>	248
<i>Юлия Туркина. Сердитый волчок</i>	252
<i>Василий Тучин. Как покорить гипотетический гроб (18+)</i>	256
<i>Ольга Фатеева. 3004-GH9S-KERM-ZYJD (18+)</i>	283
<i>Алексей Чмель. Стены</i>	311
<i>Александра Яковлева. Дочери Синей Бороды</i>	314

ПАХАРЬ ОНЛАЙН

<i>Сергей Алпаев. Рыжая лошадь</i>	327
<i>Марина Бертельсен. Вотс ап, карантин?</i>	336
<i>Александра Бруй. «Чёрное рабство» жёлтого цвета</i>	340
<i>Елена Букреева. Так надо было</i>	346
<i>Наталья Вдовикина. Когерентность</i>	350
<i>Мария Гацоева. Пёстрый ветер</i>	355
<i>Мария Денисова. Посредине злейшего лета</i>	364

<i>Людмила Жилыкова. Эклектика / Диалектика</i>	370
<i>Алексей Жихаревич. Нелинейная лирика (18+)</i>	389
<i>Юлия Казанова. Травелогги группы ЛЕФ</i>	396
<i>Михаил Колесников. Её муж</i>	409
<i>Елена Николая. Парижские каникулы</i>	414
<i>Дарья Новакова. Маска</i>	422
<i>Екатерина Петровская. Остановка по требованию</i>	424
<i>Антон Порядин. Дождь в марте</i>	428
<i>Ксения Роганова. Без неё</i>	432
<i>Елена Сазыкина. Чокнутый Эваристо</i>	441
<i>Марагарита Трофимова. Опыты</i>	451
<i>Анна Ханен. Настя</i>	461
<i>Алёна Шварц. «Они просто бросили и предали меня...»</i>	470

ЮНЫЙ ПАХАРЬ

<i>Ольга Александрова, 15 лет. Санёк</i>	481
<i>Володя Зайцев, 12 лет. Камнерез на колёсиках</i>	483
<i>Кира Иоч, 12 лет. «Вот Маяковский странным был...»</i>	489
<i>Мария Козьякова, 9 лет. Как мы с Колей играли в пиратов</i>	490
<i>София Кулиджанова, 10 лет. Приключения осьминога Паула</i>	492
<i>Маруся Кунилова, 7 лет. Стихи о собаках</i>	499

<i>Полина Леднева, 13 лет. Заяц</i>	500
<i>Даша Нечаева, 9 лет. Стихи о кошках, собаках</i>	503
<i>Давид Нисенбойм, 12 лет. Скучно</i>	504
<i>Софья Савельева, 13 лет. Стены между нами</i>	509
<i>Стефания Симоненко, 10 лет. Змейка, у которой не было друзей</i>	527
<i>Варвара Смирнова, 11 лет. Я сейчас всё объясню</i>	528
<i>Соня Филатова, 12 лет. Мыши, Кристи и суицид</i>	532

КОМИКСЫ

<i>Эмили Бренс. Последний выстрел из Vincenzo Bernardelli (номинация «Юный пахарь»)</i>	537
<i>Александра Городецкая. Кто такой Дэвид Брюстер (номинация «Пахарь года»)</i>	547
<i>Дарья Лабунская. Это не Магритт (номинация «Пахарь года»)</i>	555

Литературная пашня

Альманах «Пашня» с этого года становится лонг-листом премии «Пахарь года». Премия «Пахарь года» домашняя, она не про литературные тренды и события, а про самообразование и творческое письмо.

Летом 2016 года мы открыли первые Литературные чтения CWS на поле в Ясной Поляне, на том поле, которое когда-то мог пахать Лев Николаевич. Мы пили вино, ели хлеб с сыром и читали свои сочинения: прозаики рассказы, драматурги пьесы, поэты стихи. Выпускники мастерской Майи Кучерской произнесли Манифест. Примерно в тот момент, когда Ирина Якутенко что-то говорила о научном сторителлинге, грянул ливень.

Мы бежали по пашне, Ирина Жукова спасала усилители и колонки, волонтеры собирали стаканчики, вода лилась с неба, мы смеялись, вода и почва с нами вместе залезали в автобусы. Тогда все было в первый раз – литературный пикник, чтения, название для альманаха – «Пашня». Название придумал Михаил Угаров, и теперь в этом названии память того дня, тех людей, того места.

Премия «Пахарь года» появилась год назад. Среди множества написанных и опубликованных в разных мастерских CWS сочинений, мы решили ежегодно награждать лучшие. Лучшими могут быть работы разных жанров, поскольку у нас мастерские и драмы, и поэзии, и прозы, и комиксов. Главный критерий – художественный уровень текста и сила воздействия на читателя.

Статуэтку для премии «Бумажный пахарь» разработал мой друг, московский художник и скульптор Егор Плотников. Пахарь сегодня – это не тот, кто с плугом, а тот, кто с ноутбуком. Писатель-пахарь – это человек, который стучит по клавишам ноута или смартфона и пишет про сегодняшний мир. Все начиналось с Толстого и Ясной Поляны, с земли, которую пашет плуг, чтобы засеять семенами и собрать хлеб. Все начиналось с базовых вещей. В сегодняшней цифровой реальности мы пытаемся вернуться к письму как базовой ценности, к сообществу, которое разбивает одиночество. Поэтому сегодняшний пахарь – бумажный человек с ноутбуком в работе 24/7.

Писатели – люди одинокие, любой литературный кружок, сообщество, школа – это исключение, попытка преодоления одиночества в кругу таких же, как ты. Найти и собрать этот круг, значит обрести точку опоры. Как учредитель и директор Creative writing school я надеюсь, что мы такое сообщество создали. Как со-деятель Майи Кучерской я верю, что творческое письмо не для избранных, а для всех, и что творчество сегодня – необходимая каждому практика. Творчество – окно в свою, создаваемую тобой реальность. Путь от желания до умения, от способностей до таланта сегодня преодолевают пахари. Таланта недостаточно, нужен труд. Везения тоже недостаточно, удача, как известно, приходит к тому, кто много работает. Премия «Пахарь года» призвана назвать их имена и наградить их литературный труд.

*Наталья Осипова,
учредитель премии «Пахарь года»*

Елена Авинова*

Алфавит для друга (18+)

А

Амстердам

2008

Привет, Маркета! Я в Делфте. Это лучшее сочинение на тему «что такое город». Тебе нужно это увидеть и нарисовать. Здесь твои любимые домики и офигительные палевые поля.

Привет, Маркета! Я в Амстердаме, но до музея ещё не дошел. Работаю работу, ем из банок, пью из-под крана. Последний раз на прогулке был три дня назад. Джим.

Маркета познакомилась с Джимом в 1992-м. Любой парень по имени Дима, который занимался тогда рок-музыкой, называл себя Джимом.

Привет! Взял в аренду велик, тут все так ездят. До Ван Гога пока не доехал, прости. Джим.

* Мастерская Ольги Брейнингер «Автофиксин: герой, автор и психоанализ»

Привет, Маркета! Никак не могу дойти до музея Ван Гога. Иду, бывало, мимо и думаю зайти, но прохожу мимо.

Да! Да! Да!

(Текст на обороте открытки с «Едоками картофеля» Ван Гога).

Б

Борода из прокладок

1993

Рок или рисование, барабаны или живопись? Маркете семнадцать, она разрывается. Поступает в художку. После анатомии, рисунка и живописи оттягивается на репетициях. Договаривается о новогоднем концерте «Подсолнухов» в родном училище. «Только если будет Дед Мороз и конференс», – недовверчиво разрешает завуч Петрович. Вавилонскую башню из усилителей и барабанов везут на санках. Маркета клеит коллаж. Первый в жизни постер: вырезанные по контуру человечки и собственный шрифт. На фото она в косухе и бейсболке задом наперёд, вокалист Эдди в клетчатой рубашке, Какатов с причёской под Брайана Джонса и басист Донсон в пиджаке на голое тело. Фото делал Джим.

Народу в актовом зале набивается много. В первом ряду педагоги. Выходит Джим в бороде и красном халате: «А сейчас группа “Санфлауэрз”! Маркета с первого курса за барабанами и Лёха Какатов со второго на гитаре. Встречайте, и всех с Новым годом!».

Какатов ударяет по струнам через дисторшн, учителя выползают пригнувшись. ВХУшники и гости пьют, подпевают, плюют на пол, ломают унитазы, – получают максимум от получасового панк-сейшна. После концерта Джим подходит поздравить Маркету.

– А из чего ты сделал бороду Деда Мороза?

– Не знаю, нашёл у мамы пакет с пушистыми прямоугольничками и подумал, что они идеально подойдут. А что это?

В

Выставка «Алфавит для друга»

2015

В центре зала синий почтовый ящик. За окном гроза.

Входит режиссер Клоков. С ботинок капает, он обнимает Маркету, берёт стаканчик, озирается. Входит Донсон с тремя бэбиками и женой, с детей капает, они обнимают Маркету и орут. Входит Артыкин с букетом белых цветов, с цветов капает, он обнимает Маркету, берёт стаканчик, озирается. Входит Соня и озирается. Берёт стаканчик, второй стаканчик, потом третий. Уходит.

На стенах фотографии и открытки.

На открытках рисунки и буквы.

На фото режиссёр Клоков держит открытки как веер.

Анна, историк искусства, открытки на парапете Сены и сейчас улетят.

Соня в кафе с кипой открыток и бокалом.

Джим в семейных трусах, открытки разбросаны по полу.

Входят Джим с Адашевым, с них капает, они обнимают Маркету, озираются.

Маркета берет пятый стаканчик, подходит к микрофону:

Полгода в Париже рисовала алфавиты,

по букве на карточке, марки лепила.

Открытки пачками в ящик опускала,

в жёлтый парижский почтовый ящик.

Открытки летели в Москву и Питер,

в Вятку, в Париж, Ярославль, Женеву.

Спасибо, друзья, друзья, спасибо,

я всех вас люблю, я очень рада.

Артыкин дарит цветы, уходит. Режиссер Клоков обнимает Маркету, уходит. Соня уходит, хлопнув дверью. Донсон берёт стаканчики, жену, детей, уходит. Маркета падает лицом в почтовый ящик. Джим с Адашевым несут Маркету в такси через лужи.

Г

Гаттака

1995

- Джим, что ты напялил?
- Обожаю семейные трусы в клетку.
- Что будем смотреть?
- «Гаттаку», я – в пятый раз. Ложись, этот фильм надо смотреть лёжа. Вино я поставлю на пол.
- Итан Хоук охуенный.
- Ума Турман охуенная. А ты кто?
- Я Итан Хоук, ясен пень. Хотя нет, погоди, я хочу быть этим чуваком, который сделал титры. Титры охуенные. Беру их в свой канал титров.

Тогда Маркета носилась с идеей сделать телеканал, на котором будут транслировать только титры к фильмам. «Гаттаку» она брала в ротацию без вопросов. Сыплющиеся частицы тела, волосы под макросъемкой, вот это всё.

И потом, это был любимый фильм Джима.

- Джим, где мой кошелёк, швейцарский нож, очки? Как я попала домой?
- Просыпаюсь без всего этого, я просто не человек.
- Мы запинали вчера под диван. Отвёз тебя на такси. Приходи через полчаса на угол Спасской.
- Что у тебя с лицом?
- Это ты мне вчера наджабила во время фильма.
- ?.. Красивая царапина. Давай мои цапки.

Д

День рождения

1995

Пьют, пьют. Поют, Игги Попа поют. Джим как Игги Поп. Поёт и пьёт. Маркета стучит по бокалам. Кисточками по бокалам.

Идут, идут. По сугробам идут. Несут себя. Маркета падает. Джим тоже падает, поднимает её. Пурга. Долговязые фигуры. То ли мальчики, то ли девочки. Снова падают. Поднимаются. Идут. Падают. Смеются. Поднимаются.

- Так, мы сейчас вашу подругу заберём в женский вытрезвитель.
- Не надо, не надо, не надо, тут близко. Я веду её домой.
- Доведёте?
- Доведу.
- Доведёте?
- Точно доведу.

Е

Если будем живы

2002

- Я ничего не понимаю, почему так? Я вернулась в Вятку, а ты уезжаешь?
- Не могу больше пить. Мне надо сменить всё, всех друзей, весь круг.
- Мы съездим вместе когда-нибудь посмотреть на красивые домики?
- Если будем живы. Пиши. Салют.

Ё

1999

«Твою мать!» – заорал Джим, столкнувшись с Маркетой на углу Невского и Большой Конюшенной. Длинный, худой, мешки под глазами. Они не виделись пару лет, Маркета училась в Питере, Джим бухал на родине, изображая рок-звезду в местной группе «Музоры».

- Ты что здесь делаешь?
- Хотел в универ перевестись на иностранные языки. Не взяли. Решил договориться о концерте.

Ж

Желтая кофта

2000

– Я накупил целую кучу шмотья в секунде, выбери себе что-нибудь.

– Мне вроде не надо.

– Выбери, я хочу, чтобы у тебя от меня что-то осталось, чтобы ты помнила обо мне.

– Но тут дурацкие свитера три иксэля.

– Вот, смотри, Ив Сен-Лоран, кофта на пуговицах, бери.

Шафрановый цвет, как у буддистских монахов.

– Она на три размера больше!

– Бери, будешь носить поверх пальто, щас так модно.

З

Зоопарк

1999

Афиша: Группа «Бегемот». Клуб «Зоопарк». 23 мая в 19:00. И мелкими буквами внизу: разогрев – группа «Музыры» (Вятка).

Ничего себе. Джим приедет в Питер со своей группой.

– Джим, привет.

– О, Маркета!

– Ты можешь вписать пятерых?

– Конечно, могу.

* * *

– Вот вам пять билетов.

– Ты с ума сошёл?

– Для бегемотов есть список, для нас нет. Могу я позволить себе пригласить всех твоих друзей?

Они ходили после концерта между клеток с фламинго и павлинами, выпивали из горла, темно не становилось. «Зоопарк закрывается», – прохрипел мегафон. В одиннадцать вечера спрятались за вольером со спящим львом. Курили травку, спали в

обнимку на лавке. В семь утра сбежали на глазах растерянных дворников.

Хорошо, что ты приехал.

И

Игги Поп

1996

«А теперь для Маркеты из художественного училища песня Игги Попа «Ин зе дескар». Не болей, Маркета! Мы ещё споем Нирвану!»

Джим работал ночным диджеем на первом музыкальном радио, ставил всё, что хочет. Маркета фанатела от его эфиров. Дома вторую неделю с гриппом.

У Маркеты болеют все: она, мама, брат и папа. Грипп с кишечной палочкой.

Всех тошнит и поносит. Джим не может прийти к Маркете, она заразная.

I know that you have got the time / Coz anything I want, you do / You'll take a ride through the strangers / Who don't understand how to feel / In the deathcar, we're alive / In the deathcar, we're alive.

Й

Йога

2009

Айриш йога – любимый спорт Маркеты. Набираться, набухиваться, бежать во все ноги. Остаться одной, падать, застыть в нелепой позе там, где застал последний бокал. Маркета знала – проснётся утром дома, раздетая, в постели. Её не волновало, кто посадит в такси, доведёт до квартиры, разденет, подставит тазик. Часто этот человек спит рядом с ней, а утром делает вид, что ничего не произошло. Она привыкла к такому течению вещей. Всего три месяца в жизни она была одна. Никто не засовывал её в такси. Не подставлял таз. Не раздевал. Она могла очнуться на улице, в подъезде, где уютно.

Бросить пить. Я стара для айриш йоги.

К

Курсовая по живописи

1995

– Ты будешь мне позировать? У тебя красивая борода.

– За бухло буду.

– Коробка красного?

– Пойдёт.

– Только надень свое кейвовское пальто.

Приходит.

– Вот тебе бухло.

– Ты серьёзно? Я же пошутил.

– Тогда сиди и не двигайся.

* * *

– Долго ещё?

– Ещё час, терпи.

– Мне надо бухнуть.

– Так вот коробка красного.

– Ну ладно. Получается, я не шутил?

– Я сделаю курсовую картину по твоему портрету. Будет называться «Поезд ушёл».

2015

Муха-Цокотуха бьётся в стакане. С этого начинается спектакль Маркеты. Стакан сделал папа Джима. Склеил из оргстекла. Он – Самоделкин на пенсии. Маркета пришла в родительский дом Джима, принесла чертёж папе. На стене портрет. Бородатый парень с дворнягой на станции. Сумерки. На дальнем плане ж/д пути. Тусклый свет фонаря.

– Это же твоя картина, Маркета, «Поезд ушёл»? Дима оставил нам её перед отъездом. Он здесь такой несчастный. Несчастный мой ребёнок.

– Да, я ему подарила после защиты курсовой.

– Он так редко приезжает. А что у вас случилось с Димой? Вы не общаетесь?

– Да ничего, все ок. Общаемся.

Общаемся, блин. Привет, пока, хорошей дороги.

Л

Ливайс 501

2008

Джим в Москве, модный звукорежиссёр. Он бросил пить. Живет в пяти минутах от Ярославского вокзала. Маркета часто останавливается у него.

– О, ты все ещё носишь мою жёлтую кофту. А меня друзья врубили в Ливайс 501, теперь я ношу только 501, а у тебя есть ливайсы?

– Нет у меня ливайсов.

– У Адашева жена такая у-ух, держит его в узде, ему нужна мама. У Бирюкова подруга Саша на голову выше его, разрешает ему бухать. Ну а мне никто не нужен, я дружу с проституткой. Я не верю в любовь. Подруга оказалась талантливой, я ей на Новый год подарил камеру. Она бросила свой ебобизнес и пошла в журналисты. Теперь фотограф в журнале. А ты теперь с кем?

– С Соней.

– Я её знаю?

– Нет.

– Мы едем по Европе с Адашевым и Бирюковым. Поедете с нами?

– Джим, театр – это подводная лодка, я не могу ездить куда хочу когда хочу. Если вдруг доберешься до Музея Ван Гога, пришли мне открытку.

М

Магнит и Пераст

2011

– Маркета, привет! Ты где?

- Я в «Магните», покупаю еду по списку. А ты?
- Я в Перасте. Тут идеально. Бросай всё и приезжай.
- Пакет молока, один литр. Я не могу. У меня через неделю премьера.
- Блин, Маркета. Ноябрь месяц, тут нет туристов, я снял квартиру, есть комната для тебя, будешь рисовать свои долбанные черепичные крыши.
- Маслины чёрные. Две банки. Я не могу, у меня нет визы.
- Виза не нужна, только паспорт.
- Томатный соус «Принто». Джим, я очень хочу в Пераст. Но...
- Я понял. Не в этот раз. Ты не можешь сбежать с подводной лодки.

Н

Невеста Маша

1999

- Мама, привет, скоро приеду на каникулы.
- Привет, доча.
- Какие у вас новости?
- Маша вышла замуж.
- За кого?
- За Диму.
- За моего Джима?
- Нет, за другого Диму, пианиста.
- Блин, бедный Джим, ты не знаешь как он?
- Видела его маму в магазине. Говорит, Дима взял топор и уехал в лес. Неделю нету.

В Машу были влюблены все, и Джим, и Маркета, и Ник из «Хоббита», и Макс из «Ушёл погулять». Маша была их музой, она собирала на кухне всю богемную поросль, и все посвящали ей песни, картины, стихи. Её старший брат открыл первое музыкальное радио в городе, назвал его именем сестры и обеспечил работой всех Машиных поклонников. И Джим, и Ник, и Макс работали на радио «Мария».

Как-то Джим и Маркета встречали Новый год с Машей. Под утро её голова лежала на коленях Маркеты, её ноги – на коленях Джима, казалось, они достигли полной гармонии.

Потом Маркета закончила училище и уехала с Лизой в Питер, учиться в академию.

Джим остался с Машей, у них вроде бы всё сложилось, но появился пианист Дима, и классическая музыка победила рок.

О

Открытки

2014

Джим, привет. Я уволилась из театра, продала все лучшие картины и еду в Париж, прикинь, делать арт-проект. Рабочее название «Алфавит для друга». Наверное, догадываешься, для какого. Я отвечу тебе на все твои открытки за шесть лет. Нарисую сто, двести, триста почтовых карточек с буквами и зову тебя. Проверяй свой ящик каждый день, сканируй и посылай мне сканы по мейлу. Да, ещё сделай свою фотку с открытками, мне надо для проекта.

П

Пуэр

2013

- Пуэры, свежие пуэры! Свежие варёные пуэры для Маркеты! Маркета, вставай пить чай.
- Я не хочу вставать. Зачем?
- Чтобы выпить чашку пуэра и выйти в город.
- Ты со мной пойдёшь?
- Нет, я работать, к вечеру надо написать джингл для ролика. Вернёшься и покажешь мне фотки.
- Сегодня католическое Рождество, давай сходим в храм. Послушаем орган.
- Во всех львовских храмах жуткий дубак, я не выдержу дольше пяти минут. Лучше засядем на балконе, я буду пить пуэр, ты вино. Будем смотреть на собор. Запишу звук Рождества на

рекордер. Через год ты снова загрустишь, я пришлю тебе звуковую открытку.

Они поехали во Львов после смерти Веры. Маркета сходила с ума от одиночества, её голова поставила на повтор момент, как врач отдаёт ей пластиковый пакет на молнии с оранжевой резинкой для волос и нательным крестиком.

Джим купил билеты и забронировал апартаменты с видом на собор святого Андрея, откуда уходил с войсками на Москву Лжедмитрий. В одной комнате была огромная кровать кинг-сайз, в другой – кожаный диван и обеденный стол. Джим достал из сумки огромные колонки, ноутбук, наушники и засел на несколько дней. Вышел только раз с Маркетой до секунда, по старой привычке – закупить ненужного шмотья. Спал на диване в свитере и джинсах, потому что тип с быстрыми глазками, который их заселял, долго не мог понять, зачем нужен второй комплект постельного белья. «Мы друзья, у каждого по комнате, нам нужен второй комплект». Тип так и не поверил, но бельё привёз через пару дней.

Р

Ребёнок

2012

– Джим, ты красивый. Станешь отцом нашего ребёнка?

– Блин, Маркета. Вашего – это твоего и?..

– Я тебя познакомлю. Мы с Верой ходили к репродуктологу.

Матерью точно будет она, она моложе и ребёнка хочет сильнее. Начали выбирать донора, но там даже фоток нет. Русский, без вредных привычек, глаза зелёные, группа крови вторая – всё! Подумали, что хорошо бы у будущего малыша был воскресный папа. Чтоб типа он знал, кто его отец.

– Это сильно, Маркета, я подумаю.

– Врач сказал, что донором не может быть любой. Можешь сдать спермограмму?

С

Сигарета

1992

Под памятником Ленину Маркета сидит. Курит сигарету L&M.

– Хей, герл, хау а ю?

– Ты чо самый умный, раз в футболке «Перл Джем»?

– Да нет, просто шёл мимо. Я, кстати, Джим. Живу тут рядом. За той оградой двор. Пошли? Я купил пиво. Завтра у меня выпускной.

– Да ты мелкий! Пошли.

Т

Таллинн

2019

Маркета клеит макет.

Складывает в коробку.

Садится в поезд.

Таможня:

– Что в коробке везём?

– Макет.

– Открываем.

Это зачем?

– В русский театр, сцены макет.

Таллинн сырой. Идти на рынок, сидеть под ёлкой, пить глинтвейн, вспоминать.

Лето 1994, Таллинн, первая поездка. Денег мало, Маркета и Джим тощие, лохматые. Все принимают их за братьев. Они валяются в траве, плятятся в небо. В небе салют, в воздухе вибрирует песня Procol Harum «A whiter shade of pale». Фестиваль «Рок саммер», толпы людей. Маркета теряется в толпе, плачет, бредёт от сцены к сцене. Спрашивает у волосатых эстонцев по-русски, где западный вход, «Ей са ару, вабандаге», – отвечают они, снова бредёт, плачет, наконец, находит Джима.

«Маркета, ты где потерялась? Я чуть с ума не сошёл».

Джим, где ты потерялся?

У
Утро
2019

Одиннадцать утра. Маркета в кровати, смотрит вверх. Яркая белая линия пререзает потолок. За блэкаутами солнце. Боже, какое счастье просыпаться не одной. Какое на фиг одиночество, какое базовое состояние? Никогда больше не хочу просыпаться одна.

/ Ты зануда, Джим. / А тебе, Маркета, тебе никто не нужен по-настоящему. Только твои рисунки. Твои линии, дома, проекты. / А ты ворчишь на всех и учишь жизни. Ты боишься близости, Джим. / А ты идёшь к цели и перешагнёшь через человека. / А ты носишь меховые чуни и даришь на день рождения шерстяные носки. Пенсионер! / А я в тебя сейчас супом плесну. Кину огурцом. / А я залеплю тебе рот пластырем. / А ты пьяница. / А ты старик в душе, и всегда был стариком. /

Маркета смотрит на Варвару. Во сне она закинула руки за голову и улыбается как ребёнок. Белая линия на потолке потеряла четкий контур и расплылась.

А ты трудоголик. / А меня достали твои бесконечные подружки, Лиза, Вера, Соня, я даже все имена не помню! Я не обязан им всем улыбаться и носить вам тяжести. / Зато я сплю не одна, а ты любишь ту, которая спит всю жизнь не с тобой. / А ты самовлюбленная сука в маске Уорхола! / А ты доморощенный певец, алкоголик в завязке, проповедующий ЗОЖ! /

Чёрт, почему Джим мне не отвечает?

– Маркета, который час?

– Полдвенадцатого. Просыпайся, моя богема.

Ф
Филологическая практика
1994

– Маркета, идём копать червей. В четыре утра на рыбалку.

– В четыре? Так рано зачем?

- Клюёт.
- Щас ночь, ничего не видеть, что за черви!
- Фонарик возьмём.
- Давай черви и рыбалка в десять?
- В десять сбор материала. Я ж филолог, ёбтыть.
- Что будешь делать?
- Выйду в народ с диктофоном.

* * *

– Джим, клюёт?

– Пока нет.

– Спать, обратно на дачу?

– Маркета, жёлтый туман, смотри, ты же теперь художник!

* * *

– «Девки, девки, чо спитё? Дайте ткнуть, откель ститё».

Маркета, вставай завтракать.

– А-а-а что-о-о на-а за-а-автрак?

– Жареная рыба, съевшая ночных червей.

Х
Хрусталь
1992

– Мы будем пить из хрустальных кубков!

– Ого, у тебя большая комната! Ты в ней один или с братом?

– Один. А сидеть будем на полу, как индийские короли.

Мама, спасибо за еду, больше не заходи ко мне в комнату.

– Ты фанат гранжа? Что это за постер? Ой!

– Блин, Маркета, ты что, я же только поставил бокалы!

– Прости, я слепая. Вообще, у меня очки, но я их не ношу.

– Мама будет плакать. Последний бабушкин хрусталь. Фигня, не расстраивайся, я тебя прикрою. Это постер «Перл Джем» из Америки.

Ц

Цветы в горшке

2011

Маркета, привет!

Живая ли? Давно ничего нет от тебя. Я всё придумал. Ты будешь богата.

Искал для племянницы подарок – это невыносимо трудно: все игрушки одинаковые, тупые. Нашёл и заказал через интернет кукольный дом, к которому отдельно можно докупить мебель, посуду, цветы в горшке, лампочки, пианино. Ребёнок в восторге.

Фабричные кукольные дома – это ширпотреб и нищезлобство, а долларов тыщ за 10-50 люди покупают рукодельные дома, и вот те хороши нереально. Маркета, это золотое дно. Займись!

Ч

Чувак

2014

Маркета, привет!

Ездил сегодня на аэродром встречать чувака из Таиланда. Он там завёл себе кучу друзей, пока три недели подлечивался от офисной апатии и алкоголизма, и вжился как-то в эту систему, когда тебе искренне радуются, и с пол-оборота смеются, и обижаются как дети. Глупый белый человек посеял там вирус мизантропии, но основа никуда не делась и здорово приятелю поправила мозг. Я поверить не мог, что слышу от него настолько несвойственные концепции. Просветлило чувака, даже завидно)) Подумай-ка о затяжном путешествии к азиатам. Научись воспринимать одиночество как базовое состояние, накопи денег, и на месяц порисовать, фруктов поест за копейки. Будешь как Гоген, круто же.

Ш

Шекспир

2002

Маркета за кулисами. На сцене все умерли. Аплодисменты.

Занавес. Все мёртвые поднимаются. Занавес поднимается, они кланяются. Режиссер Клоков хватает Маркету за руку и тащит на поклон. К Маркете подходит Лиза с букетом, Маркета улыбается, благодарит, снова кланяется, запинаясь, падает, роняет букет. Встает, кланяется, режиссер Клоков уводит Маркету. Это называют в театре премьерой. Мучение.

– Ты был?

– Я ушёл после первого действия.

– Почему? Это так важно для меня, чтобы ты досмотрел до конца.

– Не увидел любви. Прости. Ромео хоть бы мизинца её коснулся.

Дело не в тебе. Это режиссёр и актёры. Я им не верю.

Щ

Щи

2016-2019

Джим, привет!

Наконец-то мы в одном городе и будем часто видеться.

Пока живём с Варварой у писателя Страусова. Он уехал на год в Черногорию и пустил нас пожить. Приходи в гости.

Привет, Маркета!

Я пока завален работой и прийти не могу. Удачи.

Джим, привет!

Завтра делаю домашнюю выставку «Шинель», собираю народ после семи.

Приходи! Улица Симонова, дом 7, пять минут от метро «Аэропорт».

Привет,

я сейчас в Вятке с родителями, удачи с выставкой.

Джим, куда ты пропал?

Мы сняли большую квартиру на Красных Воротах. Накопили сто пятьдесят вещей, для нас слишком тяжелых. Можешь помочь с переездом?

Маркета, привет!

К сожалению, помочь не могу – срочный проект, из дома не выхожу, работаю, не вставая, третьи сутки. Удачи с переездом!

Джим, привет!

Мы теперь живём рядом! Закончил проект?

Приходи есть щи. Я наварила огромную кастрюлю.

Познакомлю тебя с Варварой.

Привет, Маркета

Ты как ребёнок. Удачи со щами.

Привет!

Джим, привет! Хотела пригласить тебя на день рождения 6-го в воскресенье. Будут Донсоны, Артыкин, Россохин. Я теперь живу недалеко от тебя, Басманный тупик, 5. Буду очень рада тебя видеть.

Ъ

2015

Твёрдый. Какой твёрдый предмет уперся в лопатку. Чёрт, очки. Надо перевернуть... поворота... тья...

Твёрдый. Какой твёрдый предмет уперся в грудь. Телефон?

Надо встать. Надо встать хотя бы на четвереньки.

Какой странный клетчатый пол.

Какие смешные разноцветные горошки.

Где я? Дома?

Боже, какой грязный пол.

Ключи, наверное, в дверях, кто довёл до квартиры?

Юношеская привычка пить напитки одного цвета. Янтарный виски. Янтарный коньяк. Снова янтарный виски. Последнее, что помнит Маркета, – она на заднем сиденье такси, сверху падает охапка цветов. Их кидает Джим. Маркета доползает до входной двери, хватается за ручку, подтягивается, встаёт. Дверь открыта. Ключи торчат с той стороны. На часах шесть утра. Плащ в странных разводах. Очки не разбиты, слегка погнулись. Цветы в унитазе, как в вазе. Смс от Джима: *Ты доехала? Ещё раз с открытием. Крутая атмосфера, работы на высоте, но моя фотка в трусах лишняя.* Маркета не в силах раздеться. Пьёт воду из пластиковой бутылки, ставит на пол и падает на кровать.

Ы

Ыыыыыыыыыыыыыыыыыыыы (плач Маркеты).

Ь

2016

Мягкий. Джим говорил, что записывал на рекордер звук в лесу на все стороны света. И что южный звук очень мягкий, отличается от северного и тем более уж от восточного и западного. Маркета сидела на окне. Окно выходило на юг. Она закрыла глаза. Стук электрички, гудок паровоза, лязг стройки, сирены, качели на детской площадке. От всех этих московских звуков разрывалась голова.

Как Джим живёт здесь столько лет?

Жалко, что он не отвечает мне.

Спросить бы его, чем южный звук отличается от северного.

По-моему, никакой он не мягкий.

Она пила пуэр, сидя на окне. Чай пах так же, как тогда Джим: копотью, землёй, чем-то базовым.

Э

Эгон Шиле

2011

- Чем ты живёшь, Джим, что радует тебя сейчас?
- Простая еда. Вот, например, огурец. Смотри, какие большие огурцы продаются теперь в магазинах.
- Это да. Но вот я. Хочу стать таким же крутым рисовальщиком, как Эгон Шиле. А ты? Работаете из любой точки мира, у тебя есть деньги. Но зачем это всё?
- Шиле умер в двадцать семь. И если выбирать, стать как он и умереть в двадцать семь, или никем не стать и умереть в семьдесят пять, то я выбираю второе.

Ю

Юность №2

2053

- Жёлтый электромобиль скользит среди полей подсолнухов. Маркете семьдесят девять, Джиму семьдесят семь. У Джима – безалкогольный абсент, у Маркеты – яблочный сок со льдом. Джим лысый, с седой бородой. Маркета в бейсболке задом наперед, сморщенная, как черепашка, в тёмных очках на пол-лица. Бот Эд: «Поворачиваем направо и едем прямо девять километров, желаете послушать любимую музыку? Могу предложить плейлисты: нью-ньювейв, готик-панк и ретро-гранж».
- Эд, включи «Нирвану», убавь кондиционер на один градус и налей мне ещё.
 - Джим, за что ты обиделся на меня тогда, в 2015-м?
 - Ты выставила мою фотку в трусах на всеобщее посмешище.
 - Бог мой, твое фото стало тогда украшением выставки. Весь проект потом купили, тебя не греет, что ты в семейниках теперь в собрании «Тейт»?
 - Да плевал я на «Тейт».
 - Наконец-то я увижу «Едоков картофеля».
 - Почему ты так любишь эту картину?
 - Не видела её живьём. Видела «Башмаки» в Париже, «Авто-

портрет с отрезанным ухом» в Цюрихе, «Подсолнухи» в Лондоне, «Едоки» – мой гештальт.

- Стоп, Маркета, что ты сказала Эду? Куда мы едем?
- Сначала в Делфт, потом в Амстердам.
- Блин, Маркета, зачем в Делфт?
- Помнишь, в 2007-м ты прислал мне открытку из Делфта?
- В 2008. Я был там в 2008.
- Нет, по-моему, в 2007.
- Чушь, Маркета, это было осенью 2008. Я писал тебе про палевые поля.
- Ну хорошо! Всё равно. Сначала Делфт.
- А Ван Гог? Выставка к грёбаному 200-летию?
- Доедем. И когда я увижу «Едоков картофеля», я крикну в твое глухое ухо «Да! Да! Да!»

Я

Я думаю о тебе

2020

Ты стоишь на балконе в семейных трусах в клетку и куришь. Дома тебя ждут наушники, бегающие столбики звука на мониторе, простая еда, много работы. Ты выдыхаешь дым и не знаешь, что я думаю о тебе.

Маркета и Джим живут рядом, как тридцать лет назад. В юности их дома разделяла площадь с памятником Ленину и короткая улица с одинаковыми жёлтыми сталинками. Теперь Джим живет на Красносельской. Маркета каждый день гуляет в сторону Сокольников мимо его дома. Балкон на седьмом этаже. Раньше Маркета и Джим часто стояли в темноте и смотрели, как уменьшаются цветные огоньки машин.

Анна Аксёнова*

Выстрелить и рассмотреть

Девочка под бережком

У других девочек всегда есть что-то, чего нет у меня.
У одной в земле под стеклом цветочный секретик.
Другая свободно говорит на ангельском языке.
Третья с глазами как сварка,
Мужчины смотрят и слепнут,
Несут ей меха и золото.
Спотыкаются, но несут.
А еще есть такая девочка,
Девочка под бережком.
Моя тётя сказала:
Если я буду плохо себя вести,
Её вместо меня возьмут в дом.
Ей
Отдадут мои чистые платья,
Отдадут мои рваные шорты,
Сандалии отдадут.
Мама, мама,
Если я пахну тиною и рыбой,

* *Поэтическая мастерская Евгении Коробковой и Михаила Эдельштейна*

Это не я.
Не верь ей.
Я вместо неё
Под бережком.
Сижусь и реву,
И река ревет вместе со мной.
Я вырасту, и у меня тоже будет секретик.
Я вырасту и выучу все человеческие языки.
Я вырасту, и мужчины меня погребут
Под стогом норок и соболей.
Ведь во мне есть тоже что-то,
Чего нет у других девочек.
Мама, ты, пожалуйста, проверь,
Это всё еще я
Или девочка под бережком.

Выстрел

Над двором кружится ястреб.
Он улетает.
Мама сразу возвращается в дом.
Звонит, говорит соседям:
«К вам полетел ястреб.
Он кружился над нашим двором».
Наверно, они там сейчас
Выходят из дома в юбках цветастых.
Хлопают, чем-то гремят,
Чтобы он улетел в поля.
Он мне часто снится.
Мне хочется рассмотреть его совсем близко.
Бросить в него камень
Или выстрелить из ружья.
И рассмотреть его
Совершенно близко.

Цветы говорят

Почему-то мне всегда кажется,
Что цветы говорят со мной.
Осторожно лью воду в горшок,
И земля благодарно шуршит.
Мне не нужно перчаток,
Чтоб пересаживать кактус святого Петра.
Он испуганно колет мне пальцы.
Я молчу. Я знаю, что вслух
Утешать такой большой кактус
Не стоит.
В новом горшке ему станет лучше,
И скоро он сам всё поймет.
Фуксия царствует на балконе.
И такая она нарядная,
И такая она небрежная,
Что кажется, соловьи
Поют исключительно для неё.
Мне неловко при ней курить.
В центре кухонного стола
Мой новый цветок, бальзамин.
Я каждые полчаса заглядываюсь на него.
Он широко распахнутым розовым зевом
Изучает меня в ответ.
Мне страшно, что что-то
Может случиться
С моими цветами,
Что солнце на них
Как-то не так посмотрит,
Или московский воздух иссушит их.
Но ещё страшнее,
Что я перестану
Их замечать,
Как обои и стул или шторы,

И цветы обидятся
И перестанут со мной говорить.

Заброшенная усадьба

Неужели вот так же
Чужой человек
Переступит провал ступеней.
Осторожно сгорбившись,
Войдёт
В поникший к земле
Мой дом,
Брезгливо обойдёт ворох курток,
Отчаянно пахнувших человеком,
Разглядит в углу
Кипу нахохленных книг,
Но в сумраке не различит названий.
Да и некогда.
Лучше скорей выбиратья,
Пока не свалилась кровля,
Пока чужая память не накинута жадно,
Пока свет, перемешанный с пылью и паутиной
Не приручил глаза.
Но снаружи солнце ему не поможет.
В прищур темноты
Уже проскользнули.
Он тоже увидит.
Женщина прячет новые туфли в сундук.
Ей негде ими форсить.
Мальчик сжимает ракетку.
Ему не с кем здесь поиграть.

В 20 лет перестала считаться поэтом,
Но тосковать по словам не перестала.
Порой,
Перетряхивая себя, как сумочку,
Нахожу
Такую вот безделушку.
Откладываю её
И вроде выкинуть жалко,
Но на кой чёрт она нужна?
Так и ношусь с собой,
Распихиваю укромно
По самым крошечным карманам,
Чтобы никто не счёл
Меня городской сумасшедшей.
Но иногда в гостях услужливая хозяйка
Сумочку – цап – из рук:
«Вот это тяжесть какая!»
А я стою, обомлев,
И
Не нахожу оправданий.

Женские стихи,
Хрупкие как витрина хозяйственного магазина.
Не в блеске парижских лекал,
А ниточка к нитке, строчка за строчкой.
Посмотрите, это платье я сшила, кстати, сама.
Правда, чужими руками
Восточных женщин
С глазами как месяцы лун,
Как гипюр, которым ночью обтянуты горы,
Влажный и невесомый,
Наблюдающими равнодушно,

Как из гремящей скальной махины
Тянется шёлковый луч.
Миллион одинаковых платьев
Для непохожих женщин,
Которые пишут стихи,
Не боясь уколотся.

Моя вечно худеющая подруга ждёт,
Когда отраженье в зеркале одобрит её внешний вид,
Когда она без содроганья подумает о собственном теле.
Я радуюсь вместе с ней
Каждой налезшей юбке
И кольцу, ставшему снова впору.
Говорю: если бы только ты могла
Посмотреть на себя моими глазами.
Но она не может,
Просто не может.
А я не могу ей сказать, что все это чушь –
Все ушедшие килограммы,
Потому что тело наше – неверный друг.
Оно то сохнет, то разбухает,
То разодрано и кровит,
То совсем каменеет
И встать не хочет.
И тогда приходится встать самой,
Посмотреть на него глазами
Тех,
Кто берёт тебя и прощал,
И оставить его в покое.

Девочка, милая девочка,
Ты надеваешь тоненькие колготки.
Посмотри, какая стрелка по ним пошла.
Так же точно расплзается время.
И жизнь человеческая –
Всего лишь дыра, сквозящая
В сторону смерти.

О материи

Тебе расскажут морщины,
О тщетности чувств и слов –
Любящие мужчины.

Девочка, милая девочка,
Я мог бы тебя научить
Быть крепче кремния,
Неуязвимей песка.
Я мог бы тебя научить
Быть опасней воды.
Но пока ты пытаешься
Замазать бесцветным лаком
Дыру на колготках,
Бесполезны мои труды.

Алексей Алёхин*

Ринг и где-то рядом

Смотреть, как течёт слюна изо рта твоего любимого актёра, – довольно неловкая ситуация. Микки Рурк в боксёрских перчатках напротив темнокожего парня в красных трусах. Уклоняется от удара, слюна продолжает течь, на губах безумная усмешка. Я сижу за столом у ринга с джойстиком от PlayStation в руках. Вокруг больше пяти тысяч человек. Я слегка накурен, но стараюсь быть профессионалом и управляю ударами Микки.

* * *

Бокс я полюбил в конце первого курса философского факультета. Однажды вечером наткнулся на трансляцию первого боя Эвандера Холифилда против Майка Тайсона. Майк, которого я считал тупым амбалом – быстрый и ловкий, как кошка. Холифилд впечатляет волей и коварством – не боится ударов Тайсона, постоянно его обманывает и когда рефери не видит – бьёт головой. Я заинтригован – то, что казалось грубой дракой, выглядит хитрой игрой, яростной шахматной партией и самым жестоким из искусств.

Бокс – моё первое увлечение, на которое никто не влиял. Книжки приучила читать мама-учительница. В гуманитарный

* *Мастерская Ольги Брейнингер «Автофиксин: герой, автор и психоанализ»*

вуз помог устроиться отец, когда понял, что я не сдам вступительные экзамены ни по одной точной науке. Все мои любимые группы – кассеты старшего брата.

Боксёры становятся моими рок-звездами. Смотрю все бои по ТВ. Езжу на «Горбушку» покупать диски со старыми поединками, читаю в интернет-кафе биографии чемпионов. Разговариваю фразами вроде «у каждого есть план, пока в него не попадут», «если ты сдашься, то легче не станет», а когда мне весело – «бить по кончику носа, чтобы загнать кость в самый мозг». В перерывах между парами толкаю однокурсникам телеги о том, что «“Рокки” – худший фильм про бокс в истории кино, а вот “Бей в кость”, “Жирный город” и “Свой парень” с Микки Рурком – это тема. В конце концов, Микки и сам восемь боёв провёл».

* * *

В моём первом боксёрском зале на Курской нет ринга. Занятия ведут КМСы-белорусы слегка за тридцать. Минимум у трёх тюремные сроки. «Как у всех боксёров, за разбой и причинение тяжких телесных повреждений», – объясняет главный тренер. Все исключительно вежливые и тщательно следят за словами – я очарован этой гангстерской сдержанностью – однокурсники регулярно ссорятся и истерично орут, а дома – скандалят родители.

Самый смешной момент любого занятия – когда тренер показывает очередную связку, потом задумывается, почёсывает нос и произносит с более мечтательной, чем обычно, интонацией: «а вот на улице...». Становимся полукругом и слушаем, как оно – на улице.

После полутора лет тренировок решаюсь на первый бой. Соревнования проходят в клубе «Golden Boxing» в центре Москвы (клиенты из списка «Форбс», кофе на ресепшене по цене бурбона, в коридорах фотографии звёзд бокса на местном ринге). Оппонент – друг моих друзей. Чем ближе день боя, тем более уязвимым я себя ощущаю. Пугает не соперник, а сама ситуация, что кто-то готовится меня избить.

В день соревнований на нас шлемы и тяжёлые перчатки, в которых кулаки не сжимаются до конца. В бою время растягивается – потом прочитал, что это один из симптомов сильного стресса. Обдумываю каждый удар, а когда раздаётся гонг, мне кажется, что прошёл час. Во втором раунде я в панике. Руки не поднимаются, отдал все силы в прошлой трёхминутке и слышу смех из зала. «Мне продолжать?», – мямлю в перерыве. Тренер выталкивает меня на следующий раунд. Когда я свыкся с тем, что провожу бой, раздаётся финальный гонг. Рефери объявляет ничью. На мне нет ни одного синяка – мы так и не смогли толком друг друга ударить.

* * *

После вуза работаю продавцом мобильных телефонов, грузчиком в магазине игрушек, торгую DVD-дисками и наконец становлюсь управляющим магазина кино на Покровке. Утром первым делом смотрю выручку за вчерашний день, вторым – новости бокса в интернете. Взаимная ненависть Марко Антонио Барреры и Эрика Моралеса кажется более реальной, чем мои конфликты с продавцами (опаздывают на работу, обсуждают в торговом зале чужих подружек, виртуозно хамят клиентам). Надеваю рубашку с коротким рукавом, когда предплечья в синяках, но стесняюсь разбитых губ.

Перед вторым боем учусь вырваться из болевых и удушающих приёмов. Мы с тренером решили выступить на турнире по уличным боям «Стрелка». Их соревнования проходят на заводах, старых фабриках, бывало даже на списанном ледоколе. Суббота. Мы на Заячьем острове в Питере. Вокруг шумит автошоу. Столбы ринга вбиты прямо в землю, на них натянуты корабельные канаты, внутри – песок. Лимита по времени нет, деления на раунды – тоже. Участники дерутся в лёгких перчатках до тех пор, пока кто-то не сдастся или не упадёт в нокаут. Тренер фотографирует меня, когда подписываю бумагу, что сам несу ответственность за любые последствия и травмы.

Всех представляют прозвищами. Передо мной «Дикая Панда» проигрывает «Монтажнику», «Бешеный Псих» побеждает «Злого Еврея», а «Казах с пакетом» избивает «Лопату». При росте 185 я вешу чуть больше 60 кг и прошу представить меня «Белым червём». На выходе поднимаю руки и изображаю мелкую трясучку. Мой оппонент «Фёдор-кузнец» на полголовы ниже и в два раза шире. «Разобью ему хлебальничек с дистанции», – говорю тренеру перед тем, как он надевает мне капу на зубы.

Стараюсь быть профессионалом и запомнить каждое мгновение. Кузнец резко меня бросает, а когда барахтаюсь на земле – наваливается на спину. Ногами обхватывает мою талию, а правой рукой перекрывает кислород. Кажется, что соперник хочет вдавить мне кадык в позвоночник. Стучу по его руке – сдаюсь. Бой, к которому мы с тренером готовились полтора месяца, продлился двадцать две секунды. «Возможно, это просто не твоё. Подумай», – говорит он. Большую часть дороги домой в «Сапсане» мы молчим.

* * *

Прибыли нашего уютного магазина кино падают из-за торрентов. Модная молодёжь любит музыку на виниле, но фильмы – качает из интернета. Дистрибьюторы DVD-дисков тихо, но быстро вымирают. Мы расширяем ассортимент за счёт бархатных медведей с пенисами, холщовых сумок с портретами писателей, настольных игр для влюблённых, магнитов, смешных обложек с названиями несуществующих книг и тонн виниловых пластинок.

За год меняю три места работы (управляю магазином католической книги, составляю программы для онлайн-кинотеатра, делаю контент для соцсетей салона красоты). Наконец, приземляюсь в боксёрском клубе «Golden Boxing», где проводил свой первый бой, – единственная работа, связанная с боксом, которую мне удалось найти.

* * *

Поднимаюсь на ринг. Помощник разводит канаты, я наклоняю корпус, выпячиваю зад и перешагиваю между ними. Мне подадут табличку с цифрой 1.

«Смотрите, – говорю я и поднимаю табличку над головой на вытянутых руках. – Нужно делать вот так». «Не так», – опускаю табличку к груди. «И не так», – приподнимаю согнутые руки на уровне лица. Обхожу ринг вдоль канатов, останавливаюсь, поворачиваюсь лицом в зал и улыбаюсь. За мной следят тридцать две девушки в бикини и на каблуках. Я успел бегло посмотреть их анкеты. Две официантки-кубинки (у одной огромная силиконовая грудь, вторая в очках), несколько стриптизерш и четыре мастера спорта по художественной гимнастике. Есть тренер тайского бокса с татуировкой пистолета на заднице, гимнастка, пережившая падение с четырёхметровой высоты, и синеволая кандидатка филологических наук в поисках жести и веселья. Инструктирую девушек перед кастингом ринг-гёрлз. Три победительницы через неделю будут носить таблички между раундами на вечере бокса. Моя работа в «Golden Boxing» – вести соцсети и «помогать с мероприятиями».

Администраторы и тренеры клуба заигрывают с девушками. Я зануден и общаюсь подчеркнуто вежливо. Лучшая из моих попыток превратить заторможенность в обаяние.

Вечер бокса так и не состоялся – на следующий день после кастинга боксёру с афиши выстрелили в лицо из травмата. Я приглашаю в кино одну из несостоявшихся ринг-гёрлз (двадцать пять лет, работа – «интересная», самое большое потрясение в жизни – «потеря лучшего в мире кота», самый большой страх – «танцевать на слишком узкой барной стойке»). Чтобы позвонить Алисе мне требуется тридцать минут – стараюсь унять тремор в руках и тупо смотрю в телевизор, где идёт бой Джеймса Тони против Василия Жирова. Мы начинаем встречаться. Смотрим мои любимые фильмы («Домино», «Поцелуй навывлет», «Пуля») и бои. Устраиваю её носить таблички на другом мероприятии.

* * *

Любой боксёр согласится, что самое страшное – ждать боя в раздевалке. Уже в перчатках разминаться, сидеть с закрытыми глазами или тупо смотреть на дверь, в которую вот-вот постучат и дадут команду идти к рингу. Тук-тук – сегодня это я. Наш клуб – площадка для небольших промоушенов, которые проводят вечера на 200-300 человек и без трансляций на крупных каналах. Слежу за боями в зале и, когда остаётся два раунда или бой заканчивается нокаутом, быстро бегу в раздевалку за бойцом из следующей пары. Иногда меня просят достать воду, сухой лёд или смекту.

Первым к рингу всегда выходит боец синего угла (парень из другого города, иностранец или местный чувак, на которого всем насрать). Вторым – боец красного угла (юное дарование, местный герой или обладатель регионального титула). Уже несколько месяцев я вывожу «синих», потому что говорю по-английски.

Впервые наблюдаю профи бойцов вблизи – в реальности всё грубее и драйвовее, чем по ТВ. Самые веселые и дерзкие – легковесы, полулегковесы и другие «мухачи». Тяжи нервничают сильнее остальных. Аргентинцы всегда весёлые, колумбийцы – молчаливые и мрачные, поляки – гордые и подчеркнуто учтивые. Один раз вижу, как жена-никарагуанка тейпирует мужу руки, а потом кричит указания из угла во время боя. Веду к рингу танзанийцев с ошалелыми глазами – обычно они прилетают в день боя и их рубит от акклиматизации. Попадаются филиппинцы – часто они выступают на две-три весовые категории ниже, чем их российские оппоненты, но желание заработать делает ребят стоворчивее.

За девять месяцев четыре раза вывожу драться узбека по имени Носир (переломанный нос, полное отсутствие мимики, вежливые манеры). Узбек работает на стройке и его зовут, когда молодого боксёра нужно проверить в бою против стойкого, но не особо опасного оппонента. Похоже, что для Носира (четыре победы, четырнадцать поражений и две ничьих) это больше,

чем просто подработка – он всерьёз пытается выиграть каждый поединок. Пару раз я вижу, что он явно выигрывает бой, но судьи отдадут победу сопернику – они не любят портить послужные списки молодых парней поражениями от строителей и грузчиков.

* * *

Турнир по боксу для сотрудников ФСО. Я рычу в микрофон: «Давайте пррррриготоооовимся к мясорррррруууубкеее!» – вольный перевод легендарной фразы Майкла Баффера «Let's get ready to rumble!» Обконьяченных генералов и трезвого почётного гостя, абсолютного чемпиона мира Костю Цзю это не впечатляет. Ринг-анонсера Баффера выписывают, чтобы завести многотысячную толпу на топовых боях в Лас-Вегасе, Лондоне и Москве. Меня – когда неохота платить ведущему с «Профи.ру», комментатору с кабельного канала или актеру эпизодов.

Мой профиль – открытые ринги для спортсменов, турниры среди сотрудников силовых ведомств и мелкие чемпионаты по силе удара. Последние – самые муторные. Семь часов я (пиджак, бабочка с черепами и стопка анкет в руке) стою рядом с мешком-силомером и представляю людей, которые по нему бьют. Обычные и VIP-клиенты клуба, футбольные фанаты, рдноверы с коловратами на бицепсах, диванные болельщики, фитоняшки, стронгмены, пара профи бойцов-нонеймов и куча детей. После каждого удара на табло появляется цифра – сила удара в килограммах. Громко объявляю её в микрофон и прошу аплодисментов у толпы в триста человек. Отходняк от таких вечеров – как после ночи в плацкарте.

«Король – орёл, орёл – король», «Саша по шоссе...», «Вёз корабль карамель...» – полчаса в день трачу на скороговорки, которым меня научили на экспресс-курсах для ведущих. Каждое утро начинаю с гудения (стою на цыпочках, голова поднята вверх, звук идёт от диафрагмы) – это должно сделать мой голос менее монотонным. Вечерами занимаюсь перед зеркалом: слежу, куда убегают руки и не подгибаются ли колени. Держу

половник вместо микрофона и импровизирую перед воображаемыми зрителями. Алиса накидывает с дивана реплики «из зала», на которые я должен хлётко и остроумно реагировать. Воображаемые зрители довольны, реальные – не очень.

* * *

«Пора самим играть в эти игры». – Серёга, директор «Golden Boxing», решает организовывать бои самостоятельно и предлагает мне побыть матчмейкером – человеком, который определяет, кто с кем дерётся. Престижная работа для тех, кто врубаётся в бокс.

Мне нужно найти оппонентов для трёх боксёров, которые тренируются у нас в клубе. Двое только начинают в профессиональном боксе – им нужны соперники попроще, чтобы набраться уверенности в себе. Договариваюсь с легковесом из Питера (десять побед, сорок поражений, парикмахер) и полусредневесом-камерунцем из Балашихи (одна победа, пять поражений, работает на хлебозаводе).

Наш третий боец – двадцатипятилетний тяжеловес Саша Солоух (пять побед нокаутами в пяти боях, любит Сталина и фотографироваться с секирами) – дерётся в главном бою. Он даёт персональные тренировки главному спонсору нашего клуба. Серёга просит «оппонента-иностранца... желательно, негра... и чтобы получился красивый бой». Я просматриваю фейсбучный спам от африканских менеджеров – такие сами тебя находят по общим друзьям. Чувак из Кении скидывает мне пару роликов на ютубе, которые я пересылаю тренеру Солоуха. Тот отвечает в ватсапе смайлами с тремя пальцами вверх.

На дрожащем видео длиннорукий и бритоголовый Фредди Околла (тридцать восемь лет, одиннадцать побед и два поражения) посредственно, но смело боксирует в каком-то ресторане. Прозвище – «Кенийский кошмар». Денег просит немного, в бюджет мы укладываемся. Я нигде не могу найти информацию, сколько Околла весил в последних боях, но его менеджер уверяет, что Фредди сейчас в хорошей форме – 107 кг.

Взвешивание проходит за сутки до боя. Африканцы приезжают к нам в зал прямо из аэропорта. Первая мысль – окей, это тот самый парень с видео. Вторая – какого хрена? «Кенийский кошмар» в жизни весит 94 кг – на 16 кг легче Солоуха. Околле и его менеджеру, видимо, очень нужны деньги.

«Фактически у нас тут боец другой весовой категории...», – вкрадчиво говорит супервайзер от Федерации профессионального бокса России. Он не угрожает отменить бой, но выражает сомнения в моей компетентности. Я подаю реплики: «под мою ответственность», «он знал заранее», «претензий предъявлять не будет».

Главный бой. В первом ряду – наш спонсор-банкир, рядом Серёга, пара госчиновников, несколько сыновей депутатов, действующие и бывшие боксёры класса А. Чтобы сожрать кенийца, Солоуху требуется меньше шести минут. В первом раунде он ломает оппоненту нос, во втором бьёт его, как хочет. Менеджер Околлы держит в руке белое полотенце и готов остановить бой. В конце раунда Саша пробивает левый крюк, после которого «Кенийский кошмар» падает лицом вниз.

Стою оцепеневший, но фиксирую происходящее вокруг. Африканец лежит. В ринг забегают разные люди. Кто-то кричит: «Врача! Врача! Где медицина? Быстрее!» Но врач уже в ринге, просто он в костюме, а не в халате. Фредди ставят кислородную подушку. Серёга энергично показывает банкиру, как круто бьёт Солоух. Через несколько минут кениец все-таки приходит в себя. Зрители аплодируют, когда его усаживают на табурет.

Серёга устраивает разнос на следующий день и орёт на меня в своём кабинете ровно двадцать две минуты. «Братан, не произошло ничего страшного. Менеджеры врут... Боксёры врут... Но ведь все целы», – спокойно говорю я. Серёга сплёвывает в окно и постоянно перебивает: «Леоновичу негр показался дохловатым», «а если бы он у нас тут откинулся?». Уже после узнаю, что Серёга отдал кенийцам деньги только за два раунда – через онлайн-переводчик в телефоне объяснил ребятам, как они его

подвели. Я обещал, что мы заплатим за все восемь раундов вне зависимости от результата.

Для следующих боёв Серёга подключает другого матчмейкера. Менеджер из Кении пишет, что Околла в порядке и предлагает новых боксёров. Я всё реже появляюсь в клубе и ищу дополнительные подработки.

* * *

Лучший бой в истории российского бокса я наблюдаю на расстоянии в полтора метра. С первой минуты Денис Лебедев и панамец Гильермо Джонс не жалеют сил – оба уверены, что до двенадцатого раунда дело не дойдёт. К шестому раунду Лебедев становится похож на монстра из фильмов Кроненберга – из-за гематомы вокруг правого глаза. Одутловатый панамец резво двигается по рингу и бьёт Дениса точно в заплывший глаз.

Я сижу вплотную к рингу с джойстиком от PlayStation. Нажимаю кнопки, когда Гильермо бьёт. Семён – мой напарник (двадцать восемь лет, работает в страховой компании, призёр турниров по рукопашному бою) – с таким же джойстиком следит за Лебедевым. Мы считаем удары, и эту статистику показывают по ТВ между раундами.

Считать удары нас позвал ТВ-продюсер, с которым мы занимаемся в одном клубе. Говорит, что со временем нам будут платить, а пока мы просто получаем лучшие места в зале. Официально наша статистика ничего не значит, но помогает зрителям следить за ходом боя.

Глаз Лебедева совсем закрылся, он не видит большинства ударов панамца, но всё равно всаживает в него кулаки. От таких атак другие оппоненты Дениса падали, а у Джонса только глаза кровью наливаются. В одиннадцатом раунде Лебедев опускается на одно колено после 226-го удара в голову. Встаёт, но рефери останавливает бой. Это было жестоко и красиво одновременно.

Мы с Семёном ещё два года считаем удары на вечерах бокса.

Они длятся по пять-шесть часов. Чтобы не терять концентрацию, выкуриваю косяк перед каждой сменой. Семён прикла-

дывается к фляжке с виски в перерывах между боями. Мы сидим рядом с судьями и комментаторами. Видим силу ударов, которые на экране кажутся скользящими. Слышим свист летящих кулаков и вздохи бойцов, которым они втыкаются в живот. Лучшее обзор – только у рефери в ринге. Правда, за всё время нам так ни разу и не заплатили.

* * *

Моя левая рука под мышкой у Микки Рурка, правым предплечьем он давит мне ниже локтя. «Ломать руку в клинче меня научил Роберто Дюран», – говорит Рурк и показывает ещё несколько грязных трюков из арсенала профи бойцов (удар плечом в подбородок, удушение в клинче и толчок кулаком под дых, когда соперников разводит рефери).

Мы в «Golden Boxing». Микки проведёт здесь открытую тренировку. До мероприятия два часа, и актёра угощают кофе в кабинете директора. В комнате, не считая нас двоих, ещё шесть человек – Серёга, его жена, администратор, два тренера и менеджер по продажам. С футболки гостя на нас смотрит президент РФ. Рурк купил её в ГУМе под прицелом ТВ-камер и потом долго рассказывал журналистам, что приехал в Москву искать оппонента для своего боя-возвращения.

О чём говорить – никто не понимает. Затыкаю тишину. Стесняюсь только на первых двух вопросах – про кино. Потом спрашиваю, с кем из великих Микки было труднее всего спарринговать. После Дюрана он рассказывает, как Томми Хёрнс в полдень поймал его на удар в корпус – «а в полночь я всё ещё блевал». Спрашиваю про Джеймса Тони – Рурк показывает пальцем на скулу, которую тот ему сломал. Вспоминает, как в аргентинской тюрьме навещал легендарного средневека Карлоса Монзона.

Иногда переключается на свои тренировки и мечту о новом бое, но это я слушаю с меньшим интересом. Через месяц ему будет шестьдесят два – какие бои? Думаю, что так он поддерживает легенду вокруг своего приезда. Микки хлопает меня по пле-

чу, пишет на стикере свой телефон с имейлом и уходит переодеться к мастер-классу.

Когда у меня плохое настроение, смотрю в телефонной книжке на контакт «Микки Рурк», но никогда ему не пишу.

* * *

Снова у ринга с джойстиком в руках. Микки Рурк внутри, за канатами. Чтобы исполнить мечту и договориться о бое, ему понадобилось четыре месяца. За это время он успел согнать 13 кг. На словах ведущего «бойцу шестьдесят два года» зрители аплодируют. Микки (новая форма носа, золотые перчатки и имя любимой собаки на трусах) выглядит нервным и сосредоточенным – это его первый бой за восемнадцать лет. И первый в жизни, перед которым он «не пил и не курил». Оппонент – темнокожий Эллиот Сеймур (двадцать девять лет, одна победа, девять поражений). Эллиот тренируется в том же зале, что и Микки.

Под крики трибун «Миша, Миша» Рурк расхаживает по рингу и подзывает оппонента рукой – давай, типа, бей. Мы с Семёном переглядываемся. Происходящее не похоже на обычный бой. У Микки маньячный взгляд, почему-то течёт слюна изо рта и затычки в ноздрях. Несмотря на туго натянутые мышцы, он кажется хрупким. Боюсь, что Мик не выдержит прямого попадания.

Перед вторым раундом плотно прикладываюсь к фляжке Семёна, хотя знаю, что мешать виски с травой – плохая идея. Я сфокусирован на джойстике, как будто управляю Рурком. Микки пятится к канатам. Сеймур идёт следом. Рурк бьёт его в корпус. Кажется, что удар неплотный, но Эллиот падает.

Рефери отсчитывает нокдаун, Сеймур встаёт. Микки скользким ударом попадает ему по печени – и Эллиот снова падает. Рурк наотмашь бьёт оппонента по заднице. Я вошёл в раж и засчитываю этот удар. Эллиот спокойно выслушивает счёт рефери на одном колене, и поднимается уже после десяти. Победа Микки нокаутом. Смотрю статистику от Семёна – за два ра-

унда Сеймур ни разу не ударил справа. К моему удивлению, никто не свистит.

После боя минут десять умываюсь ледяной водой в туалете, встречаю Микки в коридоре (пальто в мелкую клетку, камуфлированные штаны, чёрная шапка-ушанка). Голову под шапкой перетягивает резинка с зелёным мячом на верёвочке. Боксёры по нему бьют, чтобы улучшить реакцию. Сейчас мяч бьёт по животу Рурка при ходьбе. У него такой взгляд, будто бой с Сеймуром всё ещё идёт. Я поднимаю руку со сжатым кулаком и киваю ему. Микки явно меня не узнаёт, но кивает в ответ.

Катерина Андрианова*

По справедливости

Сидя в своей кухне, Аня опять почувствовала запах сигаретного дыма. Как же ей всё это надоело! Почему в собственной квартире она не может найти спасение от этих вездесущих курильщиков! Она быстро нацепила свои старые растоптанные кроссовки, выскочила на лестничную клетку и метнулась на пожарную лестницу. Как обычно, там уже никого не было. Запах табака медленно поднимался с нижних этажей, и когда он проник на Анину кухню, курильщик уже благополучно оказывался у себя дома. Застукать нарушителя на месте преступления и от души поругаться Ане удавалось редко.

Аня жила в этом совсем недавно построенном доме третий год, и столько же она неустанно боролась со своими соседями. Боролась за чистоту подъезда, гоняя подростков и подъездных кошек, подкармливаемых сердобольной старушкой со второго этажа. Ссылаясь на правила пожарной безопасности, убеждала молодых мамочек убирать детские коляски, самокаты и велосипеды в квартиры, а не оставлять их на первом этаже или около входных дверей. Ругалась с вдруг собравшимися делать ремонт в выходной день жильцами. Ей до всего было дело, и трудно было сказать, с чем связана эта её по большей части пустая ак-

тивность. Подростки продолжали собираться в подъезде, кошки продолжали питаться, а соседи продолжали курить.

Небольшую двухкомнатную квартиру ей купили родители в надежде, что это поможет великовозрастной дочери наконец выйти замуж. Её отец был профессором университета, а мама трудилась там же преподавателем философии. Аню воспитали в духе московской интеллигенции, однако провинциальное прошлое мамы проявлялось в напористом характере дочери, в её постоянной борьбе за справедливость и свои права. Сама Аня, закончив лингвистический факультет университета, грезилась о важной и интересной работе, необычном, увлекательном будущем, полном путешествий, приятных знакомств. Но внезапно, сама не понимая, как, обнаружила себя преподавателем английского языка в обычной школе, параллельно подрабатывая репетиторством. И ей все казалось, что лучшее ещё впереди, что она только ждёт своего шанса и работа в школе – просто временное недоразумение. Но иногда где-то по краю иллюзий, которыми она жила, пробегала лёгкая тень подозрения, что такова её реальная жизнь, и годы проходят мимо, и это потерянное время уже никогда не наверстать.

По правде говоря, Аню раздражало многое в окружающей её действительности – сморкающиеся и плюющие на землю мужики, собаки, гадающие везде, толстые неухоженные тетеньки с растрепанными, непременно короткими волосами, что всегда смотрят исподлобья, орущие в кафе дети, приведённые туда зачем-то своими замученными матерями, как будто это могло как-то облегчить их существование. В школе Аня даже не пыталась заинтересовать своих учеников, отработывая предложенную инстанциями школьную программу. Педагогическим коллективом она не особо интересовалась, как, впрочем, и коллектив не особо интересовался ею, стараясь не задевать высокомерную, молчаливую учительницу английского языка.

Открыв окно на лестничной клетке, чтобы проветрилось, Аня вернулась на свою кухню и продолжила просматривать страницы отелей и апартаментов на сайте бронирования, ища

* *Мастерская Ольги Славниковой «Проза для начинающих»*

себе подходящий вариант на лето. Она уже привыкла путешествовать одна. Все её подруги давно обзавелись мужьями и детьми, и планировать с ними отдых стало невозможно, да и в принципе неинтересно. Ну зачем ей, активной, молодой женщине все эти пляжно-лежательные курорты, обязательно с песочком, чтобы дети её подруг могли носиться по пляжу, поднимая своими крохотными ножками самые настоящие песчаные бури и швыряя горсти песка прямо в глаза несчастных отдыхающих, которым не повезло оказаться на их пути? Аня предпочитала более активный отдых. В прошлом году она выбрала Шри-Ланку. Из четырнадцати дней семь она провела на пляже и еще семь путешествовала по острову на экскурсионном автобусе, наполненном её соотечественниками и оттого постоянно задерживающемся, опаздывающем к ужину. Соотечественники вели себя возбуждённо и шумно, они постоянно требовали сделать остановку, чтобы сходить в туалет, или пропадали с концами в магазинах, и запыхавшийся, потеющий экскурсовод с трудом отдирает их от прилавков.

Воспоминания прервал звонок в дверь. Когда Аня открыла, на неё сразу обрушилась волна чужого возмущения.

– Кто опять открыл окно в коридоре?! Это вы сделали? – истерически вопила худощавая женщина неопределенного возраста.

Аня узнала соседку по этажу из соседнего крыла и вспомнила, что той лет под пятьдесят. У неё был взрослый сын и ужасно выглядевший муж. Муж, правда, недавно скончался – как она слышала от консьержки, от сердечного приступа. Что было неудивительно, учитывая, сколько он пил. Аня долго боролась и ругалась с ним, потому что он еще и дымил как паровоз какими-то жутко вонючими сигаретами на этаже, наверное, каждый час. Мужчина не сдавался и стал прятаться от Ани. А потом он умер, и она мимоходом отметила, что одним неудобным жильцом стало меньше.

– Мне консьержка сказала, что это вы вечно открываете окна и двери в коридоре! А мне дуется! И из-за ваших сквозня-

ков вчера стекло в двери выбило! – продолжала вопить женщина. Аня уже открыла рот, чтобы ответить, но не успела произнести и слова.

– Не трогайте больше окна, иначе я все ручки повыворачиваю! – И женщина, не дав Ане опомниться, внезапно развернулась, видимо, посчитав необходимое высказанным, и стремительно зашагала к двери своей квартиры.

– Какое стекло? – только и успела крикнуть ей вдогонку Аня.

– В двери! – бросила на ходу женщина. – Около мусоропровода.

Аня вышла вслед за соседкой. Действительно, стеклянная вставка в двери, отделявшей клетку с лифтами от пожарной лестницы, была разбита, осколки стояли, прислоненные к стене. Но при чем здесь она? Разве она виновата, что несознательные соседи используют лестничную клетку и пожарную лестницу в качестве курительной комнаты? Она не собирается этим дышать, и точка. И окна она будет открывать столько, сколько потребуется!

Аня вернулась в квартиру. Настроение испортилось. Ей всё казалось, что она повела себя недостаточно твёрдо, не сумела правильно ответить. Какое-то неприятное чувство просочилось тёмным ручейком в непоколебимую уверенность, что она всегда права. Это чувство оставалось с нею до конца дня, и она старалась больше не обращать внимания на запахи, вползавшие в квартиру из коридора.

На следующий день, как обычно по субботам, Аня собиралась на прогулку в парк. Начиналась весна, всё больше становилось ярких, тёплых дней, и Аня, посмотрев на телефоне прогноз погоды, достала из шкафа узкие джинсы, любимые испанские сапоги, на легкую блузку накинула тонкое шерстяное пальто и распустила длинные каштановые волосы. Гулять в выходные она любила в образе элегантной молодой женщины, надеясь, в чём она вряд ли открыто призналась бы себе, на неожиданную встречу, счастливый случай, который изменил бы её жизнь. Спускаться со своего десятого этажа она предпочитала пешком, что-

бы проследить, не осмелился ли кто-то из соседей выйти покурить или выставить из квартир транспортные средства. По пути она выкидывала пепельницы в мусоропровод и открывала окна на этажах, где, как ей казалось, витал запах сигаретного дыма. После прогулки в парке она собиралась пойти в киноцентр, расположенный всего в паре станций метро от её дома, и настолько погрузилась в свои мысли, выбирая между романтической комедией, которую хотела посмотреть сама, и модным фэнтези, на котором есть вероятность присутствия молодых мужчин, что не сразу заметила сидящего на ступеньках парня. Внезапно наткнувшись на него взглядом, она отметила, что видит его в первый раз, и уже хотела пройти мимо, но её остановил какой-то неясный внутренний импульс.

– Вы из какой квартиры? – даже не поздоровавшись, строго спросила она парня. – Вы здесь живёте?

– Да, живу, – несколько удивившись, ответил парень. Он заправил густые, торчавшие в разные стороны волосы за ухо и улыбнулся Ане. – Здесь, на девятом этаже.

Парень стал вставать, и Аня отступила на шаг, разглядывая его. Яркие солнечные лучи проникали через стеклянные балконные двери в лестничное пространство, высвечивая облупившуюся штукатурку, какие-то чёрные подтеки в углу на стене и пыль, кружившуюся в воздухе. В этом же ярком свете Аня заметила прозрачные голубые глаза нового соседа и мелкие морщинки. Он был старше, чем показался ей вначале. Аня уже хотела улыбнуться ему в ответ, но тут её взгляд скользнул вниз, и она увидела бутылку пива, стоявшую возле его ноги. И мгновенно чувство приятной теплоты смыло волной нарастающего раздражения.

– Вы снимаете здесь? – не глядя молодому человеку в глаза, с напором спросила она. – Вы ведь не постоянный жилец, правильно я понимаю? У нас здесь приличный дом. На лестничных клетках, в коридорах и на пожарной лестнице нельзя курить, пить и раскладывать всякий хлам. И не мусорьте. Консьержка не обязана за вами убирать.

Новый сосед немного помялся, посмотрел с недоумением на бутылку, будто пытаясь что-то сообразить.

– Я и не собирался её здесь оставлять. Я въехал в квартиру только вчера вечером. У вас хороший дом и действительно очень чистый подъезд, – примирительно проговорил он. Еще немного помявшись, продолжил: – Но я профессионально занимаюсь велоспортом. Мой велосипед не поместится ни в квартиру, ни на балкон. Балконы здесь у вас очень маленькие. Да и в квартиру к тому же велосипед не разрешит хозяин жилья занести. Все-таки от него грязь может быть. Честно говоря, я ваш дом и выбрал потому, что лестничные клетки у вас просторные. Знаете, как в некоторых домах бывает, что из квартиры можно сразу в лифт шагнуть, – попытался пошутить молодой человек. – Вы не беспокойтесь, я велосипед в чехол буду убирать, – тут же добавил он, увидав, что Аня на шутку даже не улыбнулась.

Аня нервничала и раздражалась все сильнее. Мало того, что ей не нравилась эта ситуация с велосипедом, а сам молодой человек нравился, так она еще и выбивалась из графика. Если она задержится здесь подольше, размеренной прогулки в парке может уже не получиться. Придется менять планы, а этого она жутко не любила, как и всего нового, что могло изменить привычное течение жизни.

– Вы даже не хозяин квартиры и не успели сюда въехать, как уже устанавливаете свои порядки! Если вы поставите велосипед в тамбуре, то все остальные жильцы подумают, что так можно делать. – Чем больше Аня говорила, тем больше распалялась. – Почему вам можно, а им нельзя?! И не пройдет и недели, как в коридорах будут стоять старые тумбочки, горшки с цветами, велосипеды, коляски и обувь на коврик! Мы не в деревне! Убирайте свой велосипед куда хотите, это не наша проблема.

Аня развернулась и устремила по ступеням вниз. Солнце зашло за тучу, и на пожарной лестнице стало как-то темно и тоскливо. День был испорчен, и Аня не могла понять, почему так злится на себя, хотя все сделала правильно, по справедливости.

В воскресенье Аня проснулась от какого-то шума, который проник в её сон и сначала мучил там, а затем, подцепив её, словно Аня была какой-то глупой рыбой, попавшейся на крючок, вытянул в сумрак спальни. По серому тусклому свету, проникающему из-за штор, было понятно, что еще достаточно рано, особенно для подъёма в воскресный день. Аня нашарила на тумбочке телефон и посмотрела время. Почти полвосьмого. «С ума они там посходили все, что ли», – безадресно и сонно подумала она. Аня попыталась задремать снова, но ритмичный густой шум не давал ей погрузиться в мягкую пустоту сна. Внезапно она поняла, что это музыка. По всей вероятности, сосед снизу, с которым Аня уже не раз ругалась по поводу шумных посиделок с друзьями, врубил какой-то хард-рок. С этим соседом вообще было много проблем в виде периодических запоев, нескончаемого ремонта и весёлых гулянок. Кроме того, взрослый мужчина за пятьдесят по каким-то своим принципиальным соображениям не желал оплачивать счета за квартиру. У него то отключали свет, то перекрывали канализацию, но он как-то выкручивался и продолжал копить долги за коммунальные услуги.

«Но почему же утром?» – удивленно размышляла Аня. Злиться было еще очень лень, и она поплелась на кухню, немного пошатываясь со сна.

После пары чашек кофе и теплого душа Аня взбодрилась, прибрала на кухне и решила пораньше отправиться на еженедельные занятия йогой. В коридоре и на площадке возле лифтов музыка сотрясала стены басами, словно огромный зверь метался где-то внутри дома, пытаясь вырваться на свободу.

«Неужели никому этот шум не мешает?!» – недоумевала Аня, спускаясь на первый этаж. «Ну, пусть послушают в воскресенье утром», – с некоторой долей злорадства подумала она. Ей всегда было обидно, что только её заботит благополучие их общего дома, только она старается, чтобы в подъезде и на этажах было чисто и опрятно, чтобы люди могли спокойно отдыхать в тишине в своих квартирах. А всем остальным будто ни до чего нет дела.

Времени у Ани было много, и она, вместо того чтобы сесть в автобус и проехать несколько остановок до фитнес-центра, свернула в берёзовую рощицу. Утренний воздух был влажным, очень свежим, и пахло будто чем-то сладким. Между деревьями повисла туманная дымка, сквозь которую тускло светило солнце. По пути Ане не встретилось ни единого человека, и ей стало казаться, что она случайно попала в какое-то загадочное место, где с ней обязательно должно случиться что-то хорошее и долгожданное. Но вскоре она вышла на широкую улицу, загудели и засигналили машины, появились ранние прохожие, и необычное для неё чувство умиротворения исчезло, словно никогда и не появлялось. Аня целенаправленно устремилась на занятие.

Когда, уставшая после тренировки, она вернулась домой, музыка у соседа продолжала грохотать и даже как будто стала громче. Еще не раздевшись, она остановилась на пороге и прислонилась спиной ко входной двери. Чувство какой-то пустоты затопило её. Ей всегда было тяжело во второй половине воскресенья. Казалось, что еще один шанс упущен. В конце рабочей недели у неё обычно появлялась надежда, что в этот раз наконец что-то изменится. Суббота была лучшим днём, а в воскресенье надежда постепенно умирала, к вечеру полностью уступая место одиночеству. Аня со злостью бросила сумку с кроссовками и спортивным костюмом на пол, вылетела из квартиры и быстро спустилась по лестнице на один этаж.

«Ну, сам напросился! – направляясь к щитку со счётчиками электроэнергии, подумала она. – По-другому ты, видимо, не понимаешь!» Железная дверца щитка легко открылась. Аня бросила взгляд на провода и, как ей показалось, быстро определила автоматы и счётчик от квартиры шумного соседа. Секунду поколебавшись, она дернула провода, идущие к счётчику, и вырвала их. Музыка тотчас смолкла. Аня засуетилась, захлопнула дверцу и, не дожидаясь реакции соседа, быстро вернулась в свою квартиру. Сердце у нее сильно колотилось: это было, наверное, первое противоправное действие в её жизни. Она всегда старалась

жить по правилам, инструкциям, законам. Но, тем не менее, сейчас она была довольна собой, своей решимостью и смелостью.

Остаток дня пролетел незаметно за уборкой и подготовкой к новой рабочей неделе. Аня была в хорошем настроении, она считала, что воскресенье прошло не зря и она своим сегодняшним поступком сделала мир немножко лучше и справедливее. Время от времени Ане, занятой домашними делами, казалось, что из коридора доносятся голоса и вроде бы даже в какой-то момент началась суматоха, но быстро закончилась, так и не успев её заинтересовать.

Она готовила рыбу на пару себе на ужин, когда раздался звонок в дверь. Звонок прозвучал резко и настойчиво, Аня вздрогнула и вдруг ощутила непонятную маетную тревогу, которая будто подстерегала её весь день, пряталась за непривычной бодростью, дожидаясь своего часа.

– Кто там? – спросила Аня, не подходя близко к двери.

– Открывайте! Полиция! – раздался требовательный голос.

Словно заворожённая, Аня медленно, даже не посмотрев в дверной глазок, открыла дверь. На пороге стояли трое мужчин. Одного она знала. Это был молодой человек, тот самый сосед с велосипедом, снимавший квартиру этажом ниже. Он почему-то выглядел грустным и даже пришибленным. Остальные двое Ане были незнакомы, выглядели совершенно непримечательно и одинаково. Один держал блокнот. Оттеснив Аню с порога, двое одинаковых уверенно зашли в квартиру, и девушка увидела позади них ещё и участкового. Его она хорошо знала, часто обращалась к нему с разными жалобами на соседей.

При виде участкового у Ани появилась догадка. Неужели такая делегация из-за счётчика пришла? Только зачем они привели с собой ещё и нового соседа? Или это он нажаловался? На угрозы или ещё на что?

Аня пыталась вернуть себе свою обычную уверенность, ища опору в возмущении и гневе. Это ж надо, к ней из-за какой-то мелочи куча народу ввалилась, а когда она сама вызывала полицию, заявлялся один участковый, и то неохотно.

– Что вам надо? – с вызовом спросила она.

– Русакова Анна Вячеславовна? – спросил один из одинаковых.

– Да, это я, – подтвердила Аня.

Одинаковые по очереди представились, показали удостоверения. Их фамилии Аня сразу забыла, но поняла, что один – оперуполномоченный местного УВД, а другой – криминалист. Тревога снова вытеснила все остальные чувства, мысли закрутились мутным водоворотом. На мгновение Ане даже показалось, что у нее в действительности закружилась голова.

– Вам нужно проехать с нами в отделение, – проговорил тот, который представился оперуполномоченным.

– Зачем?

– Сегодня в вашем подъезде погибла девушка, – немного помедлив, произнес оперуполномоченный. – У неё в квартире выключился свет, и она пошла проверить счётчик. – Он ненадолго замолчал, внимательно глядя Ане в глаза. – Видимо, она взялась за оголённый провод, и её ударило током.

– При чём тут я? – выдавила Аня. Во рту у нее пересохло, и язык не желал слушаться.

– А вот у нас свидетель есть, – кивнув в сторону соседа-велосипедиста, тихо ответил оперуполномоченный.

Аня со страхом посмотрела на парня. Она ничего не понимала, отказывалась понимать, но уже где-то зародилась, пыталась выплыть на поверхность ужасная мысль, осознание того, что произошло.

– Я как раз возвращался домой с покатушек, – вымученно проговорил сосед, – ну, то есть, катался на велосипеде. Снимал около лифтов крылья с колес, хотел помыть их дома и услышал шум в тамбуре около квартир. Выглянул и увидел вас. – Судорожным движением плеча сосед обозначил, что обращается к Ане. – Я не хотел попадаться вам на глаза. Вы ведь негативно отнеслись к велосипеду, и я просто тихо стоял и ждал, когда вы уйдёте. Но я успел увидеть, что вы делаете.

– Свидетель был около лифтов в тринадцать сорок, – вдруг отчеканил криминалист. – Тело девушки, вашей соседки с девятого этажа, нашли её родители, возвращаясь из магазина, в два часа дня.

У Ани потемнело в глазах. Ей казалось, что все это происходит не с ней. Она не могла так ошибиться. С теми, кто действует по правде и справедливости, такого не происходит.

– Но я хотела только, чтобы громкая музыка прекратилась у соседа подо мной, – пробормотала она. – Семья девушки живет в другом конце лестничной клетки.

– По всей видимости, вы что-то напутали в счётчике. Одевайтесь. Поехали. Будем разбираться в отделении, – скомандовал оперуполномоченный и, обернувшись к участковому, пояснил: – Здесь, скорее всего, причинение смерти по неосторожности.

Аня, пошатываясь, потянулась за курткой.

Александра Баженова-Сорокина*

Цирк приехал

– Мам, а у клоунов ботинки большие будут? Красные такие?

Цирк стоял во внутреннем двореке Музея современного искусства на Гоголевском, который и сам по себе – с гигантским цветочным шаром и разномастными скульптурами по периметру – выглядит как уголок сюрреализма во взрослом городе. В этот странный пейзаж влился и бело-жёлтый шатёр, причём настолько, что он казался частью экспозиции, а не посторонней конструкцией, местом проведения спектакля. Самый маленький в мире бродячий цирк (где «самый» – наиболее гордое слово, потому что мало кто в мире о нём знает), приезжал в Россию не первый год и сегодня давал предпоследний спектакль. Мы с дочерью пришли довольно рано, но во двореке уже были люди. Я как-то заволновалась, всем ли хватит места под шатром. Было жарко.

Много лет назад я увидела на выставке картину Любарова «Цирк приехал». На переднем плане изображён полупьяный клоун в растёгнутой рубашке, погружённый в мир серо-грязно-зелёного цвета. Справа курица, из шатра выглядывают работницы, а главный герой с безразмерным улыбающимся ртом курит малюсенькую сигаретку. Чуть приглядевшись, понимаешь, что

* Мастерская Арины Бойко и Натальи Калининковой «Автофиксин»

внутри гигантской улыбки спрятан пропорциональный кривому окурку рот с опущенными кончиками. В этой картине я вижу сразу две ключевые особенности цирка как искусства: с одной стороны, клоун и человек – это две разные сущности, которые живут в теле одновременно, а магия клоунады состоит как раз в этом постоянном мерцании хрупкого, уязвимого человеческого сквозь гипертрофированно смешной образ Ваньки-встаньки. Однако в обычной жизни постоянно подавляемое человеческое даёт о себе знать, отсюда и классический образ пьющего, грустного или злого клоуна. Другая же особенность заключается в том, что куда бы цирк ни приехал, он создаёт внутри обычного мира маленькое пространство, в котором реальность преображается. На серо-зелёный мир вдруг падает свет, и внутри его появляется разноцветное яркое нечто. Поэтому даже клоун с окурком в зубах посреди нигде – это обещание, что вот хотя бы на сегодня мир будет немножко другой, как-то ты да развлечешься.

Пока волонтеры расставляли лавочки в полукруг возле сцены, мы пошли посмотреть открытки и обменять брони на маленькие билетки. Раздавали их двое, сами артисты – они же сценаристы, режиссёры, костюмеры и бутафоры. Был он – пожилой мужчина, говоривший по-английски с итальянским акцентом: грустноглазый, уставший и как будто раздражённый. Попробовала угодить ему улыбкой и «grazie», но вышло как-то неловко. Он не смотрел прямо в глаза, говорил с определённым усилием на вдохе, как делают люди, подавляющие желание выругаться или уйти. Смешной старомодный костюм с подтяжками почему-то выглядел вполне буднично – видимо, я смотрела слишком много немого кино, так что этот образ не казался мне шутовским. И была она – женщина вне времени. В платье, похожем на одежду «европейской» крестьянки восемнадцатого века – прямом, без изысков, с фартуком, из прочной, но приятной выцветшей ткани (серой, зелёной, голубой?), с негустыми и маслянистыми волосами, немножко растрёпанная, но собранная, – и она просто не помещалась в июль 2018-го. То есть она продава-

ла билеты, улыбалась ожидающим представления зрителям, но как будто находилась одновременно в другой реальности: в том измерении, где электричество всё еще связано с грозой. Только перечитав заметки о цирке два года спустя, я узнала, что звали их Ленка и Альберто – она из Чехии, он – из итальянской Швейцарии, муж и жена.

Ленка абсолютно меня покорила: лицо со множеством мимических морщин (словно складки одежды у статуи), натруженные руки и взгляд у неё были такие, как будто мир её не испортил. Научил трудиться, дал много горя, но ребёнка в ней не тронул; как будто вообще не исчезло переживание жизни как чуда.

– Мам, а тут всё никак не начинается и не начинается!

Альберто неприкаянно слонялся между шатром и постом с билетами, а люди продолжали прибывать, делали круг-другой по двору и возвращались к исходной точке. Казалось, что тут должно пахнуть сахарной ватой, но почему-то не пахло.

Когда мы уже решили добежать до соседнего заведения за какао, объявили, что сейчас все начнётся; «уважаемые зрители, проходите к шатру». Артисты стали рассаживать всех по росту так, чтобы самым маленьким детям и самым высоким взрослым было одинаково видно. Но случилось непредвиденное: беременная женщина активно стала пропихивать троих детей разного возраста вперёд к арене.

Альберто жестами показал, что так не пойдёт, на что женщина проговорила что-то резкое, а затем громко скомандовала мальчикам сесть на стулья первого ряда. Клоун гневно зашипел, грянул гром:

– Да ты не мужик, чо ты делаешь вообще, пидорас!

Альберто не говорил по-русски, но ругательства, очевидно, понял. Он стал буквально выталкивать её из шатра.

Итало-русский обмен репликами перешёл в склоку, из которой я выхватила одну фразу: «Это не твой дом, это мой дом!»

Я уже не помню, сказал ли он это по-итальянски или по-английски, но слова были именно эти, я записала их в дневнике. А женщина их, очевидно, не понимала. Для неё всё происходящее было просто плохим сервисом.

Я люблю цирк с детства. И с детства же его боюсь; особенно помню, как на какой-то ёлке в тёмном актовом зале ко мне подбегает клоун с гигантским микрофоном, тычет им в лицо и требует рассказать новогодний стишок, а я в ужасе пытаюсь понять, как заползти под кресло, ведь выбраться из центра зала невозможно. Мне стыдно и страшно, и хочется только одного: чтобы это закончилось.

Но это большой цирк, городской, а мечтала я в детстве о маленьком фургончике, в котором артисты потрясываются вместе по дороге из города в город, из страны в страну, «и живут одной семьёю, как хорошие соседи, люди, кони и медведи»¹.

Такой цирк казался мне настоящим. Циркачи и цыгане (не рома, люди со своей культурой и историей, а именно колониальный миф) были перемешаны в одной экзотической фантазии, а уж про то, как оно там живётся львам, обезьянкам и другим животным, я вообще мало задумывалась. Зато я мечтала о луне за окном трясущегося фургончика, о полуволшебных людях, о единстве с природой, о свободе. А не думала ещё и о том, что бродячий цирк для артистов – это работа и дом одновременно, мир улитки.

В статье Википедии «Улитка (жизненная форма)» читаем: *Улитки передвигаются на нижней поверхности ноги (подошве), прогоняя по её длине волны мышечных сокращений. С одной стороны, улитке гигантских усилий стоит передвижение, вот эта «волна мышечных сокращений» – это как усилия человека по переходу Альп, только так вся жизнь. С другой, часть моллюска находится в ракушке. То есть улиткин дом – это часть её самой.*

Вот у двоих циркачей есть дом, в который они приглашают зрителей, своя ракушка: под шатром можно увидеть и почув-

¹ Новелла Матвеева, «Цыганка»

ствовать то, что в реальности распылено и незаметно, а в цирке концентрированно и высвечено. В том числе насилие. Когда ты идёшь в цирк, ты знаешь, что это в программе. И когда ведёшь туда детей, тоже знаешь: будут жонглировать, ходить по канату под куполом, а ещё давать друг другу тумачи, наступать на ноги, мазаться тортом, вот это всё. Таков язык цирка. Но если целостность ракушки нарушить, то насилие выливается вовне.

Женщина продолжила орать матом и начала звонить в полицию, мужчина перешёл на крик на смеси европейских языков и стал рваться в драку. Ленка цеплялась за его руки, иногда тихо лепетала что-то успокаивающее, но в основном молча смотрела на него гигантскими глазами. Наблюдать это было больно. Внутренний дворик, сад, билеты, разбитый шатёр, приготовленный реквизит – вся работа по созданию волшебного мира рушилась. Я не знала, уйти или остаться, но услышав, что к нам едет наряд, решила ждать: вдруг будет нужен свидетель и переводчик.

Тут я снова окунулась в детство, но в другое, – в ощущение обиды и незащищённости, которое бывает, когда не можешь остановить что-то абсурдно несправедливое, что делают взрослые. Как когда ссорятся родители. Я стояла и как ребенок ненавидела Альберто, и ненавидела беременную женщину – потому что они сделали всё, чтобы испортить своим и чужим детям праздник, но даже больше потому, что они подвели Ленку. Альберто отстаивал свою территорию только что не с ружьём, а ведь это был и её дом. Мне было стыдно, что я нахожусь в этом странном месте; стыдно, что я не могу ничего сделать, и отдельно стыдно за то, что хотелось защитить, заслонить от мерзкой сцены в первую очередь не собственную дочь, а циркачку, которую я видела впервые в жизни. Я смотрела на онемевшую женщину, которая цепляется за руки мужа и дрожит мелкой дрожью, и как будто на несколько секунд стала ею, почувствовала и унижение, и страх, и обиду. И ещё где-то в глубине огромную злость и усталость ото всей этой грёбаной кочевой жизни с человеком,

который тебя видит как инструмент искусства, а не как партнёра, который не может ради тебя переступить через свой мужской стыд хоть один грёбаный раз. Ленка почему-то была обязана выбирать, с кем она, – ей было дико стыдно за мужа перед женщиной и дико обидно за него же. А ведь им, кроме прочего, ещё играть спектакль прямо сейчас. Представить, что он в гневе свалится с сердечным приступом, было легче, чем то, что он успокоится и извинится. И еще эта долбанная жара.

В не полюбившемся мне в целом фильме «Мидсоммар» есть, однако, одна сцена, которая идеально иллюстрирует то состояние, в которое я иногда впадаю при виде чужого горя. Когда главная героиня, приехавшая с бойфрендом и его друзьями в религиозную общину в Швеции, понимает, что возлюбленный её прямо сейчас совокупляется с местной девушкой, она начинает полурыдать-полукричать-полумычать от боли. В этот момент к ней присоединяется хор местных девушек: они переживают горе все вместе, как единое целое. Её горе как будто расходится на множество отражений в зеркальной комнате. Я тоже на несколько секунд стала таким зеркалом, и ничего не могла делать, кроме как со-чувствовать, отражать, быть вместе с Ленкой. Обо всем остальном я просто забыла.

– Мама, мама, что же, цирка не будет, да? Почему все такие злые?

Потупившись, трое взъерошенных детей встали с мест и вышли из-под шатра: семья отправилась ждать полицию. Не могу перестать думать о том, как они будут помнить этот день. Часто ли у них бывают такие дни?

Они ушли, а мы оказались внутри шатра. И за это тоже было немного стыдно.

Занавес закрылся, занавес открылся: уже с другой историей внутри.

Вот выходит Ленка-лебедь, Ленка-солдатик, ребёнок, старушка, женщина. Перевоплощается она по-настоящему, за доли секунды, и каждый раз как будто насовсем. Они с Альберто весело мутузят друг друга, словно ничего и не случилось, а ещё жонглируют зонтами, кувыркаются, бегают друг за другом и разыгрывают сцены на троих с куклой из старой одежды. Вот Ленка запела песню рома так, что на три минуты замолчали даже малыши. В ней и свобода, и луна, и цугум-цугум повозки на дороге. И та боль, которую Ленка, похоже, чувствует нередко: вчера, сегодня, завтра. Спектакль назывался «Дурак», – и был о смешном незадачливом герое, который вроде бы всем мешает, но без которого ничего не получается, и главное, который привносит в любое действие самое важное – свою душу и свою песню.

Спектакль закончился под аплодисменты и хохот детей. С полицией всё как-то обошлось, а следов скандала в интернете я не нашла. Как будто ничего и не было; считай, два шоу по цене одного. Возможно, клоун с взрывным характером – тоже такой дурак, искренний и ранимый. Или всё-таки нет, и был бы он настоящим дураком, умел бы быть смешным не только на сцене, и тогда всем было бы чуть менее душно.

В интервью Ленка говорит (по-русски, у нее русский папа): «Самое главное – и было бы хорошо, если бы вы это написали, – чтобы человек научился уважать человека». Говорит она это про русскую культуру диалога, напоминая о том, что не надо смотреть в телефон во время представления и не надо сносить старые здания. А кажется, что слова эти обращены и к Альберто. Но слышит ли он их, сказать трудно, так как интервью её муж не дает.

– Мама, цирк смешной! Давай еще пойдём! А ботинки у них обычные.

Мы вышли на бульвар. Пошёл дождь.

Иван Барно*

Ночное зрение

Неузнаваемое

я открыл глаза и видел:
ангелоподобная тень люстры на бесконечном потолке гостиной;
я взлетал и казался ближе к ночи, чем к душному
протёртому дивану.
дымные руки, взявшиеся из головы (или откуда),
точечно крепчали;
я плыл коридором событий, укутанный халатом:
это был отец (или слегка похожий мужчина).
нас впечатлили картины:
пьята, борьба в аду и смерть марата.
мне было семь, может, вдвое больше.
темнело и хотелось сонно спать и быть уложенным.
закрыв глаза. ничего не видел больше.
только шорох и после курева ладони.

* *Поэтическая мастерская Евгении Коробковой и Михаила Эдельштейна*

Дома и подобное

*дело всё в том,
что у меня был дом,
под черепичной крышей,
с теплом камина,
но тепло ушло, просочилось в щели,
скользнуло, будто бы мимо,
и я не могу не смотреть в окно...*

Елена Куприянова

скучал. забросил голову назад,
тихонько трогал подбородок,
надеясь, он пропал.
искал по законным лицам:
кассирша вышла магазином,
руки в боки деловито,
затянула сигарету, хмурилась;
тяжелила шерсть собаку,
влачившей за собою лапы,
корабельно повторялась тенью
в глазах старухи мятой
(словно влажная бумага
в учителя литературы)
леталаяласково сопела;
кошка мрачно старилась
под чернотой деревьев,
глазёнки глупо лупала,
зеркалила жизнь эту
и ту, где я
кто я
что я делаю

Другу

на просмолённой крыше
клонились и балдели сентябрём.
розовеющей печалью, еле слышно,
завис заброшенный хлебозавод.
среди домов стремился церцис,
утяжелённый головой иуды,
краснеющей, как бычье сердце
на рынках всевозможных будней.

ЦГБ

муха обрастала мускулами,
стучалась в окно всё сильнее, сильнее, сильнее.
бил кулаком незнакомец у центральной городской
библиотеки,
пытаясь добраться до мозга
и вычертить механизм глазами
человека на него непохожим,
стоявшим в религиозном экстазе
под фонарным столбом; и молился, молился, молился
на магазинную вывеску и на собачьи брыли.
бились окном серьги женщины старой,
билась муха и цокотом повторялась:
сдай свои члены, оставь своё тело,
назови своё имя, и небо вертело,
ничего не меняя, без центра, основы;
муха разбила свой звон колокольный –
и вдруг так тихо-тихо стало,
только биение усталое,
только ночь, чуть лежали волосы
в небе. и звёзды, и звёзды, и звёзды

О разговорах

сидеть и слушать
как твои
разгромыаются глаза
и скоротечно вдруг ручки
зальют моря и океаны
и вдруг вдвоём
мы местом стали
и мы окажемся одним
сегодня будет не до рыб
а завтра и подавно
сидеть и слушать
как нога
транссибирской магистралью
огибает ножку стула
предлагала еве завтрак
принося адаму ужин
как рука твоя изломом
с тараканами и громким
проверяет мост на прочность
выбарабанивает грустно
свою седьмую шостакович
сидеть и слушать
здесь тебя
утомительно и душно
пожалуйста забудь слова
при разговоре снова

Будь чем-то, ночь

будь чем-то, ночь,
самораскройся:
ты растворяешь окна,
ты хоронишь море дождём,
ты ни на что не похожа.
город смотрит и видит тебя,
закроет глаза – и всё то же:
всё темно и неясно,
потусторонне удвоено,
и небо никем не занято.
всё берёшь ты, ночь, смотри
даже именем ночь удостоена.

Кача

спустя море –
хрупкие, точно пергамент;
оживляем посиневшие рты.
небо медленно стоит, пустеет,
выхватывает то тут, то там
участки тела.
штормовое предупреждение –
катера не ходят.

Александр Васько*

Три Владимира

В очередной раз Василий Саблин попал вторым помощником на танкер-химовоз «Chemistry Hawk». Это был 1999 год. Судно возило серную кислоту из Варны на Кипр, фосфорную кислоту из Израиля в Индию, патоку из Судана в Равенну и ещё много чего и куда за семь месяцев контракта.

Так получилось, что на судне было сразу три Владимира. Для экипажа в восемнадцать человек плотность Владимиров на один квадратный метр зашкаливала. Имя начинало терять смысл, и поэтому всем троим были даны новые прозвища. Старпом стал Вавуилом Карловичем. Третий механик – Вольдемаром. А пампик – просто Вовочкой. Все эти прозвища изобрёл «дедушка» – стармех Семён Давидович – и тщательно внедрил в обиход. Он частенько приходил на вахту к Саблину и травил всякие морские байки. В основном про советский флот, про то, как кто-то напился и что с ним потом из-за этого случилось.

Первый Владимир, Вавуил Карлович, был коренастый, круглоголовый и с кошачьими лермонтовскими усиками. Круглые глаза слегка навывкате. В разговоре картавил и сверкал золотым зубом. Вавуил Карлович очень любил офицерскую выправку. В Бомбее он заказал приходящему портному два рабочих комбинезона: бежевого цвета и цвета хаки с короткими рукавами, чтоб

* *Мастерская Ольги Славниковой «Проза для продолжающих»*

не потеть в тропиках. Вавуил Карлович делал свой первый рейс старпомом и держался прожженным морским волком. Если он не уходил в запой, его можно было встретить с чашечкой кофе и с сигаретой.

Второй из Владимиров, Вольдемар, был другом Саблина. Ну, каким другом? Они просто стояли одну и ту же вахту: с двенадцати до четырёх. Саблин на мостике, а Вольдемар в подвале, в машинном отделении. Вольдемар был из Риги. В общем, несурзная личность, похож на бледную поганку. Его даже в герои второго плана невозможно поставить, не потянет. Вольдемар часто начинает что-нибудь рассказывать, и это всегда чепуха. Например, вдруг сообщит, в каком году он впервые услышал какую-то певицу эстрадную, на самом деле никому не нужную и неизвестную, или что в Риге один мужик выиграл «жигулёнок» в лотерею позапрошлым летом.

Один только раз он удивил Саблина, когда купил в Пирее шубу из чёрного зайца своей бывшей жене. Саблин тогда спросил:

– Зачем? Вы же с ней уже давно не живёте.

И получил загадочный ответ:

– А вдруг...

В этот магазин шуб их притащили бывшие соотечественники, а ныне проживающие в Греции пацаны Гоша и Арсен. Саблин купил там себе тяжёлую как доспех коричневую кожаную куртку. После покупок они с Вольдемаром здорово напились коньяка, закусывая горькими маслинами. Коньяк был такой дешёвый, что даже назывался не «метакса», а как-то по школьному – «чернила». И Саблину пришлось трезветь уже стоя на вахте, что было невероятно тяжело.

Третий же Владимир – это Вовочка, пампик, специалист узкого профиля и сомнительных качеств. Слово «пампик» означает в переводе с английского – «человек-насос». Это такая должность на танкерах. Обычно это всегда человек с суперспособностями, но у всех пампиков эти способности разные. Вовочка своим мелочным энтузиазмом и необузданностью очень

напоминал кустаря-одиночку слесаря Полесова из «Двенадцати стульев». Однажды он рассказал:

– Была у меня в Мурмагао одна девушка. Но она была влюблена в нашего старпома Колю.

– Это почему же? – удивился Саблин.

– А в меня тогда влюбиться было невозможно, у меня была борода...

А ещё у Вовочки имелись такие качества: пострадать своим телом за пароход; отдать зуб, руку, задницу... на отсечение. Один раз он работал в полностью индусском экипаже девять месяцев. И заработал язву желудка. Ведь индусскую еду «есть невозможно, перчёное всё, сука».

Однажды, по словам Вовочки, он накладывал марку на якорь-цепь, а капитан, гад, дал реверс двигателем, цепь пошла, и Вовочке чуть не оторвало руку. Он с такой любовью об этом рассказывал, как будто это был подвиг. И уже в нынешнем рейсе славный пампик-страдалец раскрыл себе нижнюю губу ломом.

Вот как это произошло. Они с Вавуилом Карловичем мыли грузовые танки, а насос слор-танка сломался, и пампик полез его ремонтировать. Попробовал поднять корпус насоса. Корпус не шёл, тогда он использовал ломик как рычаг и даже сел на него для пушкого веса. Ломик же выскользнул и прямо в «табло». К слову сказать, Вовочка был выпимши, может, поэтому ещё легко отделался – только нижняя губа разошлась на две части. Саблин и Вавуил Карлович по очереди пытались её зашить, но иглол нужного размера не нашлось, пациент испускал предсмертные вопли и брызгался слюной как верблюд. В итоге залепили пластырем, и через неделю всё само срослось. Драма заключалась ещё и в том, что Вавуил Карлович сначала не знал о губе и кричал по рации, чтоб Вовочка быстрее заканчивал возиться с насосом, а тот осерчал от боли и тоски, взял кувалду и начал гоняться за Вавуилом. «Я, – говорил потом Вовочка, – не хотел его убивать. Я хотел ему, например, ногу размозжить, чтоб он понял». Впрочем, никто на это не обиделся и вечером они опять продолжили пьянку.

* * *

Тутик. Так Саблин называл порт Тутикорин. Не путать с Тривандрамом – это другой порт, хотя и рядом. Давно ещё, будучи четвёртым помощником в славном Н-ском пароходстве, Саблин получил смешную корректуру для лоции, которая гласила: «А порт Тируванампапурам отныне называть Тривандрам». Эта фраза была аккуратно вырезана и вклеена в лоцию. Так раньше делалась корректура. Но неужели кто-то серьёзно использовал старое название, недоумевал Саблин? Вроде:

– Алло, Ваня! Вы где сейчас?!

– Светочка, в Тируванампапурамапупивандраме!..

То ли дело – Тутик.

– Вася, до Тутика расстояние посчитал? Когда приходим? Семнадцатого?

– Сам же знаешь, зачем спрашиваешь? – ворчал Саблин.

– Ну, просто. Чтоб уточнить, – ухмылялся Вольдемар.

У них в машинном отделении висела старая замасленная карта, по которой механики отмеряли расстояние спичечным коробком: один коробок точно равнялся суточному переходу. Эти жуки всегда знали дату прихода лучше Саблина.

Швартовка прошла как обычно. И вот они уже стоят, выгружают фосфорную кислоту. Солнце в зените. Невозможно поднять глаза. Наверное, в небесах явился сам Вишну или, на худой конец, бог солнца Сурья и казнит белым огнём. А внизу всё фиолетовое и застывшее. Только медленно ползают по палубе фигурки филиппинцев. Даже на трапе вахта не стоит: Вавуил Карлович зарядил всех матросов красить грузовые трубы. Ромэл похож на Рубенса: шея обмотана красной портянкой и длинная кисточка в вытянутой руке. Фредди и Вальтер орудуют маленькими юркими валиками как заведённые. Кредо Вавуила Карловича: пока на судне есть ржавчина, матрос должен отбивать её и красить, все остальные дела неважны. «Я сделаю из этого гжавого когыта конфетку». А вон тот рыбак с удочкой – это Саблин, на самом деле он меряет груз в танках. У него в руках цепь из нержавеющей стали, на конце которой деревянная хреновина с плоским

дном. Цепь – потому что простая рулетка быстро сгорит в кислоте. А поплавков очень удобная вещь – можно, даже не глядя в танк, дергать вверх-вниз, и почувствуешь, когда он начинает прилипать к жидкости, он же плоский. И тогда засекаешь уровень: на цепи через каждый метр повязана ленточка. Но стоять надо как можно дальше от люка – пары кислоты щекочут горло.

В 14:20 по причалу прошествовала и поднялась по сходне на пароход некая персона. Это был человек в военной форме, в фуражке, с погонами и весь в значках и лычках.

– ССР¹ – палуба. Власти на борту! – доложил по радиации Ромэл.

«Что за ...!» – подумал Вавуил Карлович, и по коленкам у него прошла предательская дрожь.

– Добрый день! Я заместитель капитана порта. Могу я говорить с капитаном судна? – холодно представилась персона.

– Его нет на борту. Я, стагпом, вместо него, – соврал Вавуил Карлович. Дело в том, что капитан просил не беспокоить его по мелочам и даже отдал ключи от артелки.

– Чиф, ваша команда красит судно. Это запрещено делать у причала. Штраф – пять тысяч долларов, – сразу приступил к делу индеец.

– Вы ошибаетесь. Никто не красит, – невозмутимо ответил Вавуил.

– Позовите сюда матроса, который был сейчас на палубе в желтой каске.

Пришёл Фредди. Вид у него был живописный: роба, выгоревшая на солнце до белизны, как будто ей тысяча лет, сильно порванные обе штанины и то же на заднице. Копна черных густых волос. Очень щекастая и бравая физиономия.

– Смотри, чиф, у него на руках пятна свежей краски. Даже на лице! – искренне возмутился индеец. И тут же обратился к Фредди: – Ты красил?

– Нет, сэр!

¹ ССР (произносится «Си-Си-Ар») – Cargo Control Room – на танке-пост управления грузовыми операциями.

Они еще долго спорили. Фредди ушёл. Вавуил Карлович понимал, что полностью отболтаться не получится, и перевёл разговор в сторону торговли. В итоге сошлись на одной бутылке виски и трёх блоках сигарет. Получив компенсацию, довольный индеец заверил, что теперь они могут красить сколько хотят. Он лично разрешает им это делать. «Мы же все люди и понимаем друг друга...» – и т. д.

Старпом был почти что доволен. Да, пришлось понести некоторые расходы, но это ничего, спишется. Ещё легко отделались. Зато теперь уж можно красить сколько влезет, до самого отхода.

Прошла ещё пара часов. Приближался ужин. Саблин опять мерил груз в танках, художники на палубе накладывали последние завершающие мазки. Как вдруг Ромэл сообщил по рации:

– ССР – палуба. Власти на борту!

Вавуил Карлович подскочил и выглянул в иллюминатор. По переходному мостику к надстройке шёл такой же «генерал», как и в прошлый раз, но не тот же самый. Как говорят филиппинцы: “*Same-same, but different*”. А дальше – дежавю. Приветствие, нельзя красить, штраф.

Вавуилу Карловичу хотелось заплакать, зарычать и разбить об эту наглую морду стул. Человек в форме упорно гнул свою линию, а при сообщении о «подарке» его коллеге возмутился и заявил, что ничего об этом не знает. «Наверное, это был не настоящий офицер, а мои документы можете проверить. Вот». Впрочем, на размер компенсации – бутылка виски и три блока сигарет – он сразу же согласился. Уходя, он сказал:

– Вот теперь точно можете красить, что хотите. Больше вас никто не тронет. Я гарантирую.

Как только второй индеец вышел из ССР, Вавуил Карлович проревел в рацию:

– Фредди и матгосы! Больше в этом погту никакой покгаски!..

И далее много недобрых высказываний про какую-то бабушку, конец света и плохое международное положение. Фред-

ди хоть и разбирался уже в сильных русских выражениях, но в этот раз было много новых слов.

* * *

– А водку он хреначит как погружной насос, – сказал «дедушка» Семён Давидович.

Насчет насоса – это он имел в виду Вавуила Карловича, который последнее время всё чаще уходил в затяжное пике. Саблин уже и забыл, когда старпом последний раз появлялся на мостике. Приходилось стоять вахту шесть через шесть часов с третьим помощником Александром.

Судно, утробно ворча, ползло через Индийский океан опять в Средиземку. Уже начался летний муссон, было душно и пасмурно. Покачивало. Фредди со своими земляками таскали по палубе шланги, пампик Вовочка тоже суетился, крутил клапана, лазил зачем-то в помповое. Саблин лениво наблюдал за ними с мостика, зная, что идёт подготовка к мойке грузовых танков.

В какой-то момент пампик исчез, и его не было минут десять. И вот Саблин видит, что Вовочка выскакивает из шестого центрального танка и ведёт себя очень странно. Он... танцует. Да ещё как приплясывает. То ли камаринская, то ли чечётка безумно быстрая. И при этом начинает скидывать с себя одежду. Сначала размашисто отшвырнул резиновые сапоги, потом выскочил из кокона комбинезона, а дальше взялся стаскивать синесерые семейки. Саблин уже всё понял, выскочил на крыло мостика и закричал матросам:

– *Water! Water!*

Фредди как раз был недалеко. Он схватил шланг и начал поливать крутящегося и дергающегося Вовочку водой. Да и как не дёргаться, кислота-то фосфорная, жжёт. Он ведь полез в танк сам, никому не сказав, резиновый химический костюм не надел, только в сапогах и обычном рабочем комбинезоне. Вовочка хотел там подвинуть переносной насос (*emergency pump*) поближе к колодцу. Да поскользнулся и хряпнулся спиной в остатки кислоты.

Фредди этот мужской стриптиз Вовочке не простил. Отныне он стал называть пампика Майкл Дуглас. Якобы этот американский актёр тоже в каком-то фильме голым всех соблазнял. Фредди всегда вспоминал этот случай, а под конец рассказа зло говорил: «М-а-айкл Д-у-углас. Г-ммм».

* * *

Ещё две недели пролетели незаметно. Хотя, как посмотреть. Если в каждый отдельный момент задумаешься, кажется, что время остановилось, а вот посмотришь назад – у-ух, вроде вчера только вышли из Тутика, а уже стоят в Хайфе. И Красное море прошли, и Суэцкий канал, и начали уже грузить параксилен, и пробы первого фута заporоли. Вроде как танки плохо осушены были. Испорченный первый фут откачали в слоптанк. Вавуил Карлович со всеми спорил и, нетрезвый, бросался в истерики, за что был списан с парохода и уехал домой. Вовочка ходил смиренный, умытый, причёсанный и задумчивый, даже на берег не просился. Саблин временно принял дела старпома, пока новый не приедет.

Вот уже и погрузка закончена. Осталось дожидаться коносаменты и *port clearance* от агента. В ССР разорвал тишину телефон.

– Где этот козёл? – раздался как всегда недовольный голос «дедушки».

– Вам кого? – спросил Саблин.

– Третий механик. Ишак этот! Вольдемар! – почти заорал «дед».

Саблин сразу понял, что это всё неспроста. И правда, тут же выяснилось, что Вольдемар так и не вернулся еще из города, куда он отправился утром. Саблин вспомнил, что последние дни Вольдемар ходил какой-то странный. От пива отказывался, зачем-то рассказывал историю, как у него дома жила собака, дворняжка по имени Боцман. Еще он вроде бы говорил, что был вчера в женском общежитии. Что он туда через окно залез, и там жили русскоязычные девушки, недавно приехавшие в Израиль.

Но подробности Саблин не помнил, потому что лениво отмахнулся от Вольдемара, надо было заполнять грузовые документы.

Оставался всего час. Мастер сказал, что задерживать отход судна из-за одного человека не собирается, да и не имеет права. Придет – хорошо, а если нет, надо к этому подготовиться: собрать вещи третьего механика и отдать агенту. Тот разыщет «блудного сына», если надо, через полицию, и организует отправку Вольдемара домой. «Вот это да, – думал Саблин. – Как же быть? Бросаться на поиски человека в большом незнакомом городе – нереально. Если бы я вчера выслушал весь этот бред про общежитие, сейчас знал бы, что делать... Блин. Получается, мастер прав, как бы жестоко это ни звучало. Надеюсь, с Вольдемаром ничего страшного не случилось. Вот урод!»

В каюте Вольдемара Саблин никогда раньше не был. Обычно они пили пиво у Саблина. Дверь не заперта. Каюта как каюта. Умывальник, как в заброшенной психбольнице; на крючке висят две робы, такие грязные, будто в них кто-то купался в мазуте; неубранная кровать; на столе скорлупа от орехов и карамелизированные потёки.

Саблин нашёл в шкафу матерчатый чемодан и начал закидывать в него вещи. Пуловер, шорты, горсть носков. Почему нигде нет документов? Ну, паспорт-то, может, был с ним, а где рабочий диплом и все эти дурацкие сертификаты? Что-то многих вещей не видно. Нет рюкзака, куртки, никаких брюк и рубашек, и вообще всё как-то совсем уж безжизненно. Стоп. А где чёрная заячья шуба?.. А может, Вольдемар и не потерялся вовсе? Побег? Но зачем?

На отшвартовке Саблин был на корме. Отдали шпринги и начали их выбирать, судно отходило от стенки. Мокрая гаша залетела в клюз, чавкаяще шмякнулась на палубу и поползла к лебёдке. Причал был пуст, как равнина на Марсе. «Эх, Владимир, Владимир. Удачи тебе», – подумал Саблин.

* * *

– Ну и р-р-рожа, – сказал «дедушка» Семён Давидович, разглядывая себя в зеркало на мостике и любовно поглаживая бородку-эспаньолку. – Как у обезьяны... жопа.

«А ведь и правда в нём есть что-то обезьянье, – подумал Саблин. – Просто я раньше не знал, что именно».

Натали Верна*

Последние дни

COVID-19

Старики не рисуют
Больше вазу.
Не гнут позвоночники
В залах для джиу-джитсу.
Самый главный враг
Человечества назван.
Женщина в маске
Спиртует ребенку джинсы.
Антисептик навроде
Святой воды.
Изыди!
Останутся только лучшие.
Те, которые взяли еды
По случаю.
От гречки легче,
Хотя гречка не лечит.
Действует как седация.
Батарей выстроим, выстоим

* *Поэтическая мастерская Евгении Коробковой и Михаила Эдельштейна*

Нечего!
Мы же сильная нация.
На полках лимоны
Тщательно выбирая,
Причитает многодетная мать:
Не из Китая!
Не из Китая!
Итальянские тоже не брать.
Старики сидят прилежно
На карантине.
Листают фотки недорисованных ваз.
Помнишь тот, свиной,
Как-то же победили?
Может, и в этот раз?

Демоверсия старости

Демоверсия старости.
Сложно подняться с дивана.
Тяжелые руки и ноги,
Халат. Махровый, рваный.
Шея из гипсокартона.
Читаешь ребёнку лекции.
Не радуется картина,
Купленная в Венеции.
Не открываешь окно.
Воздух пахнет борщом.
В отражении – рябь от акне.
Что там еще
От молодости, кроме следов,
Счетов, ипотек?
Так жалко себя, что готов
До утра сморкаться в платок.
Обещали, к тридцати –

Вот там-то и начнется жизнь.
Но так уж стало трясти,
Что это не жизнь, а жуть.
Все ближе и ближе он –
Террипратчеттовский, во плоти.
Говорит, если есть лимон,
Обязательно заплати.
Бездумно кликаешь вкладки.
Москва – это ваш город?
Что уж, все в одной лодке.
Курьер доберется скоро.

Последние дни

Залив океана. Последние дни.
Кафе. У воды – столики.
А под водой проплывают они –
Рыбины-меланхолики.
Они здесь были всегда, а мы
Случайные посетители.
Плывут тунцы, акулы, сомы.
Рыбины-повелители.
Им все равно, что в их водах жизнь
Зачалась. Туда же канет.
Они плывут по течению вниз,
Но весь океан – в стакане.
Стакан на столике. Стол у воды.
За столиком – человек.
Протрет салфеткой со рта следы:
«Пожалуйста, можно чек»?

Solaris

На линии времени
Снова и снова здесь.
Мы видели, как из семени
Вырос лес.
Лес сжался до точки,
До родинки на щеке.
Мы были точно
Не пойманные никем
Звери.
Или сбежавшие из тюрьмы.
Но в прошлом времени
Мы были просто мы.
Мелькали дворники
Стражем на лобовом.
И – лоб ко лбу – обещал мне,
Что доживём.
Что мир станет чище,
Сутью своею цел.
Дышал все чаще:
Купол наш запотел.
Но разрослись
Так дивно
Вокруг леса.
Что вот мы гибнем –
Ну и кого спасать?
Ты тушишь, тушишь.
Сам себя переживешь.
Все тише, тише
По лобовому дождь.

Плёнка

Тени на стенах в «режим»,
Лучшие снимки – чужим.
Здесь и со мной лежи:
Афродита и Клеопатра.

Длинные пальцы и плащ,
Детский тревожащий плач,
Встречу со мной назначь –
Но не иди из театра.

Тени от жалюзи,
Всё изменила жизнь,
Фоточки загрузи:
«Это сто лет назад».

Утром и часов в пять
Хочется вспоминать.
Вспышка, щелчок и прядь,
Тени, забор, фасад.

И всегда будет недо,
Ни тут, ни там.
Читающий бредом
И по губам.
Настоящего если и есть
На треть,
То не знаю,
Где поглядеть.

Через дыры эти
Сочится дар,

Даром не нужный,
И тот, кто дал, –
Был, поди, снаружи
Старик Дедал,
Расставляющий сети.

А чуть солнце встанет,
И он менял
Зеленый на красный,
Дурь на дар –
Тогда уж летел Икар.

Это кнопка
Размером с дыру
Горит.
Нажимай, говорит,
Отец, delete.
Нажимай, как тебе душа велит.
А запишут по протоколу.

И дыра от солнца
Уже мала.
Наизнанку не влезть,
Течет смола.
И как ни вей,
Ни вяжи, ни тужи,
А все пустей
Оболочка души.

И пустей
И пустей
И пусто.

Платон Гурьянов*

Живая речь

Что там внутри?

Что есть скука и боль?
Это шар голубой. У окна светло-серой высотки
Притулился ребёнок полунагой,
Погружённый в пейзаж и в себя с головой–
Как с артхаусной фотки.

Шар парит недвижим.
Серость чертят стрижи. Над природой царит ежедневность:
У помойки собаки дерутся за кость,
И детишки, играя, растят в себе злость
И телячью нежность.

Данность – сумма пустот,
Но возможен исход, только скрыт непрозрачностью шара.
Тихий мальчик всё смотрит и смотрит во двор,
Развивая незримый немой разговор,
Ожидая удара.

* *Поэтическая мастерская Евгении Коробковой и Михаила Эдельштейна*

Ожидая разрыва и грома стекла,
Ожидая возможность расправить крыла
и взметнуться повыше
Или просто в реальность иную уйти,
Через тернии к звёздам себя прорасти,
Или рухнуть на крыши.

Размышления на привале конного похода

*Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае,
как на луг, по которому ходят женщины и кони.*

И. Бабель

Идея слияния с природой проста –
Забраться в места, где звеняще ясна подоплёка.
До срока я думал, что куст – это ветви куста,
Что править конём означает хлестать и лёлёкать.

Но, бросившись в луг, осязая дыхание трав,
Отринувши страх разбазарить частицу контроля,
Почувствуешь волю коня и стремглав
Несёшься галопом, сливаясь с конём, через поле.

Коня усмирив, припадаешь плотнее к корням,
Снимаешь узду, и кропит ваши схожие души
Смех девушек, шеи обнявших коням
И шепчущих что-то им в чуткие рыжие уши.

Законнепослушание (COVID)

Они забирают немножко там и немножко тут,
Они говорят, можно тихо, без рук, в сети,
Но я каждый вечер тревожно черчу маршрут
Выскачкой из подъезда через пустырь.

С тобой мы посажены смирно куда кто сел,
Лишь скайпа позволено ватное бу-бу-бу,
Но я стал машиной на полупустом шоссе,
Стал лезвием, с шелестом режущим мглу.

Они говорят...но лишь разевают рты,
Как будто в их телике включен беззвучный скетч.
От Марфино до Черёмушек тридцать минут езды,
Я еду, чтоб слышать живую речь.

Герника

Живые могут нам рассказать
О том, что тыквенный
Латте чем перечный
Шоколад вкуснее, что десять тому назад
Было свободней, но ненадёжней,
Сейчас популярно с мате мороженое.
Трупы неровным рядком лежат.
В центре города сад или парк
Интересен для молодёжи,
Для тех кто постарше важен
Вид на пруд и выгул собак.
У той арочки тикающий заряд.
Под арочкой лавочки, места
Для курения притягательны.
Дети прилагательное
«Круто» чаще используют, чем «отпад»–
Это важно для контекстных реклам.
Один без головы. Кремовый
Фон сразу делает премиум
Среднестатистический инстаграм,
Фалафель продаётся активнее, чем удон,
Места у окон приносят более чаевых

Кстати, места у окон первыми режет взрыв,
Причинив экономике ресторана урон.
В то время как этот гомон умолк,
Мёртвые только что и расскажут,
Кто к выходу нёс чуть живую поклажу,
А кто два пальто к машине волок.

Артём Ефименко*

Женщина-единорог (18+)

Пьеса для театра Но

Действующие лица:

ИЗЭНЭМИ – женщина, которая приглашает.
НОБУО – сёгун, преданный человек.
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК – старик. Позже – Дух Ветра.
СВИТА
ЖИТЕЛИ САМАРЫ
ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК

*Эта пьеса – что-то типа:
Японского периода Ван Гога,
Значков анимешника на рюкзаке,
«Мальшиа» в Нагасаки,
Стихов дауншифтера из средних веков
Или васаби из столовой горчицы.*

*Эта пьеса – что-то типа сна.
Такое может присниться:*

* Мастерская Дмитрия Данилова «Пишем первую пьесу»

Ему,
Ей,
Мне,
Тебе,
Кому угодно,
Всем.

*Такое может присниться, когда:
В комнате сильно натоплено,
Все думали об одном и том же, пока засыпали,
Все болеют одной и той же болезнью,
Скучно, а за окном валит снег.*

Я никогда не был в Самаре.

*Место действия: Славный город Самара. Время года: осень
или зима – холодно.*

Картина нулевая. Спойлеры и прочее

Выходит БОСОЙ ЧЕЛОВЕК.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Запад или Восток –
Всюду одна и та же беда.
Ветер равно холодит.

Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле –
Мой одинокий стон.

Там, где родится поток,
Низко склонилась ива:
Ищет ледник в земле.

Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.

Иней её укрыл,
Стелет постель ей ветер...
Брошенное дитя.

Чтоб холодный вихрь
Ароматом напоить, опять раскрылись
Поздней осенью цветы.

Совсем легла на землю,
Но неизбежно зацветёт
Больная хризантема.

И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьёт торопливо
С хризантемы росу.

Ростки озимых взошли.
Славный приют для отшельника –
Деревня среди полей.

Поля по-зимнему глядят.
Лишь кое-где крестьяне бродят,
Собирая листья первых трав.

Путник в дальней стране!
Вернись, тебе покажу я
Истинные цветы.

Дом на славу удался!
На задворках воробьи
Просо радостно клюют.

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.

Как завидна их судьба!
К северу от суетного мира
Вишни зацвели в горах.

Зимние дни в одиночестве.
Снова спиной прислонюсь
К столбу посредине хижины.

Это грустная и жестокая история.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК уходит.

Интермедия с главным героем

Выходит НОБУО.

НОБУО: Да будет вам известно, я – странствующий сёгун. Вместе с моей свитой. Вон они, там, танцуют у костра и пытаются согреться. Вместе с моей свитой мы ходим от селения к селению и пытаемся сделать жизнь людей хоть сколько-нибудь сноснее. Обычно это происходит так. Мы входим в город с какой-нибудь песней, которую там особенно любят. Ну, «Любэ» или Скриптонита какого-нибудь. Нам-то всё равно вообще. Я говорю торжественную речь, и все уже в принципе рады, что видят чуваков из такого далека, как мы. Ну, то есть, оттуда. Из столицы. Смотрят так, чтобы запомнить. И, не знаю, потом, может, корчить рожи перед зеркалом. И вот все аплодируют, и затем я поднимаю руку, все умолкают, и я с пафосом спрашиваю: «Ну, чем же мы можем помочь вам?» Ну, с тем посылом, что они и так заебись живут, что типа помощь вообще как бы не

нужна, но вдруг мы можем порадовать чем-то. По-братски, типа. И это, там, в Орле каком-нибудь или, там, в Бузулуке условно. Или, вон, только приехали оттуда – Сызрань. Город – сказка.

Ну и все, конечно, нет-нет да и «да». Мол, живём славно, но вот бы порадовать чем себя. Ну и тут я произношу другую пафосную речь, и мы начинаем раздавать деньги.

Красивая сцена. Все тянут руки, давят друг друга. И так, в общем, всегда.

СВИТА изображает давку и какой-то мош.

НОБУО: Да будет вам известно, мне это всё не особо нравится. Но в целом работа как работа. Но тут вот какая штука. Список городов нам всегда присылают только за неделю. Ну, чтобы людям сюрприз сделать. И есть такое правило. Блядь, я не думал, что это так скоро случится. Сука.

В общем, так заведено, что как только ты наносишь визит в качестве сёгуна – это я сейчас – в свой родной город, откуда тебя однажды забрала Великая Свита. Ну вот эта шпана, что пытается согреться у костра. Как только ты добираться домой, ты должен остаться там навсегда и следить за тем, чтобы жители славного города и дальше радовались жизни. И вот завтра я буду дома. В Самаре. И, кажется, я совсем не помню её. Самару и свою прошлую жизнь. Лишь какой-то силуэт и странное имя: Изэнэми. И больше ничего. Но я вспомню. Я вспомню, хотя я совсем этого не хочу. Эта ностальгия. Чтоб её нахер, нахер.

Ну это я так вам рассказал, чтобы вы врубались. Это называется интермедия. Это не ваш уровень английского, это такое как бы пояснение. То есть, это всё как бы чисто для вас специально. То есть, я на самом деле это всё про себя говорю. Хотя зачем это говорить, если я и так всё знаю. Я так долго об этом не рассуждаю. Просто думаю. Сука, ну за что. За что, сука? Вообще нам положено говорить стихами, ну или чем-то подобным. Но из трёх слов не сделать хокку. Особенно если это слова: «Самара», «сука», «блядь». Порядок произвольный.

Картина первая. У колодца

НОБУО садится на край обрыва, поодаль горит яркий костёр возле заброшенного колодца. Сзади видны пляшущие фигуры СВИТЫ.

НОБУО:

Прошёл я много км,
Прежде чем вновь увидеть дом,
Который ни хрена не видно.
Тёмное небо.
Падают сверху на поднятый лоб
Снежинки и звёзды.

Внизу тянется дорога:
Белые огни попеременно с красными.
Отсюда – красиво.

Вечер. Двор.
Сугробы, ледяная корка на асфальте.
Протяжный лязг лопаты.

Иду домой. Темень.
Сугробы – по обе руки. Без шапки.
Мороз – в темя.

Замёрзли уши,
Это странное слово «промоглый»,
И руки заоченели.

И мысли сбиваются.
Лишь бы стало теплее.
На душе.

Хоть кто бы сказал раньше,
Что возвращаться сложнее,
Чем уходить.

А так всё.
Возвращаться – плохая примета.
Не более.

И менее, чем через ночь.
Я – там.

Точнее – здесь.
Дома.
Привет, Самара!

И там,
Точнее, здесь,
Изэнэми.

Из сна приходит
Еженощно она –
Не видать лица.

Она или нет?
Рассмотреть уже много ночей
Не удаётся.

Под капюшоном
Скрыто лицо её, точно её,
Но какое?

Как только приближаюсь,
Её уж нет.
И только ветер свищет.

И свист этот
Складывается в слова,
В нечто вроде

Весёлой шутки
Или детской загадки.

Что выберешь –
Реку, бегущую вниз,
Или дерево, растущее вверх?

Откуда-то слышен смех. НОБУО озирается.

НОБУО:
И ветер, который беспрестанно свищет,
Словно говорит мне:
Это не она.
Это не она.
Ты обознался.
Это не она.
Это женщина-единорог.
Это не она.
Её уже давно нет.

И каждую ночь
Я просыпаюсь в зарю
И иду дальше.

И это единственное, что...

Подходит КТО-ТО ИЗ СВИТЫ.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ты что, брат, уснул?

НОБУО оборачивается.

НОБУО: Чего?
КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ты уснул, что ли?
НОБУО: С чего ты взял?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Да вот, сидишь неподвижно. Бормочешь что-то, словно видишь какой-то сон. Кошмар, там, или наоборот.

НОБУО: Да нет, ничего. Просто. Да что-то. Вид такой отсюда.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ (*смотрит туда же, куда смотрит Нобуо*): Вид? Не видно ж ни черта. Только шоссе освещено, и вон там что-то в центре. Памятник или какой-нибудь дом культуры. А так. Темень какая.

НОБУО: Вот в том и дело. Я смотрю на свой родной город, а его как будто нет. Понимаешь? А вдруг он делся куда? Меня давно тут не было.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Самара? Да куда она денется? (*Задумывается*). Да не, не так давно какой-то матч смотрел по телеку. Там «Крылья Советов» играли. И комментатор говорит какую-то штамповую муру типа: игра состоится при любой погоде. И потом так добавляет: даже в минус пятнадцать, в Самаре. И я тогда подумал.

Зачем им это вообще нужно? Ну, типа, футбол зимой. Трава зимой. Это же, ну, просто... Как это?

НОБУО: Сюр?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Да не. У нас такое слово есть красивое. Как бишь его?

НОБУО: У кого у нас?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Кароси! Точно, кароси. Знаешь?

НОБУО: Это же типа когда люди умирают от переработки или вроде того. В Японии.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Вот именно. От переработки. Это типа как – сгорел на работе. Вот и они так же.

НОБУО: Кто?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Да футболисты из «Крыльев Советов». Вот ты прикинь какая у них работа. В минус пятнадцать два часа мяч пинать.

НОБУО: Да уж.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: И ведь они бегают в шортах там. А холодно пиздец ж, да?

НОБУО: Ну да.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ну вот. Там и заболеть влѣгкую. Или просто депрессию словить.

НОБУО: Чего?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ну, депрессию. Вот ты футболист «Крыльев Советов». Какой-нибудь простой самарский парень. Ну или простой конголезский. Знаешь – Конго? Жителей Конго называют конголезцами. Красиво. Ну вот. Ты, предположим, простой конголезец и играешь в Самаре в футбол в минус пятнадцать. И вроде бы всё ОК, всё логично. Глобализация и всё такое. Но ты вдруг задумываешься: я что, совсем долбоѐб, чтобы играть в футбол в минус пятнадцать? Так далеко от дома. Там река Конго, а тут – река Волга. И всё вокруг такое серое. И едва ли я попаду в премьер-лигу на будущий сезон. И такая тоска берѐт.

Ну ты понял. И тут ну реально мощное может быть потрясение, хотя ты самый простой парень из Конго, который любит пинать мяч.

НОБУО: Да. Я как-то об этом не думал.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ну, конечно. У тебя заботы есть и поважнее.

НОБУО: Какие, например?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ну, как. Ты же дома почти. Я вот дом уже лет пятнадцать не видел. А ты вот уже на пороге почти. Табличка вон уже эта белая маячит.

НОБУО: Ну да.

Пауза.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Она мне часто мерещится или снится. Не знаю.

НОБУО: Кто?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Табличка эта. Вижу её просто, ну, типа, когда глаза закрываю. И знаешь, какое-то такое странное чувство. Типа я не понимаю, приближается эта табличка или отда-

ляется. То есть, я не врубаюсь, в какую сторону двигаюсь. Вперѐд или назад. К ней или от неё. Понимаешь? И вот потом я думаю: надо сконцентрироваться и понять, куда же я всё-таки двигаюсь. Я закрываю глаза, делаю вдох и пытаюсь вслушаться в пространство. И всё равно ничего не понимаю. Несусь куда-то, но вот куда – не понимаю. Это, знаешь, типа как лошадь в таком маленьком фургоне.

НОБУО: Какая лошадь? В каком фургоне? Ничего не понимаю.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Да не знаю, какая лошадь. Неважно. Просто лошадь, которую везут куда-то в таком специальном лошадином прицепе. Понял?

НОБУО: Ну.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: И вот она несѐтся в этой маленькой комнатке с огромной скоростью, и ведь это страшно. Из-за шума, из-за того, что темно, из-за того, что эти стенки такие хлипкие. И вот я прям ощущаю себя этой лошадьёю. Ощущаю, как мне страшно, как я гажу под себя и думаю, что как выйду из этой клетки, дам этому гандону, что меня запер, в зубы и убегу как можно дальше ко всем чертям.

НОБУО: И к чему это всё?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Да это просто, знаешь, мысли вслух. А про что мы говорили?

НОБУО: Про то, что ни хрена не видно, про белые таблички. И ты сказал...

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Да-да! Это так пугающе. Знаешь, что самое пугающее? Вот я представляю, что двигаюсь в сторону таблички – страшно, от неё – тоже страшно. И получается, что двигаться вообще страшно. Но нельзя же не двигаться. Так?

НОБУО: Да, так. Наверное, так.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Нам же с самого вот такого возраста говорят: жизнь есть путь. И так далее. И тогда нужно обязательно куда-то идти, так? Нельзя, получается, просто остановиться, сесть или лечь и совсем ничего не делать.

НОБУО: Дзен – в пути.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Вот-вот.

Пауза.

НОБУО: А что на твоей табличке-то написано?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Тюмень. А на твоей?

НОБУО: Самара.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: А ну да, точно. Не видно её что-то ни хрена. Ладно, я пойду. Тебе есть о чём подумать.

Пауза. Оба не двигаются с места.

НОБУО: А ты о чём бы думал?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Когда?

НОБУО: Если бы стоял на холме и смотрел на свой родной город, а его было бы не видно.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Честно?

НОБУО: Да.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Я не знаю.

НОБУО: Вот и я тоже не знаю.

Пауза.

НОБУО: Здесь холодно. Пойдём к остальным?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Д-да, пойдём. А что за женщина-единорог-то?

НОБУО: Женщина-единорог?

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Ну да. Ты бормотал что-то. Я ещё подумал, что это, наверное, что-то очень красивое. Средневековое такое.

НОБУО: Да просто. Не знаю. Это типа сна. Я давно его вижу.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Значит, она тебе нужна.

НОБУО: Сон или воспоминание. Не знаю.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ уходит. НОБУО остаётся один.

НОБУО:

Сон или воспоминание.

Если сон – страшно,

И если воспоминание – страшно.

Привет, Самара.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ подходит к костру, где стоит оставшая СВИТА и закусьивает. СВИТА исполняет Танец Согревания. Ведь на улице зима или осень – холодно. А Танец – под песню.

СВИТА:

Издали долго течёт река Волга,

Течёт река Волга, конца и края нет.

Среди хлебов спелых, среди снегов белых

Течёт моя Волга, а мне семнадцать лет.

НОБУО подходит и вопросительно смотрит на СВИТУ. Та прерывается.

СВИТА:

Тренируемся, брат.

Да и песня ничего, распевная.

Как хочется водки.

Или чтобы кто-то обнял.

НОБУО: Давайте согреемся.

НОБУО и СВИТА исполняют Танец Согревания.

НОБУО (*Песня Согревания*):

Высокий костёр

Горит мёрзлыми дровами,

Которые были высокими елями

С тяжёлыми от снега лапами.

Голая-мокрая земля открывает заспанные глаза

От яркого света, от тепла, от топота ног.

И многоэтажный дым тянется к пропасти,
Где лежит Славный город Самара.
Спускается дым, виднеется огонь.
И мы танцуем, чтобы согреться.
И не хватит высоких елей, чтобы растопить эту зиму или
осень.

Не хватит и углей, что так быстро остывают.
И потому как не хватает дров,
Мы исполняем этот танец,
Который похож:
На притопывания на остановке, пока ждёшь маршрутку,
На прыжки через костёр из детских сказок,
На красные лица скоморохов и продавщиц в «Пятёрочке»,
На ржавый золотой самовар,
На стоптанные валенки и соль на ботинках,
На крепкий чай с лимоном и водкой.
Это такой нескладный танец,
Который зовётся Танцем Согревания.

*НОБУО отстраняется от СВИТЫ и смотрит вниз, на го-
род.*

НОБУО:
Добрые самаритяне.
Они никогда не делали зла,
Потому что не было смысла,
Ведь отсюда не выбраться.
Все здесь равны и одинаковы.
И не делают зла, потому что это не поможет.
Здесь есть всё.
Длинная река,
Такая, что этим можно гордиться.
Лада Приора,
Лада Гранта
И ещё какая-то особенно уродливая Лада.

Как её? Не помню.
И внутри – разбавленный девяносто второй.
И так далее.
Крылья Советов,
Что вечно играют под светом софитов с Ярославским
Шинником на искусственном газоне в минус пятнадцать.
И на стадионе так холодно, что мгновенно остывает чай из
бидона, так что проще пить водку.
Ларгус – вспомнил! Лада Ларгус.
И ещё есть Юнгородок,
Город моей Юности,
И там даже есть метро.

Отсюда не выбраться,
А если получилось сбежать,
То Самара навсегда с тобой.
Самара никуда не денется.
Она прямо вот здесь.
Бьётся и греет.
Лишь изредка.
Её не залить колою и крафтовым пивом.
Её не зажрать майонезными роллами.
Её не выбить на андеграундном моше.
Её не выдуть через айкос.
С ней ничего не сделать.
Самара навсегда здесь.
Самара навсегда.
И это – фраза для финала.
Или она вообще не отсюда,
Но так уже вышло, что это и есть конец,
И эта фраза здесь.
Здесь.
И потому нет ничего такого в том, что я вот-вот вернусь домой.
Взгляну на длинную реку и испытаю гордость.
Возьму яндекс-такси и прокачусь на Ладе

Любой абсолютно модели.
Послушаю радио.
А таксист скажет:
Не по погоде ты чё-то оделся, долбоёб.
И приду к маме, которая подумает то же самое,
Но скажет: я рада, что ты приехал.
В этом ничего такого нет.
Ведь это всегда есть со мной, где бы я ни был.

Опускается ночь. Гаснет большой костёр. На него показывают пальцами ЖИТЕЛИ САМАРЫ, которые выходят на мороз из всяких баров, «рюмок» и торговых центров.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:
Вот это огонь.
А завтра у нас будет праздник,
И мы наконец будем счастливы.

Славный город Самара готовится принять гостей из столицы, как может.

Картина вторая. Славный город Самара.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ стоят на площади и что-то молча пьют из кружек. Где-то поодаль виднеется фигура БОСОГО ЧЕЛОВЕКА. Вдалеке раздаётся ропот. Люди приходят в волнение. По толпе проходит лишь одно слово: едут.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:
Едут, едут, едут.
Уже почти приехали. Да. Едут.
А мы что же?
Стоим тут, пьём что-то из кружек, и даже не подготовили ничего.

Что надо, то и пьём.
А что надо было готовить?
Ну, песню, там. Мы же умеем.
Мы живём впроголодь, страдаем, не смеёмся уже столько лет, потому что –
Знаем, знаем.
Ну вот, и мы ещё должны радоваться? Песни петь? Хули тут веселиться?
И то верно.
Да правда-то правда. А вот неловко будет.
Приедут, спросят: а чего рожки такие кислые? А мы чо?
Да вот ничо. Так и скажем.
Кислые, потому что ты совсем не ту девку поимел, бро.
Это если он приедет, а может кто ещё?
Кто ещё?
Он один и есть.
Откуда вы знаете-то?
Старик нам сказал.
Как он сказал?

Все хором.

Вернётся путник,
Принесёт иголки дикой хвои
С собою в волосах.

Красиво всё-таки.
Да, красиво.
А что это значит?
То и значит, что он вернётся.
Ну и что? Ну вернётся, а с чего вы взяли, что станет лучше?
Да как же иначе?
Да, куда уж хуже?

ЖИТЕЛИ САМАРЫ чокаются жестяными кружками.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Едут, едут.

Ну что, вот оно и наше счастье.

Какое бы ни было – другого нам не видать.

В город въезжает СВИТА. СВИТА движется единой процессией, которую возглавляет НОБУО. Он улыбается и кивает. Процессия доходит до центральной площади города, на которой стоит Памятник Вениамину Куйбышеву. СВИТА исполняет Танец Посещения под аккомпанемент любимой всеми здесь песни. Здесь это не «Любэ» и даже не Скриптонит.

СВИТА:

Здесь мой причал, и здесь мои друзья –

Всё без чего на свете жить нельзя.

С далеких плёсов в звёздной тишине

Другой мальчишка подпевает мне.

Издалека долго течёт река Волга,

Течёт река Волга, конца и края нет.

Среди хлебов спелых, среди снегов белых

Течёт моя Волга, а мне семнадцать лет.

НОБУО и СВИТА (*Песня Посещения*):

Мы прошли многие км,

Чтобы добраться до вас, жители Самары.

Нет больше такого богатого и счастливого края.

И вы можете поверить нам, ведь мы видели много.

Прошли многие км.

И вот мы здесь.

Какой тёплый приём, и в такой мороз.

Как тепло от ваших улыбок, от вашего смеха.

И нам так хочется петь и танцевать.

Нам так хочется устроить вам –

Нет, не праздник –

Настоящее торжество.

Поэтому мы дарим вам:

Торжество духа,

Торжество морали,

Торжество любви,

Торжество милосердия,

Торжество справедливости.

И немного денег.

Всё это для вас, Жители Славного города Самара.

СВИТА:

Сказала мать: бывает всё, сынок.

Быть может, ты устанешь от дорог.

Когда придёшь домой в конце пути,

Свои ладони в Волгу опусти.

Издалека долго течёт река Волга,

Течёт река Волга, конца и края нет.

Среди хлебов спелых, среди снегов белых

Течёт моя Волга, а мне семнадцать лет.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ нехотя всё же подпевают, хотя стараются стоять отстраненно. НОБУО отделяется от СВИТЫ. Он выходит на площадь прямо к памятнику Вениамину Куйбышеву. ЖИТЕЛИ САМАРЫ отводят глаза. Никто не улыбается, и даже жестяными кружками уже никто не чокается.

НОБУО: Помните ли вы меня, добрые самаритяне?

Пауза. Никто не отвечает.

НОБУО: Я – сёгун Нобуо. Когда-то я покинул свой отчий дом и отправился в Великий Путь.

Пауза.

НОБУО: Я обошёл много земель, я видел множество людей. Счастливых и добродушных, но нигде меня не встречали такими светящимися лицами, как здесь. Как счастливо вы живёте здесь. И всё же я должен спросить вас. Можем ли мы, я и моя свита, сделать что-то для вас от имени великого государя?

Пауза.

НОБУО: Да-да, не все сразу. Давайте выберем одного самого достойного и уважаемого человека в вашем селении. Кто самый достойный из вас, добрые самаритяне?

Пауза.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Пусть старик с ним базарит.

Да, где он?

Эй, старик.

Слышь, старик.

Поговори, пожалста.

На площадь выходит БОСОЙ ЧЕЛОВЕК.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Я буду говорить с тобой от имени жителей Самары, сёгун Нобуо.

НОБУО: О, ты говоришь. Я уж думал, мой язык им не понятен.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Слышь, в сраку пошёл, гондон.

Совсем охренел.

НОБУО оборачивается.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Покидая дом,

Запомни запах кухни и половиц.
Вспоминай чаще.

Он ни черта не помнит. Совсем.

Обращаясь к НОБУО.

Не суди их строго, сёгун. Тут многое изменилось с тех пор, как ты покинул нас.

НОБУО: Я заметил это, старик. Но что же случилось?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК рассказывает, что случилось, пока НОБУО не было.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Когда-то Самара была славным городом. Здесь жили добрые простосердечные люди. Они были такими добрыми и простосердечными, что они вошли в нарратив. Про них так и говорили: добрые самаритяне и самаритянки.

И это было правдой. Я прослышал об этом чудном крае и приехал сюда со своей дочерью. Я хотел, чтобы она росла... Как это говорится?

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: В нетоксичном бэкграунде.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Вот-вот. И поэтому мы переехали сюда с дочерью. Мою дочь звали Изэнэми. Это означает: женщина, которая приглашает. Просто такое имя, ничего особенного. У каждого же имя что-то значит. Но она ещё не была женщиной.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Ха, а теперь что?

Уж она наприглашала будь здоров.

Ты тоже, конечно, молодец – так дочь назвать.

Как говорится.

Как корабль назовёшь...

А вы знали, что в Англии корабль – это ши?

Шип, а не ши, дебил.

Да не, в смысле, женского рода. Хи-ши-ит. Понял?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И здесь мы обрели свой дом. Мы жили уединенно. Я ходил на реку и ловил рыбу, а Изэнэми носила её на продажу на рынок.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

На Губернский рынок.

Который на Агибалова.

Рейтинг 4,2.

Всё есть! Выбор хороший! Ну и качество соответственно.

Чисто, удобно, даже для инвалидов все предусмотрено.

Купила шампунь за 199 р. и дезодорант за 149 р. А так очень хороший рынок, отличный выбор продуктов, фруктов и мяса.

Запах испорченного мяса витает по всему помещению, очень грустно...

Хороший запах приправ. Все очень дешево.

Это, пожалуй, самое дорогое место для торговли, красный и белый лук стоит 200 рублей.

Был там пару раз, никому не советую. Типичный рузкий рынок.

Нууф. Был лучше. Дорого все ппц.

Есть павильон с вкусной и вредной выпечкой, в 6:00 спасает меня от голода.

Когда-то это была почти что Мекка.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Я говорил Изэнэми, чтобы она не привлекала внимания и возвращалась, как только удавалось продать улов. Так было безопаснее. Мы хорошо знали людей. И всё было хорошо, пока люди не стали замечать её.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

О, прекрасная Изэнэми.

Наши девчонки, конечно, тоже ничего себе, но эта...

Я из-за неё начал есть воблу. Не потому что она как вобла, а потому что она её продавала.

У неё всегда было такое лицо, будто мыслями она где-то не здесь. И стоит ей сказать, типа: девушка, две воблы заверните, как она смотрит на тебя и так улыбается.

Да, и жена спрашивает. Вот на хер тебя на рынок посылать – всё рыбу тащишь.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И ею становились одержимы в любом месте, куда бы мы ни приезжали прежде, но в Самаре жили добрые люди, которые не мыслили зла. И я решил, что это – хорошие люди. Я стал чаще отпускать Изэнэми на рынок. Ей нравилось там. Она смотрела за тем, как они живут. Ей было интересно. Она говорила мне, чтобы я не думал о них так плохо. Что они лучше. И могут быть ещё лучше. Она общалась, росла. Ей было это нужно. Да и всё-таки я – не самая приятная компания.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Это уж точно.

Ты такой нудный, жесьть.

Да, сдохнуть хочется, пока ты что-нибудь договоришь.

Но стихи хорошие.

Да, красивые.

Хоть и непонятные.

А не всё понимать надо, понял?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Изэнэми стала чаще бывать в городе и дольше оставаться там. Однажды ей сказали... Что вы ей сказали?

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Мы сказали: однажды ты придёшь к нам насовсем, забудешь о своем старом отце-пердуне и будешь править нами, прекрасная Изэнэми!

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Так и сказали?

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Ага.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И я стал следить за ней.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: У-у-у.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И я узнал, что Изэнэми стала проводить много времени с юношей, который водил её к заброшенному колодцу. О том колодце ходили слухи, будто в нём покоятся души многих обманутых девушек.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Он лишил их чести называться самаритянками.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну, можно и так сказать. Юноша водил их к колодцу. Он много говорил всяких слов. Это был ты, сёгун.

Тогда ты лишь грезил о том, чтобы присоединиться к Свите и отправиться в Великий Путь. Тогда ты был лишь обычным самарским юношей. Ты помнишь, что говорил тем девушкам?

НОБУО:

Вся прошедшая жизнь,
Словно лес в туманное утро –
Рисуется и ускользает.

СВИТА:

Жизнь есть путь,
А память – лишь фонарик на айфоне.
Много ли помнит он?

НОБУО:

Юность – минувшее время,
Но грусть, оставленная ею,
Со мной навеки.

СВИТА:

Туман забвенья
Застилает тревоги юности.

Любовь.

НОБУО:

Любовь.

Любовь.

Любовь.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Чо они несут?

Это, типа, он не помнит?

Я ни хрена не понял – он помнит наших дочерей или нет?

СВИТА: Каких дочерей?

НОБУО: Блин, я вообще их не помню. Какие-то тёлки? Мёртвые к тому же. Я же никого не убивал.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Сёгун, чтобы ты мог всё вспомнить, мы позовём их. Мы споём их любимую песню.

СВИТА: Каких ещё дочерей? У нас обет. Эй!

ЖИТЕЛИ САМАРЫ поют любимую песню Мёртвых девушек.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Платок тонет и не тонет,
Потихонечку плывёт,
Милый любит и не любит,
Только времечко ведёт.

Ах, Самара-городок, беспокойная я,
Беспокойная я, еспокой¹ ты меня!

Я росла и расцветала
До семнадцати годов,
А с семнадцати годов
Крушит девушку любовь.

Ах, Самара-городок, беспокойная я,
Беспокойная я, еспокой ты меня!

Появляется ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК, который вновь и вновь поёт припев.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Здравствуйте, наши мёртвые дочери.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: Здравствуй, Нобуо. Давненько мы не виделись.

СВИТА: Ну всё, пиздец.

Всё оставшееся время СВИТА смотрит на ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК, не отрываясь. НОБУО с ужасом смотрит на Мёртвых Девушек и кивает.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Вы помните, что говорил вам Нобуо?

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

Конечно, помним.

Он говорил.

Нужно бежать.

¹ Аутентичное произношение слова «успокой»

Куда угодно прочь.
Здесь нельзя оставаться.
Там лучшее, чем здесь.
Там – хорошо, здесь – плохо.
Там – хорошо, здесь – плохо.
И так далее.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И потом ты загадывал им загадку, сёгун.
Ты помнишь её?

НОБУО: Я вспоминаю. Это такая простая загадка без правильного ответа.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: У всего есть правильный ответ, сёгун.

НОБУО: Мне однажды загадал её какой-то странствующий старик.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Кто бы это мог быть?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И в чём же была загадка?

НОБУО: Она – о дереве и реке.

Откуда-то слышен смех. Все озираются по сторонам.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Что загадывал вам Нобуо?

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

Он спрашивал,

Кем бы ты хотела быть:

Рекой, бегущей вниз, или деревом, растущим вверх?

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: А когда ты трахал их, до или после загадки?

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: До.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И что вы отвечали?

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: Мы отвечали: рекой, бегущей вниз. А он говорил...

НОБУО: И я говорил – тогда вам нужно бежать отсюда.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

И мы спрашивали:

А ты, Нобуо?

Кем бы ты хотел быть?

НОБУО:

И я отвечал:

Рекой, что бежит вниз.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И что потом?

НОБУО:

И я говорил –

Как жаль, но нам не суждено быть вместе.

Ведь не могут ужиться две реки.

Нет в нас гармонии.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

И мы спрашивали –

А что же тогда делать нам?

НОБУО:

И я отвечал –

Бегите прочь.

Без меня.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

И тогда мёртвые девушки, которые тогда были ещё не мёртвыми, понимали, что ты обманул их, Нобуо, что ты лишь воспользовался ими, что ты просто лишил их чести называться самаритянками, что ты – всего лишь скучный губернский балабол.

И тогда мёртвые девушки, которые тогда были уже почти мёртвыми, бросались на тебя, но ты сбегал. И тогда мёртвые девушки оставались одни и умирали. Многие до сих пор покоятся в том заброшенном колодце, другие покинули Самару, но не ушли далеко, ведь рядом только Бузулук и Сызрань.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

Милый спрашивал любви,

Я не знала, что сказать,

Молода, любви не знала,

Ну и жалко отказать.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК и ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Ах, Самара-городок, беспокойная я,

Беспокойная я, еспокой ты меня!

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

И обо всём этом знала прекрасная Изэнэми. И она хотела проучить Нобуо. То было в преддверии Дня Посещения.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Ровно как сейчас.

Погоды такие стояли.

Какие?

Ну какие – такие же, говённые погоды.

Снег, слякоть, и этот ветер всё дул и дул.

Ветер здесь всегда.

Да, всегда.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И Жители Самары находились в предвкушении праздника.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Как и сегодня.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Все толкались у рынка, торговались и смеялись. Изэнэми продавала выловленную рыбу.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Всё как вчера.

Я всю ночь проворочалась – не могла уснуть, думала.

О чём?

О судьбе, о нашем пути, о том, что, наверное, в этом всём нет никакого смысла.

И чо?

Я каждый день об этом думаю.

Тоже мне, Симона де Бовуар.

Кто?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И ты увидел Изэнэми, сёгун. Ты никогда не видел кого-то более прекрасного. И ты пожалел, что так много растратил своей любви на каких-то уже мёртвых шлюх.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Воу-воу.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК Полегче, старик.

НОБУО: Я смотрел за её движениями. Они были какими-то... Не знаю, животными, дикими. Она ходила вдоль торговых рядов, и ей улыбались, дарили цветы. Она была какой-то нездешней. И я подумал. Она такая же, как я. Ей тоже не место здесь.

Я говорил это каждой из них, и потом они умирали или уходили. Они не могли жить где-то там, потому что они здешние. Ну, то есть, они должны оставаться здесь, таков их удел. Правильно?

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

Милый скажет: «До свиданья»,

Сердце вскинется огнём –

И тоскует, и томится

Всё о том же, все о нм.

НОБУО: Это их путь. Ведь может путь заключаться в том, чтобы оставаться на месте, так?

СВИТА подходит к ХОРУ МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК.

СВИТА:

Сказала мать: бывает всё, сынок.

Быть может, ты устанешь от дорог.

Когда придёшь домой в конце пути,

Свои ладони в Волгу опусти.

НОБУО: Они обычные здешние шлюшки, и мне так не хватало кого-то, кто мог бы понять меня.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:

А с семнадцати годов

Крушит девушку любовь.

НОБУО: Кто тоже совсем не здешний, кто – тамошний.

СВИТА:

Течёт моя Волга, а мне семнадцать лет.

НОБУО:

Кому не нужно здесь, но нужно там. И я смотрю на её прекрасное нездешнее лицо, на её дикие движения и туманные глаза, и я понимаю: она – такая же, она – со мной.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: И он подходит к ней. И он говорит...

НОБУО: Печаль идёт твоим глазам. Хотя я просто подумал: у тебя красивое лицо.

Из колодца появляется фигура, облачённая в капюшон. Никому не видно её лица.

Картина третья. Женщина-единорог.

Появляется ИЗЭНЭМИ.

Интермедия

ИЗЭНЭМИ: Да будет вам известно, моё имя – Изэнэми. Это означает: женщина, которая приглашает. Ну да, имя, конечно – жёсть. Будто сразу дочь Анжелой назвать. Вот чего ты хотел? Кто, ты думал, вырастет с таким именем? Ну ладно. Вообще я давно ждала этого дня, потому что без этого не могла куда-то деться из колодца. А там так темно. Это такая дыра. Ну, в общем, этот день наконец настал. Тут какое-то волшебство, конечно. Ну это как раз не удивительно. А удивительно то, что я как-то не особо рада. Хотя он всё так же красив. Жёсть. Ну почему он такой красивый?

ЖИТЕЛИ САМАРЫ, ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК и СВИТА: Это Изэнэми!

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Здравствуй, дочь моя. Как я счастлив!

НОБУО подходит к ИЗЭНЭМИ.

НОБУО: И ты сказала.

ИЗЭНЭМИ: И я сказала. Ты – Нобуо? Тот, кто лишает чести и обрекает на страдания?

НОБУО: Да, так меня зовут. Моё имя означает «преданный человек».

ИЗЭНЭМИ: Кому-то или кем-то?

НОБУО: Судьба моя такова, что обычно предают меня, и всё же я остаюсь преданным. А как твоё имя?

ИЗЭНЭМИ: Моё имя – Изэнэми. Это означает «женщина, которая приглашает».

НОБУО: На счастье или на страдание?

ИЗЭНЭМИ: Я редко задерживаюсь на одном месте, посему мне некого спросить.

НОБУО: Я вижу, что твоё место не здесь.

ИЗЭНЭМИ: Ты всем это говоришь, Нобуо.

НОБУО: Я часто ищу близких себе. И часто ошибаюсь.

ИЗЭНЭМИ: Это ты – тот человек, кто лишает чести и обрекает на страдания?

НОБУО: Да, это я.

ИЗЭНЭМИ: Отведи меня туда, куда ты всех их водишь.

Пауза.

ИЗЭНЭМИ:

И он отвёл меня к колодцу на том холме.

Всем привет-привет.

И там было сыро и пугающе.

И дальше я сказала.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ: Она сказала.

ИЗЭНЭМИ: Я сказала.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: Мы слышали, как она сказала.

ИЗЭНЭМИ: Я сказала.

НОБУО: И она сказала.

СВИТА: Да что она сказала-то?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК: Она сказала, что.

ИЗЭНЭМИ:

Да я особо ничего не сказала.

Он был красив, и мне было скучно.

Я хотела проучить его, но как-то передумала.

Я сказала.

Обычно это так делается?

И разделась.

Стояла нагая перед ним.

Покачивала бёдрами и ключицами.

Я могу показать.

ВСЕ ВМЕСТЕ: Не надо.

НОБУО:

И я сказал.

Раньше такого не было.

ИЗЭНЭМИ:

И что ты сделал?

Ты точно помнишь, что ты сделал.

И ты подошёл ко мне.

НОБУО:

Всё её тело было каким-то диким.

В морщинках и небольших волосках.

Я дрогнул, будто у меня этого вообще раньше не было.

ИЗЭНЭМИ: Ты подошёл ко мне, нагнулся к моим ногам.

НОБУО:

Она стояла на мёрзлой земле.

Её кожа была в мурашках.

ИЗЭНЭМИ:

И ты поднял мою одежду.

Ты смотрел на меня и куда-то мимо.

И ты сказал.

НОБУО: Раньше такого не было.

ИЗЭНЭМИ:

И потом бросил мою одежду в колодец.

И ты сказал.

НОБУО:

И я ничего не сказал.

Когда она вдруг оказалась передо мной,

Голая, дикая и сильная,

Я понял, что мне некуда бежать,

И то, чем я жил всё это время,

Побегом и Путем,

Всё это пошатнулось,

Пока она покручивала своими бёдрами и ключицами.

Не надо.

Всё затряслось.

Я никуда не уеду, я никуда не уеду.

Я останусь здесь.

И никогда мне не бывать там.

Никогда я не стану тем, кем должен стать там.

Я стану лишь кем-то здесь.

А быть кем-то здесь – всё равно, что вообще не быть.

Это не быть даже чем-то.

Здесь – это вообще ничто;

А я хотел быть рекой, бегущей вниз.

И она тоже хотела быть рекой, бегущей вниз.

И в этом нет гармонии.

А я понял, что если я с ней – быть мне деревом, что растёт
вверх в скучной Самаре.

Растёт всё выше, возвышается над сугробами, свалками и
многоэтажками.

Возвышается и смотрит завистливо вдаль.

И это гармония?

И я обречён быть таким?

А я – река.

Вот типа этой, длинной,

Такой, что этим можно гордиться.

И я даже лучшая река.

Я – горный поток,

Хотя тут и совсем нет никаких гор.

Я – поток, который несётся, волочит деревья с корнями, ва-
луны с обрыва,

Рушится водопадом и снова бежит.

Я – поток.

И потому я не мог вот так вдруг остаться при ней.

В этой Самаре.

И я убежал от неё и больше не возвращался.

ИЗЭНЭМИ:

И пока ты не возвращался, тут было вот что.

Я осталась одна.

Посередине того холма.

И я рыдала.

Я заглядывала в колодец, и оттуда я тоже слышала рыдания
или смех.

Этого было не отличить.
И я поняла, что это плач или смех тех мёртвых девушек.
И я поняла, что и они тоже не знают, смешно это всё или грустно.
И я перестала рыдать и начала смеяться
Навзрыд.
Я перегнулась через колодец и крикнула в эту холодную тьму.
ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: Она крикнула.
ИЗЭНЭМИ:
Ловите, мне не жалко!
Носите, чур, по очереди.
И смотрите не изнесите до дыр –
Когда я вернусь, я хочу, чтобы моя одежда была целой,
Как я.
ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:
И мы перестали рыдать,
Если мы вообще рыдали, и начали смеяться.
И мы смеялись и смеялись.
ИЗЭНЭМИ: И я смеялась вместе с ними.
ЖИТЕЛИ САМАРЫ: И они смеялись.
ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: И мы кричали ей.
ИЗЭНЭМИ: Они кричали.
ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:
Возвращайся к нам, прекрасная Изэнэми.
Когда придёт время, ты вернёшься и будешь править нами
здесь, в этой тёмной холодной бесконечной дыре.
ИЗЭНЭМИ: И я смеялась. И они смеялись.
ЖИТЕЛИ САМАРЫ:
Их смех разносился повсюду.
И некуда было деться.
Как сейчас.
ИЗЭНЭМИ:
И я сказала, что незачем возвращаться,
Ведь я и так с вами.
И они запели.

ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК:
Ах, Самара-городок, беспокойная я,
Беспокойная я, еспокой ты меня!
Понапрасну небо ясно,
Одна звёздочка горит.
Понапрасну милых много,
Об одном сердце болит.
ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК и ИЗЭНЭМИ:
Ах, Самара-городок, беспокойная я,
Беспокойная я, еспокой ты меня!
Милый скажет: «До свиданья»,
Сердце вскинется огнём –
И тоскует и томится
Всё о том же, все о нём.
Ах, Самара-городок, беспокойная я,
Беспокойная я, еспокой ты меня!
ИЗЭНЭМИ:
И я побежала.
Я пела, и смеялась, и неслась вниз с холма.
Я летела с него, я неслась всё быстрее.
Холм отбрыкивался и улетал из-под моих ног.
Вот-вот упаду кубарем и понесусь.
И острые голые ветки будут разрывать мне кожу.
Огромные валуны будут ломать мне кости.
И я несусь с холма, словно горная река.
Мощным потоком вниз.
И я воссоединюсь с землёй.
И вот-вот я прилечу к этой площади,
Растерзанная, сломанная, нагая.
И вот они слышали мой смех.
И они окружили моё тело и долго оплакивали его.
Оплакивали мёртвых своих дочерей,
Оплакивали себя, несчастных и равнодушных.
Оплакивали его, красивого, как Аполлон или любой другой бог.

И однажды он вернулся домой, и они не вспомнили его.
Они приняли его, как положено, улыбались, благодарили.
А потом ели роллы «Филадельфия» и запивали колой, а он пошёл дальше.

И то была бы – хорошая самарская история.
Но это – плохая самарская история.
И вышло всё иначе.
А всё потому.

ИЗЭНЭМИ снимает капюшон, всем становится видно её красивое лицо с раскосыми глазами, какими-то скулами, носом и ртом. Это всё неважно, главное, что с высоким лбом, из которого растёт длинный белый рог, словно оголённая кость при открытом переломе.

ИЗЭНЭМИ:

Всё потому,
Что меня подхватил Ветер.
Я летела с холма.
На меня налетали острые ветки и мелкие камни.
Впереди виднелся валун.
И это был мой конец.
Безрадостный удар очень большим тупым предметом по голове.
И я видела, как влетаю в него,
Как бьюсь о него головой,
Как изо лба вырастает такая смешная шишка, как в мультфильмах.
Но это за секунду до, а в саму секунду я уже видела,
Как моё лицо оставляет на том валуне огромное кровавое пятно,
Словно на плащанице или ещё на чём.
И так должно было быть,
Если бы не налетел ветер.
Если бы он не налетел на меня.

Не вознёс над землёй и не опустил прямо на площадь Куйбышева.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ:

Оценка 4,6.

Самая большая площадь Европы и памятник там.

Большая площадь, но как какое-то мероприятие проводят, так сразу проезд и парковки закрывают.

Площадь просто огромная, можно на роликах, велосипеде кататься и гулять.

Большая площадь. Недалеко – бункер Сталина.

Центральная площадь Самары очень красива!

Памятник Куйбышеву, наверное, самая большая человеческая скульптура в Самаре.

Немного не сочетаются размеры статуи и постамента. Шо-стакович назвал этот памятник «Мужик на тумбочке».

Союз Нерушимый Республик Свободных

Сплотила Навеки Великая Русь

Да Здравствует Созданный Волей Народ

Единый Могучий Советский Союз!

.....

Неплохо.

Монументально.

ИЗЭНЭМИ:

И я нагая лежу на мёрзлых плитах.

И смеюсь.

Потому что это всё так смешно,

Потому что я помню его лицо, когда он смотрел на меня.

Потому что я вижу эти лица вокруг.

И я смеюсь ещё немного оттого, что всё-таки жива.

И ветер носился вокруг, чтобы убедиться, что я жива,

Что я в безопасности среди людей.

А я смеялась.

И люди вокруг тарасились на меня,

Бросались словами, кидались и плевали.

И летал ветер.

И он ничего не понимал.
Он совсем не понимает людей, потому что всегда избегал их.
А люди. Их так легко понять.
Они могут творить зло или добро, но это неважно.
Им просто не хватает тепла.
А ещё им скучно.
Холод и скука.
И вот.
Но ветер совсем не знал людей.
Тогда он не жил вместе с ними.
И он летал и сдувал с меня снег, воду, плевки.
И ему стало стыдно за то, что он спас меня
И принёс сюда.
И ему стало стыдно за людей.
И он наказал нас всех.
И меня.
За то, что так громко смеялась, пока умирала.
Их всех – за то, что не смогли выдержать того, как я смеюсь.
И он лишил их любви, и отдал её мне.
Вся их любовь досталась мне.
И изо лба моего вырос этот искалеченный, словно открытый
перелом, белёсый рог.
И ветер дул так сильно, что звенело в ушах,
И мы слышали, как он говорил.
Что ты говорил, папа?
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Белее белых скал
На склонах Каменной горы
Осенний этот вихрь!

Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

О, ветер со склона Фудзи!

Принёс бы на веере в город тебя,
Как драгоценный подарок.
ИЗЭНЭМИ:
Да, а потом уже.
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Повернись ко мне!
Я тоскую тоже
Осенью глухой.
ИЗЭНЭМИ:
И я лишь ощутила боль и услышала,
Как закричали люди.
Что-то невнятное.
Кажется, в этот момент они и помешались.
Они говорили.
ЖИТЕЛИ САМАРЫ:
За что?
Почему?
Мы ведь всего лишь самаритяне.
Нас все знали как добрых.
Разве мы делали что-то злое?
Разве мы мешали кому-нибудь жить так, как им хотелось?
Разве мы любили или ненавидели слишком сильно?
Мы не выделялись.
Жили у длинной реки и даже почти не гордились ею.
Мы выходили на площади только по праздникам.
Мы не рвали волосы, книги, деньги и цветы.
Мы смеялись не слишком громко и всегда впопад, как научи-
ли нас жёлтые старые ситкомы из далёких стран.
Мы ели роллы «Филадельфия» и запивали их колой.
Мы научились жить нормально, так, чтобы все были довольны.
Мы старались.
Мы ведь правда старались.
И не так много мы пили.
И не так уж ненавидели.
Любили иногда.

И вот теперь.
Почему она смеётся?
Почему ты смеёшься, сука?
Ты что, не чувствуешь, как из тебя растёт огромный рог?
Такой, словно это открытый перелом.
Ты что, сука, совсем ни хера не чувствуешь?
Ты только и делаешь, что смеёшься.
А знаешь почему?
Знаешь, почему ты смеёшься над нами, тупая ты сука?
Ты смеёшься над нами, потому что ты упала на самое дно.
А когда ты на дне, что ещё остаётся, кроме смеха?
Это же ты просто отрицаешь,
Тупая ты сука,
Ты просто отрицаешь, что ты на самом дне.
И вот ты отрицаешь и смеёшься.
Смех – это как бы признак.
Ну да, признак.
Признак отрицания.
А после знаешь, что будет?
Знаешь, что тебя ждёт, сука?
Дальше ты примешь это всё,
Примешь тот факт, что ты на самом дне.
Искалеченная и несчастная.
Жалкая.
Примешь всё, заткнёшься.
А потом примешь и всё остальное.
Что мы все принимаем.
Кто как.
Кто по чуть-чуть, а кто и глушит из кружек, словно отбирают.
Вот так.
А ты смейся, это точно пройдет.
Пройдет.
ИЗЭНЭМИ:
И так далее.
А я не смеялась.

Я говорила, что чувствую их боль.
Что этот рог, он и есть их боль, точнее, любовь,
И теперь я её чувствую.
Что теперь я чувствую их боль, точнее, любовь,
А они могут видеть моё сострадание,
Ведь это такая адская боль – носить этот белёсый рог.
И это как бы мораль.
И я говорила им это всё.
Но они слышали лишь мой смех.
И я сбежала от них.
Я прыгнула в тот колодец, чтобы не видеть тех,
Чья боль, точнее, любовь
Так остро отдаётся во лбу.
И я осталась в темноте вместе с остальными мёртвыми шлю-
хами.
Да-да.

СВИТА утешает ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК.

И я почти сошла с ума.
Если бы не он.
Если бы не ветер, что говорил со мной беспрестанно.
Я бы поверила, что помешалась.
Что не говорю ничего, а лишь смеюсь.
Если бы не ты, папа, я бы потеряла веру.
Ты звал меня, но я не отвечала.
Ты ревел и метался.
Ты отнял всю их любовь и отдал мне.
У них и у тебя не осталось ничего.
Вы потеряли всё.
И ты остался с ними, чтобы вместе ждать,
Когда вернётся тот,
Кто сможет вызволить нас.
Ты ночами летал и выл какие-то стихи –
Я всё слышала, но не отвечала.

Как-как, пап?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Запад или Восток –

Всюду одна и та же беда.

Ветер равно холодит.

ИЗЭНЭМИ:

Ветер всем дует: в лицо, в спину, в уши или лицо.

Не одной мне.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Содрогнись, о холм!

Осенний ветер в поле –

Мой одинокий стон.

ИЗЭНЭМИ: Страшно жить среди тех, кто не слышит даже крика.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Там, где родится поток,

Низко склонилась ива:

Ищет ледник в земле.

ИЗЭНЭМИ:

И так дальше уже просто нельзя.

И становилось холодно.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Холодный горный источник.

Горсть воды не успел зачерпнуть,

Как зубы уже заломило.

ИЗЭНЭМИ:

Любите водку?

Она, как и ветер, обжигает горло и бьёт в лоб,

И ни хера, ни хера вообще не помнишь.

Обморожение души, мыслей.

И это просто пиздец.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Иней её укрыл,

Стелет постель ей ветер...

Брошенное дитя.

ИЗЭНЭМИ: Лежу где-то под землёй и слушаю, как свищет ветер.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Чтоб холодный вихрь

Ароматом напоить, опять раскрылись

Поздней осенью цветы.

ИЗЭНЭМИ:

И я затихала.

И становилось теплее.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Совсем легла на землю,

Но неизбежно зацветёт

Больная хризантема.

ИЗЭНЭМИ: Я засыпала, сохраняла себя и ждала.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

И осенью хочется жить

Этой бабочке: пьёт торопливо

С хризантемы росу.

ИЗЭНЭМИ:

Что что-то изменится

Здесь, в Самаре.

Что это всё не насовсем.

Как это говорится?

Что это не навсегда.

Не навсегда.

Самара не навсегда.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Ростки озимых взошли.

Славный приют для отшельника –

Деревня среди полей.

ИЗЭНЭМИ: Пап, что-то ждёт впереди, да?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:

Поля по-зимнему глядят.

Лишь кое-где крестьяне бродят,

Собирая листья первых трав.
ИЗЭНЭМИ: Нужно долго ждать, да?
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Путник в дальней стране!
Вернись, тебе покажу я
Истинные цветы.
ИЗЭНЭМИ: И потом он вернётся.
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Дом на славу удался!
На задворках воробьи
Просо радостно клюют.
ИЗЭНЭМИ: И с ним уготовано мне счастье.
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.
ИЗЭНЭМИ:
Да только на хуй оно мне нужно?
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Как завидна их судьба!
К северу от суетного мира
Вишни зацвели в горах.
ИЗЭНЭМИ:
Всё ради какой-то гармонии?
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Зимние дни в одиночестве.
Снова спиной прислонюсь
К столбу посредине хижины.
ИЗЭНЭМИ:
Как в той загадке.
БОСОЙ ЧЕЛОВЕК:
Что выберешь,
Реку, бегущую вниз,
Или дерево, растущее вверх?

ИЗЭНЭМИ и НОБУО стоят вплотную друг к другу. ЖИТЕЛИ САМАРЫ, ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК и СВИТА насвистывают Песню Ветра Перемен.

ИЗЭНЭМИ:
И тогда воцарится гармония, и в моей жизни наконец появится смысл.
Ведь я столько лет проторчала в какой-то тёмной дыре, окружённая добрыми и прекрасными, но всё же мёртвыми шлюхами.
Заткнитесь.
И это всё есть лишь страдание на пути к счастью, и это, типа – мой путь, который не исповедим?
Что это, блядь, вообще значит?
Не исповедим. Мне не в чем исповедоваться. Перед кем? Ради чего?
Ведь это значит – жалеть. Так?
Нет, ну тогда – да. Если жить в этой чёрной дыре и ждать какого-то чуда и есть мой путь, то не о чем жалеть. Путь и правда не исповедим.
Я не жалею.
Во мне не осталось даже жалости к себе – единственного, что помогало сохранить человечность.
Но я не человек.
Я – животное. Я – единственный экземпляр, умирающий вид.
Я – женщина-единорог. Девственница с наставленным рогом.
И должна ждать, пока он осознает, вернётся и заберёт меня.
И это, типа, называется надеждой?
И я слаба, и поэтому я жду.
Посмотри, насколько я слаба, раз дождалась тебя.
Вот ты пришёл и смотришь на меня.
Ты плачешь.
Ты готов сказать мне что-то.
Но я так заебалась тебя ждать.
Так что давай закончим.
Ёбанная эта гармония.

Ну чо, как в тот раз?
На счёт три ответим?

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК становится ДУХОМ ВЕТРА и парит над площадью. Он поднимает статую Вениамина Куйбышева и бросает её в реку. На площади становится как-то сразу свободнее.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК (сквозь слёзы):
Что выберешь,
Реку, бегущую вниз,
Или дерево, растущее вверх?

Раз.
Два.
Три.

ЖИТЕЛИ САМАРЫ, ХОР МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК и СВИТА образуют Общий хор и во всё горло поют Песню Ветра Перемен, которую все знают с детства, юности и молодости. Ну которая:

*тееейк ми
ту зэ меджик оф момент ту глоооори найт
вэа зэ чилдрен оф туморроу дрим эвэй
ин зэ уинд оф ченчж*

ИЗЭНЭМИ и НОБУО одновременно произносят слова, но они не слышны в вихре песни.

Картина предпоследняя. Здесь хорошо.

Холм из первой картины. Посередине холма стоит небольшой дом, подле него – исправный колодец. Сезон: осень или зима – холодно. Невыносимо тихо.

ИЗЭНЭМИ и НОБУО стоят у колодца и смотрят друг на друга.

НОБУО:
Это всё было?
Ты смотришь как прежде.
Ни капли не отличима.
ИЗЭНЭМИ:
Это тот далёкий день.
Но ты кажешься другим, каким-то здешним.
В глазах печаль и покорность.
НОБУО:
В тебе нет дикой мудрости,
Лишь ярость, что белёсой костью изо лба растёт,
И грусть.

Пауза.

НОБУО:
Мне некуда идти теперь,
Ведь ты здесь.
И этот дом...
ИЗЭНЭМИ:
Он разве был здесь прежде?
Тогда лишь помню я колодец, холм и ветер.
Твой пугливый взгляд.
НОБУО:
Его не было здесь тогда,
Но я будто вижу его не впервые.
Еженощно ты выходила из него мне навстречу.
ИЗЭНЭМИ:
И у меня то же чувство.
Когда в темноте колодца я смыкала глаза,
Мне часто виделся этот дом.

НОБУО:

Быть может, тот сон теперь

У нас двоих единый?

Надолго ли?

ИЗЭНЭМИ:

Иль то был сон, что я жила во сне,

А ты так долго шёл домой?

И это не навсегда?

Пауза.

НОБУО:

Нет, Изэнэми, это не сон.

Я чувствую, что я не тот, кем был прежде.

Тогда я был – там. Понимаешь?

А теперь я – Здесь.

Там и Здесь это не про место, это про время.

Там – это потом, а Здесь – это сейчас.

Там – это кто-то другой, а Здесь – это я.

Там – это река, а Здесь – это дерево.

ИЗЭНЭМИ:

Что ты ответил, когда Ветер загадал нам загадку?

НОБУО:

Деревом.

Пауза.

А ты?

ИЗЭНЭМИ:

Рекой.

Пауза.

НОБУО:

Это – гармония.

ИЗЭНЭМИ:

Да. Вероятно, это и есть счастье.

Пауза.

НОБУО:

Я буду Деревом, что растёт вверх.

ИЗЭНЭМИ:

Возвышается над Самарой и смотрит завистливо вдаль.

НОБУО:

И смотрит на реку, что бежит вниз.

Пауза.

ИЗЭНЭМИ:

И это, получается, любовь.

НОБУО:

Вечная и чистая.

Как в какой-нибудь сказке.

ИЗЭНЭМИ оглядывается.

ИЗЭНЭМИ:

Здесь – хорошо.

НОБУО:

Да.

Пауза.

Появляется ДУХ ВЕТРА.

ДУХ ВЕТРА:

Навеки жизнь меняет

Тот, кто любит намеренно,

Вопреки судьбе.

Проторенный путь
Есть освещённая автострада.
Они же ходят лесными тропами.

От скуки люди
Рушат друг другу судьбы
И живут страдая.

Не ждёт счастья
Путь переживший однажды,
Лишь надеется на хэппи-энд.

Перемен требуют
Те, кто готов потерять покой
Ради двухминутной неги.

ДУХ ВЕТРА рассказывает Изэнэми и Нобуо их судьбу.

ДУХ ВЕТРА:
Нобуо и Изэнэми,
Ваша любовь противоречива, как и всякая любовь.
Её не должно было существовать, как не должно существо-
вать её в мире людей,
Но почему-то она существует.
Вопреки всему, вопреки своей природе.
Также она живёт и в вас.
Ваша любовь родилась в насилии.
Она росла в ненависти и самозабвении.
И как всякая любовь она пришла к самопожертвованию.
Вы обрекли себя на неё в тот самый день у этого колодца.
И спустя годы вы снова здесь.
Любовь в мире людей означает гармонию после страдания.
И ваше страдание только началось.
Но оно закончится, а дальше – вечная гармония.

Пауза.

Рог, который я дал тебе, Изэнэми, есть любовь.
Он заключает в себе любовь и боль всех, кто был здесь в тот
день.
Они восхищались тобой. Славили и любили – возненавидели.
Ты забрала всё, чем они дорожили.
Чтобы освободить свою любовь, ты должна освободить лю-
бовь всех.
Каждый человек, мужчина или женщина, чья любовь заточена в тебе,
Захочет освободить её.
И ты отдашь её.
Каждый человек, чья любовь заточена в тебе, захочет овла-
деть тобой,
И ты отдашься.
Как только человек вновь овладеет своей любовью, заточен-
ной в тебе, он перестанет видеть тебя.
Ведь ты – женщина-единорог.
Ты пригласишь каждого зайти в этот дом.
Поэтому твоё имя, Изэнэми, означает: женщина, которая
приглашает.
Ты же, Нобуо, обязан встречать каждого человека и прово-
жать его к Изэнэми.
Ты долгое время будешь наблюдать, как женщина-единорог
отдаёт кому-то чужую любовь.
И ты будешь ждать, пока не останется последнего, кому ви-
дится Изэнэми.
Иначе ты сам навеки потеряешь её, ведь не сможешь уви-
деть её.
И тогда всё напрасно.
Ты будешь предан ей и предан ею.
Поэтому твоё имя, Нобуо: преданный человек.
И однажды все, чья любовь заточена в Изэнэми, не уви-
дят её.

И тогда отпадёт этот белёсый рог,
И тогда останешься только ты, Нобуо.
И тогда будет конец страданиям.
А после – только гармония.
Таков ваш Путь.

Пауза.

Вскоре они будут здесь.
А пока вы можете сказать что-нибудь.

ИЗЭНЭМИ: Да вы издеваетесь?
НОБУО: Сраный этот дзен-буддизм.

ИЗЭНЭМИ и НОБУО смотрят друг на друга. ДУХ ВЕТРА насвистывает Песню Ветра Перемен, к дому выстраивается длинная очередь.

Картина последняя. Эпилог + открытка на память.

ИЗЭНЭМИ: И вот я лежу на тахте, хотя это, пожалуй, слишком романтично – это просто разложенный диван. Такой, у которого сиденье на колёсиках отодвигается. Неудобный диван. И я лежу на нём и смотрю в потолок и на стены. Иногда я встаю покурить и подхожу к окну. И за окном столько людей. И все стоят ко мне. Мужчины, женщины, вчерашние дети. И всем нужна любовь. И я могу её им дать. Их любовь. И если во мне столько их любви, то это должно давить как-то, наверное. Но я ничего совсем такого не ощущаю. Всё это какая-то механика. Отчего я так плохо училась в школе? Так хочется сказать: занавес, и чтобы всё кончилось.

НОБУО: И они здороваются со мной. Они говорят: какой у вас хороший дом, как крепко он сложен. И ещё какую-нибудь херню говорят. И я что-то отвечаю, потому что должен им что-то

ответить, потому что иначе я не получу того отложенного выигрыша. Как в магазине, знаете – я у вас откладывал. Да, на моё имя. Ну уж какое есть. И я говорю и иногда даже улыбаюсь, хотя я их всех ненавижу. Я хочу разорвать на кровавые шматки каждого из них. Зубами хочу разгрызть их глаза, откусить их ужасные носы. И я говорю им: прошу вас, проходите, прямо по лестнице и направо. Занавес, занавес.

КТО-ТО ИЗ СВИТЫ: Здесь темно. Вот если закрыть глаза, потом прикрыть ладонью, потом открыть глаза и потом убрать ладонь – и ничего не видно. Вот так темно. Так бывает. Мы все тут, и, наверное, мертвы. А всё эта музыка, эти песни. Без них невыносимо жить. Без них совсем тоска. А с ней, получается, смерть и вечная жизнь. В общем-то я не знал раньше счастья, может, это оно и есть. Когда живёшь в темноте, другие чувства обостряются.

ОДИН ИЗ ЖИТЕЛЕЙ САМАРЫ: Я вернул себе любовь. Не к кому-то конкретному, типа, к жене или к детям. Нет, просто вернул саму любовь. То есть, теперь я чувствую, что она во мне есть. Вот ещё пять минут назад не было, а теперь, когда всё позади, уже есть. И знаете, мир стал лучше. То есть, я всё равно не люблю всего этого. Эту реку, эту грязь, этих людей, жену и детей. Честно, не люблю, хотя думал, что полюблю. Но теперь я ощущаю, что хотя бы могу что-то полюбить. Пусть не природу, жену или детей, но что-то другое. И я понимаю: я могу. Это и есть, наверное, любовь. Вот это чувство, что ты можешь. Это же типа и есть жизнь. Ну а секс был так себе, если честно. На троечку.

ОДИН ИЗ ЖИТЕЛЕЙ САМАРЫ: Она просто лежала там. И я до последнего не хотела заходить. Ведь я никогда прежде. Ну, то есть, с женщиной. Ну, вы понимаете. Хотя, казалось бы, чего я там не знаю, не видела, но есть же что-то в этом такое. Ну, не знаю, запретное. И головой я понимаю, что без этого тебе не видать любви, без этого мир не вернется, останется таким же серым, с этими уёбскими облаками и многоэтажками. А с этим вот мир может стать лучше. Ну, хотя бы теоретически. И я захожу,

и она улыбается мне. Она спрашивает: первый раз? И я киваю, а она говорит: в первый раз всегда страшно, хорошо, что рождаешься всего раз, да? И я говорю, что, наверное, да. Она машет мне рукой. И дальше. Ну, что дальше. Зачем рассказывать. Мне понравилось, да. Очень.

ОДИН ИЗ ЖИТЕЛЕЙ САМАРЫ: Любовь? А что любовь? Да, теперь она у меня есть. Ну, это как, не знаю, с телефоном или там ноутом новым. Находишь его, неделю за неделей ты заходишь, смотришь на него. На характеристики, сравниваешь с остальными и понимаешь, что вот он, самый лучший. Но цена – да. Не, это слишком. И потом как-нибудь идёшь посрать, достаем телефон, и так одиноко и грустно почему-то. И вот ты заходишь на сайт и смотришь на этот ноут. Ну хорош, всем же хорош. А что я? Не достоин лучшего, что ли? Ну подкопить – и всё. Ну да, немного ужаться, ну ничего. Не всю же жизнь вот с этим всем жить. И потом говоришь кому-нибудь: ну да, дорого, но это качество, платишь за качество, не всё же нам Самара, иногда хочется и на Пхукет. Вот это он и есть, да и стоит почти столько же. И вот ты покупаешь. И – вещь. И говоришь потом: да, купил, вещь, вот иначе не скажешь – вещь. А потом как-то всё это проходит. Ну вот и любовь – это так же, вещь. Сейчас хорошо, а завтра? Стоило ли так уже заморачиваться. Пхукет ведь реально не так уж дорого стоит. Ладно, всё, хорош. Давай – занавес. Занавес!

ОДИН ИЗ ЖИТЕЛЕЙ САМАРЫ: Да норм. Ну я захожу и говорю типа: ну чо, как трахаться будем? И у неё было такое лицо. Ей было так жалко меня. И мне себя стало жалко. Ведь я всё думал, неужели без этого никак нельзя? Я, может, проживу и сам как-нибудь всё пойму. И я говорю. Простите. И она кивает. И, в общем, я ложусь. И она говорит. Раздевайся, или ты просто полежать хочешь? И на самом деле да, я хотел, но я сказал. Нет, не хочу. И я разделся. И это было так странно. Я все думал, неужели обычно это всё так и делается. И если да, то зачем вообще это? Ну, в общем. Теперь да. Ощущаю. И это так естественно ощущать, кажется, будто это всегда было. Пойду скажу

кому-нибудь, что люблю его. А, ну да. Я тебя люблю, я тебя люблю. Как же охуенно.

ОДНА ИЗ МЁРТВЫХ ДЕВУШЕК: Темно, да. Не выбратся, да. Ну ничего, вот жили люди без электричества, а солнца тут и так хрен дождёшься, всё эти облака. Так что в принципе – живём. Песни поём, кино смотрим, любовью занимаемся. Что ещё надо? Да, хороший. Мне не особо есть с чем сравнивать. А какие бывают? Ну, тогда на четвёрку. Да, с плюсом.

ИЗЭНЭМИ: Каждый день, каждую минуту я думаю о том, когда отдам всю эту любовь. Ведь тогда я освобожусь, и будет всё хорошо. Не знаю, я отдаю им любовь, словно какую-то болезнь, которой я сама не болела. Я как бы носитель. Носитель любви. Переносчик. И вот когда мне скажут. Ну всё, болезнь ушла, теперь вы здоровы. Ничего же не изменится. Я же и так не ощущала болезни, просто переносила её. Просто меня должна будет обрадовать мысль, что я больше не болею. И потом мне скажут. Вы здоровы, но от этого иммунитета нет, может, потом снова заразиться. И я скажу: да, без проблем.

НОБУО: Я лишь наблюдаю. А что ещё остаётся? Ведь уготованное счастье иначе не получить. И я пишу стихи, улыбаюсь, разговариваю и жду, а когда последний уйдёт и поблагодарит. Я пожму ему руку, закрою дверь. Налью воды. Поднимусь наверх и спрошу. Голодная? И она скажет.

ИЗЭНЭМИ: Да, просто умираю с голоду.

НОБУО: И я скажу. Может закажем роллов?

ИЗЭНЭМИ: И я скажу. Да, и колы. До смерти хочется колы. И еще я скажу. Ложись, давай просто полежим в темноте.

НОБУО: И я скажу. Давай. И я подумаю.

ИЗЭНЭМИ: Ведь и правда хорошо.

НОБУО: Да, хорошо.

И вот теперь – занавес.

Не картина, а, скорее, открытка с фотошопленным видом города

Холм из первой картины. Посередине холма стоит небольшой дом, подле него – исправный колодец. Рядом с ним растёт высокое дерево. Если подойти к дереву, можно увидеть, что из-под него сочится вода – это ручей, который сбегает вниз по холму и тонет в громаде длинной реки. И сколько таких ручьёв сбегает с прибрежных холмов, чтобы сделать эту реку такой длинной, что этим можно гордиться?

Из колодца слышна какая-то странная, но такая любимая песня.

Жители Самары ходят по торговым центрам, сидят в «рюмках», гуляют в парках и смеются над каким-то стендап-ром из столицы.

И на всё это вдруг набрасывается острый и порывистый речной ветер. И ты задумаешься: что я ему такого сделал? Самара, сука, блядь. Порядок произвольный.

А он всё свищет, и вдруг пропадает.

И мёрзнут уши, и отчего-то очень чешется лоб.

И думаешь: ну её нахер такую жизнь – я отрываю авиасейлз.

Занавес

Екатерина Задохина*

Старый

Олег купил дом и умер. Нужно было ещё посадить деревья, вырастить детей, закончить монографию о Паустовском, но он успел только купить дом.

Если подумать, с его стороны это был странный, даже экстравагантный поступок. Когда сообщил Вере о приобретении дома, он добавил – мол, давно хотел, но откладывал, и вот теперь карантин форсировал решение. Так и сказал – «форсировал решение». Он знал намного больше слов, чем Вера, умел ими жонглировать и, собственно, за это она его и полюбила. Как низшее существо высшее.

Если бы до эпидемии Вере сказали, что Олег способен на покупку дома, она бы не поверила. Собрание сочинений Генриха Бёлля – это он мог запросто, причём в букинистическом отделе за бешеные деньги. Пластинки тоскливых, никому не известных пианистов на берлинских распродажах – вполне. Ну в крайнем случае он мог купить демисезонное шерстяное пальто. И, как всегда, ошибался при этом с размером. «Обещай ничего не покупать без меня», – каждый раз просила Вера. – «Я старше тебя на двадцать четыре года», – напоминал он, чтобы доказать свою самостоятельность.

* Мастерская Елены Холмогоровой «Лучшие слова в лучшем порядке»

Что касается домов, их всегда покупала, продавала, меняла, сдавала сама Вера. Она была хорошим агентом по недвижимости с солидной базой данных и приличным стажем. Клиенты любили Веру за лёгкий нрав и верный глаз. Она всегда близко сходилась с людьми, прежде чем предлагать им дома. Знала: то, что подойдёт маленькой брюнетке, ни в коем случае нельзя предлагать полной блондинке.

Теперь она стояла перед домом, который купил Олег. Небольшой сруб из почерневших брёвен угрюмо смотрел на неё мутноватыми стёклами в потрескавшихся рамах. «Постройка 1926 года. Ты только вслушайся в эту музыку – один, девять, два, шесть, – сказал тогда Олег, по-свойски протирая краешком её хлопкового платья свои замутившиеся очки. – Это тебе не какая-нибудь бестолковая вилла. Это сад-дендрарий учёного-агронома Кицкого. Он жизнь положил, чтобы создать здесь рай».

Рай. Слов нет – рай. Вера окинула взглядом густые заросли крапивы и сныти, из которых удивлённо (что мы здесь делаем?) торчали гигантская пихта, сизая ёлка и пышная аралия. Это из узнаваемого. Торчало ещё что-то, но Вера в ботанике была не сильна. К тому же все деревья и кустарники были опутаны совершенно неожиданными для средней полосы лианами. И лианы эти окончательно сбивали с толку. «Ладно, справлюсь, – подумала Вера. – Не такое барахло продавала».

До приезда первого потенциального покупателя оставалось сорок минут. Вера села на ветхое деревянное крыльцо, предварительно расчистив его от назойливой растительности, и попыталась сосредоточиться. Что имелось из достоинств?

Самое главное – сад-дендрарий Кицкого был указан во всех путеводителях по этому провинциальному городку. То есть, с большой натяжкой эта усадьба была достопримечательностью. Можно, например, начать беседу с покупателем так: «Знаете ли вы, какие писатели, поэты, художники жили в этом городе? Только вслушайтесь в названия улиц, только вдумайтесь, какие люди ходили этими тропками...» А потом что? Допустим, кли-

ент знает. Но как литературная слава этого городка может компенсировать отсутствие газа и воды на участке?

Это Олег мог запросто ради невзрачного памятника русской поэтессе ехать через всю Италию. Или впадал в депрессию, когда его студенты не могли на слух отличить прозу Бунина от прозы Набокова. Это Олег все превратности жизни встречал цитатами. И когда его забирали в больницу, неточно шутил: «Вот тебе ласточки... Вот тебе, Верочка, ласточки. Верь тут, что, кроме пепла...» Но другие же люди – просто люди.

Вера ойкнула и прихлопнула комара, присосавшегося к её предплечью. Нет ни газа, ни воды, ни толкового забора. В доме – труха, плесень, сквозняки. В саду – джунгли. «Начни с замера и планирования участка, – советовал Олег, когда уже понял, что вряд ли сам примет в этом участие. – Пригласи фитопатологов и дендрологов. Пусть сделают обмер высот, диаметров стволов, проверят состояние крупномеров. Нужно понять, кто болен, кого спасти в первую очередь и как. Нужно описать каждый экземпляр. Это дорого, хлопотно, но стоит того. Даже если дерево покажется им совсем безнадёжным, ты всё-таки не торопись. Оно, может, сто лет росло. Нельзя же так сразу...»

«Может быть, я ещё на фитнес сегодня успею? – нехотая подумала Вера и опять посмотрела на часы. – Если за час управлюсь здесь, два с половиной до Москвы, в девять я в фитнес-центре». До прихода клиента оставалось двадцать минут. Так... Ещё раз. Из достоинств. Близость к живописной реке. Ну как, близость? Полчаса пёхать. А если до пляжа – минут сорок. Ладно, пусть будет близость. Что ещё можно наскрести? Рядом с домом – остановка. Сомнительное достоинство, если учесть, что за ней, судя по мусору, постоянно устраиваются пьянки. Опять же – дачники всегда на машинах. Зачем нужна эта остановка? Ну допустим, остановка. Магазины, кафе, музеи – в шаговой доступности. Прекрасно. Но что толку, если на участке нет туалета?

В туалет, кстати, хочется. Но не лезть же в лианы, не маленькая. Как же этот Кицкий справлялся, интересно? Культурный же

был человек. Вон сколько книг после себя оставил. А ещё фотоальбомы, письма, записи в блокнотах, документы, исследования... «Всё сбереги и сделай музей», – сказал Олег. Вот так просто. Сбереги и сделай музей. А писать где?

Господи, блин! И хоть бы Олег спросил её о порядке цен, о подмосковных оазисах, о тенденциях рынка загородного жилья... Разве не отговорила бы она его? Разве не предложила бы сто тысяч прекрасных вариантов? Разве не нашли бы они что-то более подходящее?

Вера протянула руку, чтобы погладить невесть откуда взявшегося рыжего кота, доверчиво прислонившего свой бок к её шелковистой, слегка загорелой ноге. И как же гадко звучат в голове эти слова: «Разве я не отговорила бы?», «Разве я не предложила бы?», «Разве не нашли бы...» Скучно, глупо, по-бабьи. Именно этими словами мать упрекала Веру после их с Олегом скорой, наивной, почему-то вдруг секретной свадьбы («А давай всех удивим», – предложил Олег). «Старый он какой-то, твой муж. Безнадёжно всё это, – сказала тогда мать. «Права я была, а ты меня не слушала», – добавила она на похоронах.

Вера отстранила кота, встала с крыльца и ещё раз посмотрела над дом. Потом достала мобильник и быстро набрала: «Извините. Осмотр третьего варианта отменяется. Дом снят с продажи».

Анна Занадворова*

Не правильный, не Новый, не год!

В этом году все было неправильно! Снег выпал сначала слишком рано. В октябре. Еще листья не облетели. А потом вдруг весь растаял. И в ноябре снега не было. В декабре точно будет, обещала мама. Маруся ждала. Снега не было. Декабрь уже заканчивался, а на санках так и не прокатились ни разу.

А в последний день перед каникулами все вообще пошло наперекосяк. На первом уроке еще было ничего. Вместо математики пришла тётенька проводить новогодний мастер-класс. Делали ёлочные игрушки. Можно было сделать птичку или подарок. Маруся, конечно, выбрала птичку. На картонную заготовку наматывали красную шерсть, чтоб получился снегирь. Вот только наматывалось очень медленно, и снегирь получился какой-то кособокий и худой. Но всё равно лучше, чем подарок. Брат Ваня бы сказал, что это очень тупо. Это ведь не настоящий подарок, а игрушка в виде подарка. А внутри он пустой. Кому такой нужен!

На русском сосед Женька стащил у нее из пенала точилку-сову и рассыпал, всё, что в ней было, а замечание сделали ей. А еще Маруся оставила кофту в раздевалке и ужасно мерзла, приходилось прятать руки в рукава, и неудобно было писать.

* *Мастерская Майи Кучерской «Обыкновенное чудо: как написать рассказ о волшебстве»*

А на завтрак вместо какао дали остывший компот. В нём противно плавал разбухший изюм. Маруся взяла кусок хлеба, но даже любимый белый хлеб был сегодня неправильный и царапал горло.

И мама все никак не приходила. Почти всех уже забрали, сегодня даже продлёнки не было. Маруся сидела одна на диванчике у батареи. Здесь было тепло и видно школьное крыльцо.

Мама прибежала с пакетами, на волосах капли дождя:

– Ты, что еще не оделась?

– А что ты так до-олго?!

– Марусик, давай скорей, у меня еще тысяча дел!

У мамы в руках как-то вдруг оказались её кофта и штаны:

– Какая ты горячая, дай-ка лоб. Не заболела?

– Это я от батареи горячая.

– Тридцать восемь и три! – мама качает головой.

– Это неправильный градусник! – кричит Маруся.

«Всё сегодня неправильно! – думает она. – Правильно идти с папой и братьями за елкой. Они обычно берут Ванины санки, потому что они, в отличие от Марусиных, без спинки. А на Костин снегокат ёлку тоже не положишь. На пути туда на санках везут Марусю, а на обратном – там едет ёлка».

Базар недалеко, рядом с метро. Пока папа выбирает ёлку, они катаются с ледяной горки на «ватрушках». Там очередь, но она идет быстро, можно раза три успеть скатиться – и паровозиком, и по одному. Папа выбирает ёлку долго и придиричиво, как арбузы. Щупает, нюхает, что-то спрашивает у продавца.

Дома ёлку достают из сетки. Она сразу растопыривается, как кот. Папа долго возится с подставкой. В этот момент его лучше ни о чём не спрашивать. А потом он достает со шкафа ящик с игрушками и уходит на кухню.

– Без меня не наряжайте! – кричит мама.

А сегодня все не так. Маруся лежит на кровати в одежде под одеялом, но ей все равно ужасно холодно. Зубы стучат. Вокруг темно. Слышно, как на кухне закипает чайник. Они там смеются. Стучат ложки. Ой, неужели она заснула. А как же ёлка? Уже купили? А почему она не чувствует запаха? Надо крикнуть, чтоб без неё не наряжали, что она не спит. Но крикнуть не получается, они все равно не услышат. Им там весело всем вместе. Ваня что-то рассказывает. Или папа? У них голоса теперь похожие. Надо встать и пойти к ним. Она встаёт. Нет, она хочет встать. Вот только минутку еще полежит.

Ой, мама сидит на кровати. Мама зажгла ночник. У нее такая огромная тень. Мама сует ей холодный скользкий градусник:

– Держи крепко, руку прижми! Есть хочешь? Чаю с лимоном, может?

Эх, даже ёлку неправильную купили! Она совсем не пахнет. Даже так – не правильную, не ёлку. Потому что это вообще сосна. И папа её привез на самокате, снега-то нет.

И бабушка с тётей Таней не приедут, и Дина с Василисой, чтоб их не заразили. Мама говорит, что мы все вместе отметим Рождество, но это же совсем не то.

– Марусь, смотри, что нашла! – мама протянула ей странную вещь, похожую на игрушечный бинокль. Только сквозь него ничего не видно. Задняя стенка непрозрачная.

– погоди! – мама засунула туда какую-то картонку: – Вот, теперь смотри.

Маруся заглянула внутрь. Там была картинка с мишками, только мишки объёмные, казалось, можно протянуть руку и потрогать их. Мишки играют в кубики. Двое строят дом. Третий тащит пирамидку. Четвёртый поднял ногу, чтобы ударить по

мячу. А пятый залез на шведскую стенку, у них такая же в зале, где физкультура.

Мама подвинула карточку немного вниз, и появилась другая картинка. Те же мишки идут плавать в бассейне. На них шапочки и купальные костюмы. Кто-то уже плавает. А кто-то стоит под душем. Даже струйки воды видны.

– Когда я была маленькой, – сказала мама – Я мечтала попать туда, к этим мишкам. Часами их рассматривала.

На третьей картинке мишки куда-то собираются ехать на машине. Наверно, на пикник. У них корзинки с едой и ракетки. Машина у них старинная. Папа такое называет «антиквариат».

– Попробуй на лампу направь, вообще волшебю!

Маруся посмотрела. На четвёртой картинке уже наступает вечер. В тёмной аллее горят огоньки, а в глубине сада светятся окна дома. Какие красивые фонарики! Как в доме отдыха, где они прошлым летом были.

А дальше, на пятой, сквозь освещённое окно видно, что мишки наряжают ёлку. Один стоит на табуретке, а другой подаёт ему шарик. А третий на лесенке прилаживает звезду на верхушку. А ещё один заворачивает подарок.

– У них тоже Новый год! – сказала Маруся.

– Да! Крути дальше!

Маруся подвинула на последнюю картинку. Теперь она как будто прямо в комнате у мишек. Все сидят за праздничным столом. В глубине комнаты – лестница на второй этаж. Горят свечи, а на ёлке светятся лампочки. За тёмным окном чуть видны сугробы и фонарь. А один мишка в комбинезончике залез под ёлку и вытаскивает оттуда подарок в золотой бумаге, завязанный красной ленточкой.

– Как я мечтала в детстве о таком! – мама вздохнула.

– А что у него там?

– Не знаю, это последняя картинка, – мама взяла у нее из рук «бинокль» и поднесла к глазам. – Но, наверное, что-то волшебное. А ещё мне всегда хотелось подняться по этой их лестнице на второй этаж и посмотреть, что там.

Вот, наконец, и за стол сели. Проводить старый год. Стол раздвигать не стали, гостей нет. Утки тоже нет. Её обычно привозит тетя Таня. А бабушка – тирамису собственного изготовления. А сегодня еды как-то мало, да и есть почти не хочется. Мама кладёт ей бутерброд с икрой, даже мандарин чистит, как маленькой. Маруся съедает несколько долек.

– Полежу сейчас пять минут и доем! – она устраивается тут же на диване.

– Я тоже хочу шампанское попробовать! – говорит Ваня – Костя пил в прошлом году!

– Не пил, а пробовал! И не забывай, что ты на три года младше, – отвечает папа.

– Может, до Рождества оставим? – предлагает мама.

– Мам, ну какое шампанское на Рождество?! – хмыкает Костя.

Они долго ещё спорят и что-то обсуждают. Мама приносит одеяло. Маруся укрывается с головой. Теперь люстры не видно, а лампочки светят как-то издали, как лесные фонарики у мишек. Глаза сами закрываются.

Маруся чувствует, что её кто-то легонько трогает за руку. Как кот лапкой. Она открывает глаза и едва не вскрикивает от неожиданности. Перед ней стоит мишка, в синих брючках и в матросской курточке. Даже на голове капитанская фуражка и тонкие очки в золотой оправе. Рядом с ним другой, поменьше, ростом с Марусю. Тот в смешном клетчатом комбинезончике и тёплой курточке, в лапе старинный фонарь со свечкой.

– Пойдём! – они открывают дверь и выходят из комнаты. Прямо за дверью начинается лес. Маруся его сразу узнаёт. Только сейчас здесь темно, и фонарики не горят. Марусе зябко. Мишка накидывает ей на плечи свою куртку. Тот, что в матроске, подходит к фонарику и гладит его – фонарь зажигается.

– Попробуй сама! – показывает он на следующий. Маруся осторожно прикасается к холодному белому шару. Вдруг внутри у него вспыхивает искорка, и шар наполняется светом. Так они

бегают от фонаря к фонарю, пока по всей аллее не зажигаются маленькие ручные луны. Вот они уже около дома. Дом Маруся тоже узнаёт. Внутри огромная ёлка. Верхушка упирается почти в потолок. Чтоб надеть на неё звезду, нужно подняться по широкой лестнице на второй этаж. Стол уже накрыт.

– Давай скорей! Уже начинается! – торопят её мишки. Они вбегают на крыльцо и застревают в двери – все пытаются войти одновременно. Странно, Маруся их совсем не стесняется, с ними так весело, как с братьями, когда те не начинают важничать и не запираются в комнате.

Мама-мишка зажигает на ёлке свечи. Папа-мишка готовится открыть шампанское. Бабушка достала коробку с печеньем. Малыши копошатся под ёлкой. Мишка-девочка в бархатном платье – спускается по лестнице с фотоаппаратом в лапе.

– А это тебе! – мишка в комбинезоне достает из-под ёлки коробку, обернутую золотой бумагой, и протягивает ей. Она перетянута красной ленточкой.

– Мне? Спасибо!

Сейчас я узнаю, что там у них, и расскажу маме! – думает Маруся, она дергает, лента никак не развязывается. Внезапно её ослепляет яркая вспышка!

«Фейерверк! – догадывается Маруся и открывает глаза. – Ой! Это не фейерверк, это утро!»!

– Неужели проспала Новый год!? – Маруся села на кровати и вдруг поняла, что чувствует хвойный новогодний запах!

Она тихонько встала. Братья спали в своей комнате. Родители тоже – даже через дверь слышен папин храп. Маруся побежала в большую комнату, к ёлке. На столе осталась посуда, на её тарелке лежал подсохший недоеденный мандарин. А за окном шёл настоящий снег! Он падал и падал. И весь двор был белый, и все деревья облеплены снегом, как сухопутные кораллы. И даже дворник еще не выходил. Она хотела разбудить поскорее маму и всех и крикнуть им, что снег идёт. А потом вспомнила

про мишек, улыбнулась, включила свет в своей комнате, что-то вырезала и клеила из золотой бумаги. Нашла красную ленточку, с третьей попытки завязала красивый бантик и побежала к родителям:

– Марусик? Рано еще! Поспи! Ложись к нам, – пробормотала мама.

– Мама, мама, проснись! Мишки просили передать тебе подарок!

Полина Зонова*

Такая вот мирная жизнь

*Война – всего лишь трусливое бегство
от проблем мирного времени.*

Томас Манн

Полковнику Турову было непривычно, что на него может напасть женщина, да ещё и учительница, а потому он не знал, как увернуться.

– Вы не представляете себе, что ваша Маша выдумала!

– Что?

– Воткнула себе в отлёты воротничка две иголки! Мол, это помогает держать голову прямо и не сутулиться во время выступления! Представляете?!

– Н-да-а, дела-а-а... – Туров опустил глаза и смял в руке перчатки.

– Вы уж, пожалуйста, прибирайте иголки дома! И проведите воспитательную беседу! До чего только не додумаются! Шестой год мне третъёклашек дают, и каждый раз что-то новенькое!

Учительница выволокла Машу за руку вперед. Маша, нарядно одетая, с пышными бантами на белесых косичках, бесстрашно смотрела на отца. Туров поджал и без того тонкие губы в сму-

* *Мастерская Даниэля Орлова «Технология прозы: как выбрать свой жанр, издать книгу и написать нобелевскую речь»*

щенной улыбке, поднял глаза на дочь и сказал, не поворачиваясь в сторону учительницы:

– Конечно, я проведу.

Маша отдала портфель отцу, побежала по коридору до дверей и встала там в ожидании и нетерпении. Отец неторопливо дошагал до неё, взял за руку, и они вместе вышли в солнечный сентябрьский день.

– Спасибо, что не выдала.

– Ты что, пап! Я же за тебя!

– Знаю. Но больше мы так делать не будем, ладно? Даже не могу вспомнить, откуда ты это могла выудить.

– Я видела, как ты в прошлом году показывал это ребятам перед построением! Они тогда так стройно стояли!

– Маша, так это – курсантам перед построением, а маленьким девочкам надо с книжкой на голове ходить!

– Есть с книжкой на голове ходить! – Маша заулыбалась. – Мама дома?

– Нет ещё.

– Значит, обед сами приготовим?

– Получается что так.

Маша, в отличие от своей бабушки, обожала, как папа чистит картошку: в его большущих руках она всегда становится круглой, какой бы формы ни была вначале. И Маша готова была есть простую варёную картошку целыми днями, просто за то, что она такая идеальная. Но сегодня что-то пошло не так: то ли часть картофельных очисток попала в слив, то ли просто пришел час этой хлипкой, явно не по уставу сделанной конструкции, но отвод вылетел из сифона и залил сначала шкаф под раковиной, а потом и весь пол. Маша стояла на табуретке и смотрела, как папа толчётся с тряпкой по кухне, звонит на бывшую работу, требует «интендантскую», потом – любого техника, потом выговаривает беззвучно, про себя, всякие слова, краснеет всей своей квадратной шеей и бежит к соседу за инструментами. Отца совсем недавно ушли на пенсию, и собственные займечь дома он не успел.

Пока меняли трубу, пока туда-сюда, бегали к соседям снизу узнать, не досталось ли им, картошка, конечно, сгорела. Хорошо, что теперь они жили в большом городе, а не в военном гарнизончике, и найти еду было легко: прямо через дорогу располагался итальянский ресторан. Туров давно хотел сводить туда семью, да все не получалось: юридическая карьера жены расцвела на новом месте. И теперь это её было не дожидаться с работы, теперь её вызывали в выходные и праздники, теперь её рисовала дочь на уроках ИЗО, чтобы не забыть.

– Мань, хочешь макаронки с сыром?

– Хочу!

И они прошли на летнюю веранду, сели за деревянный столик, взяли меню и стали читать. Официант подошел принять заказ.

– Скажите, пожалуйста, у вас есть макароны с сыром?

– Могу предложить вам один из наших специалитетов: паппарделле кон-и-бизи.

– Что?

– Макароны с сыром.

– Ладно, давайте две порции. И пива ноль пять, пожалуйста, и барышне...

– Лимонад!

– ... лимонад.

Официант вдумчиво сложил все страницы меню в стопку и удалился, а Маша хитро прищурилась и спросила:

– Пап, а знаешь, кто ты?

– Кто?

– Паппарделле!

Туров сначала сдвинул брови, насупился и приготовился было к отпору, а потом прыснул. Да, выходит, что так. Кем он только ни был за последние двадцать лет: ушастым, чересчур серьезным лейтенантом; потом, в Чечне, оглушенным и онемевшим капитаном; вернулся оттуда уже усталым и придавленным майором. Потом подполковником на Сахалине – большая шишка, всё начальство далеко, на земле, ему не указ; потом – полков-

ником, наставником, преподавателем и чуть ли не батей родным своим курсантам в училище. И вот – вершина карьеры! – сделался паппарделлем.

– Никому больше не говори.

– Хорошо. А можно я буду тебе иногда говорить на ушко?

– Ну, если только мне и только на ушко...

Принесли макаронки с сыром – хрустящие, не расквашенные. Туров слышал, что «настоящие» макароны не надо промывать водой, а значит, можно не обжаривать потом на сковороде для разогрева – не то что армейские рожки, которые иначе и не пригодишь. Маша сосредоточенно наматывала длинные ленточки на вилку, брызгая соусом и подныривая ртом под свисающие края.

– А давай и маме возьмем, с собой!

Они заказали и маме, и долго сидели и болтали о важном-неважном: про новую – хочется верить, теперь постоянную! – школу, про новый – хорошо бы надолго! – дом, про то, что в осенние каникулы можно – наконец-то! – никуда не ехать, и много о чём еще.

Домой успели до темноты, а мама опять задержалась. Накормили её макаронками, Маша рассказала, как они с папой сомкнули ряды и объединенными усилиями тряпочных войск с применением разводного ключа спасали мирную кухню от затопления. А Туров пожаловался жене, что, стоило раньше только позвонить, как дежурный инженер или просто пара смыслёных курсантов мчались к нему домой устранять, чинить, спасать, а теперь у них совсем другие учебные планы, а его, старика, забыли и не уважают. Мама устало повернулась к мужу и сказала:

– Федя, милый, не хочу тебя расстраивать, но в этой жизни у тебя больше нет курсантов. Зато в этой жизни есть сантехники!

Анастасия Иванова*

Сны и что-то большее

Пьеса

Действующие лица:

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – мужчина примерно 60 лет.

ДЕНИС – сосед снизу, относительно молодой и успешный.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА – очень интеллигентная и не очень молодая дама, соседка сверху.

КАТЯ – дочь Александра Николаевича.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Слева – пространство маленькой квартиры, за столом, возможно спиной к зрителям, сидит Александр Николаевич. Все его реплики обращены в никуда. Справа – пространство лестничной клетки. Между ними железная входная дверь.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Я – как письмо, запечатанное в бутылке, меня нельзя доставать, пока не приберёт к берегу. Скоро ли берег, как вы считаете?

* Мастерская Дмитрия Данилова «Пишем первую пьесу»

С внешней стороны двери на лестничной клетке появляется Денис, сосед снизу. Он звонит в звонок, потом начинает пинать дверь.

ДЕНИС: Откройте!!! Вы меня заливаете! Вода хлещет, вашу мать, открывайте!!!

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (*обращаясь в никуда*): В одном городе появился памятник. Вдруг утром вырос посередине центральной площади вместо клумбы с душистыми невысокими цветами. Никто не знал, кому этот памятник и кто его поставил. Памятник изображал мужчину, среднего во всех отношениях. Им мог бы быть любой житель города, чьи параметры не отклонялись бы от нормы. Жители писали друг другу, в газеты и администрацию, но никто не знал, откуда он взялся. Постепенно к памятнику привыкли, объявили фрагментом привычной топографии, рядом с ним стали назначать свидания и деловые встречи. Делегации от мэра и школьники возлагали к памятнику цветы. Уличные художники писали его с натуры и по памяти. Типография включила фотографию с ним в альбом с достопримечательностями города. Но однажды памятник исчез так же внезапно, как появился. Вернулась клумба с душистыми цветами и голуби. Жители писали друг другу, в газеты и администрацию, но никто не знал, куда делся памятник. Потом жители привыкли и забыли о его недолгом существовании. Только одна не очень молодая и не слишком красивая женщина раз в год приносила к клумбе букет с надписью на ленте: «От благодарных горожан».

Денис стучит по двери кулаком, потом ногами. Появляется Инга Васильевна, интеллигентная соседка сверху.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Господи, что случилось? Что происходит?

ДЕНИС: Залили, потоп устроили! У меня натяжной потолок в ванной уже как беременная сиська! Французский. Тридцать тысяч рэ. Хотите посмотреть?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Не уверена, что хочу. Давно не открывает? Странно, Александр Николаевич такой интеллигентный, приятный человек. Вы уверены, что он дома?

ДЕНИС: Да свет горит, я с улицы смотрел.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Может быть, ему плохо стало? Александр Николаевич, откройте! У вас все хорошо? Не отвечает. Надо в скорую или в полицию.

ДЕНИС: Тихо!

Прикладывает ухо к двери.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: В одной деревне завелась тоска по несбывшемуся. Это совпало с двумя событиями. Первое – из деревни уехал скульптор. Повесил на ворота замок, сел в машину и уехал, оставив за воротами мозаичного дракона и крутобедрую гипсовую бабу. Второе – через бетонную скорлупу заброшенного здания, на которой был нарисован большой оранжевый член, наконец пробилась молодая берёзка и радостно устремила к небу.

ДЕНИС: Голос, кажется слышен. Но смысла не понять. В полицию звоню, короче.

Денис звонит в полицию, Инга Васильевна также прикладывает ухо к двери.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Да, смысла не понять.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Один из жителей купил голубой и жёлтой краски и нарисовал на заборе море и солнце. Другой каждое утро просыпался на рассвете, складывал бумажных журавлей и сажал их на тот самый забор с морем. В его доме скоро кончилась бумага, но он уже не мог остановиться и воровал газеты у соседей. Третий вместо давно запланированной бани пристроил к своему дому маяк. По винтовой лестнице он поднимался вверх в маленькую комнатку, где сам еле разворачивался. Смотрел на бескрайние поля вокруг и каждый вечер

зажигал лампу. В дни, когда был дождь или туман, не выключал её и днём.

ДЕНИС: Набрал участковому, скоро будет.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Вы знаете, я вспомнила! У меня же где-то записан номер его дочери. Катерина, кажется. Сейчас.

Инга Васильевна копается в телефоне, находит номер, звонит Кате с просьбой приехать. Возвращается к Денису.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Вы знаете, а с натяжным потолком – я не специалист, конечно, но там, говорят, можно дырочку сделать и аккуратно так, ручейком, спустить.

Денис смотрит недобро. Какое-то время молчат. Денис еще раз пинает дверь и звонит в звонок.

ДЕНИС: А вообще молодец Александр Николаич. Раз, такой, закрылся, я в домике. Сижу, такой, никому ничего не должен... А простите, как вас зовут?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Инга Васильевна.

ДЕНИС: Очень приятно, я Денис. Так вот, молодец, говорю. Забаррикадировался. Как там – не выходи из комнаты, не совершай ошибку?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА (*нараспев, гнусавя, подражая Бродскому, впадая в транс*): Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку? За дверью бессмысленно всё, особенно – возглас счастья...

ДЕНИС: Вот, Инга Васильевна, я говорю, что пока ты внутри, ты никому не должен. Потому что только ты дверь открыл, сразу становишься кому-то должен.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Только в уборную – и сразу же возвращайся. О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора. Потому что пространство сделано из коридора и кончается счётчиком. А если войдет живая...

ДЕНИС: Кому-то обязан. Вот я дома могу ходить голый и бухой в хлам, а, например, выйти из квартиры так не могу... Дол-

жен быть трезвый, хотя бы умеренно, и одетый. Точнее, могу, конечно. Но буду осуждаем. Обществом и вот вами лично.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: ...милка, пасть разевая, выгони не раздевая. Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло. Что интересней на свете стены и стула?

ДЕНИС: Осуждаем за то, что бухой, или вот что потолок у меня французский за тридцать тысяч рэ. Или что машина большая. И бизнес. Да найдется за что. За то, что дышу и существую, в принципе. Даже за то, что за дверную ручку взялся.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Зачем выходить оттуда, куда вернёшься вечером таким же, каким ты был, тем более – изувеченным? О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, босанову в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу...

ДЕНИС: А знаете, почему я все-таки выхожу? Потому что остаться с собой наедине – это прям подвиг героический на самом деле. Это прям страшно, особенно если долго. Потому что тогда понимаешь, что никому ты так не должен и никто тебя так не осудит, как ты сам себя.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной. Ты написал много букв; еще одна будет лишней. Не выходи из комнаты. О, пускай только комната догадывается, как ты выглядишь...

ДЕНИС: А еще хуже, что когда ты один, никогда не поймёшь, есть ты или нет. У меня стена одна в чёрный покрашена, напротив зеркало большое, и светильники так, в общем, сложно объяснять, не суть. В общем, встал я ночью в туалет, свет какой-то сбоку горит, а я как бы иду, и в зеркало заглядываю, и себя не вижу, представляете? Только стену эту чёрную. Ну, оптический эффект такой, тень там, отражение. И я тут подумал, а вдруг наоборот? Что это когда я есть – это оптический эффект? А, Инга Васильевна?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: И вообще инкогнито эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция. Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция...

ДЕНИС: Инга Васильевна?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были. Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели, слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся...

ДЕНИС: Инга Васильевна?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: ...Запрись и забаррикадируйся шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы.... (Выходит из транса) А? Что? Про вирус не надо?

Денис отрицательно качает головой. Инга Васильевна вздыхает, достает платочек, вытирает лоб.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА (*обычным голосом*): Знаете, Денис, у вас много негативной энергетики. Тёмных мыслей. А знаете ли вы, что такое ноосфера? Нет? Ноосфера – это сфера разума, сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития. По Вернадскому, в биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремлённая и организованная воля его как существа общественного. То есть, понимаете, все наши мысли, воли, устремления – они все туда. (*Показывает пальцем на потолок*). И потом начинают влиять глобально – на человечество, на планету. И вы вот думаете о негативном, хотите спрятаться от всех, например, как уважаемый Александр Николаевич, чтобы все от вас отстали. И еще миллион человек так думают. Одновременно с вами. И высший разум обязательно ответит, поверьте. Сделает так, чтобы никто никого не трогал и никто никуда не выходил. Не знаю как, но сделает непременно. Поэтому от негативных мыслей нужно избавляться – это наша общая борьба за счастье человечества. Вклад. Мы с коллегами общество учредили, практически орден, но так назвать его, конечно, было бы нелепо, у нас все-таки не средневековье, просвещённый век. Так вот, мы в нашем обществе – называется «Обще-

ство Охранителей Ноосферы», ООН, если сокращенно, – мы разработали специальную технику устранения ментального негатива. Давайте я вас научу.

Вот сконцентрируйте сейчас в себе этот негатив про ваш потолок. Сконцентрировали? Вижу, хорошо, отлично! Теперь давайте вместе со мной – поднимайте одну руку.

ДЕНИС: Правую или левую?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Не принципиально, можно даже обе, но это уже отход от традиции, конечно. В общем, подняли так вверх, потом резко вниз и скажите громко: «Ну и хрен с ним!»

ДЕНИС (*опуская руку*): Как-как? Вы серьезно сейчас это произнесли?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА (*почти по слогам*): Ну и хрен с ним. Попробуйте, у вас обязательно должно получиться.

*Денис хохочет и поднимает руку.
Появляется ПОЛИЦЕЙСКИЙ.*

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*недовольно и неразборчиво*): Старшлейт-нчквов. Что тут случилось?

ДЕНИС: Залили меня. А дверь не открывают. Хозяин вроде там, голос слышно.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Сильно залили?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: У молодого человека потолок, как беременная сиська.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Денису*): Натяжной, что ли?

ДЕНИС: Ага. Французский. За тридцать тысяч рэ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Так дырочку можно сделать и ручейком так спустить.

ДЕНИС: Дверь ломать будете?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: А ключей ни у кого нет?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Дочери его позвонили, хозяйина, она едет.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Ну, подождём. Вы говорите, голос там? (*Звонит, стучит, притворяется к двери*).

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Дождь взрывается на стеклянных столешницах в закрытом кафе, притворяется морем, проникает в ячейки плетёной мебели, притворяющейся рыболовной сетью. Чайки летят, отставая одна от другой на полсекунды – чайка настоящее и чайка будущее, сдвинутое время. Баркас уже третью неделю стоит на приколе. Каждый вечер капитан надевает тельняшку, выходит на палубу с ноутбуком и включает старую запись песни о том, как волны бьются о борт корабля. Волны бьются, в ресторане на набережной пьют и поют. Капитана раздражает огрызок на крышке ноутбука, он не любит мусор на своем корабле. Но бережёт старые вещи. В кубрике стоят старые часы с надписью «мэйд ин чина», в которых садится батарейка, и они почти никогда не показывают точное время. Рыжий капитанский пес каждые два часа выходит на палубу и вылизывает свое неукрошенное мужское достоинство. Он так пунктуален, что по нему можно было бы сверить часы, но капитан этого не делает. По этой причине положение стрелок старых часов крайне редко совпадает с временем, текущим на берегу. Когда это все-таки случается, из мохнатого прибора выходит человек, стряхивает пену с ботинок и накидывает капюшон толстовки – потому что ветер.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Голос слышно, но смысла не понять. Ну, подождем дочь, значит.

ДЕНИС: Слушайте, у меня там потолок сейчас до пола растянется. Может, ломать всё-таки?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Да тут дверь норм, так не сломаешь, надо МЧС. А потолок – вы же мужчина, Денис Валерьевич, должны радоваться. Большой сиське-то (*грубо хохочет*).

Денис хватается руками за голову.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Да и можно дырочку сделать.

ДЕНИС (*обреченно*): И ручейком спустить, ага.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Денис, вы снова мрачный. Давайте вспомним упражнение. Поднимаем руку и-и-и...

Появляется запыхавшаяся Катя.

КАТЯ: Где отец, что случилось?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы дочь заливающего?

КАТЯ: Дочь, дочь. Что с папой, почему он не открывает? Я ему на мобильный звонила и на городской, он не берет

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: У вас ключи есть?

КАТЯ: Есть, то есть, нет, у меня старые, он замок менял. Почему вы дверь не ломаете, вдруг ему там плохо?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Да вроде разговаривает, только смысла не разобрать. Но помощи не просит.

Катя прислушивается через дверь.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Человек-из-моря неровно поднимается по гальке и выходит в город. Времени у него совсем немного – до следующей точной стрелки. В кафе на набережной он заказывает чашку густого, как мокрая земля, кофе и воду в стеклянной бутылке – пластик он не любит. Потом медленно идёт вдоль забора с граффити, каждый раз отыскивая новые. Покупает с рук мобильный телефон – на самом деле ему это совсем не нужно, так, игрушка. Закуривает, смотрит, как проезжает старик на велосипеде. На руле велосипеда сидит петух. Человек-из-моря покупает билет на фуникулёр и поднимается к горам, разглядывая пёстрые крыши. Между морем и горами, на середине пути, стоит дом и большие буквы, из которых собирается имя города. Человек-живущий-на середине выходит на улицу, ставит на одну из букв чашку чая, похожего на тёмный янтарь или хороший коньяк. На другую букву он ставит блюдечко с пахлавой. В его обязанности входит следить за состоянием букв, но он не убирает ласточкино гнездо, прилепившееся к последней из них. К человеку-на-середине подходит жена, плавная и плодородная, как долины за горами. Человек-на-середине обнимает её и улыбается человеку-из-моря. Человек-из-моря машет в ответ и понимающе кивает.

КАТЯ (*задумчиво*): Да, это он. Я слов тоже не разберу, но смысл, наверное, понимаю. Тут, понимаете... тут такое дело. Он иногда как бы куда-то уходит. Он как бы тут и не тут. И его так просто ОТТУДА (*выделяет голосом*) не достать.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Что, МЧС вызывать? Дверь ломать будем?

КАТЯ (*растерянно*): Дверь? А как он потом без двери? (*Обращается к Денису*) Он сильно вас залил?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: У гражданина потолок, как большая сиська.

КАТЯ: Натяжной? Так можно же дырочку...

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ХОРОМ: И ручейком слить.

Катя смотрит непонимающе.

ДЕНИС: А как вы его вытаскивали обычно?

КАТЯ: Никак, ждали просто – и всё.

Денис вздыхает и уходит.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Катенька, а вы знаете, что такое но-осфера? Видите ли, все наши мысли влияют на то, что происходит в мире. Вот вы сейчас расстроены, обескуражены, кто знает, что из этого может выйти. Я вам покажу одно упражнение, ручку так берёте, поднимаете...

Денис возвращается с тазом, полным воды.

ДЕНИС: Всё, в гостиную потекло. Из люстры. На ковёр. Не скажу за сколько рэ. Потому что уже не рэ, а уе.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Вы говорите, обычными способами его ОТТУДА (*выделяет голосом*) не достать?

Катя качает головой.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: У меня есть план, он немного нестандартен, но подходит к ситуации. Я же ровно над Александром Николаевичем живу, и лоджия его прямо подо мной. Мы снимем мою бельевую веревку. Потом мы напишем ему записки, обязательно с чем-то хорошим, закрепим их на этой веревке при помощи прищепок и закинем ему на лоджию. Будем выманывать его на позитив, как рыбу на блесну или на живца, я не очень разбираюсь в терминологии. Это будет у нас такая communication горе. Есть возражения?

ДЕНИС: Может, все-таки МЧС?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Успеется. Они решат, что мы все тут сошли с ума. А мы здравомыслящие, трезвые..

ДЕНИС: К сожалению.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: ...Трезвые люди. Нам это надо? Уважаемому Александру Николаевичу это надо? Есть бумага у кого-то?

Катя достает из сумки записную книжку, её разрывают на листки.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Что писать-то?

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Хорошее. Доброе. Светлое. И по теме желательно. Можно цитату.

Все пишут и сдают по несколько листочков Инге Васильевне.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Так, Денис. «Александр Николаевич, вы залили мне потолок, ну и хрен с ним». Прекрасно! Видите, Денис, рабочая техника, рабочая. Что там еще? «У вашей дочери красивые ноги». Ну, тоже ничего. Следующий. Так, господин полицейский. «Одиночество является неотъемлемой частью индивидуума, рожденного одиноким по сути своей. Это мировоззрение и способ путешествия. Одиночество никак не связано с изоляцией. Открытые двери не разрушают оболочку одиночества, лишь впускают внешний свет, преломляющийся в свет внутрен-

ний. Мир одинок, и в этом его счастье». «Выход из зоны комфорта равен входу в неё, поскольку вход и выход по сути одно состояние движения, не различающего внутреннюю и внешнюю сторону, оттого неотменяемого никем, кроме входящего и выходящего». Господин полицейский? Это откуда же? Не узнаю. Может быть, Ницше? Хотя нет, тут что-то другое...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*смущаясь*): Это мое, из раннего.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Вы прелесть! Так, теперь Катины. «Папа, я тебя...»

ДЕНИС: А вы-то сами что написали?

Берет текст, написанный Ингой Васильевной, читает.

ДЕНИС: «Знаете ли вы, что такое ноосфера, уважаемый Александр Николаевич? Дело в том...»

Инга Васильевна вырывает из рук Дениса листок.

ИНГА ВАСИЛЬЕВНА: Так, не будем терять время, господин полицейский, берите веревку и пойдёмте ко мне на лоджию.

Полицейский и Инна Васильевна уходят и на заднем плане мастерят communication горе.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Когда туман замерзает, приходится колоть его экскаваторами и вывозить на грузовиках. Если посмотреть на просвет, в некоторых осколках можно найти вмёрзшую в туман птицу. Это редко, обычно птицы туман не любят. Такие куски нужно ставить напротив огня, чтобы стояли быстрее. Это очень красиво – смотреть через него на свет. Обсохнув, птицы обычно улетают. А одна осталась. Смотрит сейчас с подоконника. Она из тех, чьи песни лечат людей, забывших своё предназначение. Последнее время таких все больше и больше. То ли с туманом что-то не то, то ли с морем. Недавно пришёл один – мокрый и глупый. Топиться хотел, а море не пу-

стило. Дурак, говорит, иди домой А он, может, и не дурак. Болеет просто. Посадили его у огня, дали птицу в руки. Сидел так до рассвета. Ну а что, нам не жалко, и огню хорошо – есть в ком новом отражаться. Старики говорят, что ему это большое удовольствие. А человек утром встал и ушёл. Потом слухи дошли, убил кого вроде. То ли брата, то ли друга. Вот так оно бывает – против предназначения не пойдешь.

КАТЯ (*Денису*): Знаете, Денис, я очень боюсь, что с ними что-то случится. И что он от этого умрёт. Я и за маму боюсь, но не совсем так. Мама в другом городе, у нее там другая семья. Знаете, мне кажется, что человеческая жизнь – она как шарик, воздушный шарик. Он не улетит, пока внизу есть грузик в виде чьего-то страха и чьей-то любви. У мамы таких грузиков больше, а у отца, в общем-то, только я. Понимаете, его кроме меня никто не держит – он всегда обходился и без друзей, и работа у него всегда такая была, какая-то никакая. Есть люди, которым всё это важно и они так живут – с работой, семьей, друзьями, это их грузики. А ему, знаете, никто и ничего не нужно. Только истории, знаете, такие сказки. Я маленькая была, он мне их рассказывал на ночь и записывал на магнитофон. Знаете, родители так обустривают мир вокруг ребёнка, чтобы оставить там какие-то меточки, зарубочки о себе, как бы бессмертие такое маленькое. А я эти кассеты потеряла, представляете? А самое интересное там было, когда он начинал засыпать и всё равно продолжал рассказывать. И тогда из его сна в мои сказки выползали всякие интересные и странные штуки, никак не связанные с основным сюжетом. Я как будто вместе с ним была в его сне, понимаете? И теперь я очень боюсь его потерять, как эти кассеты.

Молчат.

ДЕНИС: Катя, я вам сейчас расскажу, только вы не перебивайте, ладно? Я нескольких друзей похоронил, как-то все так ушли нелепо, астма, там, авария, сердце... В общем, как клуб

27, только клуб 35-40. И каждый раз после таких похорон зарекаешься здоровый образ жизни вести, не гонять, витамины пить, обследоваться, выписку со своими диагнозами с собой носить. А потом забываешь. Но я не об этом, в общем. У меня мать в деревне живет, и там каждый год похороны. Такое все – глупое, но страшное. Вот, например, сосед с женой бухал, там, с кем-то, и что-то у них там не заладилось. В общем, он жену керосином облил и поджёг, не знаю уж, там, случайно или специально. В общем, она умерла. Он потом повеситься пытался то ли с горя, то ли белочка. И у него не получилось, зато потом купаться пошел, прыгнул в речку, а там мелко было, он позвоночник сломал. А сын их, чуть помладше меня, он на снегоходе краденном в полынью влетел, утонул тоже. И это только одна семья, а там таких историй знаете сколько.

КАТЯ: Господи, ужасы какие, вы зачем мне это рассказываете?

ДЕНИС: Говорю вам, не перебивайте. Объясню сейчас. А еще я антиквариатом занимался. Ну так, как бизнес, купи-продай. Тоже всякого посмотрелся. Звонят, например, просят приехать мебель посмотреть. А там дед их лежит, только умер, еще не вынесли. А внуки уже его мебель продают по цене айфона нового и тут же, при мне и при деде этом, этот айфон заказывают.

В общем, я к чему это. Я не то, чтобы эксперт, но как бы немного специалист в смерти. И вы знаете, Катя, когда человек собирается умирать, а он не обязательно это осознает, хотя, я думаю, всегда знает. И вот он в этот момент, когда решил уже точно, он как бы всё материальное вокруг себя отпускает. И вещи становятся бесхозными, знаете, как животных, например, бросают. И вот это ощущение, этот запах, что ли, бесхозных вещей, его все, кто старьём занимается, все знают. В общем, я к чему это, Катя. Я вот на дверь эту смотрю, например, она ведь тоже как бы вещь, и я по ней вижу, что с вашим папой в ближайшее время ничего не случится. Я больше, конечно, ничего не вижу, даже прихожей, но эта дверь отчетливо говорит...

КАТЯ: Папа говорил, что прихожая это как бутылочное горлышко, а сам человек – как письмо в бутылке. И что его мотает по океану, и он или спасёт кого-то, или пропадёт совсем.

ДЕНИС: Кать, ну короче, я хотел приободрить как бы. Сказать, что чувствую, что всё будет хорошо, что я это ощущаю. Не очень получилось?

Катя мотает головой.

ДЕНИС: Ладно, пойду им помогу. Эта Инга сумасшедшая, конечно, но весёлая. И целеустремлённая. Мне бы так в её возрасте.

Поднимается по лестнице, останавливается.

ДЕНИС: А знаете, такое упражнение есть – надо руку так поднять... А, ладно.

Уходит. Катя садится на пол около двери, облокачивается о нее, сворачивается клубочком, как будто прижимаясь к родному человеку.

КАТЯ: Пап, я собаку завела. Маленький такой, джек-рассел, такая порода – теннисный мячик. И я балую его нещадно, потому что, ты знаешь, чувствую себя виноватой перед всем собачьим родом. Из-за Фимки. Ты же помнишь Фимку? Ну конечно помнишь. Ему восемнадцать тогда было и мне восемнадцать, только у нас восемнадцать разные, конечно. Вы его подобрали, когда я родилась, и он как бы со мной вырос и меня вырастил. А у меня мальчик тогда первый был. Я и говорю, разные восемнадцать – у меня мальчик, а у него радикулит, позвоночные диски, суставы и печень. Все-таки для собаки это очень много. Он слышал плохо, на голос приходил, носом тыкался. Лапы расползались на кафельном полу, и он падал, такой, а делал вид, что это ничего, что он просто так лежит, что сам решил. Пап, я пла-

чу, пап, ты слышишь? Он же умер у тебя на руках, и ты мне позвонил. Было три часа ночи, а я была с тем мальчиком на даче. Ну и мы не спали, конечно. И не то, чтобы разговоры разговаривали. И я не взяла трубку. И это как предательство было, пап. Перед тобой и перед Фимкой. Я себе этого простить не могу. И телефон теперь рядом с подушкой кладу, и всегда-всегда-всегда поднимаю, даже когда спам или мошенники. Один такой позвонил в три ночи – перепутал, наверное, что-то, он где-то там на зоне, далеко, но это потом выяснилось. А так сначала попытался у меня номер карты узнать, ну так, вяло, без огонька. А на самом деле ему просто хотелось пообщаться. Но у нас же нельзя просто хотеть пообщаться с человеком, нужно от человека обязательно что-то хотеть.

Историю рассказал про себя – он таджик, пап, или кто-то еще, не русский. Смотрел за загородным домом, а его знакомый за другим домом смотрел. А потом этот его знакомый изнасиловал его беременную девушку, того, который сидит. И он этого, кто изнасиловал, убил. Ударил сильно. Говорит, убил случайно, но хотел специально. Он прятаться не стал, пап, представляешь. Съездил к себе домой, деньги семье отвёз, у него жена и двое детей дома были, попрощался. Потом вернулся и сдался. У меня никак в голове не укладывается – вот как он жене своей любимой говорит и детям, тоже любимым, приехал и говорит – я убил человека, который обидел женщину, которую я так любил, что сделал ей ребенка. Это же сколько любви в одном человеке, а, пап? А эта беременная, которая здесь, в смысле, там была, уже другого себе нашла. И на суд к тому, кто за неё убил, не появилась. В общем, люди – суки, пап. Эти – все суки, если действительно всё так и было, а может, рассказчик мой сука – если соврал. Хотя вряд ли соврал, пап. Мы пока с ним говорили, начало светать. А время перед рассветом, ты сам мне говорил – оно в счёт не идёт. Если перед рассветом не спят, то не врут, а если врут, это тоже становится правдой. Хотя бы пока солнце не встанет. Этот, с зоны, мне адрес свой продиктовал и список, что купить, если вдруг я к нему поеду, не поеду, конечно, пап, не вол-

нуйся. Ты знал, что всё, что приносишь заключённым, нужно разворачивать? Конфеты, печенье, сахар, всё в целлофановые пакетики. Даже доширак, представляешь, надо из коробки пересыпать.

И мне это так понравилось, пап, я бы все так развернула – и город этот, и людей. Чтобы всё по прозрачным целлофановым пакетикам, чтобы видно было, что внутри – дрянь какая-нибудь или полезное. И у кого какие тараканы. И себя бы так развернула, чтобы все мои тараканы наружу.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Я живу в этой далёкой северной деревне долго, а песок – бесконечно. Я умру, а он останется. Мы с ним – разные состояния одного и того же вещества.

Стекло тоже песок. Я разбил вчера окно в соседнем заброшенном доме. Ни зачем. Просто когда борешься за созидание, иногда нужно что-то разрушить. Иначе слишком приближаешься к состоянию божества. А нельзя. Пока – нельзя. Грехи не пускают, нужно отработать. Да и колодец пересох. Старики не дойдут. Принести нужно. Так что пока в божества нельзя, рано.

Ветер. Иногда его слишком много. Но это хорошо – когда ветер. Мысли в голове не застаиваются, не киснут. И настроение – только загрустил, а тоска твоя уже на другом конце деревни. Радость, правда, тоже уносит, но и это хорошо. Говорят, есть места в мире, где радости совсем нет. А ветер есть. Может, и донесет туда.

КАТЯ: Тогда с Фимкой ты же меня от смерти закрыл, чтобы я с ней не встретила. Это и обидно было, что ты как бы не доверил мне это пережить, и хорошо, пап. А если тебя не будет, кто меня закроет? Я сейчас так же Ваську закрываю. Ей семь через неделю, твоей внучке, помнишь? У нее рыбка золотая – уже пятнадцатая, наверное, или шестнадцатая. Как Людовик. Когда очередная поддыхает, я меняю её на новую, лишь бы Васька не узнала. Я не знаю, смогу ли закрыть её от твоей смерти, если с тобой что-то случится.

Каждый раз я вынимаю этих рыбок и еще ни разу не смогла выкинуть их в унитаз или в мусорку. Трех я закопала в ком-

натных цветах – помнишь эти большие горшки, еще от бабушки, там не то, что золотую рыбку, там человека можно закопать, в этих джунглях. Мне кажется, они всегда были огромные. Мама говорила, что бабушка отламывала отростки от цветов, которые стояли в поликлиниках, не знаю, ставят сейчас их в поликлиниках или нет. Веточку нельзя было попросить, нужно было обязательно украсть. Иначе считалось, что не приживется. Странная логика, да, пап? И часы еще от бабушки были, песочные, медицинские, с лейкопластырем, на котором было написано «3 минуты». Я их разбила потом случайно. Они до самого своего конца пахли так сладковато, кабинетом физиотерапии.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Ветер перенёс дюну с места старого кладбища. Кости повылезали. И закрыл этим песком недавно, лет десять назад построенный дом на углу. Вот тебе и песочные часы. Так и живем. Песок и ветер. Ветер и песок.

Песочные часы. Днём я выгребаю песок из дома. Иначе нельзя, засыпает. Ночью приходит ветер, уничтожая мои усилия. И я начинаю новый цикл.

КАТЯ: А рыбки, в общем, остальные одиннадцать или двенадцать закопаны во дворе. Самой большой проблемой было найти гробик для каждой. Без гробика я как-то не могла себе позволить. Идеально подошли банки от всякой молочки, сметаны, творога. На них еще написано «5 процентов», «10 процентов», «20 процентов». Я покупала всегда 0 процентов – и для фигуры полезно, и символично как-то, что ли. И кстати, я не знаю, как ты тогда похоронил Фимку. Он же большой, его же в баночку не положишь. Никогда не думала, как вообще собак хоронят?

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Я считаю себя богатым человеком. У меня есть собака. Точнее, она есть сама по себе, но мне нравится верить, что она моя. Она ложится пятнистым боком к занесённой песком стене моего деревянного дома и тяжело дышит. Кроме собаки, есть еще мотоцикл. Их лапы, собаки и мотоцикла, одинаково вязнут в дороге. Они шумные. Это как-то примиряет местных с моим молчанием. Они считают меня немым. А я просто не хочу говорить. В мире и так

слишком много слов. Они не превращаются в песок, копят-ся, и я боюсь, что они однажды вытеснят весь воздух. Людям придется дышать словами, проветривать ими дома и заполнять воздушные шары. Не хочу дожить до этого времени, но в городе это неизбежно. Поэтому я приехал сюда – чтобы оттянуть неизбежное.

КАТЯ: Я купила квартиру, пап. Свою собственную. За МКАДом, до метро далеко, но своя. Дома такие из разноцветных кубиков. Квартира маленькая, однушка, но нам с Васькой пока хватает. Они там все маленькие, на одного, считай. Мне кажется, сейчас квартир для одиноких больше, чем самих одиноких. Но это не страшно, да, пап? Мы же приспособляемся. Я там познакомилась с местным активистом, из старожилов. Ну, как познакомилась – он перекрыл въезд в наш двор, акция у него такая был. Говорит, стоки от нашего ЖК текут на его болото. А оно как бы эталонное, это болото. Ты слышишь, папа, как звучит? Если бы надо было в двух словах описать мою жизнь, лучше не найти – эталонное болото. Образцово-показательное. Ну вот, и у него на этом болоте жужелицы, тоже какие-то редкие. Я даже погуглила. Ну, так себе выглядят, пап. Но теперь из-за наших стоков эти жужелицы в говне. Также хорошее название для чьей-то жизни, скажи, да? И он мне говорит, такой – а у тебя велосипед в детстве был? Я говорю, был. А он – ну представь, как он выглядел, где стоял. И я прям помню, «Орлёнок», да? Вот если бы я сейчас зашла в квартиру, только не сейчас, а лет двадцать назад, он бы стоял справа от стены, с царпиной на руле и сиденьем, которое я никак не могла отрегулировать под себя. Мне все время было неудобно, но когда едешь быстро-быстро, этого не замечаешь. И он стоял такой, чуть свёрнутый к стене, грустный и терпеливый. И этот активист говорит, а представь, что ему, твоему велосипеду из детства, плохо и больно. И он как бы неживой вроде, но для тебя же что-то такое одушевлённое в нем есть. И вот он страдает. И вот этот руль поцарапанный со звоночком у него болит, седло это неудобное, педаль с шашечками, чтобы нога не слета-

ла. Кто-то его обидел. А он стоит, такой маленький, и терпит. И этот активист говорит, мне вот болото это, которое вы своими стоками затопили, как этот велосипед. Что это его детство как бы. И если это болото у него есть, значит, было и детство, и мама с папой, и, может быть, велосипед. И собака, или кот, например, большой и рыжий. Про кота он не говорил, это уже я сама. И я опять про Фимку вспомнила, пап, и плачу, пап. И если у меня был велосипед, значит, было и детство. И Фимка, и ты, и мама. И твои сказки.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Быть немым плохо только в том, что нельзя петь. А песни, они не из слов – они из ветра. Из собранных им по миру обрывков звуков. Ими можно дышать. Но людям этого не объяснишь. Я лучше в песок, чем в слова. Когда мне больше не хватит сил откапываться, я, наверное, уйду в песок.

КАТЯ: Ты рассказывал мне сказки и записывал их на магнитофон, чтобы я могла потом слушать. Иногда ты засыпал и начинал нести полную чушь, но это было самое прекрасное, папа.

Я сделала бы такой бот, такого электронного тебя, чтобы кидать тебе фразу, как мячик, а ты, то есть, бот, мне в ответ её же, но пропущенную через твой сон.

Я очень скучаю, пап, очень. По тебе и по этим дурацким кассетам, на которых записано, как ты брал меня в свои сны. Забери меня туда, папа? Забери меня и Ваську, папа. Потому что на Земле когда-нибудь закончатся все золотые рыбки, и я больше не смогу от неё скрывать, что мы все тоже когда-нибудь закончимся.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Мой сосед – маячник. Он не верит в бога, но верит в маяк и надежду. Он курит без остановки, и мне кажется, что внутри он наполнен пеплом. В день, когда его загорелая морщинистая кожа прохудится, он поднимется на свой маяк. Ветер развевает его внутренний пепел тонкими серыми струйками над морем. Я завидую ему. Завтра тоже начну курить. А ключ от маяка он обещал оставить под дверью.

Во время разговора Александр Николаевич снимает с верёвки записки и делает из них бумажные кораблики. Закончив, он тихо обходит дверь, чтобы не разбудить уснувшую около неё Катю, и запускает кораблики в таз с водой, оставленный Денисом.

Ульяна Киршина*

Одын, два, тии, четыле

Я лежу в детской кроватке, хотя давно из неё выросла. Ноги, колени, локти – всё упирается в бортики. Рука, на которой лежит голова старшего сына, занемела. Я читаю молитву. Двадцать шестой раз. Говорят, нужно сорок каждый день, чтобы помогло. Я согласна и пятьдесят – лишь бы услышать наконец: «Мама, я тебя люблю». Или хотя бы просто – «Мама». Но глаза слипаются, язык заплетается. На часах почти два ночи, а вставать мне в пять утра – проснётся младший просить свою порцию молока и внимания. «Потерпи! – уговариваю себя. – Ещё немного». Слова молитвы вылетают на автомате. Я вообще многое делаю словно робот. Машина, заточенная под уход, кормление и бесконечные занятия. Никаких лишних улыбок, никаких отвлеченных хотелок.

Глажу лоб старшего сына. Откидываю его светлые волосики. Прислушиваюсь к рваному дыханию. Опять что-то плохое снится. Дую на лоб: я не знаю других способов развеять кошмары. Мои никто не прогоняет, поэтому под утро я частенько вскакиваю с криком. Мне снится будущее в коррекционной школе и испорченная жизнь сына. Мной испорченная.

Я разобрала по минутам всю его жизнь, все три года и два месяца, препарировала каждое свое движение – где же я ошиблась. Почему медкнижка моего долгожданного первенца по-

* *Мастерская Арины Бойко и Натальи Калининской «Автофиксин»*

полняется страшными аббревиатурами: ЗПРР, МА, ММД. Я не хочу знать их расшифровки. Никаких задержек психоречевого развития, моторных алалий, минимально-мозговых дисфункций. Хочу просто обычного сына. «У мальчика явное отставание в развитии. Слышала, вы хотите перейти в группу по возрасту. Вы уверены? Он цвета-то хоть знает?» – вновь и вновь цедит в моей голове воспитатель, вышедшая на замену и видевшая сына лишь однажды. И мне не доказать ей, что в свои три года он знает, конечно, знает цвета, даже сиреневый и бордовый, животных от гепарда до тапира, все-все буквы и цифры до десяти. Просто молчит и не особо стремится общаться с окружающими.

«Он у вас немой или глухой?» – ещё одна фраза, которую хочется забыть. Выскрести из себя, закупорить в омут памяти и никогда, никогда его не открывать – словно ящик Пандоры. Но, увы, эти слова вновь и вновь скользят ядовитой змеёй по каждой клеточке мозга. Обвиняют, жалят, укоряют. «А мой в два стиха рассказывал. А ваш чего молчит? Пора бы уж!» – вещает очередной папа на площадке. Почему-то мужчины всегда наглее в своем «а мой-то». Врожденная вежливость не позволяет мне выругаться и отправить заниматься своими делами. Я только шепчу: «Пока не знаем». И ухожу, покидаю это поле боя.

– Не надо! – вскрикивает во сне сын. И я, изо всех сил борясь с дремотой, покачиваю его: «Тсссс, все хорошо, маленький». Во сне, видимо, его ведут к очередному врачу. «Не надо!» – кричит он, завидев белый халат. Это самое чёткое, что мы от него слышим. «Дай», «Не надо», «Скажи» и «Папа» – вот и весь его арсенал. Наиболее оптимистичные смеются, что этого вполне хватит для жизни. Во мне оптимизма – ноль, а любое загаданное желание звучит как: «Пусть он скажет: «Мама, я люблю тебя». Разве много прошу?

Младший кричит во сне. Муж, не открывая глаз, покачивает, поглаживает его. А меня в очередной раз охватывает стыд. Я обещала не отдавать предпочтение ни одному из сыновей, но из раза в раз выбираю старшего. Начиная с родов.

Я знаю – врачи всегда в первую очередь спасают мать, но в первых родах из меня вылетало: «Если что, спасайте его, не

надо меня». Со вторым мысли бились совсем другие: «Меня. Вы должны спасти меня. Меня ждут дома. Я не могу своего сына оставить одного в этом мире. Я нужна ему».

Смотрю на кроватку с младшим. И тихим-тихим шёпотом:

– Малыш, тебе всего месяц. Я подарю тебе ещё много любви. Только потерпи. Ты такой молодец.

Молодец и мой спаситель. Двадцать часов в сутки его не видно и не слышно. Он только и делает, что спит. Оставшиеся четыре часа я дарю ему столько тепла и молока, сколько могу. Впрочем, думая о старшем. Об очередных занятиях, логопедических методиках, которые должны вытянуть из него звуки и слова. Закрываю глаза и вижу, будто удочкой вытягиваю из его горла Аааа, Оооо, Ууууу. Но только в моем воображении. На деле – тишина.

Глажу сына по лицу, наблюдаю, как подрагивают длинные реснички. Видеть его веки мне даже приятнее, чем открытые, смотрящие куда угодно, но только не на меня, глаза. «Посмотри в мои глазки!» – уговариваю я его днём. Он кивает и смотрит... Раз, два... Отводит взгляд. Если считать очень быстро, можно досчитать до трёх. Если повезёт, то даже начать говорить четыре. Но это слишком длинное слово, и взгляд обрывается уже на: «Че...». Прерывистый взгляд – один из признаков аутизма. Нынче я вижу его в каждом движении, в каждой аккуратно выстроенной в ряд машинке. Не игра, как считают многие, а опасное рядкование. И голоса врачей: «Нет, это не аутизм», – звучат неуверенно. Тех же врачей, что в два с половиной на мои переживания говорили: «Что вы хотите – мальчик, северный ребенок...». И в три: «Где же вы были раньше? Разве не видели». Извините, я вам больше не верю.

В сон я так и проваливаюсь возле старшего, скрючившись, словно младенец. С мыслями, что мне, взрослой девочке, очень нужна сейчас мама. Не за тысячи километров, а прямо здесь и прямо сейчас. У нее уже взят билет, и через месяц она будет баюкать меня в объятиях. Главное – продержаться и не сойти с ума.

Просыпаюсь. От первого же движения морщусь: тело затекло. Всё-таки детская кровать не место для взрослых. Но так спокойней. Мне. Двигаюсь медленно, чтобы не разбудить старшего. Двигаюсь быстро, чтобы успеть к плачущему младшему, прежде чем его лёгкое хныканье перейдет в слышимый соседями рев. В очередной раз раздваиваюсь в этой необходимости угодить всем.

– Иду, иду.

Плач становится громче, но мгновенно прерывается, стоит крошечному носику учуять меня и молоко. Хотя, наверное, в его мозгу это общий запах. Молочная мама. Почти молочный поросёнок, поданный семье на обед. Разбирайте на кусочки и требовательно тяните руки: «Ещё. Ещё».

Чтобы не уснуть, беру телефон, с вечера оставленный на тумбе. Уменьшаю яркость экрана до минимума. От этого болят глаза, зато не разбужу никого. Шесть утра. На экране мобильного высвечиваются непрочитанные сообщения. Их немного. Видео от подруги с подписью: «Учимся читать». Её дочь старше моего всего на полгода. А что могу противопоставить я? Учимся говорить? Тру глаза с набегающими слезами от чувства собственной ущербности. Даже родить здорового ребенка не смогла. Видео не смотрю, но смайлик с поднятым вверх пальцем отправляю. А вот следующее – «Не переживай, всё будет хорошо, просто говори с ним больше» – оставляю без ответа. Больше говори, больше читай, больше играй... «Какие у вас игрушки есть дома? – ехидно спрашивала меня невролог на последнем приеме. – Так в них же ещё и играть надо!». А я и не знала. Для красоты купили. Жаль, что колкие ответы я придумываю лишь спустя несколько дней.

Младший отваливается от груди, как сытая пиявка. Теперь проспит до девяти, а то и до десяти. Но старший поднимется через час, так что спать уже нет смысла.

Сообщение от лучшей подруги открываю с опаской. Вчера, не сдержавшись, завалила её своими страхами об испорченном будущем сына. Плакала через буквы, что нет ни сил, ни веры.

И лучше бы я замолчала, а он говорил. А её ответ малодушно читать не стала. И вот теперь открываю.

«Мать, ты же понимаешь, что у тебя депрессия. Ты записалась к психологу, что я тебе скинула? Ты никому не сможешь, если будешь продолжать в том же духе. Волнуюсь за тебя».

К психологу я и впрямь записалась. Онлайн. Куда я пойду с двумя детьми? Но смысла в этом особого не вижу. Чем он мне поможет? Научит ребенка за меня говорить? Да и стоимость консультации – две тысячи. Это два занятия у логопеда. Или приём у хорошего невролога. Или восемь книжек с заданиями... И лишь треть от цены лекарств, прописанных сыну. Говорят, если оформить инвалидность, то будут что-то платить. Но мы вроде пока тянем. «Будем тратить сколько нужно, не волнуйся!» – говорит муж, а сам сжимает зубы, когда я озвучиваю цену недели в реабилитационном центре – почти сотня. Тысяч. К счастью, рублей. Я уже отправила запрос на точную сумму. И записалась попутно к нескольким профессорам в Питере. В нашем мини-городе на Крайнем Севере мы обошли уже всех врачей, отвергающих лечение и диагнозы друг друга. Надо двигаться дальше. Страшно, конечно, тащить с собой двухмесячного ребенка: двое суток на поезде, самолеты зимой от нас не летают – погодные условия не позволяют. Но и упускать время больше нельзя.

Бездумно листаю ленту в соцсетях. Просматриваю фото улыбок, путешествий и достижений чужих детей. Думаю, сколько в них процентов честности, а сколько притворства. Пересчитываю лайки под своим вчерашним постом: улыбающаяся я, прижавшийся старший и прячущий лицо на моей груди младший. Фальшивое: «Мы счастливы».

Поднимаюсь с кровати, смотрю в окно на медленно поднимающееся солнце. Говорят, самая тёмная ночь перед рассветом. Только у нас, видимо, бесконечная полярная ночь. Север же.

Допиваю вторую чашку чая, когда слышу, как по полу шлёпают босые ноги и сын что-то лопочет в поисках меня. Хочется спрятаться. Пусть ищет – вдруг, не найдя, как закричит: «Мама».

Делайте вид, что не понимаете его – уговаривают нас окружающие. Польза от этого совета только одна: сын научился самостоятельно наливать себе молоко и отрезать хлеб. С тех пор муж ножи не точит – боится за сына, а может, за меня. Слишком уж беспокоен на меня поглядывает, когда я на пару секунд выпадаю из реальности с ножом в руках.

Кормлю сына манной кашей. Говорят, она не полезна, но он её любит.

– Каша, манная. Её делают из пшеницы. Дуй, если горячо. Да, вот так, ещё подуй. Кушай. – Я похожа на ходячий справочник, озвучивающий все свои действия. Тарелка пластиковая, красная. Футболка хлопковая, голубая. Ложка металлическая, серая. «Озвучивайте все, что делаете – и ваш ребенок заговорит в полтора года», – советуют в книгах о материнстве. Интересно, у их авторов есть дети? Больше одного, идеального? Или только я бесполезна в роли птицы-говоруна?

– Молодец, теперь бери полотенце. Вытирайся. Да, вот так. Будешь ещё что-то? – Мотание головой в ответ и тихое, словно мяуканье полудохлого котенка, «неаааа». Хоть что-то. «Да» от него не услышишь, только резкий кивок.

– Тогда пойдём умываться. Открываем кран, включаем воду. Нет, слишком горячо, сейчас сделаю тёплую. Смешиваем горячую и холодную воду, и получается... – пауза, – правильно, тёплая.

Иногда мне кажется, что я уже сошла с ума, и никаких детей у меня нет. Я просто зачем-то говорю вслух. Недавно поймала себя на том, что в магазине начала объяснять, что нам надо купить, продуктовой тележке. Не очень громко, но женщина, стоящая рядом, как-то слишком быстро отошла от меня.

Начинается стандартный день бесконечных занятий. Лого-массаж языка и щёк. Лекарства. Разбрасывание круп по кухне – развитие мелкой моторики. Я говорю. Он молчит. Потом тычет во все предметы: «Скажи». И я в сотый раз повторяю: холодильник, трактор, кошка, папа, микроволновка, экскаватор, корова... И так до боли в горле. Достая очередную книжку, кото-

рая должна развить ребенка, но пока только натирает мозоль на моем языке.

– Ну, получше, конечно. Да-да, разговорится, – слышится из комнаты. Муж говорит со своей мамой. Как всегда, якобы оптимистичный. А может, и правда верит, что всё будет хорошо. В конце концов, это я по ночам сначала долго отхлопываю слова для лучшего запоминания, читаю сказки и пою колыбельные, пока горло не захрипит. Массирую каждую мышцу. Молюсь. А потом рыдаю до захлёбывания. Впрочем, муж зарабатывает деньги, любит сыновей до безумия и обнимает меня, когда мне это нужно. И я точно сойду с ума, если в лучшее перестанет верить и он.

– Я вчера слышал, как он сказал – один. Непонятно, конечно, но всё-таки, – продолжает муж, а мне хочется чем-нибудь в него кинуть. Если бы. Вечно ему что-то слышится в бессвязном лепете.

Открываю книжку. На странице с цифрами. Наверно, чтобы потом ехидно сказать: «Ага, как же, слышал ты».

– Одын. – Слышу и замираю.

– Два. – Растерянно смотрю на сына, тычущего в цифры.

– Тиии. – Чувствую, что текут слёзы. Отворачиваюсь – сын нервничает, когда я плачу. А за спиной звучит:

– Четыле. Пят. Шесь...

Пауза. И завершающим выстрелом:

– Сем!

– Макс! – кричу. – Он считает! Он вслух считает!

Тут же замолкаю. Не спугнуть бы. Вдруг это случайность, которая больше не повторится. Но сын опять повторяет: «Одын, два, тиии...». Муж приходит на слове «четыле». Я утыкаюсь в него и трясусь всем телом, не в силах сдержать рыдания. И тут звучит какое-то жалобное: «Ма-ма».

– Он ска-ка-ка... Зал. – Я заикаюсь от нервного перенапряжения. Понимая, сколько работы впереди. И все же – главный шаг мы сделали. Пусть пока и «одын».

Светлана Коваленко*

«День России»

Статья 3

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ.

Всю предыдущую ночь я блевала. То ли из-за волнения, то ли из-за роллов «Филадельфия» со скидкой. Я договорилась встретиться с другом у метро «Чистые пруды» за пятнадцать минут до начала шествия. Взглянула сначала в зеркало, потом на часы и поняла – пора.

Солнце скрылось за облаками, как за выпуклой линзой лупы. Воздух был бледным. Я запрыгнула в полупустой автобус и обрадовалась работающему кондиционеру. Любимое место у окна в конце салона оказалось свободно. Мне нравилось сидеть там, потому что это кресло находилось выше остальных. Нравилось быть выше остальных. Физически и морально. С первым пунктом подкачали родители – во мне было сто шестьдесят сантиметров чистой тревоги. Со вторым в тот день не было проблем.

Я думала, что я лучше всех в этом автобусе, потому что ехала на свою первую в жизни политическую акцию, а они ехали в неизвестном мне направлении. Гордость распирала изнутри, как

* *Мастерская Арины Бойко и Натальи Калининской «Автофиксин»*

дрожжевое тесто. Я начала разглядывать людей с высоты своего трона.

Шумная компания пенсионерок сидела лицом друг к другу в начале салона, каждая широко расставила ноги, но исподнее прикрывали подола выцветших платьев и высокая рассада, торчащая из потерявших товарный вид пластиковых пакетов. Они громко обсуждали рецепт мази от варикоза из последнего номера «Вестник ЗОЖ»: растопить на медленном огне свиной жир и добавить свежие измельчённые цветки календулы.

Напротив сидел парень, словно сошедший с тайской рекламы средств по отбеливанию кожи. Тонкий и почти прозрачный. Из сахара. Если выйдет на улицу в ливень, обязательно растает. Он быстро стучал худыми длинными пальцами по экрану смартфона, слышались глухие удары по стеклу. Парень поднял на меня глаза, они были густо подведены чёрным. Мы улыбнулись друг другу, не меняя положения уголков губ.

На очередной остановке зашёл мужчина и сел рядом со мной, хотя в автобусе было полно свободных мест. Я достала телефон, открыла браузер, ввела: «Почему люди садятся рядом в общественном транспорте». Вторая ссылка говорила, что к красивым подсаживаются в последнюю очередь. На мне была новая футболка из Uniqlo и любимые штаны со свопа, мужчина просто не разглядел. Я запомнила, что от него пахло солидолом, а в фаланги пальцев въелась грязь. Мужчина несколько раз шумно шмыгнул носом, будто старался втянуть в себя весь воздух вокруг, а потом достал из нагрудного кармана безупречно чистый платок и тихонько высморкался. Как многого я не знала о людях тогда и не знаю до сих пор.

Потом мужчина вышел, и его место заняла девочка-подросток. Я смотрела в окно, а девочка дотронулась ледяными пальцами до моего запястья. Я повернула голову и увидела, что она в хлам. Глаза стеклянные, но не пьяная, может, «скорость». Или мефедрон. Он был популярен в тот год. Девочка спросила у меня, сколько времени, а я сделала самое серьёзное лицо из всех возможных и спросила в ответ: «Какая разница?». Она смотрела

на меня еще секунд пять, ответила: «Ну да». И тоже начала разглядывать людей, изо всех сил жуя жвачку и качая ногой.

Автобус стоял на светофоре, когда водитель открыл дверь своей кабины и очень громко спросил:

– Не жарко?! Может, включить кондиционер посильнее?!

Он смотрел на нас в зеркало заднего вида. Там отражались его чёрные глаза, густые брови и белый воротник праздничной рубашки. Он действительно хотел, чтобы всем было хорошо и комфортно.

Все люди в автобусе, включая меня, дружно ответили: «Нет!». Водитель улыбнулся, захлопнул дверь, и мы поехали дальше.

Статья 17

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

– Уважаемые граждане, расходитесь! Ваша акция не согласована. Вы мешаете проходу других граждан. Уважаемые граждане, расходитесь! Ваша акция не согласована. Вы мешаете проходу других граждан.

Я стояла у выхода из метро «Чистые пруды» и оглядывалась по сторонам. Людей становилось больше с каждой минутой. Достала телефон, написала другу «Ты где?» и снова убрала в сумку. Я думала, меня могут задержать. Хотела сохранить заряд батареи: написать в правозащитную организацию, выложить селфи.

Все вокруг были группами, редко парами: оппозиционные активисты, журналисты, потомственные московские интеллигенты. Люди, которых я хотела видеть своими друзьями и коллегами, но которые в упор не видели меня. В тот год я была в самом начале своей карьеры, делала интервью с создателями фотоателье, фитодизайнерами и сыроварами. Был еще один мясник, которого я возненавидела после того, как согласилась при-

слать ему текст на согласование. Он вносил правки и параллельно жрал мой мозг чайной ложкой, а я вежливо и обтекаемо соглашалась, боясь спровоцировать скандал.

Я мечтала делать политические расследования, писать репортажи из утопающего в песке села Шойна или на худой конец освещать протестное шествие в тот день. Я знала, что с пресскартой чувствовала бы себя в сто раз увереннее, проходя мимо вереницы сине-белых пазиков. Их окна были завешаны плотными шторами, но в промежутках ткани через стекло проглядывались розовошечные лица росгвардейцев.

Хотелось курить, но было страшно привлекать внимание. В трёх шагах от меня стоял парень в полицейской форме. На его запястье были объемные бордовые G-Shock, подруга в том году покупала похожие её младшему брату в честь окончания школы. В той же руке полицейский сжимал пластиковую бутылку «Пепси», газировка была едва начата, но этикетка уже заметно поистерлась в его вспотевшей ладони. Волнуется. Наверное, сегодня для него это тоже в первый раз. На его плече зашипела рация: «Задерживать всех в непонятных футболках, задерживать всех в непонятных футболках». К стоящей вдоль тротуара толпе людей резко подъехал автозак. Из него вышли мужчины в бронежилетах и аккуратных беретах. Они взяли под локоть женщину с длинными жёсткими волосами, убранными в пушистый хвост, на вид ей было лет пятьдесят, и о её взгляд было легко споткнуться. На её футболке было написано «Сегодня он, завтра – мы». Вполне понятно.

Над площадью пронёсся гул. Толпа зашевелилась, направилась в сторону Лубянки, но улицу перегородила цепочка крепких молодых парней в серо-голубой пятнистой форме. Они стояли, широко раздвинув ноги, и старались смотреть сквозь нас. Я была с людьми, но совершенно одна. Это пугало и нравилось одновременно, казалось, можно слиться с толпой и чувствовать себя в безопасности. Я проверила сообщения на телефоне. Друг написал: «Все перекрыто, я ушёл в сторону Сретенского бульвара, догоняй».

Я свернула в переулок, подчиняясь течению людей. Над головой заиграли колокола Сретения Владимирской Иконы Божией Матери. За спиной послышался шорох шин очередного автозака. Старый автобус со скрипом остановился, распахнул двери, и под каждый удар колокола из него, как из порванного пакета с семечками, сыпались росгвардейцы. Они хватили случайных людей и заталкивали в пазик вместо себя. Я ускорила шаг.

Статья 29

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова

Миновав узкий переулок, я почувствовала себя спокойнее. Люди вокруг тоже словно выбрались из подземелья. Из-за облаков выглянуло солнце, толпа шла вниз по Бульварному кольцу, с разных сторон доносились музыка и смех. Я решила записать сторис, все-таки сегодня День России, пусть друзья из других городов и стран знают, как отмечают такие праздники в Москве. Я достала телефон, открыла камеру в Instagram, подняла руки повыше и повернулась на 360 градусов. В кадр попало много полицейской техники, осталось только написать что-то вроде «С праздником, страна!» Готово.

Спустя минуту я услышала сигнал сообщения. Нажала на красную цифру «один». Это было сообщение не от друга:

«Я надеюсь, ты просто проходила мимо?»

Я выдохнула и решила ответить честно:

«Нет».

«Очень плохо. Значит, тебе важнее хайп, чем моё здоровье».

На здоровье мама прежде никогда не жаловалась. Да и вообще никогда не жаловалась. Это было не в её стиле. Но я все равно косвенно заботилась о маминых нервных клетках и скрывала неугодные взору публикации в социальных сетях. В тот день мама отдыхала на даче, обычно там был плохой уровень сигнала.

«Это шантаж?» – спросила я в ответ.

«За что борется толпа не из Москвы? Что вам за это обещали, что вы так жопу рвёте?»

Мама жила в параллельном инфополе. В мире её Facebook-публикаций протестующие приезжали на митинги вагонами из соседних областей, кидали взрывпакеты в мирно стоящий ОМОН и уставшие, но довольные, возвращались в условную Тулу на последней электричке с заработком в кармане.

«Денег, конечно, по 500 рублей каждому», – написала я.

«Цинизм тебе не идёт и не со мной, пожалуйста».

«То есть, тебе можно мной манипулировать, а мне тебе слова не скажи?»

«Я просто хочу понять, чего ты хочешь. Осчастливить весь мир? А на то, что твой родной человек из-за этого несчастлив, тебе плевать».

Я почувствовала жар в затылке от беспомощности и обиды.

«Ну, класс. Ты давишь на меня тем, что тебе плохо из-за моих действий и ты несчастлива, а меня ты спросила, что делает меня счастливой?» – Я перебирала пальцами очень быстро.

«Я не давлю, я пытаюсь понять, чего ты хочешь от этой жизни».

«Хочу жить в свое удовольствие. Мне нравится выражать свою точку зрения, оказывать поддержку. Я считаю, это хорошее дело и мне от этого тоже хорошо».

«То есть, ты фигнёй маешься, пишешь эти посты, участвуешь в сходках только ради своего удовольствия?»

«Не только, но и в том числе, разумеется, а ты сейчас обесценила весь мой труд, назвав его “фигнёй”».

«А ты мой. Причём труд всей моей жизни за несколько минут. Взяла и в унитаз слила».

«Мне очень приятно, что ты так считаешь. Что я ещё могу сказать... Прости, что так разочаровала».

Я убрала телефон в сумку, вытерла глаза и увидела, что толпа привела меня к Центральному рынку. В тот год во всех дальнейших разговорах с матерью фигурировала только тема здоровья.

Статья 31

Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

У входа на рынок толпа людей оказалась окружена ОМО-Ном. Начались задержания. Я увидела своего друга, он стоял рядом с политиком Н. Докричаться до него я не могла, поэтому быстро полезла за телефоном. Хотела написать, чтоб друг отошел от Н., иначе заберут обоих. Пока я копалась в сумке, Н. увели в автозак. Мне удалось подобраться ближе к другу, он стоял на лестнице, я дёрнула его за штанину.

Я думала, что почувствую облегчение, оказавшись рядом со знакомым человеком. Но мой друг в тот день представлял собой классическую мишень полиции: тотал блэк, надпись «No fear» на футболке, модные кроссовки. Презрение к власти в каждом жесте.

Мы хотели выглядеть смелыми друг перед другом, но неловко жались к стеклянным крутящимся входным дверям рынка. Я то и дело забегала внутрь с серьёзным лицом – проверить обстановку. Проверять, конечно, было нечего, но эта дверь была словно портал в другой мир: без злобы, насилия, страха. Люди внутри рынка не знали о том, что происходит снаружи. Они приехали провести выходной с друзьями, семьёй и бокалом игристого. Люди снаружи приехали провести выходной в борьбе за свои права. Мне был близок каждый из них.

На улице кричали. Кто-то от ужаса, кто-то от боли. ОМОН уже не сдерживал себя. В огромных шлемах они действительно были похожи на космонавтов. Омоновцы выстраивались в ряд, клали руку на плечо впереди стоящего человека и цепочкой врываются в толпу протестующих, разрезая её. Это напоминало игру в змейку на старой «Нокии». Только здесь у змейки не было ограничений. Она могла сожрать ровно столько, сколько хотела сожрать.

Дубинки активно шли в ход. Я подумала, что если попаду в лапы космонавтов, то стану цифрой в статистике «ОВД-инфо».

Проведу весь день в участке, а кроме бойфренда никто не заметит.

– Смотри, столик освободился, давай сядем типа мы просто гости ресторана? – сказала я другу, показав на уличную веранду рынка.

Он согласился. Мы заняли плетёные стулья и приняли самый непринуждённый вид из всех возможных. Романтичная пара отмечает День России. Настоящие посетители рынка оставили нам в наследство два недопитых «Апероля Спритц», где лёд уже практически превратился в воду. Я взяла запотевший бокал в руку и вспомнила молодого полицейского, который крепко сжимал бутылку «Пепси» у метро «Чистые пруды». Вокруг продолжали винтить людей. В метре от меня омоновец уложил парня лицом в асфальт. Я отвернулась, чтобы не смотреть им в глаза.

Илья Мамаев-Найлз*

Words Unsaid

Все началось в Израиле, в душном минивэне с закрытыми окнами. Машина плелась сквозь толпу торгашей, они стучали по стёклам раскрытыми ладонями. Не косточками пальцев, как стучат по двери, а мокрыми бледными щупальцами, оставляя на окнах отпечатки – короткие линии жизни, любви и успеха.

От ужаса Артём забывал моргать. Его семья молча отказывалась от предлагаемых безделушек, продавцы злились и кричали проклятия. Артём хотел зажмуриться и заткнуть уши, но не мог пошевелиться и беспомощно впитывал чужеродные звуки. Но зарычал двигатель, и всё пропало. Спереди раздалось жужжание, щелчки заевшего механизма стеклоподъёмника, и в салон дунуло раскаленным городом. Жёлтые стены домов сливались с жёлтым песком и жёлтым солнцем. Артём вдохнул, и обжигающий воздух вошел в лёгкие, оттуда – в кровь, через которую во все клетки тела проникло отчаяние. Состояние требовало темноты и холода – козырька кепки, опущенного до носа, чтобы никто не заметил, как капли пота смешиваются на щеках Тёмы с каплями слёз от попыток удержать рвоту внутри глотки. Солёные ручейки бежали вниз, распухшую кожу щипало, но он не протирал лицо – руки продолжали лежать неподвижно, как будто у него всё было хорошо, как будто он просто уснул.

* *Мастерская Ольги Брейнингер «Автофикшин: герой, автор и психоанализ»*

Нога до сих пор болела – он подвернул её в пещере Рождества. Хотя Артём мало, что знал о вере и человечестве, он почувствовал, что находится в месте невероятной исторической важности – в точке отправления. И люди вокруг вели себя так, словно зашли в вагон метро: не смотрели друг на друга и молчали. Огромный пласт тысячелетней культуры в виде нависшей тишины качнул их вагон, Артёма покосило, и он неправильно шагнул на ступеньку. Боль резко ударила по его лодыжке, и захотелось взвыть, но он не издал ни звука. Отец заткнул ему рот.

Слёзы, пот и сопли смешивались и скатывались по его сжатым бледным губам внутрь, под язык. Артёму нужно было попросить воды или, может, остановить машину, сказать, что его укачало, но он не мог. Нет, в его семье плохое остается несказанным. Машина взлетела на кочку, водитель вскрикнул что-то на иврите, но Артём уже этого не слышал: первые несказанные слова не прижились внутри ребёнка, подхватили взлёт автомобиля, ринулись вверх, и Тёму вырвало на только что купленную икону из Вифлеема. Это было самое начало 2000-х, и Артём ещё даже не пошёл в школу.

Икону поставили на комод в столовой к другим сувенирам: деревянный Будда, мини-Эйфелева башня, монеты разных стран, вязаный член из Исландии (он долго не простоял), разные игрушки и японская кукла Дарума. Она исполняет желания: загадываешь, закрашиваешь один глаз, а когда сбывается, закрашиваешь второй. Артёму её подарили, рассчитывая на то, что он загадает хорошие оценки или мобильный телефон – что-то понятное и выполнимое. А Артём загадал, чтобы все люди были счастливы.

Потом мама узурпировала икону – поставила на прикроватную тумбочку. Она начала ходить в церковь и заодно решила создать филиал в спальне. Никто не возражал. То есть, никто и не заметил: учитывая обстоятельства, до Богоматери с младенцем Иисусом никому не было дела.

Папа изменил жене с инопланетянкой: в телефоне любовница была записана как «УФО». Сколько Артем не ломал себе го-

лову, он не мог вспомнить знакомых тёт с такими инициалами. И он не понимал, как отец мог променять маму, которую звали Любовь, на какую-то Фаину или Фёклу. Когда между отцом и сыном состоялся первый и последний мужской разговор о женщинах, папа сказал, что восточные женщины очень привлекательны в молодости, но в старости ужасно угловатые. Артём тогда испугался, что её могли звать Фарида.

Они с сестрой никогда не обсуждали произошедшее. Нельзя назвать полноценным обсуждением единственную реплику сестры: «Понимаешь, они ведь разведутся!» и «Как это? Этого не может быть! А как же мы?» – написанное на лице маленького Тёмы. Тем не менее, он знал наверняка, на чьей Моника стороне. Она всегда была папиной дочкой. Хотя ей тоже было не просто, она не плакала.

Хладнокровность и прагматичность – она переняла эти качества у отца и развила их, как иные школьники до максимума прокачивают в компьютерных играх первое оружие. Для отношений с людьми оно было губительным, но для работы лошадей, с которыми она проводила большую часть дня – самое то. Моника представлялась Артёму неуязвимой как Ахиллес, то есть, настолько же уязвимой: с одним лишь слабым местом – холодной головой, которая не дала ей утонуть во время развода родителей.

Они остались вместе. Это не соответствовало правде даже территориально: мама осталась в родительской спальне, а папа навсегда переехал в гостиную. Постельное бельё сняли с дивана только, когда к ним приехала журналистка из местной газеты. В городе проходил конкурс «Лучшая семья года».

– Скажите, вы счастливы? – спросила журналистка у Моника.

– Ой, конечно! У нас прекрасная семья! Мы много путешествуем и... ездим по разным странам!..

– Чудесно-чудесно... У вас необычное имя. Назвали в честь Моника Беллуччи? – подмигнула журналистка родителям.

– Да, – ответил отец.

– А вы, Артём, как живется вам?

– Очень хорошо... – ответил он, обдумывая, как бы ему незаметно удалить свою последнюю запись ВКонтакте: «Пистолет к виску, и все проблемы решены...».

– А что это за необычная куколка?.. Китайская, да? А почему только один глаз покрашен?

Артём тогда подрабатывал на заводе, собирая открытки. Огромный цех с воздухом, переполненным мелкими частицами блёсток. Оказалось, что у Артёма на них аллергия: он начал кашлять и чихать. Работники жаловались на то, что «производственные условия могут привести к заболеваниям дыхательных путей». Но другого пути у Артёма не было: он хотел накопить на гитару. Вокруг него сидели женщины и слушали РетроFM. Артём подсматривал за ними. Хотя его самого выворачивало от попсы, он видел, что людям нравится. И не просто нравится – эти грубо склеенные слова, пафосные и пошлые, типа: «Я... люблю-ю-ю тебя до слё-ё-ёз... та-та-та-та-та-та... каждый вздох как в первый раз-з-з» заставляли работниц о чём-то задумываться, вспоминать, и их лица преображались скорбью, становились теплее и счастливее. И тогда Артём понял, как всё исправить. Посыпал одну открытку двойной порцией блёсток, и пока все отвлеклись на «На-деж-да – мо-ой компас земной...», сунул настоящую надежду себе за пазуху. Она грела по пути домой, Артём не мог дождаться подарить открытку родителям. На ней были нарисованы два лебедя, розы, сердечки, и написано:

*Сегодня, с годовщиной свадьбы
Спешим поздравить вас, друзья.
Пусть будет крепкой и счастливой
Большая дружная семья.*

Годовщина была не скоро, и Артём сразу вручил подарок. Родители улыбнулись, поблагодарили, положили открытку на комод к сертификату победителя «Лучшая семья года» и разошлись спать в разные комнаты.

Несчастье оказалось их фамильным проклятием. Такая успешная, чудесная, несчастная семья. Директор завода. Директор школы. Директор конюшни. Переводчик порно. Как иных кровных родственников объединяет нос картошкой, их объединяла только общая судьба.

– Послушай, ну, я могу ошибаться, но, в общем-то так оно и есть, – рассуждал Артем в душевой, – у мамы может начаться рецидив, сестра развелась со вторым мужем. Они вообще читали значение имени, когда её называли? Одинокая. Как корабль назовешь... Чёрт! – он повернул ручку душа в другую сторону. – Вот почему смывают наверху, а ошпаривает меня?! Ладно... Папино счастье в том, чтобы все были счастливы – ха! А я – что? А я хожу в душ с открытой дверью потому, что моя жена в любой момент может взять на кухне нож.

Всё тихо. Хотя, может, её просто не слышно из-за потока воды. You never know, подумал Артём.

Поначалу он тайно лелеял надежду на свою исключительность. Да, он свято верил в то, что идиотская порча обойдет его стороной, если он сбежит от семьи и будет жить по-другому. Словно несчастье – это не судьба, а заразная болезнь, от которой можно уберечься, если не контактировать с заражёнными.

Поэтому на первом курсе он ушёл из дома, жил в машине в полях с гитаркой, парой книжек, горелкой и купленной на последние деньги сковородкой. Однажды они случайно встретились с сестрой у магазина, и Артём еле сдержал смех: Моника в новом пальто, только из парикмахерской, в руке – эко-пакет с эко-продуктами. Она оцепенела и разучилась говорить, когда увидела брата-бомжа и беспорядок в салоне. С хаосом они боролись по-разному: Моника структурировала карандаши и тетради на рабочем столе, а Артем бил об стену бутылки. Или садился на крышу автомобиля и кричал вдаль всё, что раньше не мог произнести вслух. Я смотрю «Ранеток»! Вы лицемеры! Тушёные овощи – это невкусно! Долбанный мир! Я хочу родиться заново!

– Эй, парень, ты больной?! – раздался сзади голос.

– Нет-нет, я здоровый, спасибо, – ответил Артём, повернувшись вполоборота к мужчине в полицейской форме. На дороге стояла машина ДПС.

– А ты чего тут делаешь? Травку куришь?

– Никак нет. В поле кричу.

– Зачем это? – спросил офицер, чувствуя, что его пытаются как-то надуть.

– Чёрт его знает! Нравится!

Артём достал сигарету и закурил. Одумавшись, предложил полицейскому, тот, хоть и уверенный, что его обманывают, плюнул и взял. Мальборо Красный как никак.

– Товарищ офицер, разрешите спросить? – тот от неожиданности поперхнулся дымом, раскашлялся и заплакал, – Вы вот всё всегда честно говорите?

– Кхе-кхе. Ну, не вру, ясен пень, но и чистосердечные не даю. Я ж не преступник. Хе-хе-кхе-кхе-кхе.

– В Библии вот сказано: «Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется». А мы вот разве не врём, когда говорим, что кого-то любим? Хотя только и делаем, что хотим побыстрее сбежать. Или ладно, другой пример, когда недоговариваем. Это тоже лукавство, хитрость, тоже неправда выходит, когда говоришь только половину правды. Типа говорим: «Я тебя люблю», а, на самом деле, думаем: «Я тебя люблю, но иногда хочу, чтобы ты сдох».

Полицейский улыбнулся – чуйка не подвела: парень псих и хочет кого-то убить.

– Да, да, да... – забормотал он, обдумывая план действий.

Артём повернулся к нему.

– Да что вы мне да-да-да?! Нет-нет-нет! Уж сделайте милость, скажите, что я неправ.

«Прав, прав, – думал офицер, – я прав: чокнулся».

И все принимали Тёму за сумасшедшего, когда он решался сказать правду. Нет, конечно, есть этикет (он еще есть?), нормы морали и прочее – но ведь этот молодой человек и не говорил ничего аморального. А если и говорил, то ответственность

едва ли лежала на нём, ведь аморальность была в самой правде. И в конце-то концов, как же «лучше горькая правда, чем сладкая ложь»?

– Милая? – окликнул жену Артем, выключив воду в душе.

Она не отвечала.

– Солнце? Даша?

Доносился шум – видео американского блогера, жена смотрела их в свободное время. Артём не понаслышке знал, что значит «сердце чуть не выпрыгнуло» и «сердце в пятки ушло». Оно и прыгало, и уходило, и разрывалось, и обливалось кровью, когда Артём представлял, как сейчас найдет на кровати телефон с включенным Ютубом и окровавленную жену. «Облажался, облажался, – повторял про себя Артем, – не надо было ходить в душ, от меня еще даже не воняло!..»

– Даша, ты где? – спросил он судорожно.

Шум шёл из спальни. Ноги подводили Тёму, ступали кривовато пятками, выворачивая колени, и он чуть не упал. Дверь была приоткрыта – дурной знак: именно через приоткрытую дверь он видел папу с другой женщиной; маму на коленях, сложившую руки для молитвы, зажжённые худощавые свечи на прикроватной тумбочке и через секунду рыдающую несчастную женщину.

– Даша? – пробормотал Артём.

– Чего? – ответила она весело. Очередной выпуск был смешным.

– Эй, ты чего это?

Только сейчас Артём осознал, что стоит голый и сырой.

– Я... прости, я забыл взять свежие трусы.

– Так, а чего не позвал, кош? – Она достала пару с его полки и вложила ему в руку.

– Спасибо, – пробормотал он и пошёл обратно.

– Ой, наследил-то! Тут прямо лужа! Полотенцем бы хоть вытерся! – Раздавалось у него за спиной.

Неважно. Сердце вернулось на место, и он снова начал дышать. Всё хорошо. И нет, Артём не почувствовал себя счастли-

вым. Апокалипсис просто перенесся на попозже. Он так и подумал: not today.

Конец света проваливался у них чаще, чем у Свидетелей Иегова, но последние его жадуют, потому что после смерти их ждет счастье, а Артём – нет. Его единственный шанс быть счастливым – это не Иисус, а Даша. Но жена сказала Артёму, что её в этом мире не держит ничего.

– Как же ничего? А я?

Она покачала головой. Что-то внутри него тогда треснуло и так никогда и не восстановилось. Следующие раз восемь Артём перенес не легче, но потом, как старый волк, научился на собственных ранах и перестал совершать главную ошибку – надеяться.

На что он только не надеялся: взаимная любовь, секс 2-3 раза каждый день, психологическая незрелость жены (потому что тогда можно было надеяться, что однажды она-таки созреет), вкусный горячий ужин – он просто надеялся на хорошую жизнь. Говорят, надежда умирает последней, но жене с суицидальными наклонностями удалось её пережить.

Без надежды жить стало проще. Пару недель он даже испытывал радость невротиков – безразличие ко всему. Но оно оказалось затишьем перед страшной бурей. Он стал ипохондриком.

– Что? Что опять не так?! – спрашивала жена во время перекура у куртки с опущенным капюшоном.

– Ничего, кош, все нормально, – отвечала куртка, а человеческая нога продолжала отбивать ритм хауса по стенке, – мне утром трудно живётся.

Утром его подводило и тело, и дух, и сам бог. Артём вставал с комком мокроты в горле и напрочь забитым носом, отчего, едва проснувшись, сразу чихал и, спотыкаясь, бежал в ванную с горстью соплей в ладошке. Жена старалась прожить ещё один день, а он мешал, сильно мешал.

Однажды Артем высморкался в раковину и ужаснулся: из него вышли не сопли, а комки невысказанных слов. Он проглатывал их, когда молчал с родителями, сестрой и женой. И ведь

слова-то не самые большие и тяжёлые, русские как-никак, не немецкие, но тут одно, там одно – и набралось столько, что его грудь пронзило страшной болью, и лёгкие начали свистеть. Этот свист только убедил Тёму в теории. Как говорил Чехов, если человек свистит, ему есть, что сказать.

Ему всегда было, что сказать. Артём стал насвистывающим Дарт Вейдером. Жена, конечно, заметила новую особенность мужа: засыпать стало трудно. Она взяла подушку и легла валетом.

– Что такое, солнце? Зачем перелегла?

– Ты свистишь.

– Нет.

– Свистишь! Я что, не слышу, что ли.

– Не свищу я. Дышу просто.

Но Артём замолчал, потому что «да», «свищу» слизко спустились вниз к остальным товарищам, и на грудь словно положили кирпич. Такой короткий разговор, подумал Артём, а я уже еле дышу... надо освободить немного места, чтобы уснуть.

– Да, я свищу.

– Спи уже.

Как и любой ипохондрик, он всегда думал, что чем-то болен. Болезни представлялись ему воплощением аспектов духовных, поэтому и лечить их нужно было не лекарствами, а, например, молитвами, как мама. Именно с их помощью мама и поборола рак, хотя врачи отводили две недели и не советовали начинать курс химиотерапии, чтобы не мучить человека в последние дни.

Месяцами мама молчала о том, что ей трудно подняться на пятый этаж. Потом на четвертый. На третий. Второй. И только, когда она уже не могла встать с кровати, мама решилась сказать, что ей нездоровится. 10% – врачи обычно говорят процент надежды на жизнь, но в её случае они сказали: «90% на этой стадии умирают». И ведь справилась, думал Артём, с помощью слов. Высказанных слов. Как когда он кричал в поле, задышался и чувствовал, как в груди бьётся сердце – пульсирует жизнь, которая, как ему казалось, не может быть трагичной и бессмысленной.

Внутри него накопилось слишком много слов. У него заканчивались силы. Работать, ходить, даже вставать – всё ему теперь давалось трудно. Поэтому новость о том, что вечером состоится семейный ужин в ресторане в десяти станциях метро от его квартиры, не могла его обрадовать.

Это был редкий случай: вся семья в сборе. Съехались из разных городов, чтобы увидеться – только поэтому. Никаких причин типа: «по работе», «отдохнуть», «на выставку» и прочих. Нет, увидеться и поговорить. О чем же нам говорить, думал Артем.

– Как вы здесь поживаете? – спросила мама, как только они сели в ресторанчик за Казанским.

– Мам, ты сначала выбери, что поесть.

– Да я... – она замолчала, – я... мне... что ты сказал?

– Говорю, надо заказать сначала. Нас ждут, – и Артем показал на улыбающегося официанта.

– Да, конечно... мне вот это, пожалуйста, – мама показала на первый попавшийся салат.

– Мне тоже, – сказала Моника, поправляя вилки, – я ведь йогой начала заниматься. Стараюсь не есть жирное.

– И мне! – добавила Даша.

– Принесите мне кровавый стейк, – сказал отец.

– А мне «Молчание ягнят», – сказал Артем и отдал меню официанту.

– Даша, ты ведь начала учиться на психолога?

– Да! Я вдруг поняла, что самое важное в жизни – люди. Я хочу им помогать. Знаю, звучит тривиально, но я правда...

Артём случайно кашлянул, и Даша уцепилась за него под столом.

– Как замечательно!..

– А расскажи, как у вас проходит...

– О!

– Ничего себе! Вот это здорово!

– А потом мы, представляете...

– А-ха-ха-ха-ха-ха...

– Бывает же, да!..

Артём слушал жену и пытался представить себе ту счастливую жизнь, которую она описывала. Никаких попыток себя убить, угроз развода, напоминаний о том, что он переводчик порно – депрессивный лох, никаких обвинений в том, что он управляет ей жизнь. Спокойствие.

По-настоящему Артем испытывал его давным-давно, перед пещерой Рождества. Он лежал на родительской кровати в отеле. Еще не было ни начала, ни слова. Артём дремал на груди отца так долго, что щека нагрелась и приклеилась. Он засыпал и просыпался под глухие удары бьющегося сердца папы и морские переливы его внутренних жидкостей. Артем мог видеть, слышать и ощущать, но не думать. Не облекать мир в слова. Почему мы не могли остаться там, думал теперь Артём. Отец сказал сыну, что пора на экскурсию. Они вышли на улицу, и тот номер в гостинице, как и всё, что с ним было связано, навсегда осталось позади.

– ...в общем, нам с Артёмом очень хорошо. Ходим гулять в парк, а когда сидим дома, смотрим смешные видео на Ютубе...

– Нет! – вырвалось у него. – То есть да, мы это делаем, но есть ещё столько всего... чёрт побери, плохого! Каждый день, каждую...

– Артём... – попытался остановить его отец.

Но было поздно. Все слова, залежавшиеся внутри, пощёрли вверх: он припоминал всё на свете, не стал фильтровать неудобные факты – словам не терпелось вылететь наружу, они спотыкались, сцеплялись и выпрыгивали комками. Артём раскашлялся, хлынули слёзы, и мир поплыл. Когда Артём протёр рукавом глаза, то увидел, что оплевал всю семью малиновыми сгустками крови.

Мама странно на него смотрела. Как на «Девятый вал», когда они ходили в Русский музей. В её взгляде было интимное понимание, сопричастность. Артём повернулся к картине и увидел нарисованные волны, оторванную мачту, людей. Страдания и прочее. Ничего необычного. Кроме одного – это была не тра-

гедия людей, а торжество моря. На кресте – на вере – побеждённые; люди, борющиеся за свою жизнь, хотя нет никаких шансов выжить в такой шторм. «Aren't they us, tum?» – подумал тогда Артём.

Все сидели тихо. Голос разума нашептывал ему, что и он должен, но задыхаясь, Артём продолжил говорить. Ещё и ещё, пытаюсь выговорить опухоль, выплюнуть её на тарелку и разделаться с ней, наконец, всем вместе. Это уже была не речь, а бормотание, полифонический свист. Он почувствовал необычное – пустоту внутри, ветерок вдоха, свободно пролетающий вглубь. Артём боялся упустить это ощущение. Боялся, что, если замолкнет – перестанет бороться – всё прекратится. Он прекратится.

Моника всхлипнула, моргнула, и на щеке заблестела тонкая полоска пробежавшей слезы. Артём замолчал. Эта капля словно упала в него, и внутри всё вспыхнуло. Голос отца закружился эхом в голове. Слова распались на звуки, Артём попытался собрать их обратно, но забыл формы. В полудрёме Артём вспомнил странное чувство. Словно сердце – магнит. И пока он тонул всё глубже и глубже, грудь раздирало зудом.

Его тянуло вверх.

Сергей Маслов*

Баба Шура

– Ветренный июнь в этом году... – тихо произносит отец.

Размешав ложкой сметану в тарелке с щавелевым супом, он глубоко вдыхает носом и медленно закрывает глаза. Так же медленно открывает их на плавном выдохе. Кажется, что отцовские глаза умеют дышать...

Серёжа внимательно наблюдал за ритмичным движением век. Ему хотелось, чтобы весь замечательный воздух, живущий у них во дворе – и в враге неподалёку, и во всей Старой Выси! – всегда оставался тихим и незлобивым, как отец. Но сегодня с воздухом творилось что-то неладное: залетая на террасу и с грохотом захлопывая за собой дверь, он, чуть помедлив, с силой распахивал её и уносился прочь. Отец не стал долго терпеть такую дерзость – положил ложку, поднялся из-за стола и вышел во двор. Появившись на крыльце уже с кирпичом в руке, он мягко придержал свободной рукой дверь, чуть-чуть не успевшую садануть по косяку в очередной раз, широко открыл её и припёр. Вернувшись к столу, отец ещё немного поводил ложкой в тарелке и приступил к обеду. Воздух, поборов в себе бессмысленную злость, но сохранив пустое уныние, теперь стыдливо пробирался на террасу и лишь качал края скатерти.

* *Мастерская Ольги Славниковой «Проза для начинающих»*

– Всё лето будет ветрено... – с досадой изрёк Серёжа.

Ему нравилась отцовская манера говорить, ни к кому не обращаясь, и он старался её перенять. До этого Серёжа учился дышать глазами: медленно закрыть на глубоком вдохе, медленно открыть на плавном выдохе... Азами необычного дыхания он овладел быстро – заметно труднее оказалось быть похожим на отца в разговоре.

Отец, поглядев на Серёжу, хитро сощурился, но тут же принял важный вид и сочувственно протянул:

– Ой, не говори, кума.

Серёжа замечал, как ловко отец переходит на ироничный тон, но сам этой ловкости пока не научился. Оставалось только молча улыбнуться в ответ.

Щавелевый суп в тарелках убывал. Глубоко дышали отцовские глаза...

– Та-ак, хорошо. Спасибо этому дому, – проговорил отец и положил ложку в пустую тарелку. – Истинная вкуснота, а с яичком – так вообще... Значит, сейчас в Новую Высь съезжу, хлеба куплю хорошего. Валентина по выходным как раз печёт. Нам и бабе Шуре возьму.

– А бабе Шуре зачем? – удивился Серёжа.

– День рождения у нее сегодня. Хлебушка подарим.

– Пап, ты чего? Зачем ей хлеб-то дарить?

Отец строго взглянул на Серёжу и отчеканил:

– Затем. Как вернусь – сходишь к ней и подаришь. Скажешь, что от нас.

– Пап, ты чего...

– Пойдешь и подаришь, я тебе сказал!

Серёжа побаивался этого чеканного голоса, особенно когда он начинал звучать громко. Хмыкнув на кроткий Серёжин кивок, отец начал послеобеденную уборку.

* * *

Серёжа принимал вечер в Старой Выси за одинокого, никому не нужного актёра, репетирующего свое представление – не

для кого-то, а просто по привычке. Интереснее всего было смотреть за репетициями со старой липы, росшей на заброшенном участке. Серёжа тщательно хранил тайну своего зрительского места и никому о нём не говорил.

Представление шло с небольшими вариациями и поправками, но чаще всего состояло из четырёх действий.

Действие первое. Вечер успокаивал дневной воздух и окрашивал его в золотисто-жёлтый цвет. Чем тщательнее работал вечер, тем крепче Серёжа обнимал ствол липы, ощущая щекой шершавость коры.

Действие второе. Вечер учил воздух изъясняться на своем стрекочущем, шелестящем наречии. Серёжа заметил, что один и тот же звук мог длиться разное время и имел разные оттенки, а сочетания звуков образовывали такое множество причудливых фраз, что и сам вечер, похоже, терялся в их хитросплетениях.

Действие третье. Вечер наполнял воздух запахами, описать которые Серёжа затруднялся. Поутру он старался записывать в свою тайную тетрадку их краткие характеристики, но получалось плохо – «сырая доброта», «землистая радость», «древесная вера»..

Действие четвертое. Вечер творил настоящие чудеса, постепенно сгущая, сжижая воздух, наделяя его вкусом. Воздушное питьё отлично утоляло жажду, одновременно опьяняя. Серёжины руки заметно слабели, голова начинала кружиться – значит, стоило поскорей спуститься с липы на землю, оставив каплю сил на возвращение домой.

Серёжа не всегда успевал к началу представления – бывало, приходил и к середине. Или наоборот, смотрел с самого начала, но не досиживал до конца, если очень уставал за день. Сегодня он знал, что успеет в лучшем случае к третьему действию – отец попросил сходить к бабе Шуре и поздравить её с днём рождения.

«Зачем же ей хлеб дарить? – спрашивал себя Серёжа, направляясь к её дому с парой сдобных крепышей в руках. – Может, она бедная очень, и папа ей помочь хочет?.. А куда же она

зимой-то девается?.. Наверное, в спячку впадает и только весной просыпается... Нет, это вряд ли... Эх, как не хочется к ней идти... Страшная, старая-престарая... Ладно, отнесу, раз папа просит. Только вот чего сказать-то ей?.. А, просто отдам и побегу себе...»

Чем ближе Серёжа подходил к дому бабы Шуры, тем явственнее слышались неестественные, совсем чуждые вечернему наречию звуки, тем заметнее деревенели ноги, тем бойчее ёрзал сладкий комочек в животе...

Прошлым летом Серёжа заходил к бабе Шуре пару раз. Около двери, ведущей на маленькую кособокую терраску, он замирал и прислушивался к тому, что происходит внутри. Стоял неподвижно две-три минуты, потом набирался смелости и стучал настолько робко, что и сам еле слышал свой стук. Никто не открывал. Тогда Серёжа подходил к одному из окон. Стараясь не заглядывать в него, он барабанил пальцами по стеклу и тут же отбегал к двери, снова замирая и прислушиваясь... В глубине дома раздавался короткий глухой звук, как будто роняют на пол большой мешок с сахаром. Размеренные шаги, начинаясь в сенях, перемещались на терраску и там затихали. В этот момент само время, опасаясь идти дальше в прежнем темпе, начинало красться на цыпочках. Спустя несколько тягучих секунд открывалась дверь...

Сейчас прошлогодний ритуал легко вспомнился и в точности повторился. Правда, звук упавшего на пол сахарного мешка Серёжин слух не уловил, но время всё равно ступало на носочки, отсчитывая секунды неуверенно и неумело, подобно малышу в детском саду на уроке устного счета – одна-а, две-е, три-и...

– Ой, Серёж, ой, Серёж, в сердце посередке нож... Здравствуй, сердце!

Серёжа вздрогнул и обернулся.

Вот она.

Худющая, высоченная мужская фигура... Снова та же, что и год назад, коричневая кофта, снова чёрные рейтузы и валенки, снова хитрый головной убор, полностью скрывающий волосы, снова сладковатый, терпкий, уютный запах её одежды, сно-

ва невозможный смех... Он не звучал, а тѣк – тепло, тихо, долго, с полминуты, причѣм баба Шура, пока смеялась, не делала ни единого вдоха. Ни единого.

«Интересно, какие у нее волосы... – размышлял Серѣжа, пытаясь понять, чем обмотана голова бабы Шуры. – Не видел их никогда. Седые, наверно... Короткие или длинные?.. Там они, там, под шапкой этой... А может... под ней и нет ничего?.. Может, и головы-то самой – нет?..»

Баба Шура очень ловко завязала разговор, и Серѣжа забыл о том, что совсем недавно побаивался к ней идти. Сейчас он охотно рассказывал о переходе во второй класс, об отце и бабушке, которая скоро должна приехать сюда и остаться с ним, потому что у отца отпуск кончается... Баба Шура всё спрашивала и спрашивала, озорно сворачивая некоторые гласные в окающие шарики.

Серѣжа так увлѣкся, что сам захотел о чем-нибудь спросить бабу Шуру. Ничего толкового не придумав, он брякнул:

– А вы... давно в школе учились?

– И-их, давнѣшенько-о... Война шла... Как же голодали мы... Вот сидишь на уроке, на учителя смотришь, он дробит свои рисует, а у тебя-то глаза квадратные, переменка скоро, и вместо дробей ентих хлебушек на две части делишь – одну на переменке, вторую потом... А ты чего с беленьким-то прибежал? У папки стащил?

Серѣжа озадаченно посмотрел на свои руки. Про хлеб он забыл сразу, как только услышал жутковатую песенку-присказку бабы Шуры за своей спиной.

– Ой... Это ж... Это вам. Свежие они. Мы с папой... дарим... Ну, с днѣм рождения.

Баба Шура нерешительно взяла подарок и пропела:

– Ой, Серѣж, ой, Серѣж, в сердце посереѣдке нож...

Маленькая песенка-присказка плавно перетекла в смех – тѣплый и тихий...

Что-то происходило с бабы-Шуриными глазами. Они постепенно становились однотонными – белое и голубое в них сме-

шивались, образуя лужицы, в которых растворялись зрачки. Баба Шура возвышалась над Серѣжей, и он смотрел на неё снизу вверх, задрав голову. Цвет её глаз теперь совпал с цветом вечернего неба, застывшего над Старой Высью. Серѣже казалось, что в голове бабы Шуры образовались две сквозные дырки, и небо проглядывало сквозь них.

Серѣжа сам не мог объяснить себе, каким образом догадался, что баба Шура так плачет. Она не всхлипывала, не утирала слѣзы – их и не было – и всё же плакала, не спеша, со спокойным и приветливым лицом...

Серѣжа заворожѣнно наблюдал за невидимым плачем, за тем, как хорошо плещутся лужицы в глазницах... Баба Шура проворным движением достала из кармана кофты конфету и протянула Серѣже. Точно такую же она подарила ему и прошлым летом. Серѣжа хорошо запомнил, что вкус той конфеты и запах, идущий от одежды бабы Шуры, оказались совершенно одинаковыми.

«Как это так? – удивлялся Серѣжа тогда. – Чего-то не то с конфетами этими. Может, она от себя по кусочку отщипывает, и конфеты из этих кусочков делает?..»

Серѣжа опасно взял гостинец, неразборчиво что-то пробормотал, повернулся и пошѣл прочь.

– Беги, беги, сердцеед. Ой, Серѣж, ой, Серѣж, в сердце посереѣдке нож... – доносились до него слова песенки-присказки.

Серѣжа брѣл домой, рассеянно блуждая взглядом по густой высокой траве, норовившей схватить за ноги и повалить на землю. В голове его суетился неумелый оркестрик: одна мысль заглушала другую, желая стать первой скрипочкой, но им обоим на смену приходила новая, более подходящая на эту роль, а за ней – следующая...

Чего она плакала-то? Папа знал, что она плакать будет? Подшутить надо мной, что ли? Зачем?..

А может, с ума она сошла? То плачет, то смеѣтся. И смеѣтся-то как – вроде и не дышит вовсе... Видать, у неё жабры какие

есть – она же старая-престарая... Неспроста же ворот у кофты высокий – прикрывает...

И зачем папа придумал хлеб ей дарить? Вон как плакала. А если она теперь сильно грустит и умрёт?..

– Ты чего, Серёж? Кто умрёт?

Серёжа поднял голову и огляделся. В десяти шагах от него любимое крыльцо с темнеющим прямоугольником дверного проёма – отец так и не убрал кирпич. За спиной – калитка, которую он дважды забыл закрыть – отправившись к бабе Шуры и только что вернувшись. По правую руку поленница, а рядом с ней – встревоженный отец с пилой в руке. Видимо, Серёжин оркестрик настолько увлекся поисками первой скрипочки, что вытолкнул последнюю мысль в слышимый мир.

Серёжа рассказал отцу о неожиданной реакции бабы Шуры на подарок. Помня о чеканном голосе отца за обедом, он не решился снова спросить, для чего же всё-таки понадобилось дарить бабе Шуры хлеб. Отец молча слушал Серёжин рассказ, щурился, еле заметно улыбался и помалкивал.

* * *

Третье вечернее действие только начиналось, но Серёжа на представление не пошёл. Встреча с бабой Шурой получилась настолько волнующей, что он мысленно возвращался к ней до самой темноты... Отец уже мирно посапывал около печи, а Сережа лежал на своем топчанчике и вспоминал возвышающуюся над ним бабу Шуру и небо, проглядывающее сквозь дырки в её голове.

«Изба у неё, небось, пустая, унылая... – предположил Серёжа, повернувшись на бок. – А вот интересно, она тряпье своё снимает с головы, когда ложится? Или так и спит замотанная?.. Разочек бы в избу заглянуть, но страшно ведь... Да и ночью-то как заглянешь... Ой... Сплю... А баба Шура уж давно спит – старая же престарая...»

Серёжин топчанчик примыкал к окну. Ночами становилось холодно, и отец закрывал створы на крючок, чтобы Серёжу не продуло.

Уловив звериным ночным слухом характерный короткий звук откидывающегося крючка, Серёжа решил, что ему послышалось, потому что крючок сидел в петельке туго и просто не мог выскочить сам. В следующий миг окно мягко распахнулось. Серёжа приподнялся на топчанчике и уставился в сизую мглу, а та дохнула на него то ли «сырой добротой», то ли «землистой радостью» – тем, что осталось в воздухе после вечернего представления. Серёжа ни капли не боялся ожившего окна – наоборот, с любопытством изучал его...

Мгла дышала всё настойчивее.

Мгла хотела чего-то.

Мгла звала.

Серёжа принял приглашение и, не одевшись, вылез через окно.

Ноги несли его к грозно чернеющей махине дома бабы Шуры. Нахалка-трава, днём пытавшаяся схватить Серёжу за ноги, сейчас боязливо расступалась перед ним.

Подойдя к кособокой терраске, он открыл дверь, не спросив себя, почему она не заперта. Умудрился подняться по ступенькам и пройти в сени, ничего не задев и ни на что не наткнувшись, как будто с малых лет рос в этом доме и проделывал этот путь сотни раз.

Дверь в избу открылась бесшумно – не скрипнув и не чертыхнувшись коротко, как делали все двери в Старой Выси.

Темнота невесомыми пологами заполняла всё пространство от входа до окон. Как только Серёжа перешагнул через порог, пологи, тяжелея, начали опускаться на пол. Лунный свет, не мешкая, принялся обживать избу, и Сережа смог разглядеть топчан около печи, массивный шкаф вычурной формы и пустой стол с парой стульев. Коричневые стены были увешаны чёрно-белыми фотографиями, на одной смутно просматривался силуэт худой высокой женщины с длинными – до пояса – каштановыми волосами.

Баба Шура покоилась на топчане, не укрытая одеялом, одетая в коричневую кофту и чёрные рейтузы, как и днём. Голову её

по-прежнему увенчивала самодельная шапка. Серёжа подошёл к топчану и склонился к бабе Шуре. Гладкий лоб, широко расставленные глаза, большой прямой нос, тонкая линия рта, рельефные скулы...

«Старая-престарая... А лицо какое... хорошее...» – поразился Серёжа.

В его голове ожил оркестрик и с первых секунд зазвучал вразнобой...

Чьи-то пальцы легонько коснулись Серёжиного плеча. Он выпрямился, но обернуться не посмел, подчинившись веренице странных ощущений.

Частое дыхание в затылок...

Чьи-то руки, стянувшие грудь тугим обручем...

Пульсирующее тепло, мгновенно обложившее всю спину...

Шальной сгусток этого тепла, сползший вниз по нутру и застывший между ног... Каштановые волосы, спадающие откуда-то сверху до самого пола, образующие уже вполне осязаемый душистый полог...

Когда призрак исчез, Серёжа понял, что не узнает свой оркестрик. Никакого беспорядка, никакой суеты, но тихая бессловесная музыка, до слёз колющая глаза, подобная той, что отец с серьёзным видом как-то давал послушать, путано объясняя: «Это “Легенда” цоевская, в оркестровом варианте...»

Серёжин оркестрик играл свою собственную «Легенду». Давясь плачем, Сережа забрался на топчан и прилёг рядом с бабой Шурой. Запах её одежды уютно укутал, но в этом уюте почему-то отчаянно хотелось дать волю погибающей от тоски тоске, мучущейся в грудной клетке, бьющейся в запертую плотку.

Баба Шура проснулась, повернулась на бок, увидела Серёжу, обняла его и пропела:

– Ой, Серёж, ой, Серёж, в сердце посередке нож...

Услышав песенку-присказку, а за ней и смех, Сережа зарыдал.

Тоска, выходя горлом, забирала с собой и «Легенду». Каждая её фраза путалась в голосовых связках и из тихой бессловесной музыки превращалась в выкрик...

«Ты бедная-а!..»

«Ты голодная-а!..»

«Почему ты одна-а!..»

«Ты красивая, не умира-ай!..»

Серёжины внутренности тоже тянуло наружу вслед за тоской, тошнотворное удушье коверкало рассудок... Одежда бабы Шуры начала таять, и запах, шедший от неё, тоже таял, сменяясь другим – горьковатым, молочным, очень знакомым...

Серёжа лежал на топчане отца, остервенело елозя по его груди, уже скользкой от слёз.

– Пап... – всхлипнув, хрипло позвал Серёжа.

– Проснулся, бедолага... – гулко откликнулась отцовская грудь. – Я это, я... Ну, орал так орал... Напугал, ёлы-палы...

Надежда Ожигина*

Гребибля и гребубля

С берега им кричали, и небо разом надвинулось, словно шапка, по самые брови, закрыло обзор, обложило промокнутой ватой так, что сбивалось дыхание. Воздух дрожал и бил в перепонки всё нарастающим гулом, вот показались пенные всплески, и горизонт рухнул. Галка жалобно всхлипнула. Не задался денёк.

* * *

В том, что поход не сложится, Генка не сомневался. Еще когда Санька, друг и матрос, слился в больничку с грёбаным переломом – на велике покатался, спортсмен! – и оставил его в одиночестве, всё пошло через жопу.

На отпуск забить не удалось, да и кинуть ребят он не мог, они целый год вынашивали планы и настраивались на «четвёрку». В жизни всегда есть место для подвига, нужно только его отыскать. Можно было занять каяк и идти одиноким рейнджером, но каяк хорош на порогах, а на озере – это пытка и помеха для остальных. Оставалось искать матроса.

Выход предложила Тамара: у неё есть подруга, отличная девушка, так мечтает в поход!

Галку охарактеризовали как существо беззлобное и неконфликтное, с опытом рафтинга в знойной Турции. Тамара, Тамара, где рафт и где байда!

* *Мастерская Ольги Славниковой «Проза для начинающих»*

Впрочем, спорить не приходилось, да и не с кем, как оказалось: эта Галка была на пленэре, как несколько высокопарно сообщила ему Тамара, подтвердив тем высокий статус подруги. Творческой тонкой души Генке как раз не хватало!

Он один готовил лодку и бегал по магазинам, закупая долю продуктов из общей командной раскладки, сушил сухари, утрамбовывал вещи. В совокупности шмоток случилось так много, что впервые в жизни он вызвал такси, чтобы всё отвезти на вокзал. Здоровенный рюкзак, байдарка, дополнительная сумка с продуктами, снаряжение – шлем, спасжилет и спальник – для новичка-матроса, и еще до хрена всякой мелочи.

Когда он впервые увидел Галину, на вокзале, у самого поезда, жизнь поделилась на «до» и «после». Он ведь раньше считал, что так в фильмах бывает: встретил девушку и застыл, как дурак, только рот раскрыл от избытка чувств. Избыток был настолько велик, что в первую ночь он нажрался, жадно мешая водку и пиво, а потом его кисло скрутило в тамбуре, куда ушел покурить. Но образ девушки был при нём. Легкомысленная ветровка, фирменная джинса, вся в лейблах, и кроссы на каблуках. Рюкзачок можно было принять за раздувшуюся косметичку, а в довесок рядом торчал этюдник. И вот с этим он должен идти по порожистой вредной речке! Две недели чистого кайфа!

– Галя, чалку поправь!

– Сам поправляй. Ты же её так смотал!

– Ген, мы ведь все начинали, как чайники! – уговаривал его Царь Леонид, их адмирал и завхоз. – Вспомни наш первый поход! Ты же миску дома забыл и хлебал после всех, что осталось. А как Тамара припёрлась на половодье в сапожках от Гуччи? Пара дней у нас есть, по озёрам пойдём, пообвыкнетесь, а, братан?

Нет, к такому привыкнуть нельзя, на такое он не подписывался.

Еще в поезде им – предсказуемо – дали прозвища Крокодила (чего Генка терпеть не мог!) и Чебурашки (это в самую точ-

ку: неизвестный науке зверь). Но в конце ходового дня все они, даже подруга Тамара, вспомнили анекдот про Гребиблю с Гребублей.

Галка гребла неохотно, для виду куная весло, ни замаха, ни силы. Зато часто хваталась за фотик: ой, какая красивая птица! ой, там лилии! ой, хочу! – и Генка терпеливо направлялся к птицам и к лилиям, чтоб им сгинуть совсем, расплодился!

Ладно, силой не обделили, грести Генка умел, даже со всеми зигзагами они не теряли эскадру. Только проку от чёртовой Галки не сыскалось и на берегу. Она ничего не умела. Ни палатку поставить, ни костёр запалить, ни сготовить суп из пакетиков. А едва они чалились к берегу, Галка срывалась в полёт: посмотреть, что там на поляне, грибы поискать, окопаться в черничнике, а ещё – расчехлить этюдник, чтобы поймать нужный свет. Генка, как был, в неопрене, шел с пацанами пилить дрова, потом занимался костром, в одиночестве ставил палатку, а «нужный свет» все не кончался, только под тентом теснились этюды из торопливых мазков с прилипшими к ним комарами.

– Чалку смотай, говорю!

– Да как я её смотаю? Мне нужно юбку снимать, а её потом фиг натянешь. И вообще, что пристал! Чем она тебе помешала?

Чалка выбилась из упора и теперь плюхала в правый борт, всё время цепляя воду. Если оставить как есть, она свалится за борт, и байдарка совсем потеряет ход, Галке-то что, она не гребёт, глазее по сторонам, ищет удачные кадры...

Жарче всего припекло, когда начались пороги. Не то чтобы Галка боялась – как все новички, она рвалась в бой, – только вдруг перетрусил Генка. Он настолько был не уверен в матросе, что вместо лихого спуска в одиночестве вёл свою байдку тихими «канализациями». Если Галка не выгребала на озере, что говорить про пороги? А когда река поднабрала воды, сделалась жёстче и злее, когда сузились берега, из болотистых став каменистыми, вот тогда замаячило перед Генкой позорное слово «об-

нос». И пока он таскал их вещи, Галка смотрела пороги, снимала на фотик проходы эскадры и вопила своим детским голосом, радуясь успехам Тамары.

– Так, Галина, бери весло. Видишь, ребята чалятся?

– Ген, ты что, опять обносить? Дай мне хоть раз попробовать!

– Не сейчас!

– Ты достал осторожничать! Я в поход пошла что, гулять? Я хочу драйва! Хочу в порог! Ну тебя на фиг, Гребибля!

Галкин гребок от берега был хорош и безумен: всю душу вложила, весь нерастраченный пыл, всю сбережённую силу матросскую. От нежданчика Генка чуть за борт не рухнул, как раз привстал на корме, высматривая, как получше причалить, и пока валандался, цепляясь за борта, и старался поймать весло, Галка гребла как проклятая туда, в стремнину, в порог.

– Куда тебя, твою мать?!

– Ой, да ладно, я помню по карте: здесь лёгкий порожек...

– ...мы лёгкий прошли! Дура, ты правишь в Падун!

Злющий Падун, опасный, зубастый, плюнул им в лица моросью из котла беспощадной бочки, той, на которой ломались байдарки и росло кладбище по берегам, сплошь шкуры и ломаные шпангоуты. Галка в ужасе опустила весло и оглянулась на Генку.

С берега им кричали, и небо разом, надвинувшись, словно шапка, по самые брови, закрыло обзор, обложило промокнутой ватой так, что сбивалось дыхание.

– Генка, грёбем обратно?

– Поздно метаться, подруга. К берегу я не смогу, слишком сильный поток.

Скорость воды всё нарастала, вот показались пенные всплески, и горизонт рухнул, как чахлая ёлка под ветром.

– В бочку по центру, в язык. На выходе ближе к правому, дальше будут косые валы, только не боком, ты слышишь? Жмёмся совсем близко к берегу, там камни и нужен маневр. Но главное – первая бочка. Разгоняемся, Галка! Гребибля!

– Гребубля! – откликнулась Галка, но в шуме воды растворились все слоги, и Генка впитал лишь последний, как молитву, как заклинание, а потом спина девушки напряглась, и Галку откинуло валом, ударило и проглотило, спрятало в пенной завесе, Генка сделал рывок веслом и упал в водный хаос, и захлебнулся, и вынырнул, заполошно дыша.

Они рухнули в бочку и взлетели над нею – на два вдоха, на два гребка, а потом наступило затишье, словно кто-то поставил время на паузу.

– Генка, мы же висим! – прошептала изумленная Галка, а быть может, она кричала, только он, оглушенный рёвом воды, воспринимал её крик, как шёпот.

Нет, они не парили над бочкой, они просто не двигались в ней, растеряв сумасшедшую скорость, сбитую противотоком, и теперь хищная тварь держала их за корму, прикусывая и затягивая, точно были они, как в кино про Стартрек, космолётом рядом с чёрной дырой, в самом горизонте событий, на границе между прошлым и будущим. Под ними была пустота, воздушная бездна, они висели в пенном котле, тщетно работая веслами – никакого сопротивления, только мерзкая дрожь байдарки и оглушающая тишина посреди какофонии звуков.

– Ген, подо мной нет воды, одна пена!

– Галка, держи равновесие!

Только бы не кильнуться!

Наконец-то он проморгался, и в глазах засверкали радуги, а сквозь эту завесу, как в кривом зеркале, проступили река и берег, ёлки какие-то чёрные, и оранжевый спасжилет с кармашком, в котором был спрятан фотик. «Застегнула спасжилет или нет?» – билась шальная мысль, а они продолжали висеть, как бессмысленная лаврушка, брошенная в кипящий бульон и болтавшаяся на поверхности. Река ворочалась, словно медведь, норовя встать на задние лапы и вцепиться когтями в зелёный борт, не кильнуться, не кильнуться, не надо! Опустите нас, хозяйка-река!

Под ними, под самым дном, больно отдав по ногам, что-то вздрогнуло и разошлось, точно лопнул могучий пузырь, байдар-

ку качнуло. И уронило. И в тот же миг время стронулось, легонько, мелким шажочком, Галка сумела нащупать воду, пять миллиметров воды, не больше, но за них зацепилась лопасть, и еще раз, плюх – и толчок. Тонкие Галкины руки вытаскивали их из котла и разгоняли время, застывшее, как желе, плюх – и вот уже Генка дотягивается до воды, пара гребков – и проклятая бочка с чавканьем выпускает добычу, и байдарка срывается с привязи.

Сколько они висели? Секунду? Две?

Целую жизнь прожили! Невразумительный пафос, и всё же... Целая жизнь на ладони у Бога в боязливой борьбе за равновесие.

А потом время с грохотом взорвалось и понеслось без дороги, ополоумевшим табуном. Выход из бочки и снова слив, и кто-то скачет по берегу, кажется, это ребята, вон вроде Царь Леонид, орёт: вы прошли, стервецы, прошли! А Галка орёт в ответ: да пошёл ты, не до тебя! Они прут сквозь косые валы, нарываясь на оверкиль, по касательной, но упорно цепляясь за воду.

Занятная штука – порог. Чтобы пройти сквозь бочку, нужно грести, как галерный раб, скорость нужна, максимальная, а затем резко – «шахматы», и вот тут потихонечку, вдумчиво и с холодной башкой, только где ж её взять в таком месиве? Он табанил, они замедляли ход, лавируя между камнями, целовали обливняки, раз и ещё, и снова, сели жопой в плиту у берега, слезли, и вот – выходная шивера, а там по стремнинке в озеро. Прошли!

Тонкие Галкины руки разом упали, и она опрокинулась навзничь, спиной прямо в лужу на сбившемся фартуке, и посмотрела в смурное небо, вдумчиво, не мигая, как заводная кукла на последнем повороте ключа.

– Галка, ты как?

– Нужны килевые.

– Мы ж не кильнулись!

– А, всё равно. Выпить хочется! – Она засмеялась с ноткой запоздалой истерики. – Отпадно мы прокатились! Ну, круто же, Ген, ну, признай!

Генка смотрел на нее и лыбился, стараясь унять дрожь в руках. Но видел лишь хрупкую Галку, с головой уходящую в

пенный вал, а еще её руки, ленивые, слабые, тащившие их из котла.

Девушка сдвинула голову и посмотрела на Генку. На мокром лице расплывалось улыбкой усталое шалое счастье.

Генка чуть потянулся и постучал ей по шлему.

– Экстремалка! – хихикнул он. – Вот связался я, в самом деле. Чалку на место заправь!

– Сам заправь, – огрызнулась Галка, а по берегу к ним бежали и кричали от возбуждения, и размахивали руками остальные члены команды.

* * *

Под вечер Галка умчалась на берег, а Генка и Царь Леонид долго осматривали байдарку и дивились такой удаче. Ничего не сломали и не погнули, шкуру пробили на пару заплаток, но в целом-то чисто прошли! Молодцы!

– Ген! – пронеслось над рекой. – Ген, ты где?

– Слушаю, Галка, – привычно сказал он тихо, себе под нос, под насмешливым взглядом Лёньки. И осмотрел топкий берег в поисках Галкиной куртки, а может, перчаток, а может, сапог, которые та позабыла. Ну, так и есть, этюдник. А наверху «нужный свет» пропадает.

Генка скинул с плеча гермомешок и, прихватив чёртов ящик под мышку, полез по камням к стоянке.

– Ген! – снова крикнула Галка.

– Слушаю, – снова тихонько сказал он, карабкаясь по валунам.

– Что ты орёшь? – выплыл голос Тамары, возмущённый и озадаченный. – Ешь сама уже голубику, он тебе даже не отвечает!

– Он отвечает, – вздохнула Галка уверенно и как-то ласково. – Он всегда отвечает, Тamar. Просто я его редко слышу.

Генка зажмурил глаза, разом представив Галину и горсть сизо-пепельной голубики в тонкой прозрачной ладошке. Улыбнулся. И снова полез наверх.

Жизнь, без сомнений, налаживалась.

Вера Русских*

Поток

идёт алгебра, седьмой за день урок, я гипнотизирую стрелку часов, глядящих в ответ холодным равнодушием. со мной рядом сидит Лерка, сосредоточенно что-то выводит в тетради. Лерка путает Ирак с Ираном, в слове «красивее» ставит ударение, куда не надо, и умножает 5 на 12 с помощью калькулятора. при этом учителя говорят, что она «крепкая хорошистка с претензией на отличницу». Лерка ходит к репетиторам по всем предметам, а ещё её папа отремонтировал в нашей школе крышу и поставил баскетбольное поле. от неё всегда хорошо пахнет: чистотой и духами, но как бы не её, а чужими. то есть, будто бы она не душилась ими сама, а словно её частенько обнимает кто-то надушенный; обнимает крепко-крепко. мама, наверное? этот запах, пробуждающий тоску по далёкому, едва осязаемому, тёпловому, словно никогда не бывшему, резонирует с вонью столовки, от которой постоянно хочется блевать (оно и понятно: стоячие упругие омлеты, отчего-то элегантно именуемые «пуляр», то и дело норовят проделать обратный путь). хуже амбре только в раздевалке, полной испарений жизни, кислото-физкультурного пота и старых тряпок. волосы у Лерки соломенные, длинные; не то что у меня – мать постригла «под

* Мастерская Александры Степановой, Ольги Птицевой, Марины Козинаки и Евгении Спаценко «Young Adult»

мальчика» ещё во втором классе, потому что не было времени заплетать косички. так и повелось. у матери вообще никогда нет времени, она всегда устала и немного разочарована; всегда, что ни делай. и даже моё выступление на поэтическом конкурсе она не пришла слушать. и на собраниях родительских её не бывает. и молнию на куртке не починит, а я не умею сама. знал бы кто, как достало разлетающиеся на колючем ветру половинки синтепона рукой придерживать. и дома у нас обычно есть нечего, только серый суп на дне кастрюли, весь в настиле ломкой корки жира.

так вот, Леркины волосы. их бы трогать, нюхать, запустать пальцы, а лучше и вовсе тонуть. мне стыдно от этих мыслей, а ещё от того, что внизу живота начинает сладко поднывать, как поднывает, когда я тайком включаю «Рен-тв» после полуночи. такое частенько бывает ещё, когда я замечаю, как она тайком, уже ближе к концу уроков, расстёгивает пуговицу на джинсах. такой печальный ритуал, за которым не следует ничего интересного. мне хочется дотронуться до Леркиной ноги, но я, конечно же, не могу, и потому касаюсь лишь глазами. взгляд скользит по её распластавшейся по стулу ляжке, голени в белых колготках, упираются в две пары стоп – мои, в туфлях, печальных от трецинок на дешёвом лаке и потерянных стразики, и её, тонконосые, замшевые, с ремешочком и маленькой золотой пряжкой. мои, наскоро меряные на картонке Кировского рынка, и её, привезенные отцом из заграниц.

ладно, к чему сантименты, вообще-то дружба у нас чисто женская – в том смысле, что я радуюсь её редким двойкам и грущу, заметив, что она выросла из очередного лифчика. а она злится, когда я беру первое место на олимпиаде по литературе и завидует, что я ем все подряд и худая. ну, блин: вообще-то у меня реально крутые сочинения, не то что Леркины словесные недоноски, из интернетов содранные. и поест я люблю, да. не то, что Лерка – все время на кефире, тырит у матери флуоксетин, пьет колу зеро и делает всякую дичь, которую советуют анорексички из паблика «40 кг», вроде укусных обёр-

тываний. как вообще можно себе в еде отказывать, не понимаю, если перед тобой, например, кружесвные тоненькие блинчики стопочкой аккуратненько, а рядом – яркие зёрнышки красной икры, малютки опята-маслята-лисички (лисоньки, как я говорила в детстве) плавают в тягучем масле, картошечка жареная, с хрустящей ломкой корочкой, а внутри мягкая, будто крем. с ней хорошо салат овощной, чтоб с такими помидорами, которые от спелости лопаются, зовут, поют. И огурцами, звенящими свежестью. самое вкусное в салате этом, конечно, опустить ломоть белого хлеба и подобрать весь сок, пока не видит никто. а потом чай с нехитрой выпечкой, наскоро заципанной. как представляю эти вот завернутые в толстое тесто груши и яблоки, так сразу вспоминаю: идём с дедом по рынку, он выбирает фрукты, берёт твердоватые – те, что подешевле. если их грызть просто так – набьешь оскомину. но после духовки с ними всегда творились невероятные чудеса. эти пирожки – они же сто очков вперёд дадут тяжёлым приторным тортам со сладкими кремовыми розами из кондитерской. почему в школе все время охота жрать?

сказать, что я ненавижу Лерку – ничего не сказать. во-первых, потому что она красотка и круто одевается. А во-вторых, которое, на самом деле, во-первых, в неё влюблены все, и даже мой как бы парень Митька Ралозин, который со мной просто так, о чём Лерка мне часто невзначай напоминает во время наших часовых телефонных разговоров. сказать, что я люблю Лерку – не сказать больше. я копирую её повадки, и если честно, просто целиком и полностью хочу стать как она – смелой, оторвой, ругаться матом, тусить с модными мальчишками, пить, курить, а не идти по жизни, будто бы зажмурился глаза. я остаюсь у неё с ночевкой дважды в неделю, занимаю очередь в буфет и давлюсь её аудиозаписями (всякое модное инди), хотя вообще-то люблю Скриптонита и Maroon 5.

«Тарасова!», внезапно слышу я свою фамилию. ненавижу её даже сильнее, чем эфемерный призрак отца, который больше ничего мне от себя не оставил. «Хватит в окно смотреть, идём

решать», математичка Ирина Санна с нами всегда обезличенно, будто с солдатами. Такая квадратная тумбочка, которая обычным человеческим тембром говорить-то и не умеет, только перекрикивать. у неё какая-то там стадия ожирения, из-за чего она между парт проходит боком. мальчишки угорают, что она даже делала операцию по уменьшению желудка. ну да, ей не помешало бы, явно. меня обносит дурнотой, но я иду к доске, уже слышу смешки с задних парт и угадываю в едва уловимом шёпоте обидные словечки, царапающие моё хрупкое нутро. я заливаюсь краской, и вязь символов \cos , \sin , tg , \log – которые и без того для меня китайская грамота, расплываются, раздваиваются и вовсе теряют очертания. в уголках глаз становится влажно, я знаю, что через минуту – начну плакать. что еще через минуту – Коля Кашкарин, главное чудовище параллели, боров, обезьяна с интеллектом кирпича и просто мудак, начнет над этим залиvisto ржать. а потом зачерпнёт земли из цветочного горшка с умирающим фикусом, прямо рукой, насыплет в пачку из-под чипсов, которые перманентно жрёт на всех уроках, плюнет туда, высморкается под гнусное хихиканье своих шестёрок. и еще раз харкнет, чтобы наверняка. а в конце урока подойдёт и скажет: «да лан те, Настя, кто расстраивается из-за двоек, на вот, хочешь чипсонов? Давай-давай, а то совсем исхудала что-то, мужики на костлявых не бросаются, знаешь?». я чипсы не люблю, но Коля так посмотрит, что отказать не получится. и если честно, влюблена в Кашкарина, наверное, с 5-го класса. но где я – лох, нищая безотцовщина в некрасивой одежде, молчаливая троечница, и где Кашкарин. и вот мои пальцы, вымазанные синей пастой, все в заусенцах, царапинах, с отколовшимся чёрным лаком, ныряют в пакетик русской, что ли, картошки. Коля улыбается, и кажется, будто время остановилось. и всё это словно на картине, где эти чуваки тянутся друг к другу, как там её, не помню. и я чувствую, что в этом его предложении есть символичное, потому что он вообще никогда-никогда со мной не заговаривал. наконец рука встречается с чем-то мягким, водянистым, противным. я слышу на

фоне крещендо подросткового смеха – самого злого, самого искреннего на планете. и до меня доходит, медленно, но доходит, что...

то есть, на самом деле, всё, конечно же, было не так. на самом деле, услышав «Тарасова!», я на мгновение остановила время и прочитала мысли Ирины Санны, которая надумала дать мне пример из номера 573. быстренько загулила его в интернетах, разморозила время обратно, прошла к доске, не забыв гордо выпрямить спину. наскоро по памяти записала закорючки, ничего для меня не значащие, да так быстро, что мел крошился на пол. а потом услышала голос Кашкарина, вякнувший что-то вроде «Эй, Тарасова, а чё циферки такие маленькие? Мне что, с лупой всё это разглядывать?». а я снова подзаморозила время, подумала пару секунд и выдала на весь класс: «С лупой будешь член свой разглядывать». и класс загудит, и Ирина Санна залетится бордовым чем-то и вылетит из кабинета (наверное, смеяться). и Лерка оторвёт глаза от тетради и громко оценит...

– Настя, вы опять повторяете ошибку прошлых встреч. Вместо того, чтобы препарировать травму, вы ее трансформируете, приукрашая.

– Но это работает!

– Возможно, но только локально.

– А надо?

– А надо глубинно. Сконцентрироваться на чувствах, пережитых в момент, когда этот... как его... Коля или Вася сделал то, что он сделал. Понимаете?

Настя это, конечно, понимала. Как она понимала и то, что шесть месяцев и двести тысяч рублей назад она была таким же невротиком, каким и сейчас. Как она понимала и то, что никакой гештальт с КБТ не выручал её сильнее очередного путешествия во времени.

Александр Семёнов*

Дерево стоит – листья его дрожат

18+

Ростов-Москва

В поезде Ростов Москва
Ночью с тобой в плацкарте
Дама с двумя детьми
И барышня лет тридцати
Тридцати пяти

Я набираю буквы на клавиатуре
И барышня лет тридцати
Уведёт тебя из семьи
Станет твоей женой
Захочет тебя спасти

Я набираю другие
И она затерявшись в Москве
Попадёт в зависимость от метадона
Будет уютиться по клиникам и ночлежкам

* *Поэтическая мастерская Евгении Коробковой и Михаила Эдельштейна*

А вот другие – и она
Всего через пару недель
Соберёт впопыхах все вещи
И вернётся к папе в Воронеж
Помогать ему по хозяйству

А маму они схоронили
Несколько лет назад
Ведь совсем молодая была
Боже, боже, сколько же много
На клавиатуре букв

Весна

Белой пташкой огневою
В сорок первую весну
По-отечески завою
По-младенчески засну

Будут каменные кости
Для тепла и огонька
Обо мне не беспокойся
Подожди меня пока

А. Гришаеву

Хоть бы лето прошло
Заебался возить на дачу полные ящики рассады
Жена все равно недовольна
Теща молчит но как будто с ней согласна
И похоже только дети рады моим визитам

Без названия

Дерево
Стоит

Листья его дрожат

Дождь уже прошёл
А казалось
Он навсегда

Я добрел до остановки
И стал весь мокрый

Для чего нам сухость?
Чтобы лучше гореть

Живёшь семь лет в Ленинграде
Работаешь переводчиком
Полтора года ждёшь выхода своей книги
Ходишь по мрачным кабинетам
Невеста ушла мать и отец постарели
И ты даже не догадываешься
Что это и есть самые счастливые годы
Твоей жизни

Джейк и Бренда

Не важно что произошло
Мы будем как они
Наши любимые герои
Напиваться драться заниматься любовью

Утром вставать и идти на работу
О, сладость надежды!
И потом снова выпивка музыка и танцы с ночи до утра
В последней главе Джейк попадет в психушку
А Бренда на пятом месяце умрет от передоза
Но это не важно
Всё равно мы будем
Всё делать как они

Стоишь изучаешь стрелку
Тик ток тик ток
Это ли не предел

Все что идёт закончится
Как сериал
Как снег

О безудержность
О буйство
Только бы дотянуть до утра

Лиза Смирнова*

Загадочная история сэра Константина

Под Рождество сэр Константин, рыцарь на службе Его Величества короля Вортингера I, отправился с дружеским визитом к соратникам отца. Путь его лежал в замок Вудкроу, что в четырёх часах езды от родового имения. Сэр Константин был отважным молодым воином. Он восхищался доблестными товарищами, примеру которых старался следовать, чтит сеньора своего отца – могущественного пэра Ричмонда, и мечтал встретить одну-единственную прекрасную даму. Константин был полон надежд и простодушных стремлений, пока случайно не довелось ему стать невольным свидетелем разговора между друзьями. Оказывается, каждый истинный рыцарь должен начать путь героических свершений с победы над страшным чудовищем, зверем, в чьих помыслах уничтожение человечества. Спасение благородных господ и прекрасных дам от столь ужасного существа – акт истинного мужества и воинской доблести.

Однако сэр Константин, ранее слышавший о чудовищах только в сказках кормилицы, должен был узнать, насколько великое свершение ему предстоит. Именно поэтому он решил искать совета у рыцарей столь прославленных, что никто в королевстве не усомнился бы в их честности.

* *Мастерская Майи Кучерской «Обыкновенное чудо: как написать рассказ о волшебстве»*

– Конечно, ты обязан найти монстра, от чьего рёва содрогаются небеса, и изрубить его поганое тело, – кивнул сэр Ричард. – Я, помнится, убил гигантскую химеру со змеей вместо хвоста.

– А я укротил грифона и преподнес его в дар королю нашему Вортингеру I, – поддержал сэр Карл. – С тех пор Его Величеству благоволит удача на поле боя.

Только сэр Бертран, храбрейший и честнейший вассал короля, хранил молчание. Он тяжело глядел на юного рыцаря. Константин истолковал этот взгляд по-своему:

– Вы не верите в меня, сэр Бертран? Не верите в мою отвагу?

– Где же ты найдешь чудовище в наше-то мирное время? – недобро усмехнулся рыцарь. – Бывали битвы, когда я сарацин вырезал десятками, а всякую нечисть – нет, не видел. Единственная химера, которую ты встретишь – это людская ложь. Остерегайся её пуще всяких чудовищ, Константин.

– Не смейтесь надо мной, сэр Бертран! – выпрямился Константин. – Уж не считаете ли Вы, что мне только со сказками да с народной молвой бороться?

– И не самые это простые противники, должен тебе признаться, – рыцарь развёл руками. – Делай что хочешь, Константин, а я предупредил.

Вышел тогда юный рыцарь из замка, приказал седлать коня и, вскочив на него, умчался в глухую ночь. Конюх только сочувственно поглядел вслед сэру Константину: ускакал невесть куда под Рождество. Ему бы домой спешить, к отцу и матери, а молодой господин исчезает в совершенно противоположном направлении – в дремучем лесу.

Близилась полночь. Земля была белая. Даже чёрные стволы деревьев замело снегом. Чем дальше в лес забирался сэр Константин, тем больше думал о том, что скачет по погребальному савану. Того и гляди запутается в нём – и нет уже отважного рыцаря!

Сэр Константин намеревался встретить в страшном лесу, о котором люди говорили только шёпотом, чудовищ. Но как назло, стояла настолько прозрачная тишина, что даже волки не были

вдалеке, не пробежал со скрипом по снегу юркий заяц, не ухала сова. Ни драконов, ни упырей, ни химер в умиротворенном светлым ликом луны лесу не оказалось.

Мороз сковывал землю. Сэра Константина пробирали дрожь. Страх не смог бы добраться до его горячего сердца, но холод смог. Облачками пара растворилось в ночной темноте дыхание всадника и коня. Сэр Константин поднял голову к небу и тихо прошептал:

– Господи, распоряжайся моей судьбой. Я напрасно гонялся за химерами, о чём и предупреждал сэр Бертран. И теперь я, бесславно растратив силы, остаюсь здесь...

Веки рыцаря опустились. Конь его прошёл ещё немного и остановился, фыркнув. Константин приоткрыл глаза и увидел перед собой истинное чудо – огромного крылатого дракона с длинной извивающейся шеей. Исполин устроился среди деревьев, и живот его, белый, сливался с землей, а чешуя смолянистого отлива была неотличима от небесного свода. Не удивительно, что при немалых размерах дракона сэр Константин все-таки его не заметил!

– Неужели... – выдохнул рыцарь, – настоящий дракон?

– А ты настоящий благородный рыцарь? – спросил его гигантский зверь.

– Да! И я прибыл сюда из дальних земель, чтобы убить тебя! – сэр Константин выхватил меч.

Он не был уверен, насколько далеко от дома находится, но во владениях сэра Бертрана драконов точно не водилось, поэтому не мог юный рыцарь блуждать по его угодьям.

– Убить? Чем я, одинокий дракон, заслужил такое обращение? – крылатый ящер скорбно склонил голову. – Нет, мне ли роптать на Бога? Я просил Его милости, просил решить мою судьбу, и вот мы встретились здесь. Как тебя зовут, благородный рыцарь?

– Сэр Константин. Погоди... Пстой, – молодой рыцарь придержал переступающего с ноги на ногу коня. – Разве ты тоже просил у Бога ответа?

– Конечно, завтра ведь Рождество, – еще горше вздохнул дракон. – Я так хотел встретить этот рассвет, но, раз такова Его воля, грех мне противиться.

– Успокойся, сэр дракон, – Константин вложил меч в ножны. – Я пощажу тебя. Только скажи, почему ты сегодня один в этом холодном лесу? Разве у тебя нет пещеры или гнезда, где бы тебя ждали жена и дети?

– Нет, сэр Константин. Я понял, что должен отправиться в путь, когда даже одной овечки на пропитание не осталось в родных краях. Пастухи перестали гнать стада мимо моей пещеры, я лишился последней пищи и собеседников в лице местных крестьян и ушёл.

– А я... – сэр Константин вспомнил друзей, и семью, и товарищей отца, которые, казалось, с самого рождения побеждали чудовищ. У него было всё, а у дракона – ничего. Константин не имел возможности отвести этого страдальца в свой дом. Единственное, что было у сэра Константина сейчас, это он сам. И только себя он мог предложить в качестве друга для дракона. – Я бы хотел повидать твой край. Возможно, там ещё остались неизведанные уголки, где будут рады дать кров и пищу дракону. Отправимся туда вместе?

– Правда? Ты проделаешь такой долгий путь ради меня? – обрадовался дракон.

– Надеюсь, мой конь поспеет за тобой, – улыбнулся сэр Константин. – Ты лети, а я поскочу следом. Только не спеши, чтобы твой след не потерялся в небе.

– Я посажу тебя на спину, если отстанешь, – пообещал дракон.

Вдвоем они отправились в дивный край, край сказок и легенд, откуда иногда под Рождество приходят на Землю загадочные существа и куда потом непременно возвращаются. Сэр Константин подумал о том, что эта история – загадочная история про благородного рыцаря и дракона – не могла закончиться иначе, ведь случилась она как раз под Рождество.

Вадим Тарасов*

Съёмная жизнь

Ваша история 8 ч.

– Всем приветик! Мы с Богданом решили сделать ремонт в гостиной! Сейчас покажу. Идём, идём, идём – вот! Смотрите, тут у нас будет большой камин, такой, знаете, как в американских фильмах про Рождество. Кстати, я присмотрела один классный вариант на сайте «каминов точка нет». Представьте себе, как уютно мы будем сидеть здесь по вечерам.

Просмотров: 745849

Ваша история 8 ч.

– Богдан говорит, что для установки камина придётся разнести полдома, но чего не сделаешь для любимой? Да, Богданушка? А, коть? Не слышит... Кстати, дизайн-проект уже готов. Хотите, покажу в сториз? Плюсуйте в комментариях.

Просмотров: 289347

Ваша история 4 ч.

– Вы часто спрашиваете, как я делаю такой хвостик. Значит, смотрите. Поделила волосы на две части, а теперь их за-

* Мастерская Ольги Славниковой «Проза для продолжающих»

кручиваю. Кручу-кручу-верчу. Готово. Потом фиксирую всё маленькой резинкой. Мне очень нравятся резинки от Гуминдиз. Как вам? Ставьте лайки.

Просмотров: 412953

Ваша история 1 ч.

– В последнее время получаю много комментариев, как мне удастся быть такой стройной. Собственно, секрет прост. Как в том анекдоте про диетолога, просто «жрать надо меньше» ахаха. Итак, готовьтесь записывать продукты, идём на кухню. Богдан! это...

* * *

Зайдя на кухню, Мила обнаружила Богдана, увлеченно уткнувшегося в телефон, из которого доносился голос футбольного комментатора. На столе – развороченные упаковки чипсов и сушеных кальмаров. Под столом – рота пустых бутылок.

– Это что такое?! – спросила Мила еще по инерции жизнерадостным тоном, поспешно удаляя последнее видео.

Видео удалено

– Милаш, я тут просто дерби смотрю... Скоро закончат... Минут через сорок, – с виноватым видом пробормотал Богдан, поглядывая то на экран телефона, то на недовольное лицо Милы.

– Я сейчас начну нервничать.

Богдан, видя, что нервничать уже начали, быстро выглотал, что оставалось в бутылке, поставил её к «сослуживцам» под стол, сбросил туда же чипсы с кальмарами и принял презентабельный вид.

Мила тем временем вышла и начала снимать видео заново: «Пора и покушать. Меня часто спрашивают, что кушать, чтобы быть... Чтобы оставаться такой же стройной. Ну, это как в анекдоте про диетолога «жрать нужно меньше», ахаха. Ладно, пойдёмте на кухню – расскажу...»

– Что у тебя с лицом, твою мать! – гневно выпалила Мила.

Видео удалено

– Теперь-то что не так? На своё посмотри, – неожиданно для себя огрызнулся Богдан, прислушиваясь к шёпоту из спрятанного в кармане телефона: «Выход три в одного...»

– Закрой свой клюв! Ты мне все *сториз* испоганишь! – вскипела Мила, яростно хлопая дверцами кухонных шкафов. Затем она достала упаковку мюсли и так резко поставила её на стол, что несколько хлопьев вылетело. – Сейчас мы будем есть эти мюсли и улыбаться, понял? Куда пошёл?

– В туалет. Можно? – с раздражённой иронией спросил Богдан.

– Ты пойдёшь, когда я закончу снимать видео! А судя по твоей хмельной роже, дублей будет много.

– Да п... – начал было Богдан, но взял себя в руки и спокойно заявил: – Всё. Достало. Дальше без меня!

– Что-о?! – Мила вспыхнула. – Значит, так. Для слепоглухонемых и укушенных в голову напоминаю: ты живёшь в этом загородном доме, ездешь на дорогой тачке, носишь эти котлы только потому, кусок дебила, что я успешно веду свой блог. А если тебе что-то не нравится, до свиданья. Электрички еще ходят!

Последние слова ей пришлось выкрикивать в спину Богдану, который прорвался в прихожую, а затем с грохотом захлопнул за собой дверь.

* * *

– Да, – донесся низкий голос из трубки.

– Але, Казбек Эльбрусевич? Удобно? Это Людмила... Вы... Я звоню по договору о сдаче дома... для ведения блога.

– Ну. Что такое? Только короче.

– От меня ушел жених, поэтому я не смогу больше делать посты о мужской пижаме и пене для бритья... Ну, пока не найду нового. Я хотела вас попросить... Может быть... Вы дадите мне что-нибудь другое для рекламы? – затараторила блогерша.

– Эй, ты ничего не перепутала? По договору с меня дом и тачка, а ты толкаешь рекламу, с которой еще и имеешь пять про-

центов. Я еще этот грёбанный ремонт в гостиной оплачиваю. Короче. Если что-то не нравится, до свиданья. – Сказав это, Казбек Эльбрусевич бросил трубку и, немного поразмыслив, попросил секретаршу соединить его с продюсером платного телеканала ПТВ.

* * *

В предыдущих сериях:

Мила поссорилась с Богданом: «...Что у тебя с лицом, твою мать!» «...Теперь-то что не так? На свое посмотри».

Богдан ушёл, не прощаясь. «...А если тебе что-то не нравится, до свиданья. Электрички ещё ходят».

На чьей стороне будете вы?

Смотрите гипер-реалити шоу, участники которого заселяются в роскошный дом, чтобы раскрутить свой блог о богатой жизни, даже не подозревая, что их снимает скрытая камера...

Прямо сейчас! Только на ПТВ.

Юлия Туркина*

Сердитый волчок

Ночью, в грозу, треснула старая берёза. Толстая ветка от неё надломилась и слегла на крышу сарайки.

Утром деда Костя полез её подпилить и убрать и вдруг засмеялся. Слез со стремянки, позвал Витю и помог ему взобраться на мягкую, из чёрного толя, крышу.

– Видишь – волчок?

И Витя увидел, прямо в берёзе – острую мордочку с тёмным кончиком-носом, две впадинки – глаза, разноухие жёлтые уши. Точно, волчок! И сердитый какой, оскалился!

– Деда, а он из берёзы не вылезет?

– Не зови, так и не вылезет, – сказал деда Костя. – Слезай давай, вон ветки собери и к бане снеси.

Волчок их, конечно, слышал. И слышал и видел.

Только сошли оба с крыши сарайки – давай упираться, из берёзы лезть.

Сначала трудно лезлось, а как левую чёрную лапку вытащил, дело быстрее пошло.

– Не вылезай, глупый, – сказала берёза. – Мал ты, обижать тебя будут.

– Я волчок, сердитый, зубастый! – сказал волчок. – Будут обижать – сам всех закусую!

И давай дальше из берёзы вылезать. Теперь задние лапы тащит. Тащит, тащит, никак не вытащит.

– Ведь обратно-то не вернуться будет, – говорит берёза.

– Так это ты меня не пускаешь? – рассердился волчок. – И не надо мне обратно!

Раз – третью лапку вытащил, два – и четвёртая, тоже белая, вылезла. Только хвост в берёзе остался, чёрный-пречёрный.

Да с четырьмя-то лапами хвост вытащить – плёвое дело.

Вылез весь из берёзы волчок, примерился и прыгнул на мягкую крышу из толя. Встряхнулся, оглянулся.

С крыши хорошо видать. Перед ним большой дом на пять окон, перед домом лужайка. С одного края баня, с другого оградка. В оградке калитка – вжить да вжить от ветра туда-сюда. На лужайке травка растёт, деревья стоят, качели висят. Скрип-скрип на качелях маленький мальчик, туда-сюда, туда-сюда.

У дома крыльцо, от крыльца дорожка, камнем уложена, к калитке ведёт. В доме два окна открыты – белые занавески колышутся, два окна закрыты – голубые занавески прямо висят.

А за домом – сад. С крыши видно волчку – красные цветы на кустах в саду висят. И слышно волчку – вода там течёт, брызжется. И большой человек с бородой по саду ходит, руками машет, говорит громко.

Вот какой зоркий волчок, всё увидел, всё услышал, всех заметил.

– Вон их сколько, – говорит берёза. – Не ходи к ним, волчок.

– Я волчок, сердитый, зубастый, никого не боюсь! – сказал волчок.

Самому-то страшно. А как не пойти.

На сарайке крыша, а за крышей навес, а под навесом темно и поленница.

Вот и ступил волчок на навес. А потом тихонечко прыг на поленницу, и вниз по поленьям, как по ступенькам. Счас, думает, до земли достаю, за сарайку запрыгну, никто и не увидит.

* *Мастерская Ирины Лукьяновой и Ксении Молдавской «В гостях у сказки: пишем для детей»*

А тут поленья под ним как зашевелились, как покатались, и ой-ой-ой – упал волчок на лужайку, животом кверху, прямо перед качелями.

– Ай, волчок! – закричал Витя.

Волчок на все лапы перекувырнулся и стремглав за сарайку.

– Деда Костя, деда Костя! – кричит Витя. – Волчок из берёзы вылез! Страшный, зубастый! За сарайку залез!

Деда Костя из сада скорей пришёл, дрын из-под крыльца достал и ещё крепкую палку с земли поднял.

– Ну, Витя, будем с тобой волчка доставать.

Витя палку взял, а самому страшно: вдруг кинется на него волчок?

– А ты тогда на него палкой, – говорит деда Костя.

Волчок за сарайкой хвост подобрал, сам дрожит и думает: «Я волчок сердитый, зубастый, сейчас всех закусаю, всех напугаю!»

Витя с палкой на лужайке стоит, палку крепко держит и думает: «Сейчас деда дрыном за сарайкой шевельнёт, волчок и выскочит прямо на меня!»

– Ну что, Витя? Готов? – громко говорит деда Костя.

– Готов, – шепчет Витя. И палку высоко поднимает.

«Ах, вы так!» – думает волчок. Глаза-впадинки закрывает, ушки-разноушки прижимает, и из-за сарайки на Витю – прыг!

А Витя сам глаза закрыл, палку бросил и закричал:

– А-а-а! Не кусай меня, волчок!

И оба кубарем по лужайке.

Витя мал, а волчок ещё меньше. Витя русский, в белой рубашонке, а волчок разномастный и лапы враспырку. Витя кричит, а волчок визжит.

– Ох ты ж! – это деда Костя дрын бросил, малышей разнимает. – Ох ты ж мой милый!

Разнял.

Волчок скорей по поленьям наверх, только его и видели.

Деда Костя сидит на крыльце, Витю качает-утешает:

– Убежал волчок, Витюш, убежал. Напугал тебя да и сам напугался. Он маленький совсем, Витюш, не сердитый и не зубастый. Небось обратно в берёзу полез.

Витя в бороду дедыкостину зарылся, за дедыкостину рубаху руками схватился. Так-то оно и не страшно совсем.

А волчок обратно в берёзу лезет. Только вот никак не лезет. Он и лапами, и хвостом, и так, и сяк – а никак!

– А ты мордочкой, – говорит берёза.

Зажмурился волчок – и острым носом, чёрным кончиком в берёзу полез. Лезет-лезет, упирается, – сначала мордочка влезла, потом ушки-разноушки, потом лапки передние, потом задние. Один хвост наружу болтается, чёрный-пречёрный.

– Ты хвост-то подтяни, глупый волчок, – говорит берёза. – А то они тебя за хвост обратно вытянут.

Весь влез в берёзу волчок, и хвост подтянул. Свернулся клубочком и думает: «Ничего, вот ещё немного вырасту, из берёзы вылезу. Буду страшный, зубастый, всех покусаю, всех распугаю. А потом, может, с этим маленьким поиграю. Он не дерётся и не страшный совсем».

А Витя у деды Кости на коленях сидит, за дедыкостину рубаху держится, и думает: «Завтра с дедой на сарайку взберемся, на волчка посмотреть. Весь он в берёзу влез или хвостик остался?»

Василий Тучин*

Как покорить гипотетический гроб (18+)

Пьеса

*Не верьте присланному счёту за ваш гипотетический гроб
Во-первых, уймите, уймите, уймите ваш первый озноб
Во-вторых, съешьте этот ненавистный счёт
Ненавистный счёт как весенний укроп
В-третьих, и это очень важно, вытрите пот
Важно, чтобы был пот
А не сладкий потец
Означающий пиздец
В-четвёртых, скажите себе стоп:
Потому что не важно, что скажет знакомый поп
А важно, что сделает землекоп
Важно, что он не примет его за боб
Ваш гипотетический гроб
Может ему понравится ваш гардероб
СТОП
На кладбище нет никаких злоб
Можно не отбирать никаких проб
И нет никаких сдоб*

* Мастерская Дмитрия Данилова «Пишем первую пьесу»

*И очень странный сироп
В котором живёт микроб
И пара жирных амёб
СТОП
Не пускают на кладбище агитпроп
И всяких жирных утроб
Но пускают недотёп
Из непонятных трущоб
Чтоб составить гороскоп
На ваш гипотетический гроб
СТОП
Да, да, замените его на стоп
Ваш гипотетический гроб
Гроб на стоп
Стоп на гроб
Гроб на стоп
Гроб на стоп
Стоп
Сто
П, п, п, п, п...*

Действующие лица:

*ЛИНДА – учитель математики, около 30 лет.
ЛОЛИТА – секретарь в фирме, её младшая сестра-погодка.
МАТЬ – их мать, около 50 лет.
ГОЛОС ИЗ ГРОБА – мужской голос из гроба неизвестного
возраста.*

Полутёмная комната обставлена в советском стиле: прямоугольный стол посередине, буфет, платяной шкаф и диван. За окном – луна и дождь. На столе – гроб, обитый красным бархатом.

В комнату входят две женщины в плащах и с зонтами.

ЛИНДА: Лолита, я прошу. Не включай свет.
ЛОЛИТА (*передразнивает*): Не включай свет. Зассыха!
ЛИНДА: Правда, я боюсь. Боюсь шуметь. Шум и свет её бе-
сили.
ЛОЛИТА: Кого?
ЛИНДА: Её.
ЛОЛИТА: Кого её?
ЛИНДА: Её – мать.
ЛОЛИТА: Мать её?
ЛИНДА: Не её – нашу.
ЛОЛИТА: Нашу не её, а нашу её. Что ты всё время но-
сишь?
ЛИНДА: Не нашу, а нашу, мать нашу!
ЛОЛИТА: Ах, нашу мать, мать нашу!
ЛИНДА: Да! Нашу мать бесит! Свет и шум! Увидит свет в
окне, услышит шум в своей квартире и подумает: припёрлись,
нахалки, хозяйничают.
ЛОЛИТА: Чушь! Её душа простилась с телом, а руки – с хру-
сталём и мебелью.
ЛИНДА: Мёртвой мы её не видели. Вдруг она ещё здесь или
где-то рядом.
ЛОЛИТА (*дёргает плечами как во время озноба*): Ладно,
чёрт с тобой! Зажгу только свечку.
ЛИНДА (*подходит к буфету и достаёт подсвечник и спички*).
Зажигает свечу и ставит на стол рядом с гробом.
ЛИНДА (*видит гроб*): Ой! Ты уже гроб купила.
ЛОЛИТА: Ага. По дешёвке. На Авите. Там у одного покой-
ника кастинг был, и он не прошёл.
ЛИНДА: Покойник кастинг не прошёл?
ЛОЛИТА: Какой, твою мать, покойник?
ЛИНДА: Твой.
ЛОЛИТА: Мой?
ЛИНДА: Твой.
ЛОЛИТА: У меня нет покойника.
ЛИНДА: А мать?

ЛОЛИТА: Мать есть. Чёрт, была. Нет, не была – стала. Да.
Стала покойник.
ЛИНДА: Наша мать – покойник.
ЛОЛИТА: Покойник – наша мать.
ЛИНДА: Не прошла кастинг.
ЛОЛИТА: Не прошла...
ЛИНДА: Я не понимаю, как ТУДА можно не пройти ка-
стинг?
ЛОЛИТА: Куда туда?
ЛИНДА: Ну ТУДА. Туда где ТАМ.
ЛОЛИТА: А, ну если туда где там.
ЛИНДА: И ты говоришь, что она не прошла кастинг. ТАМ.
ЛОЛИТА: Кто она?
ЛИНДА: Наша мать, твою мать. Наша мать – покойник. И ты
говоришь, что она не прошла кастинг.

Молчат.

ЛОЛИТА: Я не понимаю, радоваться или горевать.
ЛИНДА: Горевать, твою мать.
ЛОЛИТА: Почему?
ЛИНДА: Потому!
ЛОЛИТА: Почему потому?
ЛИНДА: Умерла наша мать.
ЛОЛИТА: Надо горевать.

Плачут.

ЛИНДА: С другой стороны, чего мы плачем, если она не
прошла кастинг. Может, её вернут? Ты точно знаешь, что она не
прошла кастинг?
ЛОЛИТА: Я этого не знаю. Это ты сказала.
ЛИНДА: И я не знаю. Я думала, что ты знаешь.
ЛОЛИТА: А я думала, ты знаешь.
ЛИНДА: Запутались мы.

ЛОЛИТА: Запутались не мы, это смерть нас запутала.

ЛИНДА: Давай сначала.

ЛОЛИТА: Или с конца.

ЛИНДА: Тогда с главного.

ЛОЛИТА: Да, с главного. А что главное?

ЛИНДА: Главное – нет нашей мамы.

ЛОЛИТА: Нашей мамы нет.

ЛИНДА: А гроб есть.

ЛОЛИТА: А гроб есть. Твою мать! Это гроб не прошёл! Понимаешь! Не наша мать, твою мать, а гроб. Гроб не прошёл кастинг.

ЛИНДА: У матери?

ЛОЛИТА: У какой матери?

ЛИНДА: У нашей матери.

ЛОЛИТА: Нет, твою мать, у покойника.

ЛИНДА: Наша мать – покойник. Значит, у неё не прошёл кастинг этот гроб.

ЛОЛИТА: Да ни при чём наша мать, твою мать! Не имеет она отношения ни к гробу, ни к кастингу.

ЛИНДА: А кто тогда имеет?

ЛОЛИТА: Имеет? Имеет один сноб.

ЛИНДА: Кто?

ЛОЛИТА: Другой покойник.

ЛИНДА: На кладбище всегда лежат другие.

ЛОЛИТА: На кладбище всегда лежат другие покойники.

ЛИНДА: Нет, просто другие. Другие бывают покойники и не покойники.

ЛОЛИТА: Зачем же другим не покойникам лежать на кладбище?

ЛИНДА: Чтобы быть другим, не обязательно лежать на кладбище. Потому что как только родился – сразу записали в покойники. Гипотетически. Понимаешь? Все другие – все покойники. Одни уже, другие ещё.

ЛОЛИТА: Понимаю. Кастинг был у другого покойника. Другого важного покойника.

ЛИНДА: Какой кастинг?

ЛОЛИТА: Кастинг гробов. Сказали, что родственники со всего света приехали со своими гробами. Штук десять. А нужен только один. Этот ему не понравился. Я купила.

ЛИНДА: А ты у него не спросила, почему он ему не понравился?

ЛОЛИТА: У кого?

ЛИНДА: У другого покойника.

ЛОЛИТА: Нет. Мне не дали с ним поговорить.

ЛИНДА: Почему?

ЛОЛИТА: Торопились закопать.

ЛИНДА: Копай, не копай – всех не закопаешь!

ЛОЛИТА: Главное, что гробы не стали закапывать, а устроили распродажу. Со скидкой. Типа как бэу. Вот я и подсуетилась.

ЛИНДА: Хорошо.

ЛОЛИТА: Что хорошо?

ЛИНДА: Хорошо, что подсуетилась.

ЛОЛИТА: Да, хорошо.

ЛИНДА: Хорошо сидим.

ЛОЛИТА: Да, хорошо. Другие, небось, так не сидят. Лежать приходится.

ЛИНДА: И нам лежать придётся.

ЛОЛИТА: Заставят, твою мать.

ЛИНДА: Да, заставят, как нашу мать.

Молчат.

Крышка гроба приподнимается и резко опускается. Свеча гаснет.

ЛИНДА: Ой!

ЛОЛИТА: Кто здесь, твою мать?

МАТЬ: Ваша мать, твою мать!

Сёстры оборачиваются к силуэту у входной двери.

ЛОЛИТА: Ваша или твоя?

МАТЬ: Кто?

ЛОЛИТА: Мать.

МАТЬ: Я – ваша мать.

ЛИНДА: Наша мать на кастинге!

МАТЬ: Вот я и не прошла кастинг.

ЛОЛИТА: Да? Чем докажешь?

ЛИНДА: Вот именно! Чем докажешь? А то ты какая-то другая.

МАТЬ: Извините, девочки, что не похорошела. Давайте скажу вам то, что знает только мать. У тебя, Лолик, два аборта. Один в семнадцать лет, еще в школе. Другой – год назад. Первый раз одноклассник, второй – начальник, у которого ты секретарём работаешь. А у тебя, Линочка, один аборт и один выкидыш. Аборт от...

ЛИНДА (*перебивает*): Хватит! Хватит! Хватит, твою мать!

ЛОЛИТА: Действительно, мать. Могла бы как-то по-другому.

МАТЬ: Как?

ЛИНДА: Ну, хотя бы про родинки. У нас одинаковые родинки.

МАТЬ: Возле пупка? Были. Так твоя сестра её срезала.

ЛИНДА: Как это возможно? Мать, ты что, упавшая вниз звезда?

ЛОЛИТА: Ага, геранью с последнего этажа.

ЛИНДА: Правда, ма, почему ты вернулась? Не ожидали мы такого натюрморта!

ЛОЛИТА: Да, какого ... (*Подбирает слова*). В общем, зачем лишила нас комфорта?

МАТЬ: Получилось так: жизнь ушла, смерть не пришла. Нестыковка. Две сестры, а согласия нет.

ЛОЛИТА: Там что – бардак?

МАТЬ: Бардак здесь, а там нестыковка. Я же говорю: жизнь ушла, смерть не пришла.

ЛИНДА: Издеваются как хотят.

ЛОЛИТА: Как здесь.

ЛИНДА: Издеваются.

МАТЬ: Здесь вам не там. Там вообще.

ЛИНДА: Я думала, там не вообще, а чики-пуки.

МАТЬ: Чики там есть, а пуки все здесь остались. Если вам мало, то могу ещё вспомнить, как вы в начальной школе отправились гулять по трамвайным рельсам.

ЛОЛИТА: Хотели купить мороженое на Чистяках у Грибоедова.

ЛИНДА: Потому что у Грибоедова самое вкусное.

ЛОЛИТА: Но трамвай не ходили – был сбой. Сбой с электричеством или ещё с чем. Неважно. Мы тогда пошли по трамвайным рельсам.

ЛИНДА: Мы подумали – если пустят трамвай, остановим его и сядем.

ЛОЛИТА: Трамвай не пустили. Могли бы по бульвару пойти. Только коленки сбили в кровь.

ЛИНДА: Только в очередь встали, нам говорят – девочки, это не ваша мать?

ЛОЛИТА: Все сразу поняли, что мы в самоволке.

МАТЬ: За самоволку я вас наказала.

ЛИНДА: Я не помню.

ЛОЛИТА: И я не помню.

МАТЬ: Купила мороженое, но приказала есть не своё любимое, а сестринское.

ЛОЛИТА: Я люблю вафельный стаканчик с розочкой.

ЛИНДА: А я – «Ленинградское».

ЛОЛИТА: Когда ты ушла, мы обратно поменялись.

ЛИНДА: Примерно половина на половину вышло. Половина своего, а другая – Лолы.

ЛОЛИТА: Да, половина Лины и половина своя. Но всё равно вкусно. Очень. Даже про коленки забыли.

ЛИНДА: Зелёные коленки.

С опаской подходят к МАТЕРИ.

МАТЬ: Вот и вернулась я в дом раздробленных откровений.
ЛОЛИТА: Зачем?
МАТЬ: Вернулась?
ЛОЛИТА: Дробить.
МАТЬ: Кого?
ЛОЛИТА: Откровения.
МАТЬ: Веяния?
ЛОЛИТА: Узнаю. Ты мать наша.
ЛИНДА: Наша мама.
МАТЬ: Ваша мама пришла, молока принесла.
ЛОЛИТА: Мы, мать, сейчас тебя будем поминать. Положе-
но так.
ЛИНДА: Вспомнить мать – святое дело.
ЛОЛИТА: А тут ты со своим молоком.
МАТЬ: Так занимайтесь своими делами. В этом деле я вам не
помеха. На меня внимания не обращайтесь.
ЛОЛИТА: Вышла из обращения?
МАТЬ: Вышла.
ЛИНДА: Целиком?
МАТЬ: Частично.
ЛОЛИТА: Если частично, то, может, присоединишься?
ЛИНДА: Ма, давай! Помянем тебя как следует!
МАТЬ: Не могу. Там строгий фейс и нюх контроль. Такие
церберы. Хуже наших ментов.
ЛИНДА: Шутишь?
МАТЬ: Какие шутки. Реально проверяют по всем параме-
трам. И на алкоголь тоже.
ЛИНДА: Что может быть хуже наших ментов?
МАТЬ: Так там они тоже типа ментов.
ЛОЛИТА: Неужели нашлись такие ангелы?
МАТЬ: Ангелы не находятся. Ангелы встречаются. Что это
там на столе?
ЛОЛИТА: Гроб.
МАТЬ: Чей?
ЛОЛИТА: Мой.

МАТЬ: А тебе зачем?
ЛОЛИТА: Для тебя.
МАТЬ: Значит, мой.
ЛОЛИТА: Я купила. А ты не позаботилась.
МАТЬ: Извини, что не успела. Быстро как-то всё. До послед-
него надеялась, что не сейчас. Обманулась. Так что заботиться
теперь ваше дело.
ЛОЛИТА: Хоть деньги отдай!
ЛИНДА: Лолита! Как тебе не стыдно? У ангелов денег не бе-
рут.
ЛОЛИТА: Она не ангел, она покойник.
ЛИНДА: Ма, ты ангел или покойник?
МАТЬ: Разве это важно?
ЛИНДА: А что важно?
МАТЬ: Важно, что есть выбор. Доведите меня до гроба, а то
сама не могу.
ЛИНДА: Мы и так вроде. Довели. Ты нам всю жизнь говори-
ла, что мы доведем тебя до гроба.
ЛОЛИТА: Да, говорила!
МАТЬ: Говорила, говорила. Давайте, девочки. Доведите до
конца начатое дело. Всего пять шагов осталось!
ЛОЛИТА: Нет. Не поведём.
МАТЬ: Почему?
ЛОЛИТА: Гроб мой, а ты за него не заплатила.
ЛИНДА: Доводить кого-то до гроба – плохая примета.
МАТЬ: Плохая примета – мать в законное жилище не пу-
скать.
ЛОЛИТА: Сделаешь по-нашему – доведём до гроба.
МАТЬ: А по-другому?
ЛОЛИТА: По-другому никак.
МАТЬ: Теперь я поняла.
ЛОЛИТА: Что?
МАТЬ: Почему по-другому никак.
ЛОЛИТА: Вот видишь.
МАТЬ: До гроба могут довести только близкие люди.

ЛИНДА: Ну, ма.
МАТЬ: Да, я та самая ма, которая не стала ба. Так бы внуки до гроба довели.
ЛОЛИТА: Да зачем это тебе надо? Или это им надо?
МАТЬ: Кому им?
ЛИНДА: Ну, им! Которые ТАМ!
МАТЬ: Не могу сказать. Я ТАМ ещё не была.
ЛИНДА: Ма, всё равно там кто-то есть.
МАТЬ: Конечно, ТАМ всегда кто-то есть.
ЛИНДА: Не в этом смысле. Не ТАМ (*показывает рукой наверх*), а там (*опускает руку и указывает на гроб*).
ЛОЛИТА: Да, ма. В моем гробу лежит посторонний.
МАТЬ: Лола, я тебе что? Посторонний?
ЛОЛИТА: Да нет. Совсем посторонний.
МАТЬ: В смысле, не я и не ты?
ЛОЛИТА: В смысле, не я и не ты.
МАТЬ: И не Лина?
ЛОЛИТА: И не Линда.
МАТЬ: А должна быть ты.
ЛОЛИТА: Почему я?
МАТЬ: Ты говоришь, что он твой.
ЛОЛИТА: Кто мой?
МАТЬ: Гроб – твой.
ЛОЛИТА: Гроб мой, но не такой степени.
МАТЬ: До какой?
ЛОЛИТА: Я – владелец, а потребитель – ты.
МАТЬ: А ты не боишься, что я истреблю его полностью?
ЛОЛИТА: Истребляй, с деньгами потом разберёмся. Просто мне обидно, что в нём какой-то рейдер.
ЛИНДА: А ты что? Перед покупкой не проверяла?
ЛОЛИТА: Да говорю же. Онлайн! С доставкой! Приехали курьеры. Доставили, поставили, деньги получили и убыли.
ЛИНДА: Убили? Кого убили?
ЛОЛИТА: Да не убили, а убыли. В смысле, уехали. Кто там, я не знаю. Недосуг открыть было.

МАТЬ: Посмотрим. Ну-ка, Лола, постучи в него.

ЛОЛИТА берет зонт и с опаской подходит к гробу. Стучит.

ГОЛОС ИЗ ГРОБА: за-ня-то!

ЛОЛИТА отбегаёт, ЛИНДА падает, МАТЬ садится на пол.

МАТЬ: Лолочка, детка, постучи ещё раз. Скажи, что мне тоже надо!

ЛОЛИТА: Не буду я стучать. Пусть сам вылезет.

ЛИНДА: Правда, ма. Не волнуйся. Мы его не пропустим. Мимо нас не проскользнёт.

ЛОЛИТА: Линда, что ты говоришь! Зачем он там нужен. Наоборот, надо чтобы он побыстрее освободил незаконно занимаемое имущество (*поворачивается к гробу*). То есть, гражданин, выметайтесь из чужого гроба!

ЛИНДА: Он не гражданин. Он другой.

ЛОЛИТА: Правильно, Линда! Вы чужой. А гробы – только для своих! Выходите немедленно!

Ждут минуту.

ЛИНДА: Не выходит. Что делать будем?

МАТЬ: Эх вы, интеллектуалки! Даже из гроба есть два выхода!

ЛИНДА: Правда?

ЛОЛИТА: И куда ведёт второй?

МАТЬ: Да уж не туда, куда первый. Ушёл он.

ЛОЛИТА: Ну, раз так, постучу еще раз.

ЛОЛИТА берёт зонт и опять подходит к гробу. Стучит.

Тишина.

ЛОЛИТА стучит ещё раз.

Тишина.

ЛОЛИТА: Эй! Как вас там? Всё, что ли? Сделали свои дела?

Ждут минуту. Тишина.

ЛИНДА: Кончили, наконец, пользоваться?

ЛОЛИТА: Незаконно, между прочим!

ЛИНДА: Да! Нам для мамы надо! А вы заняли!

Ждут минуту. Тишина.

МАТЬ: Я же говорила.

ЛОЛИТА: Фу! Ну просто на сердце отлегло!

Сёстры подходят к гробу, приподнимают крышку и заглядывают внутрь.

ЛОЛИТА: Пусто.

ЛИНДА: Вот что значит семья.

ЛИНДА: Давайте наконец поминать. А то с этими переживаниями выпить захотелось.

ЛОЛИТА: Действительно, зря только время теряем.

ЛИНДА и ЛОЛИТА подходят к столу и выгружают на него снедь. ЛИНДА достаёт из пакета хлеб и нарезку в вакуумной упаковке, а ЛОЛИТА из кожаной сумки – пластиковые контейнеры. ЛИНДА достаёт из буфета три тарелки.

ЛОЛИТА: Вилки достань.

ЛИНДА: Ма, где у тебя вилки? Всё там же?

МАТЬ: Нет, девочки. Никаких вилок и ножей. Ешьте ложками.

ЛИНДА: Почему?

ЛОЛИТА: Потому что ей жалко нам приборов. Мне для неё ничего не жалко. Вон какой *(размахивается, чтобы хлопнуть рукой по гробу, но передумывает)* саркофаг купила!

МАТЬ: У вас, девочки, у каждой есть непрощённая обида. Если подеретесь, то хоть не покалечите друг дружку.

ЛИНДА: Твоя, ма, правда.

ЛОЛИТА: Ладно, ложками так ложками, тем более что осторожность нам не помешает.

ЛИНДА достаёт из буфета три ложки.

МАТЬ: Мне не надо. Лучше стул принесите.

ЛОЛИТА: Надо, не надо – что за разговор. Если на поминки пришла, то будь любезна.

ЛИНДА: Да, ма. Как-то нехорошо получается.

ЛИНДА приносит матери стул и помогает сесть.

ЛОЛИТА: Это что у тебя? *(Берет бутылку, которую принесла сестра)*. Красное полусладкое. Ты бы ещё шампусик приволокла! Водкой поминают, только водкой!

ЛОЛИТА наливает водку в рюмки.

ЛИНДА: А маме?

ЛОЛИТА: Я портрет приготовила, но с натурой лучше. Да, я помню, ма, ты водку не пьешь.

Открывает бутылку красного вина, наливает в рюмку, сверху кладет хлеб и на тарелке передает матери.

ЛОЛИТА: Ну вот и славно!

ЛИНДА: Как в старые добрые.

ЛИНДА *(пьёт водку)*: Ма, царствие тебе небесное.

ЛОЛИТА *(пьёт водку)*: Да, земля тебе пухом.

Молча едят каждый своё.

ЛИНДА: Ма, а как тебе лучше: царствие небесное или земля пухом?

МАТЬ: Главное, что есть выбор.

ЛОЛИТА: Правда, как лучше? Ты скажи, мы так и будем.

МАТЬ: Это не мой выбор, а ваш.

ЛОЛИТА: А тебе всё равно?

МАТЬ: Всё равно.

ЛОЛИТА: Всё говно.

МАТЬ: Равно.

ЛОЛИТА: Говно.

МАТЬ: Равно.

ЛОЛИТА: Говно.

МАТЬ: Равно.

ЛОЛИТА: Говно.

ЛИНДА (*кричит*): Хватит! Всё равно всё говно!

Молчат.

МАТЬ: Успокоились? Доведите меня до гроба.

ЛОЛИТА: Нет, мать, погоди. У нас есть нерешённые вопросы.

ЛИНДА: Давай маму вспомним, прежде чем вопросы решать.

ЛОЛИТА: Будем решать, если мать не будет мешать.

ЛИНДА: Да, красное с белым нельзя мешать.

ЛОЛИТА: Наши вопросы надо решать.

ЛИНДА: Наши вопросы надо мешать.

ЛОЛИТА: Чтобы решать, надо поминать.

ЛИНДА: Чтобы не мешать, надо поминать.

ЛОЛИТА: Твою мать.

ЛИНДА: Нашу мать.

ЛОЛИТА: Нашу мать надо поминать.

МАТЬ: Поминайте уже! Вашу мать!

ЛИНДА (*пьёт водку*): Ма, царствие тебе небесное.

ЛОЛИТА (*пьёт водку*): Земля, мать, тебе пухом.

ЛИНДА: Ты, ма, хорошо выглядишь. Раньше думала, что плохо. А как помянули – так лучше стала.

МАТЬ: А ты плохо. Сестра твоя тоже не лучше.

ЛОЛИТА: Так мать у нас умерла.

МАТЬ: Неужели?

ЛИНДА: Да, и мы переживаем.

ЛОЛИТА: Как мы можем переживать нашу мать, если она вот сидит. Я не понимаю, переживаем мы нашу мать или нет?

ЛИНДА: Твою мать! Правда, ма, мы тебя переживаем или нет?

МАТЬ: Нет, не переживаете.

ЛИНДА и ЛОЛИТА (*вместе*): Почему?

МАТЬ: Пока до гроба не доведёте, переживать не начнете. Закон такой. Человеческой природы. Ешьте, девочки. На поминках надо хорошо есть.

ЛИНДА и ЛОЛИТА закусывают.

ЛОЛИТА (*брезгливо смотрит на снесь сестры*): Оставь ты свои суррогаты, бери вот у меня. Здоровая пища. И ты, мама, угощайся. Что тебе положить?

МАТЬ: Мне нельзя. Лучше до гроба доведите.

ЛОЛИТА: Не хочешь – как хочешь. Не волнуйся, не сама готовила – из ресторана взяла.

МАТЬ: Из ресторана в космос не летают.

ЛОЛИТА: А зачем мне космос?

МАТЬ: Космос нужен, чтобы быть человеком.

ЛОЛИТА: А сейчас я не человек, что ли?

МАТЬ: Сейчас ты покойник. Гипотетический.

ЛОЛИТА: А ты, мать, твою мать, кто? Настоящий или гипотетический?

МАТЬ: Скажу, если до гроба доведете.

ЛОЛИТА: Тьфу!

Пауза.

ЛИНДА: Лолита, так это не твоя стряпня? Угостишь вон из той оранжевой коробочки?

ЛОЛИТА: Давай! *(Кладёт еду в тарелку сестры)*. Это гратен дофинуа.

ЛИНДА: Нет, до фи́га не надо.

ЛОЛИТА: Не до фи́га, а гратен дофинуа, запеченный картофель в сливочном соусе с сыром.

Едят.

ЛОЛИТА: Нам надо решить вопрос – могила или кремация.

ЛИНДА: Конечно могила! Как-то я поехала на кладбище подышать свежим воздухом.

Остановилась у свежего захоронения и заметила в земле червяков. Обыкновенных дождевых червей. Я подумала – как хорошо быть червяком! Если червяком нельзя, то хотя бы возле них.

ЛОЛИТА: Есть такие диеты: посидишь и станешь червяком. Зато какая талия потом.

ЛИНДА: Да нет же. Не из-за этого. Замечательно быть червяком, потому что они гермафродиты! У них в запасе и яйцеклетки, и сперматозоиды. Для них главное – любовь. Если встречаются два червяка, то они обязательно полюбят друг друга. Вот я и подумала: в могиле хорошо. Лежишь себе, отдыхаешь, а вокруг любовь, любовь, любовь.

ЛОЛИТА *(вскакивает)*: Не надо портить обедню! Никаких подробностей про этих сраных червяков! Нет, когда умру, пусть кремируют! Всё лучше, чем меня будет трахать склизкий вонючий гад. Бэ-э-э! *(Садится)*. Значит, у меня урна, а у тебя могила.

ЛИНДА: Давай у мамы спросим. Всё-таки эта услуга её касается.

ЛОЛИТА: Да, мам. Мы стараемся, обсуждаем, а ты отмалчиваешься. Нехорошо.

МАТЬ: Главное, что есть выбор.

ЛИНДА: Нет, ты скажи, как лучше? Мы так и сделаем.

МАТЬ: Это не мой выбор, а ваш.

ЛИНДА: А тебе всё равно?

МАТЬ: Всё равно.

ЛИНДА: Всё говно.

МАТЬ: Равно.

ЛИНДА: Говно.

МАТЬ: Равно.

ЛИНДА: Говно.

МАТЬ: Равно.

ЛИНДА: Говно.

ЛОЛИТА *(кричит)*: Хватит! Всё равно всё говно! Говно вопрос, но мне одной могилу не потянуть. Линда, у тебя деньги есть?

ЛИНДА качает головой.

ЛОЛИТА: Значит, решено: кремация.

ЛИНДА: Лолита, может, отдашь маме свой гроб?

ЛОЛИТА: Нет. Пусть заплатит.

ЛИНДА: Ну как тебе не стыдно?

ЛОЛИТА: Стыдно? Мне? Это мне должно быть стыдно? После того, что вы со мной сделали?

ЛИНДА: А ты! Что ты со мной сделала! Сука!

ЛОЛИТА: Сука ты проклятая!

ЛИНДА и ЛОЛИТА начинают драться, вцепившись друг другу в волосы.

МАТЬ: Стойте! Прекратите! Вы ни в чём не виноваты. Это всё из-за меня. Это я подстроила!

Сёстры отпускают друг друга.

ЛОЛИТА: Нет, ты здесь ни при чём.

ЛИНДА: Не верю.

МАТЬ: Только доведите меня до гроба, и всё вам расскажу, как было на самом деле.

ЛОЛИТА: Больно надо.

ЛИНДА: А чем мне это знание поможет?

МАТЬ: Может.

ЛИНДА: Что?

ЛОЛИТА: Что?

МАТЬ: То. *(Отворачивается)*.

ЛИНДА: Ладно. Разверни свою мамскую правду.

ЛОЛИТА: Да, разверни. Как говорил мой неважно кто, сегодня твой день – тебе и карты сдавать.

МАТЬ: Вспомнили, что я ваша мать.

ЛОЛИТА: Да, твою мать, ты – наша мать. Тебе и карты сдавать.

ЛИНДА: Лолита правильно говорит – был твой день, твой день рождения. Пять лет назад. Последний раз отмечали втроем. Ещё Ваня был, но лучше бы его не было.

МАТЬ: Ваш отец всегда хотел мальчика, а первая родилась Линочка. Линда так на него похожа, как с ксерокса. Он любил её безумно, ничего для нее не жалел, возился постоянно, ночами вставал. Когда я забеременела второй раз, он всем говорил, что вот наконец-то пацан. Но получилась Лолита. Так вот к Лолочке у него было вообще диаметрально противоположное отношение. Нет, он не кричал на неё или что-то такое, он её будто не замечал. Он приходит с работы, ребёнок бежит, за ногу его хватается, а у него ноль реакции. Сидеть с ней не хотел, вещи ей покупать тоже, вечно экономил на ней. Говорил, что пусть за сестрой донашивает. Эти мелочи копились, копились, пока я не выдержала. Последней каплей стал его день рождения. Вы нарисовали ему по рисунку. Он взял Линин подарок и стал нахваливать, а на Лолин – ноль внимания. Она с одной стороны подойдёт, с другой, с третьей, настырная ведь. Ему надоело, и он разорвал её листочек, чтобы не приставала. У тебя, Лола, была такая истерика, что я два часа успокаивала. А он с Линой на каруселях в парке Горького катался.

ЛИНДА: Отец для меня был как бог. А ты, мать, нет.

МАТЬ: И тогда я прогнала его – потому что никто, никто не имеет право разделять моих девочек!

ЛОЛИТА: Почему-то я долго не замечала, что у нас нет отца.

ЛИНДА: Я заметила, сначала переживала, а потом забыла.

МАТЬ: Потом новая напасть – Линда привела Ваню.

ЛИНДА: Мы с ним полгода уже жили у него. Я подумала – надо знакомиться. Тем более, мамин день рождения. Купили цветы, торт и шампанское.

ЛОЛИТА: Я ничего не помню.

ЛИНДА: Врёшь! Ну ничего! Я тебе припомню, как дело было.

МАТЬ: Лолита ничего не купила, потому что так я её попросила. Но когда Линда с Ваней пришли, сказала, что Лолита сделала мне настоящий подарок, не то что Линда. Подумала, что Ваня поймёт намёк и уйдёт сам. Но нет. Он недогадливый оказался.

ЛИНДА: У Вани аж подбородок задрожал. Я попросила его не обращать внимания.

МАТЬ: Потом он Лолиту увидел и слюну пустил. Ну, думаю, ладно. Линда сама его прогонит, без всякого моего вмешательства. И говорю: если дочь знакомит мать с женихом, то это тоже подарок.

ЛИНДА: Праздновали, праздновали, а потом я заметила, что Муси нет. Я кис-кис-кис, кис-кис-кис. Не отзывается. По всей квартире искала. Нет нигде.

МАТЬ: Пока ты бегала, они уже флиртовали вовсю. Но тебе не до этого было, тебе кошка важнее. Надоела она мне, твоя Муся. Почему не взяла к себе?

ЛИНДА: У Вани аллергия на кошек. Не могла я её взять с собой.

МАТЬ: Муся эта целыми днями под ногами путалась, ещё шерсть кругом. Потом смотрю – окотилась, гадина! Как увидела это безобразие – сразу попросила Лолу избавиться от приплода.

ЛОЛИТА: Не помню.

МАТЬ: Муся ринулась за ними, но я придержала её минут на десять. Надеялась, что сгинет.

ЛИНДА: Живодёры! Я пошла за Мусей, а ты, мать, за мной увязалась.

МАТЬ: Чтобы Ваня не смущался. Что поделаешь? Пока нас не было, они и переспали.

ЛИНДА: Суки.

ЛИНДА достаёт из буфета лист бумаги и ручку.

МАТЬ: Ваня сразу убежал, да так быстро, что ключи от машины оставил. Так эта дура...

ЛИНДА: Вот, ма, пиши завещание: квартиру мне, вещи по полам. Прощу вас, так и быть. И до гроба доведу.

ЛОЛИТА: Это с какой стати? Простит она нас! Посмотрите на неё! Благодетельница нашлась!

ЛИНДА: Будет по-моему, всё равно!

ЛОЛИТА: Всё говно.

ЛИНДА: Всё равно.

ЛОЛИТА: Всё говно.

ЛИНДА: Равно.

ЛОЛИТА: Говно.

ЛИНДА: Равно.

ЛОЛИТА: Говно.

ЛИНДА: Равно.

ЛОЛИТА: Говно.

МАТЬ (*кричит*): Хватит! Всё равно всё говно!

Пауза.

ЛИНДА: Да, тогда я любила Ваню больше вас! Как в него было не влюбиться: высокий, светловолосый, элегантный, приятельный. Кому я говорю, вы же его видели. Мы познакомились в театре. Я была с детьми из школы. Я одна сопровождала, дети разбрелись и норовили потеряться. А они с приятелем мне помогли. Потом, когда детей раздали, он проводил меня домой. До того случая на мамином дне рождения мы и встрети-

лись пару раз. Поэтому я его простила. Не сразу, конечно: два раза его прогоняла. А на третий простила, потому что любила и решила – вот оно, счастье. Никому не отдам! (*Наливает водки и выпивает одна*). Вначале всё было хорошо. Потом он стал меня пошлёпывать. Проходит мимо и обязательно ударит по пятой точке. Вначале не больно, потом чувствительно. Последнее время удары стали все сильнее и сильнее. Перед сексом тоже стал шлёпать. И очень сильно. Я вижу, его это возбуждает, а у меня наоборот, какое-то непонятное и неприятное чувства вызывают его шлепки. Попыталась поговорить с ним. Это же наша игра – что тут особенного? – его ответ. Потом бить стал ремнём каждый день. Однажды сорвался и сделал из моей задницы отбивную. Я три дня все уроки на ногах проводила, сесть не могла. Ваня на коленях ползал, обещал, что подобное никогда не повторится. Стал внимательным, душевным. Прямо как при знакомстве. Я и простила как дура.

ЛОЛИТА: Дура ты, дура ты, дура ты проклятая. У него четыре дуры, а ты дура пятая.

ЛИНДА: Потом опять сорвался, лупцевал уже по всему телу. Когда до лица добрался, я не смогла в школу пойти. Тогда я сбежала. Бегу и думаю: сяду на трамвай и поеду до ближайшего моста.

ЛОЛИТА: А я знаю, почему на трамвае. Потому что из нашего окна виден мост. И по нему ходят трамваи.

ЛИНДА: Потому что из нашего окна видно настоящий мост. Крепкий и надёжный. (*Подходит к окну и смотрит вниз*). Вон он, наш Устьинский мост. Сколько раз я глядела на него отсюда, пока не поняла, что наша жизнь – это как поездка на трамвае по мосту. И только от тебя зависит, каково тебе будет – хорошо или плохо, холодно или тепло, весело или тоскливо, азартно или буднично. Сейчас мой мост в плачевном состоянии. Требуется срочный ремонт. Как его починить без нашей квартиры? Никак. Мне жить больше нигде и кроме вас никого нет.

ЛОЛИТА: Жалостливая твоя сказочка, только конец у ней неправильный.

ЛИНДА: Ах ты сука!

ЛОЛИТА: Моя мука посильней будет!

ЛИНДА: С чего это? Я одинока, а ты нет!

ЛОЛИТА: А с того это! Если ты с нами и об этом говоришь, значит, не одинока. Поговорим теперь о моей участи. Участи доверчивой девушки. Ведь когда вы с мамой вернулись, я же поверила тебе. Ты что мне предложила?

ЛИНДА: Мировую.

ЛОЛИТА: Ты мне сказала, что простишь меня, если я покажу, куда отвезла котят.

ЛИНДА: Муся умная была. Нашла бы детей – больше жизни бы их любила.

ЛОЛИТА: Ты, мама, что молчишь. Ты наверняка видела, как она мне клофелин в коньяк накапала. И молчала. И тогда, и теперь. А я верила! Верила, что мать ребёнка не продаст! Выпила коньяку, а ты чай. Цвет-то один, я и не заметила. Ты знаешь, мама, что она со мной сделала? Раздела, и голой бросила на Горьковском шоссе! (*Наливает водки и выпивает одна*). Что вы молчите? Расскажите мне, о чём говорили, когда она вернулась одна.

МАТЬ: Ни о чём.

ЛИНДА: Я сюда больше не возвращалась.

ЛОЛИТА: И ты, мама, даже не спросила у неё, где твоя сестра?

Молчат.

ЛОЛИТА: Даже он спрашивал. Спрашивал у одного брата, где другой.

ЛИНДА: Вот видишь, хоть и брат, а другой. К тому же, ты – сестра, а не брат. При чём здесь он?

МАТЬ: Он только творит, а мать рождает. Лола, не смей меня им попрекать.

ЛОЛИТА: Хорошенький разговор. Вот они, родные люди, за всё время даже не поинтересовались – жива ли я! Как выбира-

лась из того ада, в который вы меня определили. Как кочевала из машины в машину, с одного сиденья на другое, с одного угла в другой, с одной комнаты в другую. Год назад нашелся поклонник – начальник. С деньгами. В мэрии работает. Меня секретарём устроил. В отдельной квартире поселил. Ну, думаю, Лолочка, вот твой шанс. Попросила квартиру на меня оформить. Нет, говорит, ещё не время. Стала настаивать. Он ни в какую. Поставила вопрос ребром – он и выгнал меня отовсюду. Дура.

ЛИНДА: Дура ты, дура ты, дура ты проклятая. У него четыре дуры, а ты дура пятая.

ЛОЛИТА: Пусть дура, но жить мне негде. Только здесь. Тебя, Линда, мудохал один мужик. И то – законный муж. А меня – неслучное количество всяких мудаков. По твоей вине, кстати. Так что мои страдания и шире, и глубже.

ЛИНДА: Лолита, как ты выжила?

ЛОЛИТА: Сама удивляюсь. Я просто всегда знала, что жить приходится в воде. А она бывает разная: и чистая, и нечистая. Надо иметь волю и смелость, и волю, и умение, чтобы выплыть из того говна, куда тебя течением занесло. В самые трудные моменты я говорила себе: неужели я потону в этом дерьме? Фу, гадость. Если уж тонуть, то в чистом омуте! Решайте, если квартира будет моей, то я вас прощу. Так и быть. И маму до гроба доведу. В лучшем виде.

ЛИНДА: Жалостливая твоя сказочка, только хуёвая. И конец у нее неправильный.

МАТЬ: Померялись дочки сказочками. Теперь драться будете?

ЛОЛИТА: Нет, не будем.

ЛИНДА: Ты, ма, лучше свою сказочку расскажи. А мы послушаем.

МАТЬ: Мою сказочку вы знаете. Вы – моя сказочка.

ЛИНДА: Выкрутилась.

ЛОЛИТА: Давай её помянем, может, тогда расскажет.

ЛИНДА: Давай помянем. Обе. А то всё в одиночку.

ЛОЛИТА: Вот именно! Только не вдвоём, а все вместе, втроём.

ЛИНДА: Да, ма. Нехорошо это. Вроде как ты ни при чём. Помните, раньше, когда мы с Лолитой девочками были, всё втроём делали. И ели, и пили, и убирались, и читали вслух, и гуляли, и танцевали.

ЛОЛИТА: Так что, ма, давай все вместе. Помянем тебя втроём.

МАТЬ: Я объясняла. Нельзя мне.

ЛОЛИТА: А здесь сидеть можно? Ничего. Соврёшь чего-нибудь.

МАТЬ: Глупая, ТАМ врать нельзя.

ЛИНДА: Ма, ты меня удивляешь. Никогда никого и ничего не боялась. Не может быть, чтобы ТАМ это не ценили. Так что давай! Если выпьешь с нами, доведём тебя до гроба. Правда, Лола?

ЛОЛИТА: Да, доведём. Линда и Лолита доведут мать до гроба. Куда мы денемся?

ЛОЛИТА наливает водку себе и Линде.

МАТЬ: Ну, если доведёте, тогда рискну. *(Пьёт вино)*. Всё! Теперь у меня будут неприятности.

Молчание. Сёстры едят.

МАТЬ: Ну, давайте, идите же за мной! Что вы медлите?

ЛИНДА и ЛОЛИТА *(вместе)*: Обманули дурака, обманули дурака, обманули дурака!

Тишина.

ЛИНДА: Ма?

ЛОЛИТА: Мама?

ЛИНДА: Обиделась, что ли?

ЛОЛИТА: Выходит, так.

ЛИНДА: В детстве не обижалась. В нашем детстве.

ЛОЛИТА: Ну, пошутили мы.

ЛИНДА: Как в детстве.

МАТЬ: То, что я вам скажу, девочки, никому не рассказывайте. Помните, мы катались на карусели с деревянными лошадками на каком-то карнавале?

ЛИНДА: Да, помню! Карусельщик не хотел тебя пускать. Говорил, что у взрослых может закружиться голова!

ЛОЛИТА: А я сказала ему, что если он не пустит нашу маму, то я ему откушу нос!

Все смеются.

МАТЬ: Совсем недавно, ну, ещё до того, я вдруг поняла: наша жизнь и есть карусель, только лошадки бегут вокруг гроба. Меня просто осенило: тогда в душе тенью пробежало знакомое, но забытое чувство. В каждом человеке есть это чувство. Чувство собственного гроба. Очень неприятное и досадное чувство. Оно никому не нужно, поэтому никто его не принимает. Все его отрицают, пока не становится поздно. Поздно, потому что чувство уже к этому моменту омертвевает и теряет смысл. Остаётся только запоздалая реакция – холодный пот на лбу умершего. По себе знаю.

ЛИНДА и ЛОЛИТА подходят к матери.

ЛИНДА: И правда пот.

ЛОЛИТА: Потец. Мама, тебе, у тебя потец! *(Берет мать за руку)*. Линда, бери за другую.

ЛИНДА и ЛОЛИТА подводят МАТЬ к гробу и помогают ей залезть в него.

ЛИНДА: Как тебе там, ма?

МАТЬ: Хорошо.

ЛОЛИТА: Правда?

МАТЬ: Правда.

ЛИНДА: А почему хорошо?

МАТЬ: Когда родные и близкие доводят до гроба – всегда хорошо.

ЛОЛИТА: Перед этим говорила, что всё – говно.

МАТЬ: За стенами – да, внутри – нет.

ЛИНДА: Может, чего надо?

МАТЬ: Надо.

ЛИНДА: Чего?

МАТЬ: Чтобы вы отстали от меня.

ЛИНДА: Ну ма!

ЛОЛИТА: Только жить начали. По-настоящему. Как когда-то. Когда можно было гулять по рельсам.

ЛИНДА: И спать всем втроём, потому что так слаще.

ЛОЛИТА: Мы не можем просто так тебя отпустить.

ЛИНДА: Нет, ма. Мы с тобой. Не выгоняй нас из гроба.

ЛОЛИТА: Да, ма, не выгоняй нас из гроба. Тем более что оплатила его я.

МАТЬ: Глупая ты, Лола. Каждый сам платит за свой гроб. Ваше дело было довести меня до гроба. С другой стороны, почему бы его не сделать семейным? Ладно, залезайте.

ЛОЛИТА: А мы поместимся?

МАТЬ: Поместимся. Если ноги выше от земли будут.

Залезают в гроб.

ЛОЛИТА: Кто успел – тому помирать.

ЛИНДА: Кто остался – тот и дурачок.

Занавес

Ольга Фатеева*

3004-GH9S-KERM-ZYJD (18+)

*События и герои вымышлены,
совпадения случайны.*

I.

Я каждый день вскрываю трупы. Вот, например, Валерий Михайлович, сорок шесть лет, ожоги, пятьдесят койко-дней в стационаре. Койко-дни придуманы для страховых выплат, поэтому даже если вы пробыли в больнице всего один час, на обложке истории болезни напишут целый день.

Валерий Михайлович запелённут в марлю, как в кокон, марля местами рыжая от йода. Из кокона выглядывают голова, ступни и кисти. Ногти ровно подстрижены, волосы чистые, даже сохранился косой пробор и зачёс налево. Побрить только не успели – это не страшно, санитары побреют. За пятьдесят дней все ожоги должны зажить, но у Валерия Михайловича правая рука, грудь, немного живот, спина и бедра в красных нагноившихся подпалинах в сеточку. За пятьдесят дней ему успели сделать несколько пересадок его же кожи, лоскуты надрезают в шахматном порядке и растягивают трансплантат, места пластики напоминают плетеную сумку-авоську. Валерий Михайлович тихий алкоголик, горькую пьёт уже двадцать лет и сам охотно об этом

* Мастерская Ольги Брейнингер «Автофиксин: герой, автор и психоанализ»

рассказывает. Рассказывал. Только вот шутка издевательская: в больницу приехал трезвый. Обидно. И все последние пятьдесят дней ни глотка. Принести некому, жил Валерий Михайлович один, жена с дочкой много лет назад его бросили. И смерть на сухую пришла.

У нас он тоже задержался, почти на месяц, я на днях спускалась в подвал покурить, он всё лежал в холодильнике небритым. Пока полиция разыскала бывшую жену и дочку в области – приехали две толстые блондинки с синей подводкой вокруг глаз, кричали, суетились. Никак не могли взять в толк, от чего папа умер. Борщом обварился. Целую кастрюлю вылил на себя. Если бы на секцию не пришёл лечащий врач, который и сделал эту запись в истории болезни, я бы тоже не поверила.

«В связи с тяжелой эпидемиологической обстановкой... Медицинскому персоналу всех специальностей освоить... Интерактивные модули».

Прошлую неделю мы учились в симуляционном центре в больнице в Северо-Восточном округе. Интубировать и ставить катетеры. Забытые институтские навыки, в институте так и не освоенные. В учебном центре бесконечные коридоры с мягкими диванами и композициями из искусственных цветов. Пахнет столовой и сигаретами. Главврач больницы сам курит, поэтому на восьмом этаже оборудована курительная комната, вход разрешён и для пациентов и их посетителей. Панорамные окна в пол – у вас под ногами квартал старого города. Жёлтые пятиэтажки с газовыми колонками и четырёхметровыми потолками, застройка немецких военнопленных. В коридорах центра на стенах репродукции «Урока анатомии» Рембрандта, «Чумы в Ашдоде» и дары современных авторов. Вот, например, Никас Сафронов, портрет чумного доктора с белой кошкой на руках. Говорят, позировал сам главврач со своим мейн-куном. Болтают, наверное. Коридоры, как бронхиальное дерево в лёгких, заканчиваются гроздьями аудиторий и залов, как альвеолами.

В каждой учебной комнате манекены на все случаи жизни. Вот здесь вас неожиданно обольёт рвотой или кровью во время

санации ротовой полости. Здесь беременная кукла родит здорового, а вот здесь нездорового младенца. Сатурация падает, девяносто пять, девяносто. Я нахлобучиваю на розовое бесполое тело кислородный шлем – он ближе всего – и начинаю звенеть и мигать красным. Не я, конечно, а манекен и каталка под ним. Шеф отвечает мне воздушный подзатыльник:

– Тебе только трупы в морге вскрывать.

Изыщная шутка.

За неделю обучения на работе скопились экспертизы, полиция почти сидит у меня на голове и долбит сразу десятью ключами – мне нужно закончить десять случаев. Все первые сутки я приклеена к стулу, молочу по клавишам. Двадцать минут забытья головой на столе, подложив двухтомную историю болезни, и еще два раза по сорок минут, свернувшись клубком в кресле, вместо подушки большой, затвердевший от долгого употребления серый кот с запахом пыльной тряпки, хорошо ещё, выпуклые пластмассовые глаза ему предусмотрительно оторвали. Дочь присылает мне восемь роликов про сов: сова чихает, дом, где тебя ждёт сова, сова говорит: «Спокойной ночи!», сова с длинными лапами и так далее.

В нашей профессии всегда так: неравномерность, пиковые нагрузки, резкие всплески и неожиданное затишье. Когда тебе очень нужна пауза и ты просишь высшие силы утром по дороге на службу выдать один библиотечный день, чаще всего завал ещё больше, и ты торчишь в секционном зале до ночи.

Сегодня мы перешли на суточный график работы, сутки трое. К нам пока никого не привезли. Вадик тоже в команде, у себя в отделении. Я волнуюсь за него, всё-таки ему за пятьдесят.

Снег хлопьями залепил окна, подходящая погода для конца марта. Во внутреннем дворе в сумерках светится только крыльцо приёмки трупов, фонари в сквере вокруг погашены, на белых скамейках сквозь тонкий свежий наст просвечивают полукруглые очертания – последние на сегодня катафалки недавно разъехались, полчаса назад на лавках хохлились родственники, как на насесте. Здание изломано буквой «П», в коридоре

напротив вижу расплывчатый кружок лампы и массивную фигуру, дорисовываю про себя ночного санитаря за столом. Сейчас он протянет правую руку и снимет с крючка заранее нарезанные бирки – какая у нас там сегодня клеёнка? Коричневая, тёмно-розовая, зелёная? Я открываю окно, машу ему. Кабинеты и коридоры с белыми лампами дневного света как аквариум в темноте.

На сутки мы выходим по двое. Сегодня абсолютно пустая смена, это бывает. В нашем тихом районе теперь умирают меньше, на улицу не выходят, под машины не попадают, окна не открывают. Сидят по домам и стараются не умереть. Из больницы выписали всех, кого смогли, освободили палаты под вирус.

Всё-таки странно: мне скоро сорок три, я принимаю решения, давно уехала из родного дома, дочь, муж, а мама слушает телевизор и указы правительства, но не меня. В последний приезд вообще только блины печь доверила. Два дня сама варила куриный бульон с лапшой, тушила мясо, варила компот, рис на кутью. Не подпускала меня к плите. Я звоню Вадику, объясняю, где на кухне лежит книжка с рецептами, на вырванном листке записаны блины.

Лью переливчатую желтовато-серую жижу на сковородку. В Челябинске минус десять, сугробы из неопрятных грязных серых куч, что сгребли, расчищая дороги. Во дворах укатанные, утопанные пласты лежат неровными колеями, ходят люди, ездят машины. Для февраля тепло. Хорошо, есть солнце. Вадик говорит, в Москве опять пасмурно, хмарь.

Тесто пузырится, набухает, на месте лопнувших пяточков остаются мелкие дырки. Я люблю кружевные блины. Это легко сделать, если перед каждым блином наливать в разгоряченную сковородку немного масла, чтобы оно успело зашипеть и брызнуть. Масляные пузырьки прорываются в тесто, решают блин, кружат.

С Вадиком мы составили график, чтобы кто-то обязательно был дома. Живём мы вместе, а вот работаем всё же по отдельности, что не мешает нам устраивать производственные совещания дома.

В соседней больнице с вирусом умерли двое. Очень хочется хотя бы одним глазом взглянуть, что там внутри на самом деле. Двадцать четвертое марта, восемь утра, первые сутки в новых условиях закончились.

Первыми пришли бабушки-соседки. Втроём. Мама суетится, прибегает ко мне на кухню. Соседками занята мамина заклятая подруга Нина, которую мама за глаза частенько ругает. Мама живёт одна.

Девочки, говорит Нина, проходим, вот сюда, давайте одежду, садимся. Кто с кем. Думаю, вам, девочкам, лучше сесть рядом. Я выглядываю поздороваться. Тёмный каштан и баклажан, над ушами непрокрашенная седина. Помыли головы, перстни с рубинами, под тёплыми кофтами мнутся блузы, задрались рукава, сбились воротники. У мамы жарко, девочки сидят в кофтах, не снимают и даже не расстегиваются. Готовые в любой момент подняться и улететь.

Я волнуюсь, как перед экзаменом. Выступаю я хорошо, стоит только выйти на трибуну, неважно, в зале суда или в больнице на клинической конференции. Мамино доверие – «испеки хотя бы блины» – и моя ответственность за это равны всем выступлениям и даже перекрывают их.

Первые пять блинов приходится скормить дочери. Она их любит, часто просит, а я довольно равнодушна.

Мама выхватывает у меня из рук сковородку. Молча сваливает шестой комок в тарелку.

На бабушкины поминки, на годовщину, мама созвала всех окрестных старух, родных, неродных и всяких. Блины она требует без дырок, ровные, сплошные. Ругает, как в детстве. Я люблю кружевные, но не всегда выходят. Заведешь тесто, то ли муки на шепотку больше сыпнешь, то ли масло подсолнечное не то, то ли соли мало, – льёшь на сковородку, а блин гладким кругом и растекается. Без единого пузырька. Когда блин печётся такой, подсыхает очень, складываешь его уголком, вчетверо, а он трескается на сгибах.

Соседки неожиданно блины мои хвалят, мамина подруга выдает меня, мама молчит.

На работе теперь покой и тишина, как по субботам, когда нет шефа, выходит дежурная бригада, мало людей, простор. Теперь каждые сутки так. Спешить некуда, вскрывай не хочу, трупов по-прежнему мало.

Я люблю читать записки психиатров. Там мало про симптомы и клинику и много про жизнь. Вот Елизавета Петровна девяноста лет. Хорошо выглядит, руки толстые, в ямках, кожа долго не расправляется, режешь, и с жира стекает вода, отёки. Одна нога у Елизаветы Петровны толще другой, пятьдесят четыре сантиметра против сорока девяти. Чёрные губы в отслаивающихся корках, Елизавета Петровна пахнет на всю секцию, как огуречный маринад. Медицинская карта скучная, про нарушения сознания и неправильный ритм сердца. Из кармашка на обложке, который пухнет от миллиметровых лент ЭКГ, выпадает сложенный лист, протершийся на сгибе. Консультация психиатра. «Родственники думают, что пациентка могла по ошибке выпить уксусную эссенцию. Передвигается самостоятельно, везде ищет спиртное». Моя мать не пьёт.

Здравствуй, Олечка. Я не выхожу из дома, напугал Путин. Мне нужны продукты, лекарства, воздух, всё равно придётся покидать квартиру, а как защищаться от этого вируса – неизвестно. Очень волнуюсь за тебя, много контактов в транспорте только. А на работе твоей! Одно говно и сплошная зараза. Говорили мы с бабушкой тебе, но разве ты кого слушаешь. Привлекать соцзащиту не хочу, я ведь на ногах. Что мне эти волонтеры. Придут, что они там купят, старое, просроченное. Да ещё жирное какое-нибудь, а мне нельзя.

– Да, мама, я помню.

Вчера надела две маски и в восемь утра пошла в «Молнию» за продуктами, пока народу мало, потом во дворе пусто было, я постояла минут двадцать, потом стирала шерстяные вещи, сделала уборку и купалась. Я и так по две недели не убираюсь. Что же, мне теперь грязью зарастать. Вон у вас не квартира, а натуральный срач, что у Вики в комнате делается! И ни слова ведь не скажи. Говоришь ей, не дом у вас, а как у бомжей, а

она ещё указывает мне, сопля малолетняя, как говорить нельзя. У нас ужесточили меры, но в конце недели надо будет опять купить продуктов, паспорт с собой надо брать, что я живу рядом, если останоят.

Показывают, что многие ходят в масках и у нас, и за границей, и у вас, ну что, тяжело тебе надеть, что ли. Ну конечно, одна ты только умная и всё знаешь. А целые страны идиоты, и врачи везде идиоты, и правительства, вон ведь что делают, какие меры принимают, откуда взялась только эта зараза. Ты со своими коллегами что угодно не понимай, а маску носи. Носи, я тебе сказала. Ты вообще не врач, а не пойми кто. По телевизору всем маски говорят одеть.

– Не смотри телевизор.

Полицейские останавливают у нас машины, пока не штрафуют, про людей пока не слышала, целый месяц не выходит, очень тяжело. Ты не сердись, но почему показывают весь мир в масках или респираторах? Что же, все точно дураки?

Рада бы не циклиться, если бы ваша Москва не была рассадником, если бы придурки не летали и во время эпидемии. А десять тысяч заболевших, и впереди Москва, это как, а?

В нашей маленькой кухне на работе есть ниша, завешанная бамбуковой шторой, в нише полки. Наш бар и кладовка. Виски и коньяк – бутылки початы, горизонтальный уровень понижается с каждым днём. Пино нуар и брют – их никто, кроме меня, не пьёт. Трескучие палочки, складывающиеся в две облупившихся пальмы на берегу, оповещают всех, если кто-то лезет в запасы. Солёные огурцы, помидоры, патиссоны, варенье вишнёвое и яблочное. Окна раскрыты, курить бегаем на улицу, тёплые сумерки перемигиваются фонарями. Морг в глубине больничного парка, машины от нас далеко, по дорожкам грохочет и дребезжит тележка с чистым бельём из прачечной. Держим совет. Требуются добровольцы в ковид-барак. Мы загибаем пальцы по кругу, чокаемся. Сможем ли. На пожилой лаборантке пальцы заканчиваются – накладные ногти, стук по клавиатуре слышно с улицы, мелирование, ипотека для дочери с новым мужем и чёр-

ные комедоны размером с пшено по мясистому, пористому носу: «Я туда не пойду», – и смотрит каждому в глаза.

II.

Вскрывать. Я, я, я хочу. Я хочу увидеть вирус в лицо. Потрогать, рассмотреть в микроскоп. Вадик, когда встречаемся дома, – кто-то ложится спать, кто-то встаёт, через день меняемся – отмахивается и советует умерить пыл: не наигралась, что ли, за двадцать лет работы? – но не настаивает. Дочь провожает фанатскими кричалками, чтобы поддержать мой боевой дух.

С 1 апреля я работаю в отдельной секции с инфицированными трупами, которых нет.

Совсем рехнулась? У тебя ребёнок, дура! О нём кто позаботится, я старая уже, была бы ещё хоть помоложе. Сорок лет, а ума нет. Да какой ты врач, ты лечить не умеешь.

– Да, мама, я боюсь людей.

Как привыкла там, ещё с общаги, в дерьме жить, так иковыряешься в дерьме. Мы с бабушкой тебе говорили, Оля, возвращайся обратно, Оля, приучай ребенка к еде, приучай, помаленечку, потихоньку, по ложечке впихивай. Встала с утра, бабушка яблочко почистила, изюма намыла, всё за тобой, за вами ходила. Всё полезного хотела, чтобы вы ели. Бабушка в медицине больше тебя понимала, ты простых вещей вон не знаешь.

Как говорили, не говори ты ребёнку, где ты работаешь, не надо, зачем ей знать. Мы вон соседям до сих пор никому не говорим. Так, врач и врач, а какой уж там врач и ладно. А ты назло нам с бабушкой, как кто придет, давай про свою работу, про говно своё, рассказывать.

Я прячусь. Не отвечаю на звонки, не читаю WhatsApp, как будто заснула и несколько дней не просыпалась. Прятаться хорошо в историях болезней, почти как в романах с продолжением и семейных сагах. Расклеивающиеся фолианты на каждой странице повторяют пульс, частоту дыханий, баллы по ШКГ. Пальцы сохнут от перелистывания, дубеют, собирают пыль. Пальцы

сохнут под перчатками, и не спасает никакой крем, даже наш убойный медицинский.

А сейчас-то куда лезешь, рехнулась совсем, никакого покоя с вами нету, ни одного дня спокойно прожить нельзя, что-нибудь да вы устроите. Взала бы отпуск, за свой счёт бы взяла и сидела бы дома, с ребёнком. Ничего, с голоду не умерла бы, экономить надо, мы тебя всегда учили. Мы вон с бабушкой спички раньше экономили, от одной зажигали, и теперь я экономлю. Я воду-то просто так не лью, пока течёт, прогревается, я в ковшичек набираю, а потом в унитаз сливаю. И роллы не заказываю.

– Мама, Вике на день рождения один раз заказали.

И тебе говорили, нечего было на работу сразу выходить, ребёнок болеет, в садик плохо ходит, ты тоже болела месяцами, бабушка всё с тобой нянчилась. А ты, кукушка, ребёнка своего единственного на няnek чужих бросила и побежала. Куда бы побежала-то, а то к трупам своим, совсем трекнулась. Сейчас-то хоть ребёнка побереги, дома сиди, уроки с ней делай. А ты что опять! Больных этих заражённых резать. Сдохнешь, кто за ребёнком ходить будет. Я помоложе была бы, к себе бы хоть забрала. Мы и гуляли с ней вместе, и книжки читали бы, и на кружок какой-нибудь ходили. А ну и что, что ей уже тринадцать, и ничего такого, подумаешь, это вы всё бабушек и матерей стыдите. Себя постыдишь, что творишь-то, что ты творишь!

Моя секция на один стол, здесь нет компьютера, договорились, что будем писать на диктофон, нашли чей-то старый, чтобы не выносить из красной зоны и похоронить потом здесь. Теперь я работаю каждый день, без выходных и праздников. Приезжаю к семи, иду в свой зал: выключить кварцевую лампу, проверить приготовленный костюм, респиратор, щиток на лицо, наточить ножи, которые легко рассекают подброшенный лист бумаги и волос, стряхнутый с головы, заменить дезинфицирующий раствор в лотке для инструментов и баках для отходов класса «Б». К семи уже давно светает, ни души, из-за церкви и вы-

сотного корпуса выглядывает родной двухэтажный морг, лестница начинается сразу, какходишь, между первым и вторым этажами протянуто длинное окно с переплётом из восемнадцати частей, по три по горизонтали. И хотя утренние сумерки к моему приходу рассеиваются, каждый день эффект всё равно ошеломительный. Серое графитное здание яростно мигает фиолетово-синим, всполохи проходят через десять секунд, добивают до дальних уголков больничного парка, думаю, не дают спать в большом корпусе, видны на проспекте и слепят глаза, чем ближе подходишь. Меня встречает ночной санитар и который день молча качает головой: «Нет, вирусных не поступало».

Я выключаю кварцевую лампу. Эта установка из будущего, напоминающая фантастические фильмы моего детства, стоит в моей секционной, пульт управления – на санитарском посту. Это серый агрегат мне по пояс с ключом на цепочке, как у ракетного чемоданчика, тумблерами и рычагами. Нажимаешь на кнопку, и лампа, как обычная лампа накаливания, только раз в десять больше, прячется обратно в установку, переспрашивая, уверена ли я, что процедура проведена в полном объёме. Хитрое устройство после ввода в программу размеров помещения, условий загрязнённости, само рассчитывает время и мощность действия. Как только карантин закончится, мы вернем чудо-технику в интенсивную терапию.

У меня сокращённый рабочий день, у нас обычные рабочие дни и так короткие, вредные условия труда, а мой день еще короче, как выходной или праздничный, у меня теперь каждый день Новый год или Первомай, Первомай через две недели. Утром я ложусь спать на персональный диван, я заняла кабинет шефа. Вдоль стены напротив помещается всё необходимое: стол, шкаф, этажерка со спиртовкой. Спиртовку используем для обжига ножей и скальпелей, когда берём бактериологический анализ, я варю на ней кофе, у меня давно есть походный комплект – турка и ручная кофемолка.

Мои дни похожи один на другой. Я слоняюсь по моргу, заглядываю в труппы коллег – они не вызывались вскрывать вирус-

положительных и работают в обычном режиме, – подбиваю бумаги, заканчиваю экспертизы, печатаю, подписываю, такими темпами у меня в производстве скоро не останется ни одной. Делаю бесконечные селфи, разные фильтры, круговые панорамы, которые грузом-200 оседают в телефоне, их никуда нельзя вывесить. Представляю.

Лет через десять: заседание Всемирной организации здравоохранения, дубовые панели на стенах, дубовая кафедра, штук пять микрофонов. Мой доклад посвящен истинным причинам смерти от коронавируса, анализу летальности, эффективности средств индивидуальной защиты у работников танатологических отделений и целесообразности их использования. Из недр безупречного иссиня-чёрного костюма я извлекаю старый телефон и демонстрирую фото добровольного заточения. Скрупулезно, день за днём эксперты ВОЗ отсматривают на большом экране скупую хронику карантина в отдельном морге. За длинным столом лысые мужчины в костюмах, бородатые мужчины с портфелями на коленях, которые они держат, прижав к животу и груди, седые женщины с длинными волосами, рассыпанными по плечам. Пахнет спиртом, шуршат бумаги, на столе открытые пачки перчаток, из них торчат синие, розовые, зеленые и прозрачные пальцы, рядом с микрофонами на каждые два места встроены автоматические краны с антисептиками на фотоэлементах, только руку поднеси. Их изогнутые металлические носы напоминают встроенные фильтры для воды в наших квартирах до вирусной эпохи. Блеск хрома отражает множество ламп на потолке и стенах, блики слепят глаза сидящим в президиуме и гаснут в мягких тёмно-красных креслах-качалках и длинном ворсе ковров. Некрасивая блондинка с лошадиным лицом настырно задаёт вопросы, постукивает по столу указкой, а я погружаюсь в пучины постапокалиптического устройства: антисептик выдаётся на человека по десять раз в сутки, фотоэлементы фиксируют ваши приметы, скрытые тепловизоры реагируют на температурное поле вокруг вас, газоанализаторы улавливают запах вашего пота.

Как просила тебя, Оля, привези своих антисептиков, которые вам на работе выдают, все собери и привези. Ты же теперь приезжаешь раз в год, дай бог, на один день только. Да что, теперь и вообще не приезжаешь, это раньше, когда ребёнок меньше был, привозила хоть на Новый год и летом, когда в отпуск со своим этим Вадиком уезжала, а мне всё говорила, с подружками. Врала ты мне всё, и врешь. Никогда матери ничего не скажешь. За месяц тебя просила, возьми листочек, карандаш, запиши, что скажу, вещи собери, а не в последний момент впопыхах, как у тебя всё обычно. Ты же разве слушаешь, ты только ругаться на меня можешь. И на бабушку всё ругалась только, а бабушка о тебе заботилась, о Вике, всё говорила, что надо, да ты только сами с усами, а мы тебе же только добра хотим, плохого не посоветуем.

– Мама, не надо советовать, если не просят.

А теперь у меня последний флакон кончается, я же по нормальному всё делаю, не то что ты. Я из магазина всё протираю, пакеты, телефон, кошелёк, перчатки, перчатки резиновые на кожаные одеваю, потом в магазине ещё одни. Ручки перед собой перед тем, как взяться, протираю, домофон, кнопки. Пакеты заносу, выгружаю, протираю, потом одни перчатки верхние снимаю, протираю, потом уже раскладываю всё, а потом пакеты изнутри протираю, обувь между дверями оставляю, и одежду верхнюю тоже там храню, сумки она у меня там висит, а дверь внутри я плёнкой закрыла, тоже протираю, и сумки на улице не выхожу. И тебе так надо делать, но разве тебя убедить в чём-нибудь, ты же самая умная, дураки кругом, мы с бабушкой дураки были, что тебя учиться отпустили так далеко, в Москву эту проклятую. Ты в общаге своей от рук совсем отбилась, мы с бабушкой и раньше пакеты с молоком, сметану там, творог, всё мыли прежде, чем открыть, а тебе говоришь-говоришь, а ты тут же из горла пьёшь, и Вика за тобой повторяет.

Блондинка с лошадиным лицом из Всемирной организации здравоохранения – наш старший лаборант – записывает посту-

пивших в валовую книгу. Сегодня с разными промежутками в больнице, при которой наш маленький морг из двух секций, умерли семеро. Пятеро спрыгнули с восьмого, восьмого, десятого, второго и пятого этажей, двое порезали вены. Все поступили в больницу на этой неделе, сегодня воскресенье. Семь самоубийств за неделю карантина.

Мамины девочки на поминках спрашивали меня, всё допытывались. Страшно ли, противно: «Фу!» – встряхивали головами, морщились, даром что и так лица – печёные яблоки, передёргивали плечиками в кофтах. Мама хорошенько вдарила мне потом. По лицу, с отяжкой получилось, она и сама не ожидала, видно было, рука горела у нее.

Повела нас с Викой гулять. Не повела, потащила, натурально волоком. Ребёнку гулять надо, а я, нерадивая мать, в мертвечине только и умею ковыряться. Когда Вика подросла и первый раз попросилась выйти сама с подружкой, я вздохнула свободно и перестала следить. Мама повела нас в лес, на Монахи, горы – терренкур для пенсионеров. Вику мне пришлось жёстко припугнуть в туалете, чтобы мама не слышала. Мама всю дорогу что-то вспоминала, собирала давние истории, которые мне были неприятны. Как Викин отец, мой первый муж, ночью отказывался идти за газоотводной трубкой, Вика плакала, надрывалась. Как он падал поперёк нашей огромной свадебной кровати king size пьяный, храпел, а я утаскивала Вику на диван в гостиной и ложилась с ней. У него было единственное преимущество, мой наркотик, от которого я долго не могла отказаться. Он умел трахаться. Я по этому поводу даже родила афоризм: «Ебаться могут все, а выебать немногие». Скорее всего, его родили задолго до меня, а я просто повторяла. Мама говорила: «И чем ты думала?» – и сморкалась в руку, как сморкался мой дед, у мамы эта привычка появилась к старости, ей почти семьдесят, а бабушка месяца не дожила до девяносто семи. На Монахах было очень скользко, мои гринды на протекторах ехали по всем лесным дорожкам без тормозов, Вика ныла, что устала, замёрзла и хочет в туалет. Туалет нашёлся, я тоже хотела, но к туалету нуж-

но было спуститься по склону круче, чем тот, по которому мы пришли. Потерплю до дома. На выходе из леса я всё-таки упала на левый бок, подвернула нечаянно выставленную руку, запястье болело ещё недели две, особенно на работе. На бедре расползся чёрно-фиолетовый синяк. Зина с магазина. И вот когда я поднялась, мама и влепила мне пощёчину. Заплакала и закричала, что я, сука, всю жизнь ей порчу, живу далеко, а у неё никого и нет родного. А я, хоть и была в школе отличницей, в Москве своей совсем испортилась и стала шлюха и проститутка.

Шлюхой и проституткой мама с бабушкой меня называли, когда я в блондинку покрасилась. У меня сильный пигмент, и после второго осветления – нам со знакомой девчонкой из парикмахерского колледжа никак не удавалось убрать соломенную желтизну – часть моих волос осталась на полотенце, а остальные мы с ней тримминговали и сбрасывали опаской.

Пока я отряхивалась после падения, мама уехала домой, бросив нас с Викой. Я, как назло, забыла кошелёк, но, слава богу, взяла телефон. Челябинск большой город, яндекс-такси действует. Ключи только у мамы, у меня давно нет своих от родительской квартиры, а бабушкиными мама не разрешает пользоваться. Полчаса мы стояли под дверью подъезда, кричали под окнами, третий этаж, мама отключила домофон. Наконец нас впустил сосед. Ещё минут пятнадцать мы стучали в дверь квартиры. Мама открыла, только когда вышли соседи. Синяки на мне образуются редко, да и то проступают сразу жёлтыми, я обошлась пудрой.

Родственники стоят во внутреннем дворе. Газует машина, я иду закрыть окно, бензин, запах, после двигателя слышно вой женщины, её обнимают, она ссутулилась, в чёрном платке, спрятала лицо, платок сбился вперёд, запутался в прижатых руках, между пальцами красные пятна. Я вскрыла всех поступивших, завтра начнется оформление электронных пропусков для передвижений по городу, все не прописаны в Москве, жильё снимают, на машинах чужие номера. Небо в тучах, мои дни похожи друг на друга, отличается только погода за окнами: дождь зали-

вает стёкла, солнце нагревает кабинет, воздух горячий на ощупь, горячие тени, горячие световые пятна, под солнцем спускаются большие лохматые снежинки, нехотя фланируют между деревьями, а потом резко взмывают и падают вверх в столбе кружащегося ветра.

К половине третьего ночи мы отдаём всех, за кем приехали, со справками о смерти, без гробов и ритуальной одежды, заворачиваем в ветошь – списанные больничные простыни. Мы даже не спрашиваем, куда их увозят, где будут хоронить, в валовой книге ставим прочерки. Ночью стихает ветер, на газоне лезут из земли толстые остроугольные узкие листья, они бледные и, кажется, светятся в темноте. Если наклониться к ним, услышишь нежное похрустывание, как будто лопаются почки, рвётся кожух новых листьев, а на самом деле на крыльцо вышел Коля-санитар с пачкой чипсов.

III.

Подоконники устланы красными розами, розы стоят в вёдрах в коридорах – наша Алёнушка, цветочек аленький, регистратор из ритуальной конторы, выложила все запасы от отчаяния, цветы завяли, сохнут. Люди нанесли и снаружи, кладут у крыльца, охапки сваливают к стенам, как будто здесь случился теракт, зажигают свечи, оставляют иконы, мягкие игрушки. Наш морг стал местом паломничества, церковь рядом закрыта, приходят по темноте к нам, соблюдают дистанцию, в масках, перчатках, нашли наш телефон в интернете, стоят под окнами, звонят, просят показаться и говорят, говорят и говорят. Пишут записочки с именами и датами, машут, просят молиться, как будто мы всегда на связи с небесной канцелярией.

Пришёл один, низкий, в тёмной куртке, розовые пинетки с помпонами принёс, воздушные шарик надул и долго что-то вырисовывал цветными мелками на асфальте. Люминесцентные буквы видны в темноте. «С Днём рождения, доча!». «Дочь родилась!» – кричит мне: «Сегодня», – слышно даже за закрытыми окнами. Что ж ты к моргу-то пришёл? А он объясняет, что в род-

дом всё равно не пускают, ребёнка не показывают, а здесь, в обители скорби, все просят о живых. Извращённая молитва: у морга выпрашивать, чтобы никто не умер.

Мы уже неделю заперты. Самоизоляция. Десять живых, семеро наших и трое посетителей, из них ребёнок шести лет, и одно тело, то самое, лежит на глубокой заморозке, одинокое в кассетном холодильнике на шесть полок. Мы зовём его запросто – Витя. Вите лет сорок, я обнаружила его у крытого пандуса на приёмке, в очередной пустой день, когда сдала следователю последнюю готовую экспертизу. Утром я вышла покурить, резко потеплело, идти за ворота лень, надо переодеться в гражданское. Я спряталась у приёмки трупов, присела между стеной и покатой крышей, солнце напекло железо, забила трубку, притащила свежесваренный кофе в термосе. Горячая крыша, горячий кофе, горячий дым, сама не заметила, как меня повело и приморило, я откинулась назад не в силах сопротивляться липкой, мутной сонливости. И наткнулась на Витю. Витя уместился в щель с другой стороны. Забрался туда он, судя по всему, еще вечером, потому что успел остыть и заоченеть в позе эмбриона.

Опознавать Витю пришла молодая семья – симпатичная тихая девушка, её муж, который благородно сопровождал супругу, и дочка, та самая, шести лет. Девочка испугалась и ни за что не захотела посидеть дома одна. Я вскрывала правое легкое: органокомплекс головным концом к прозектору, задней поверхностью вверх, разрез в горизонтальной плоскости от наружной поверхности к корню, лёгочная ткань из-за воздушности режется с трудом, нужен острый нож, – когда девушка, разыскивавшая своего брата-наркомана, взглянув на Витины фотографии, два профиля и анфас, покачала головой. Нет, не он. Серо-розовые, с виду абсолютно здоровые лёгкие «стояли», как говорят патологи, на секционном столе. Большие, как будто вздутые при утоплении, проминались под пальцами и не возвращались в исходное положение. Первое впечатление обманчиво. На разрезах ткань абсолютно безвоздушная. Масса каждого ближе к двум килограммам. Тотальная двусторонняя вирусная пневмония.

Положительный ПЦР-тест пришёл через два дня. Правильно я никого не выпустила.

Так вы их всё-таки вскрываете? Ты мне опять всё врешь, Оля, ни дня не даешь прожить спокойно, чё-нибудь да устраиваешь. Да понимаю я, что тебе некогда, вот и не звоню поэтому, но в выходные-то можно время найти поговорить. Вон мне Нинка каждое утро приветствие по WhatsApp шлёт, и ничего, находит же время. А вообще телефон теперь весь картинками её дурацкими забит, и тут на днях и WhatsApp открыть не смогла, в салон связи пришлось идти, на углу тут у нас есть, такой, знаешь, маленький. Я ещё туда хожу платежи по системе «Город» передавать. Там девушка хорошая работает, она мне всё показывает, сама потом передаёт, говорит, да вы не беспокойтесь, приходите в следующий раз, я вам снова всё сделаю. А тут её чё-то не было, парень молодой был, такой, он мне сразу не понравился, уткнулся в свой компьютер и даже не спросит, что к чему. Про память мне начал там объяснять, спрашивает, а я разве знаю, что ли. Вы мне, говорю, молодой человек, помочь просто можете, я пенсионерка, живу одна, ничего в этом не понимаю, а он мне опять давай про память, про видео, про изображения, я же не знаю, где они тут хранятся. Ну долго я у них пробыла, пока он настраивал, всё что-то нажимал, нажимал, я ему говорю, телефон-то потом работать хоть будет, а то вы мне удалите сейчас всё.

А Нинка тут мне по утрам звонить стала, делать ей нечего, вот и звонит. И трепется, и трепется. Я уж ей и так говорю, и намекну, а ей хоть бы хны. А что, самой делать нечего, одна живет, а у меня дел вон сколько. А ты хоть работаешь-то в маске или опять так, без всего? Поди домой поздно, доченька, приходишь. А за Викой кто следит? Покушала она чтоб, а то всё всухомятку булки таскает. Всю жизнь учим, а тебе всё наплевать. Так всю жизнь наперекосяк и получается. С дочерью сладу нет, и работы нет, что это, разве это работа, путного ничё из тебя не получилось.

– Я не поздно домой прихожу, мам.

Я туда вообще не прихожу.

Молодую семью, что пришли на опознание, но никого не опознали, сразу отселили на второй этаж, там у нас музей, кабинеты, я пожертвовала диван, оказалось, он разбирается. Моемся мы в секции по очереди, хорошо, горячую воду не отключили. Аленький цветочек наш спит в регистратуре на кушетке, у санитаря своя каморка, в лаборантской два кресла раскладных, еще двоим нашим передали раскладушки из кардиореанимации, для родственников предназначенные, а я, как японцы, сплю на полу, раскатываю матрас каждый вечер, по утрам собираю. Входы перекрыты, у крыльца, где лестница в окне, нам оставляют передачи.

Жизнерадостная девчушка, промолчав почти два дня, с грохотом носится по коридору, топает, смеётся, визжит, видимо, мама с папой тоже бегают вместе с ней, в догонялки играют, потому что нам на первом иногда на головы сыплется известка с потолка. Я разрешила девочке открыть все шкафы, достать сухие экспонаты из нашей коллекции. Кости с повреждениями, пули, удавки, самодельные орудия убийств. Ножи все тупые, пулями можно и пожертвовать ради счастья ребенка и спокойствия взрослых. Вообще, у нас там много интересного. Есть пространственные модели мест происшествий с мумиями, эти две комнаты молодая мать категорически отказалась открывать. Есть личные вещи корифеев – печатные машинки, микроскопы, наборы инструментов, говорят, их названия звучат, как музыка, для непосвящённых. Нож большой ампутационный, роторасширитель, пинцет лапчатый, скальпель брюшистый, нож реберный, распатор, кусачки... Сегодня любопытный ребёнок разбила влажный препарат печени с воротной веной, в которую опухоль по мелким кровеносным сосудам проросла из органа. У молодых родителей сдали нервы, позвала их в наш бар. Спасибо добрым людям, превратившим морг то ли в алтарь, то ли в капище, запасы за штorkой не иссякают.

На собрании решаем, что хватит бездельничать, от безделья срывает крышу. Точнее, решаю опять я, хотя мама всегда гово-

рит, что решений принимать я точно не умею, за себя постоять не умею, я ничего не умею, а в моем дерьме и уметь ничего не надо, считает мама.

Неделю мы уже просидели, надо продержаться еще одну, инкубационный период две. Вот и проверим, заразил ли кто-нибудь несчастный Витя, за которым теперь никто не придёт. Когда откроют морг после вынужденного карантина, перемороженного Витю отвезут в крематорий, распоряжение правительства Москвы.

Я раздаю всем тряпки, вёдра, дезинфицирующие средства, швабры. Завтра суббота, по довирусным планам общий весенний субботник. По всей стране. Вот и проведём.

Молодая мать натирает до блеска окна, её муж взгромоздился на стремянку и протирает огромные круглые плафоны на потолке, еле трупным ростомером достаёт. Это обычная палка с делениями. Мы с Аленьким цветочком лазаем по холодильникам, мы маленькие, удобно, сейчас на весь морг у нас один Витя, он занимает целый холодильник, его я опечатала. В санитарской я нашла ключи и хожу теперь со связкой на поясе, а ночью кладу под подушку, привязываю к руке. Ключи от входных дверей, от приёмки, от шкафов с СИЗами и инструментами, от сейфа для уголовных дел, который теперь пуст, от холодильника с вещдоками – тоже пуст, от холодильника с едой – туда я на третий день сама замок навесила. У Аленького цветочка в регистратуре стоит сейф с кучей денег, которые родственники платили за похороны, инкассации не успели сдать, но об этом знаем только она и я. Ключи от денежного сейфа спрятали в глубине холодильника с Витей, под самым нижним поддоном, никому в голову не придет туда лезть.

Ночью говорила по скайпу с Вадиком, Вика пишет по WhatsApp, закидала мемами и вирусными видео из Ютюба. Вадик какой-то серый, уставший, волосы отросли, давняя плешь на темени так и просвечивает, а по краям её торчат в стороны завитки и кудряшки. Кажется, они что-то не поделили с Викой, но поддерживают перемирие.

Нет, ты представляешь, они пришли ко мне домой, оставили какой-то пакет под дверью и стучали, пока я не взяла. Потом они разговаривали со мной через дверь, я уходила, не хотела ничего им говорить, пакет оставила в коридоре, потом хотела выбросить, а они всё стучали, звонили в звонок, топали в подъезде, соседи вышли напротив и сверху. И даже в мегафон со двора, в этот, громкоговоритель кричали. На весь двор! Ну, в нашем дворе не одна же я в группе риска, так, оказывается, почти все сразу эти тесты согласились сдать. А я что, как сдам? Меня потом в больницу запрут, а я же совсем одна, и как я буду?! Но они, представляешь, ходят вчетвером или больше даже, я четверых видела. Короче, пока я этот тест себе не сделала, они не замолчали и не уходили. Там коробочка такая прозрачная,

– Это стерильный индивидуальный бокс, мама.

штука такая, цилиндрическая, там внутри как клей какой-то, и палочка с ваткой на конце, этой ваткой надо в горле и в носу помазать и в этот клей засунуть.

– Пробирка, мам, это с питательной средой.

Ну чё делать, сдала я, уже соседи кричат на меня стали. Я на них так не кричала, когда они мне в комнате затопили, пятно жёлтое до сих пор на потолке, расползлось, и не сведёшь. А тут разорались все, а я одна, и никто мне помочь не может. А я открыть сначала эту коробку дурацкую не могла, так прям её закрыли плотно, что я аж ноготь сломала, и так маникюра никакого уж сто лет не делала, а теперь вообще с обломанным. А трубка эта раскручивается, оказалось, как-то непонятно, я еле раскрутила. И объяснить ничего толком не объяснили, только кричали в этот мегафон.

– Мама, какой результат?

Вчера на наших глазах двое напали сзади на курьера прямо у дверей, въехали арматурой ему по голове – мальчик правым боком с велосипеда повалился – спиздили сумки с едой, большой заказ был. Наши кинулись спасать, догонять, я вовремя их перехватила. Позвонили в соседний корпус, а они травмы не бе-

рут. Они вообще никого не берут, кроме вируса. Вызвали скорую, скорая ехала пятьдесят шесть минут, у нас подстанция под боком, а ни одной машины, все вирусных возят. Что я должна была сделать? Папа этот молодой всё хотел вырваться, помочь. Ключи я успела спрятать, ни за что не догадаются. Они обыскивали меня по очереди и все вместе, перевернули всё в кабинете, на окнах у нас решётки. Я не сопротивлялась, сама предложила. Зато было чем занять время.

Скорая отказалась забирать труп, в который превратился курьер за пятьдесят шесть минут, трупы теперь в последнюю очередь увозят, как освободится машина. Выпустить своих я уже точно не могла, они бы разбежались вместо того, чтобы загнать тело к нам. Позвонила знакомому фельдшеру, бригада ехала со смены, ребята послушали меня, увезли. Какой-то урод заснял дроном пляски святого Витта вокруг жёлтой куртки с красными потеками и вывесил, естественно, в интернет. Сколько раз я возблагодарила саму себя, блядь, что не пустила этих придурков никого! Хорошо бы смотрелись сотрудники морга на карантине, которые шляются по улице. Полиция по нашему вызову так и не приехала.

Я тебе сейчас фотографию чего они мне прислали кину, сама разберёшься, я в этом абракадабре ничего понять не могу. Писали бы хоть по-человечески.

– Мама, положи бумагу ровно, половина в кадр не влезла, результаты ниже записаны. Мама...

Мама научилась пользоваться видео. Пока у нас снег с дождём, в Челябинске стаи скворцов на солнце, мама разглагольствует о своих яблонях в саду, оставшихся без присмотра, прививать и обрезать ветки нельзя, сокодвижение. У мамы на диване в ряд мужские костюмы, на дверцах раскрытого шкафа висит пальто и плащ, вдоль дивана выстроены в ряд ботинки, туфли, сандалии, даже валенки. На столе разложены шапка-ушанка, перчатки, кашне. Мама разбирает дедушкины вещи. Мой дед, мамин папа, умер двадцать лет назад, как раз в конце апреля. В маленькой комнате есть встроенный шкаф, кладовка с туги-

ми дверями, крашенными белой краской, полная тряпья, я давно предлагала маме её разобрать: вещи раздать, выбросить, а перегородки снести. Зачем мама достала дедушкину одежду и обувь – выходить нельзя, за ней следят? Мама готовится к поминкам, решила справить еще одни. Обувь и пальто она начистила, набила старыми газетами и разложила по коробкам. Для шерстяных вещей сшила под размер полотняные мешочки. Кожу натёрла кремом и отполировала моими детскими колготами, трикотаж хорошо подходит. Мама гоняет волонтеров по магазинам, собирает чеки, высчитывает сдачу. Между перчатками сервис на двенадцать персон, мама не может найти мельхиоровые приборы. Второй мамин тест тоже положительный, я не говорю ей. Со вчерашнего дня она жалуется на кашель.

– Мама, вон из моей головы!

Розы под окнами преют и сохнут. Душный аромат поднимается к нам по ночам, я открываю окна, проветривать помещения положено по СанПиНу, там ничего не написано про вирус. Наш СанПиН кочует со мной по моргу – из секции к изголовью футона, на кухню и в туалет. В секции мы теперь курим. Пожелтевший кафель не оттереть уже до блеска, мраморные столешницы потрескались, серые прожилки забиты кровью и содержимым человеческого организма, швы затерлись. Изо дня в день я заставляю своих сидельцев с лезвиями, канцелярскими ножами и скальпелями выходить на борьбу. Глубина примет времени неистребима.

После гибели курьера к нам отказалась ездить доставка, беспроводный телеграф работает исправно. Я собираю все запасы на кухне, сортирую, раскладываю, подписываю. В валовом журнале, где регистрируют тела, под жирной красной чертой, знаменующей начало новой эпохи, в столбик крупы, мясо, моющие средства, зубная паста и водка. Я не пью, не берёт. Нам скоро выходить, за оставшиеся дни обожрёмся, делиться возможно инфицированными излишками не будешь, а выбрасывать еду с детства жалко.

На Первомай штормовое предупреждение – усиление ветра, снег с дождём, ураган. В секционном зале устроили импровизи-

рованный лазарет. Поставили гробы, застелили постели, подушки набиты опилками, но спать можно, мы раньше после буйных пьянок так оставались ночевать. Изолировали двоих – Алёнушку и санитаря, я осматриваю их регулярно, веду дневник. Раз в сутки приходит дежурный врач. Морг который день бодрствует по ночам из-за их кашля, я проваливаюсь как убитая, хотя мой кабинет через стенку.

Мама не кашляет, температуры нет, не чихает и вообще держится бодро. У неё есть цель. К поминкам надо успеть почистить столовое серебро – всего-то один мельхиоровый набор на самом деле, – перемыть посуду и квартиру: мама планирует устроить поминки онлайн, с видео, всё должно выглядеть прилично. У мамы всегда всё должно выглядеть прилично. Даже когда она бегала выбрасываться из окна в подъезд на три этажа выше, она мимоходом в коридоре причесалась, хотя и бежала в ночнушке, но ночнушка была приличная, новая. Мы с Викой приехали в гости. До сих пор ругаю себя, что оставила плачущую годовалую дочь со старой бабушкой и побежала за матерью. Не поддаваться манипуляциям.

Они прописали мне какую-то кучу лекарств, я говорю, столько таблеток глотать не буду, у меня желудок не выдержит, но теперь врачи тебя разве слушают. Они приходят почти каждый день, или звонят, иногда даже по видео звонят. И кричат опять, что за манеру все взяли кричать на меня. Они кричат, ты кричишь всё время, Вика кричит. Всё берут кровь, заходят в скафандрах, лиц в масках не разобрать, ни черта не слышно, чего они там бубнят. Говорили бы ясно и понятно.

– Мама, ты сама кричишь на меня всю жизнь, сколько я себя помню.

Мама, мама. Опять мама.

Цветочка нашего забрали в реанимацию, Коля-санитар выкарабкается вроде. Наш карантин продлён ещё на две недели. Еду выдаю под запись, назначаю дежурных по кухне и надсмотрщиков. Одни готовят, вторые следят за ними: если что-то случится, голодными оставлю всех.

Спецбригады свозят к нам со всей Москвы трупы бомжей и неопознанных по особому распоряжению Департамента здравоохранения и городской прокуратуры. Нас, экспертов, трое. Вскрываем с перерывом на сон. Очень удобно, далеко ездить не надо, сколько времени добавилось. Тела кладём в холодильники по два на полку валетом, до окончания карантина их не вывозят. Боюсь, скоро холодильники закончатся. Одного уже подложили к Вите.

Я научилась дремать по три-четыре часа. Молодая семья которой день не спит, я слышу их ругань по ночам. Под утро меня будят соловьи. Я никогда не могла отличить их голоса, а теперь откуда-то точно знаю, что это они. Сухие перещёлкивания погремущек, натуральное кваканье, барабаны, свист, дудки, а потом протяжная трель.

Никак в этом году не зацветет черёмуха. В больничном парке есть несколько высоких деревьев с раскидистыми, густыми кронами – стоят пустые.

IV.

Мы даже не знали, что по Москве передвигаться теперь можно только по пропускам. Шестнадцать знаков, код из заглавных латинских букв и цифр. Нам после карантина, говорят, такой пропуск не светит. Разрешат уйти домой, а дома нужно отсидеть ещё две недели. Алёнушка наша в реанимации, её муж прислал ролик, тайком снял, как люди в скафандрах крепят камеры слежения напротив их квартиры и монтируют сигнальные маячки на входную дверь.

Маму забрали в больницу, она выкашляла на доктора серо-жёлтую вязкую слизь, её сразу увезли. Вика призналась, что мама дозвонилась до неё, Вика ответила спросонья и, разозлившись, что разбудили, брякнула, не подумав, что я не живу дома. После этого маму скрутил приступ кашля, соседи вызвали скорую. Наверное, к лучшему.

Завтра ждём дезстанцию, обработают всё здание, что-то, предупредили, сожгут. У наших постояльцев оживление. Все

прихорашиваются к приходу гостей, в секции очередь постирать и помыться. У выздоровевшего Коли аншлаг – трупный циркульник всё лучше, чем никакого, Коля на стене пишет несмываемым маркером, каким обычно нумерует тела, кто сколько и за что ему должен, ведет запись клиентов на завтра. Выбор услуг широк: от простой стрижки и бритья бороды и усов до педикюра с покрытием – независимо от пола, коррекции бровей, ресниц и макияжа.

Пока супружеская пара у Коли на приёме, я нянчусь с их ребёнком. Девочка капризничает, хнычет и дерётся. Честно говоря, у меня единственное желание, чтобы она заткнулась. И я решаюсь на запрещенный прием. «Пойдем, – говорю, – я покажу тебе кое-что интересное, только ты маме не говори, хорошо? Это будет наша тайна». Я привожу её в запертые комнаты с макетами и мумиями. Макеты из папье-маше, мумии настоящие. Варвара Семёновна, девяносто один год. Маленькую, сухонькую в прямом смысле старушку нашли, когда собрались сносить двухэтажный деревянный барак тысяча девятьсот двадцать девятого года постройки в Узком. Ходили по квартирам, собирали подписи, оповещали, а Варвара Семёновна не открывала. Нашли её в кресле с пожелтевшей газетой в руках, которая рассыпалась тут же в клочки. На столе под скатертью с бахромой стопка чеков двухлетней давности, помеченных галочками. Свет отключен, лужа вокруг холодильника давно засохла. В складках юбки, в заплетенных волосах, под воротником мужской рубашки – от мужа, видно, осталась, – буро-коричневые чешуйчатые куколки, пустые хитиновые оболочки насекомых. Кожа дубленая, приросла к костям, в черепной коробке серая сыпучая труха, чихнешь – разлетится.

Ребенок нисколько не пугается, а приходит в восторг, перестает истерить и просит одну «куклу» взять поиграть. «Я тебе тоже расскажу тайну, ты моей маме не говори, – шепчет она, – мама с папой завтра сбежать хотят, когда эти придут выжигать тут всё». За игры с мумией я выясняю подробности. Меня трясёт, но есть время подготовиться. Бесславные ублюдки. Кук-

ла девочке надоедает, ручки-ножки не двигаются, и таскать тяжело.

Всё всегда случается невовремя. Назавтра меня как раз допрашивает следователь по делу девушки, которая упала из окна несколько лет назад. Допрос происходит в Zoom с записью в облачное хранилище. Диане исполнилось двадцать пять за два дня до падения. Её обнаружили прохожие на асфальте у крыльца. На козырьке подъезда застряла одна тапка, вторая повисла на ветке ясеня. Сто тридцать восемь дней её пытались спасти. За сто тридцать восемь дней Диана ни разу не пришла в себя. Метр восемьдесят четыре, узкие плечи, широкие бёдра, атлетического сложения, Диана, несмотря на небольшую высоту – всего лишь второй этаж, – сломала всё, кроме черепа и ключиц. Жила одна, лечилась от депрессии, мать скрывала от родных её съёмную квартиру. Не проговорила ни разу за время лечения и дурачила всех ещё месяца полтора после смерти. Следствию она тоже морочила голову. Наконец полиция что-то нарыла, что доказывало её вину, так что сейчас отпираться бесполезно. Это только в кино сыщики сразу отличают, сам человек бросился или столкнули его, а в жизни я установить не могу, если, конечно, у падшего не торчит нож из сердца или топор из головы.

От мамы пришло, чтобы я помянула свою троюродную прабабку, мамину неродную бабушку, которая жила вместе с ними, когда мама была маленькой. Кашель у мамы прошел, жар спал. Опять поминки. Это всё, что держит маму в этом мире. Она даже в больнице сварганила кутью: изюм запасла из дома, а рис принесли на завтрак.

Меня скоро выпишут. Слава богу, эту гром-бабу, соседку мою, выписали, я полдня одна была. Так плакала, такая тоска. Никого нет, хотя бы мы в одном городе вместе жили, всё были бы рядом. Сегодня, думала, уже попаду домой, тётечку помянуть, да вот не выпустили. А ты сама, конечно, никогда ничего не помнишь, пока тебе не скажешь. На всех наплевать. На меня-то уж точно, в первую очередь. Тебе лишь бы я сдохла поскорей.

На допросе мне показалось, что с крыши упал снег. Лавина сошла с крыши. Точно показалось. Два человеческих тела не могли так грохотать, лететь недалеко с родного морга. Ключи от лестницы они всё-таки у меня стащили. Хорошо, ребенка не тронули. Уёбища.

V.

Завтра, первого июля, откроется мой цифровой пропуск, меня наконец выпустят на работу. Всё это время мы с Вадиком и Викой просидели дома. О смерти мамы я узнала четыре дня назад. Мама умерла еще в мае в больнице. Звонить туда бесполезно, информацию о состоянии пациентов не выдают по телефону, а внутрь никого не пускают. После смерти делают несколько тестов на вирус, перепроверяют и только потом разыскивают родственников. Вирусных запрещено хоронить, их кремируют, а прах утилизируют как особо опасные радиационные отходы класса «Д».

Когда произошёл взрыв в Чернобыле, мама возила меня в Одессу в кардиологический санаторий. До восемнадцати лет у меня подозревали порок сердца, но проверить могли только на открытом сердце, мама всегда отказывалась от операции, но активно меня лечила, доставала путёвки, таскала на обследования. Мы прилетели в Одессу на следующий после взрыва день, не знали ничего. Жили в двух трамвайных остановках от Аркадии, а накануне Дня Победы хотели прогуляться на катере. Облако как раз гнало ветром в нашу сторону. Пляж и порт закрыли. В санатории нас обыскали, а когда мы вернулись, заставили надеть платки и сидеть в комнатах, закрыть окна и не выходить на балкон. А потом привезли детей из Припяти, с нами за стол посадили девочку, не помню, сколько ей было лет, она не ела ничего, а потом совсем пропала. На её фоне я, которую упорно пытались выкормить мама с бабушкой, казалась обжорой.

Молодые родители давно пришли в себя, выживут, уже понятно, всё-таки у нас второй, хоть и высокий, этаж. Их дочку, пока они в больнице, воспитывают всем моргом. Девочка кочу-

ет из одной домашней изоляции в другую. Проводится проверка по факту причинения ТЯЖКИХ телесных повреждений. Я отвечаю головой, выговор уже объявили, от работы отстранили, теперь возвращают, работать некому, болеют, а дело, скорее всего, закроют. О продлении карантина сообщают каждый день в восемнадцать часов по московскому времени.

Курагу есть надо, гранаты, орехи, изюм. Бабушка делала тебе закуску такую, на мясорубке прокручивала, ещё мёда добавляла, а ты нос воротила. Теперь даже сделать не могу, а ты меня никогда и не слушаешь. Кому нужен твой медицинский? Вон медицина твоя везде ни о чём. Выходит, на самом деле бессильна. Эти выжили, те умерли – как так?

– О, мама, проходи, садись.

Бутылка минералки пенится, вода льётся на меня, на стол, на пол. Вика не хочет учиться летом и решила остаться на второй год. Черёмуха так и не зацвела. Я ненавижу поминки и не буду их проводить.

Автобусы ходят по расписанию, пассажиров запускают по счёту, как цыплят, я с непривычки стою на остановке уже двадцать минут. Редкие машины тормозят у светофора. В тонированной девятке «баклажан» открываются окна, грузинское многоголосие взрывает плавающий воздух.

Я боюсь, меня не пропустят, захлопнутся турникеты в метро, проверяю проездной на жёлтом светящемся круге – загорается ярко-зелёная галочка. Путаю переход, отвыкла, уезжаю не туда. Телефон не берёт, поднимаюсь наверх позвонить, что опаздываю. Лысый рабочий в форменном оранжево-синем комбинезоне тащит заградительный щит к моему эскалатору. Я кричу ему, бегу наверх, тяжело, машу сумкой, в груди жжёт. Я утыкаюсь в щит, и эскалатор рывком останавливается. А дальше я ничего не помню.

Алексей Чмель*

Стены

Чтобы писать, мне нужны стены. У всех свои причуды: запах гнилых яблок, ноги в холодной воде, стоячая конторка, крепчайший кофе, три утренних часа, прогулка с диктофоном, папиросы определённой марки. Роулинг писала первого «Поттера» в кафе, качая люльку с малышом.

Мне нужны стены. Ничего лишнего на столе. Покой. Мне нужно то, чего никогда не было.

Первую историю я сочинил, когда гостил у бабушки в маленьком приморском городке, – про медный пятак, который путешествует из кармана в карман, из кошелька в кошелек и беседует с другими копейками и рублями. Думаю, я подсмотрел эту историю. У бабушки в углу стояла этажерка с проигрывателем пластинок на 78 оборотов и истрёпанными стопками журнала «Вокруг света», которые я перечитывал каждый год; наверняка в одном из них. Я писал в тетради простым карандашом, потому что шариковая ручка противно нагревалась в жару и измазывала весь мой труд. Я едва умел писать, но что-то толкало под руку. Нет, не так. Было что-то острое и новое в том, что вот я сижу на крыльце, на деревянных ступенях под солнцем, и из ничего появляется живой говорящий пятак. Его только что не было – и вот он есть. Ладонь моя пуста, в ней нет пятака. Но он есть. Я смеял-

* Мастерская Елены Холмогоровой «Лучшие слова в лучшем порядке»

ся. Бабушка бросала поливать ромашки и бульденежи, смотрела на меня и качала головой.

Никогда не сказав ни слова – она не понимала, что я делаю. На море бы сбежал с ребятами, а он сидит. Жмётся к стене, когда нужно пройти мимо него на крыльцо, и всё выводит свои каракули.

Стен у бабушкиного дома словно не было. Июльские грозы сотрясали его, как халупку сказочного поросёнка, мягкие груши шлёпались на порог, на столе всегда стояли свежие ромашки – с букашками, которые не успели сбежать, а дверь не закрывалась весь день, и лёгкая занавеска любезно впускала ветер в крохотную кухню. Сад был моей гостиной, черешня – мансардой, кражистое тутовое дерево с выпирающим корнем – кабинетом, виноградник – спальней, а пляж – террасой с видом на маслянистый простор Чёрного моря, где бродили, загорали и плюхались в волну нагрывавшие гости.

С годами дома сжимались. Из школы я возвращался в пустую квартиру, где стены заговорщицки молчали, пока во входной двери не поворачивался ключ. И за спиной в любую минуту мог тихо появиться кто-то, кому придётся объяснять, чем я занят, потому что дверь в детскую не запиралась. И моя особая тетрадь всегда лежала под тетрадь с домашним заданием. Наивная уловка.

Студенческий быт и вовсе смёл все границы. Без окон, без дверей. В этой ежесекундной доступности было столько лихого презрения к личному пространству, что, при всём обилии дружеских связей, сохранившихся на многие годы, общага осталась для меня образчиком антидома. Я писал ночами, до первых трамваев. Потом клевал носом на утренних лекциях или прогуливал их. И всё же был счастлив – новый город, новый мир, мои новые комнаты обширного дома. Я мог сорваться и уехать – в горы с друзьями-туристами, на электричке на дачу к малознакомым лёгким платьям, к зимнему серому морю – дышать солёным дождём. Все стены мира были мои, и все окна были настезь.

Съёмные квартиры – тоска средних лет. Чужие стены с чужим ремонтом. Деньги за следующий месяц. И не знаешь, как

долго ещё тебе смотреть на эту идиотскую картинку над не твоей сигаретой прожжённым столом. И тебя тянет в чужие страны. Стены гостиниц, прозрачные стены аэропортов. Гряда Альп за ночным занавесом снега, приглушённые туманом мостовые узких коридоров-улиц, яркие ковры импортных пляжей, ледяной мохито. Битте шён. Уи, бьен сюр. Чи ведьямо! Слова, слова, слова, которые всё сложнее запихнуть в ноутбук, всё больше вокруг лиц, огней, грохота раздвигаемых стульев, шипения подаваемой пиццы, отражений в автобусных окнах, радужных дорожных карт. Суетливые зазывалы тянут за рукав, они в каждой твоей комнате, за каждым углом, ты всем нужен.

Три месяца, подаренные миру китайцами, я терзаю белый экран. Ни слова. Меняю шрифт, меняю цвет бумаги. Меняю текстовый редактор. Убираю лишнее со стола. Ищу фотографию, которая меня вдохновляла. Ни слова, ни слова. Пять копеек – это сколько было бы теперь?

Где все эти города. Мне страшно, что они вымерли. Я выпивал их залпом, я пресытился и не мог уже выносить, но теперь они мне так нужны. Аэропорты прощают мне отсутствие слов на экране ноутбука, без них этот адский девайс ревёт мне в лицо каким-то жутким чудовищем из детского сна. Злобная микроскопическая тварь прервала все авиалинии – и мир исчез. Даже то, что я вижу из окна своей квартиры, едва ли существует. Грозу почти не слышно за стеклопакетами, на кухне сохнет купленный до локдауна букет ромашек. Мелких, не как те...

Я уронил чашку и, ломая ногти, отковырял крышку ноутбука. Гугл-мапс. Искать... С высоты птичьего полёта падаю на ту самую улицу. Клик... клик... Давай же! Вот он, но с этой точки плохо видно. На зелёной дощатой стене дома, почти скрытого старой черешней, белые буквы и номер телефона.

– Алло! Алло! Здравствуйте! Простите, я, кажется, вас разбудил... Простите, ради всего святого, это очень срочно. Вы ещё продаёте дом?

Александра Яковлева*

Дочери Синей Бороды

1.

За пять минут до десяти включают сирену. Женский голос из динамиков вежливо сообщает: «Внимание! Ровно в двадцать два ноль-ноль начинается комендантский час на всей территории города. Убедительная просьба немедленно вернуться в свои дома. Повторяю...» Слова этой считалочки я знаю наизусть. Ровно в десять все, кто не спрятался, будут виноваты.

Я перехожу на бег. От станции метро до моей ветхой сталинки около километра. За сколько вы бежите километр на каблучках? Я – за пять минут.

Те, кто побогаче, живут ближе к станции, а значит, точно успеют. Они даже не ускоряют шага. А я бегу изо всех сил в числе других таких же нищих беглецов. Репродукторы подгоняют: «Пять минут до комендантского часа. Четыре минуты до комендантского часа. Три минуты...»

Уже у дома я обгоняю мою соседку с пятого этажа, Настасью. Она тащит на себе сумку с продуктами, прихрамывает на распухшую ногу.

– Помогите! Это детям...

* *Мастерская Александры Степановой, Ольги Птицевой, Марины Козинаки и Евгении Спащенко «Young Adult»*

Она протягивает мне тяжелую сумку. Бежать с ней будет труднее, но я забираю продукты.

– Вы сами-то... доберётесь?

Чувство времени у меня натренированное: если она будет так тащиться, то не успеет.

– Ничего-ничего, вы бегите, – просит она с неловкой улыбкой.

И я бегу.

Когда счёт идёт уже на секунды, я наконец врезаюсь в дверь подъезда, хлопаю картой-ключом по сканеру. С противным писком дверь отлипает от магнита, и вот я внутри сырого дома, в безопасности. Я стою на пороге, широко раскрыв дверь, и кричу соседке:

– Скорее, ну!

Она же, слабо вскрикнув, оседает на землю посреди двора. Юбка задирается, и я вижу её ногу, всю в фиолетовых пятнах от колена до стопы. Над нашими головами раздаётся: «Лица, в ночное время суток находящиеся вне своих жилищ, расцениваются как потенциально опасные для детей. Убедительная просьба не оказывать сопротивления при задержании».

Когда подъезжает фургон и юноши в серых рясах вежливо предлагают моей соседке подняться и проехать с ними, она не сопротивляется, только просит, чтобы ей помогли. Двое молодых людей вносят её в фургон на руках. Третий внимательно смотрит на меня. С грохотом закрываю дверь: нет уж, я в домике.

Лев уже ждёт на пороге квартиры.

– Ну, наконец-то! – Он втаскивает меня внутрь. – Я весь извёлся.

– Привет.

– Очень устала?

Я сбрасываю ненавистные туфли на каблучке, в которых вынуждена ходить вне дома. Теперь, за закрытыми дверями, я свободная женщина. Могу делать что хочу. Икры страшно ноют, так что хочу я только лежать вверх ногами.

– А это что? – Лев забирает у меня сумку, заглядывает внутрь.
– Сосиски, молоко, сахар... Ты ограбила магазин?

– Это детям. – Я без сил падаю на диван.

– Каким ещё детям?

– С пятого.

– Вот это – детям? – Он достаёт из сумки бутылку.

– Без понятия. Наверное, тоже по детской карте отпускают.

Я смотрю в потолок. Он, как и диван, весь в жёлтых пятнах. Даже не знаю, какие по счёту мы жильцы в этой квартире и кто вселится после нас, когда однажды я не успею убежать, а на Льва настучат за индивидуальные занятия по математике с детьми. Стуки-туки, Лев!

В кухне бубнит «говорилка», крутит в записи дневные новости. Я невольно слушаю. Какую-то женщину, «ведущую безнравственный образ жизни», привязали к позорному столбу и закидали камнями «в назидание»; отряд воинствующих Детей Церкви изловил и сдал под арест нескольких человек, «пропагандирующих нетрадиционные семейные ценности»; открыто столько-то детских садов и школ; начался Великий пост, архиеп-рей прочитал проповедь, благословляя всех...

Лев приносит чай, садится рядом. Я кладу голову ему на колени.

– Знаешь, – говорит Лев, – а в той синей куртке и правда принимают за сантехника. Хотя не за педофила, как раньше. Консьержи не косятся больше, не расспрашивают.

– Хорошо, я рада.

– Ты как? Испугалась, наверное? Я всё видел из окна.

Я глубоко, со всхлипом вздыхаю.

– Ей надо было бежать быстрее, – говорю. – У неё же трое детей. Ты бы видел её ногу: все вены полопались к чертям. А я... Я даже ничего не могла...

Он гладит меня по ёжику волос:

– Не вини себя. Ты врач, а не супергерой.

– Из сумки ничего не берём.

– Конечно, нет.

– Зайдем к ним завтра.

– Договорились.

– Может, обойдётся?

– Может, и обойдётся. – Он ободряюще улыбается. – Я как-то говорил с её мужем: семья на хорошем счету, три детских карты, стоят в очереди на генетический материал Государя.

– Да, знаю. Она хотела успеть до старости, чтоб хоть у последнего ребёнка всё сложилось.

– Ладно, мы-то с тобой как?

Он кладет руку мне на живот, и я замираю.

– Что – как?

– Ты же беременна.

– Это ненадолго.

– Может, всё-таки передумаешь?

– В этой стране? Вне освящённого брака? – Я говорю это слишком тихо, но он уже читает по губам. Мы так часто спорим, что выучили все аргументы друг друга. – Если бы уехать...

– Сходим в церковь да обвенчаемся, хрен с ним.

– Тогда: «Первого – Церкви, последнего – Государю...»

– Да-да, а остальных себе. Я знаю заповеди и знаю, как ты к ним относишься. Но каждый раз, когда ты уходишь к профессору, я боюсь, что вас накроют, и ты не вернёшься.

– А я боюсь не вернуться каждый раз, когда выхожу на улицу.

Мы молчим, оба очень уставшие. В пустом доме темно. Радио наконец-то заткнулось, и слышно только, как переливчато поёт в парке одинокий соловей да где-то далеко завывает патрульная сирена.

2.

Утром Лев варит овсянку на воде: без детских карт позволить себе лишнего, тем более в пост, мы не можем. В холодильнике стоит нетронутая сумка, я стараюсь не думать о её содержимом. Мы завтракаем, обмениваясь утренним теплом: «Как спала?» – «Нормально, а ты?» – «Тоже. Что снилось?» – «Не

помню... А тебе?» – «И я не помню. Что-то про птиц». Потом собираемся и идём на пятый.

Дверь открывает отец семейства, полный мужчина в трениках, с синим от щетины лицом и удивительно не подходящим ему именем Елисей. На правом колене у него аккуратная заплата-цветочек. Елисей встречает нас тяжелым взглядом.

– Чего?

– Мы тут... Хотели продукты вернуть.

– Надо же. Ну, проходите, раз пришли.

Он отступает в темноту своего жилища, оставляя дверь открытой. Мы пробираемся следом.

Квартира точно такая же, как наша, только сильно захламлена. У порога громоздятся пластмассовые санки, ещё с зимы, вдоль стены выстроились пыльные закатки с квашеной капустой, а верхняя одежда навалена горой прямо на тумбочку. В коридоре натоптано, дорожка следов тянется к россыпи детских ботинок. В грязи лежит одинокая зелёная перчатка. Я поднимаю её, кладу к остальной одежде. Дальше мы со Львом разделяемся: он идёт за Елисеем в зал и заводит с ним негромкий разговор. Я поворачиваю в кухню.

Первое, что я вижу, – Хлебная икона в золотом окладе, со свечками по краям. Божья Матерь, простирая руки, смотрит с иконы вниз, на голый стол, за которым пьют пустой чай две девочки, сонные и непричесанные.

– Доброе утро. – Я стараюсь улыбнуться. – Меня зовут Виталина, я живу на третьем. Ваша мама попросила передать.

Я неловко приподнимаю сумку, они провожают её пристальными взглядами.

– Вы хоть завтракали?

Старшая, лет восьми на вид, мотает головой.

– Тогда сварю макароны с сосисками.

Я быстро разбираю сумку, ставлю на плиту кастрюлю с водой.

– Мы всегда кашу едим, – сообщает младшая. – Пшённую.

– А сегодня будете есть другое, потому что кашу я варить не умею.

– А я кашу хочу!..

– Молчи! – Старшая дёргает младшую за волосы.

Младшая затихает, но ненадолго:

– А когда мама вернётся?

Я притворяюсь глухой.

Подтягивая штаны, в кухню заходит сосед.

– О, холоденькая. – Он нежно прижимает бутылку, что я достала из сумки, теснит меня своим животом. – Подвиньтесь-ка, дамочка, мне бы открывашечку...

– А когда мама вернётся? Пап, когда?..

– Когда рак на горе свистнет, – бросает Елисей. – Что у нас тут, сосисочки? Это хорошо, это дело. Ты их нам потом притарань, лады?

– Я что, похожа на прислугу?

Сосед хмыкает:

– Ишь какая, дереза!

С бутылкой и открывашкой он шаркает обратно в гостиную, и до меня доносится:

– Баба твоя огонь. Огрызается. Бога не боится. Ты б её строжил хоть немного, а то потеряет всякий стыд и будет...

Я грохаю крышкой о плиту, стучу ложкой, стучу тарелками. Накладываю в каждую хорошую порцию. Пока девочки едят, кое-как заплетаю обеих. Косички, мои первые за долгое время, получаются слабые, кривобокие. Последний раз я плела себе косы еще до того, как бездетных женщин стали призывать в армию. А потом уж плести было нечего.

– Виталина хорошо плетёт, да же? А мама вечно дёргает.

Младшая болтает под столом ногами, старшая хлопает её по коленке:

– Бесов качаешь, а ну, прекрати! – Потом, когда её косы готовы, говорит мне: – Да не надо было, всё равно в школу не пойду.

– Не пойдёшь? А тебе дома точно будет лучше, чем в школе? – С тревогой я прислушиваюсь к низкому, неясному бормотанию в зале. – Если да, то, конечно, не ходи. А если нет, то...

– Просто учительница спросит, почему без мамы. И начнётся: к директору, потом ещё этих вызовут... Как их? Соцработни-

ков. И потом опеку. И нас заберут в детский дом. В общем, папа запретил.

Мы со Львом уходим второпях, неловко прощаясь, выражая надежду на лучшее. Старшая выносит на руках сонного братика, которому нет и трёх.

– Помашаи ручкой тёте Виталине, – говорит она, но малыш, застеснявшись, утыкается ей в плечо.

Сосед закрывает за нами дверь. Мы спускаемся на улицу, в холодные утренние сумерки. Близится рассвет.

– Пойдём, провожу тебя до метро, – говорит Лев. – Постарайся сегодня не задерживаться, ладно?

– Это как повезёт. У нас две плановых, и еще могут по скорой привезти.

– Ты подумала?..

Я выдыхаю тёплый воздух, и он превращается в стужу. Ночью подморозило. Больше всего я почему-то волнуюсь за соловья в парке. Нас обгоняют хмурые женщины, многие с огромными животами, и у каждой по целой грозди детей, которых нужно развести по школам и детским садам.

– Лис тут предложил... Почему-то он уверен, что его жена не пройдет проверку и всё закончится... сама знаешь, чем. И тогда детей заберут в детский дом: неполная семья, все дела. Вот он спросил, не хотим ли мы... Вернее, ты... Не захочешь ли ты провести обряд...

– Что?

– Я хотел сказать, заключить с ним освященный союз, чтобы взять под опеку всех троих, понимаешь?

Я теряю опору под ногами, спотыкаюсь о бордюр. Лев подхватывает меня под локоть.

– Сразу, как придет извещение о вдовстве, вызовем батюшку на дом, я подключу связи. Сделаем по-быстрому, по-тихому. Да не бойся, тебе не нужно с ним жить! Только по документам. Ну, может, первое время, пока проверки, придётся заходить утром, вечером... Что думаешь?

– Даже не знаю.

– Чего тут знать? Мы всё так же будем вместе, но поможем детям. Они останутся с родным отцом, а ты сразу станешь многодетной матерью – с картами, маткапиталом, пособиями и всем прочим, что полагается. И главное – можно не отдавать нашего первенца! Родишь его в браке, и по документам он станет четвертым. Лис дал слово: одна карта целиком наша, да еще будет вторая, на моего ребёнка. Вин-вин, понимаешь?

Я дергаю плечами.

– Слушай, я каждый день хожу по хорошим домам, в семьи, где восемь, двенадцать детей. Там родители работают только родителями, больше никем. Им на всё хватает. Дети – это реально выгодно. Ты подумай.

Мы выходим к метро. Лев целует меня на прощание.

– Сделаем, как сама решишь. Ты только хорошо подумай, ладно?

Я улыбаюсь, отнимаю руку, и людская река уносит меня под землю.

3.

Профессор Богомилова сидит в своём кабинете спиной к окну и заполняет карты. Официально она старший врач-гинеколог, тайно – одна из лучших городских резниц. Вечернее солнце подсвечивает Богомиловой уши, и кажется, будто ей за что-то стыдно. Но я знаю профессора еще со времен срочной службы в медсанбате, мы с ней прошли через многое в трёхлетнем армейском аду. Ей нечего стыдиться. В память о тех годах я до сих пор стригусь под машинку, а она просто делает своё дело.

Не поднимая взгляда от записей, Богомилова ласково мурлычет:

– Здравствуй, Виталина, с латинского «полная жизни»! Как ты себя чувствуешь?

– Здравствуйте, Анна Всеволодовна. Всё в порядке.

Я прохожу через кабинет, минуя кушетку и ширму, за которой прячется смотровое кресло, сажусь подле Богомиловой.

Анна Всеволодовна откладывает ручку, переплетает длинные пальцы.

– Дежурный вопрос, – говорит она. – Твоё решение окончательное?

Я глубоко вздыхаю – и вываливаю всю историю с фиктивным венчанием. Мне просто необходим мудрый совет. Она выслушивает меня внимательно, не перебивая, с кроткой, сочувствующей улыбкой, а когда я наконец иссякаю, берёт мою вздрагивающую ладонь и бережно прячет в своих руках.

– Что мне делать?

Ладони тепло, меня накрывает волной полузабытого ощущения безопасности. Кажется, даже если Богомилова посоветует покончить с собой, я соглашусь.

– Всё это очень заманчиво, правда? – говорит она. – Детские карты, можно родить малыша и не отдавать его Церкви... Но ты чувствуешь подвох. Как думаешь, в чём он?

– Елисей... Он что-то не договаривает. Как-то быстро поставил на жене крест, всё решил. Но ведь бывает так, что задержанные возвращаются.

– Бывает. Тут явно не тот случай.

– Странно. Почему?

– Вот именно.

Богомилова встаёт, подходит к окну и впускает в кабинет свежий воздух с запахом весны и шумом центральных улиц. Анна Всеволодовна смотрит на город с высоты третьего этажа Центра планирования семьи.

– Та женщина ... – говорит она задумчиво. – Настасья, правильно? Она чем-то болела? Кроме варикоза.

– Скорее всего. Ей же лет сорок пять на вид.

– И сколько у неё, трое? Плюс первенец Церкви, всего, значит, четверо, и ещё хотела государственного рожать. Бедная женщина. А муж её чем занимается?

– Не знаю. Пьёт?

– Надо узнать. Такое не провернуть без связей.

– Какое – такое?

Богомилова смотрит на меня, как на ребёнка.

– Ну, что же ты? Будто сама не понимаешь. Она старая, больная, взята с неё нечего, вот и убрали. И хотят заменить другой, помоложе, посвежее. Которой еще рожать и рожать. Не первый случай в моей практике. Ну что ты, что ты глазами хлопаешь? Вот так теперь, милая моя. Так и живём.

– Не знала... – Я обхватываю себя руками, сжимаю крепко-крепко. – Но это моё тело! Моё. Я не позволю, чтобы... Лев не даст меня в обиду. Он сказал, что всё фиктивно, только на бумаге, что мне не придётся...

Богомилова устало качает головой:

– Вита, деточка, делай, что тебе угодно. Только тебе. Не любовнику твоему, не соседу, не чужим детям. Если ваши интересы совпадают – хорошо, если нет – их проблемы. Понимаешь?

И я, кажется, понимаю. Я благодарю Богомилову и выхожу из Центра планирования на согретые апрельским солнцем улицы.

Время, что дал мне главврач на «решение проблем личного характера», я трачу не в кабинете у Богомиловой, а гуляя по парку неподалеку от дома. Последний снег, чёрный и ноздреватый, еще прячется в тенях, но уже всю тянется из земли трава, а голые ветви деревьев подернулись зеленью липких почек. Я наклоняю к себе то одну, то другую ветку, осторожно касаюсь нежных краешков листьев.

– Вот, малыш, это липа, – говорю я и нюхаю липу. – А это, наверное, вяз. А вот, слышишь? Так поёт соловей. С нашим соловьём всё хорошо. Может, и с нами обойдётся.

Сергей Алпаев*

Рыжая лошадь

Десять часов до...

Цейфер машинально потрогал торчащие волосы на макушке – час назад София решила его постричь, потому что «папа ты у меня такой молодой!» или ещё почему-то, Цейфер не понял, и теперь у него была модная стрижка-площадка, как у американского новобранца из боевика. Сквозняк приятно охлаждал кожу на голове и хотелось сидеть ровно, расправив плечи. Пока Цейфер привыкал к новой стрижке, поглаживая торчащую щётку волос, София быстро сгребла седые патлы веником, а потом выдала ему модную чёрную футболку в счёт завтрашнего дня рождения, расцеловала и усадила его заниматься с Варей. Теперь Цейфер сидел и кивал, слушая, – старая привычка сохранилась ещё со времён, когда он был доцентом на кафедре экономики и слушал студентов, кивая, даже если они несли чушь.

– Деда, а что это за линию ты нарисовал? – Маленькая Варя водила шариковой ручкой по рисунку, копируя дедушку – поджимая губы, как он, и сопя.

– Это называется график, смотри, вот сюда растёт, видишь? Тут по вертикали пончики, а внизу дни. Сколько Винни-Пух съел в пятницу?

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

– Восемь!

– А потратил монеток? Смотри, красная линия ниже. – Цейфер убрал палец и посмотрел на Варю – всегда было интересно наблюдать, как у неё упрямо поджимались губы и краснели щеки, когда она соображала.

Варя вдавила ручку в бумагу и резко провела чёрную линию, лист надорвался с шелестом.

– Восемь!

– Нет, не восемь, смотри внимательнее! – кивнул Цейфер.

– Папа, она же ещё маленькая! – протянула София через плечо, закрывая кран над мойкой.

– Шестнадцать! – Варя выкрикнула ответ прямо Цейферу в ухо, почти оглушив криком.

– Маленькая и очень умненькая! – Цейфер поднял Варю и пересадил к себе на колени. – Да, моя кроха?

– Очень умненькая!

– Ладно, ладно, это, конечно, очень важно, я помню. – София начала греметь тарелками, разыскивая что-то в шкафу.

– А папа тоже умненький? – Варя начала обводить кружками пончики, соединяя их в косичку.

Цейфер потрогал макушку и кивнул.

– Папа твой умненький тоже. Если бы он так, как ты, линии умел отличать.

– Папа!! – София обернулась, в руке была доска для разделки овощей, руки были мокрые после мытья посуды, и она снова нанесла этот дурацкий макияж – глаза подведены темной тушью, лицо бледное – как научилась краситься в пятнадцать, с тех пор никого не слушала. Губы дрожат опять.

– Деда, а что, папа не понимает, где красная, а где зелёная линия, что ли? – Варя захихикала, поглядывая на маму.

– Точно! Где красная он и не... – Цейфер не мог остановиться, хоть и прятал глаза в график. Варя вырастет, поймёт.

София громко хлопнула доской для разделки овощей по столу.

– Вот! нарежь лук колечками.

Цейфер поднял глаза, София смотрела на него и что-то тихо произносила одними губами.

– Как ты умеешь, – добавила она в голос.

– Да, я умею! И лук колечками тоже умею.

– Деда, а зелёная чёрточка почему такая?

– Это пунктир называется. Винни-Пух ещё не заработал эти монетки, видишь, пончики закончились ещё третьего мая, а по красной уже семнадцатое.

– А как же он тогда пончики съел?

– А пончики, Варя... – София выложила на доску два больших пучка зелёного лука. – Он не съел, он их хорошо спрятал на будущее, чтобы потом их стало много-много и мы купили бы домик. – Чуть поправив пучки, она разрежала кухонным ножом сразу оба поперёк, брызнув на Варю луковым соком, и придвинула доску к Цейферу, положив нож рядом.

– Решили, значит. Сами. – Цейфер вдруг решил протереть очки, густые брови всё время оставляли жирные следы на стёклах, он снял очки, взял бумажную салфетку и начал тереть стекло, отчего оно только набрало бумажных ворсинок. Он дунул на стекло, надел очки снова, но стало еще хуже, слева внизу появилось жирное пятно. Цейфер решил держаться и смотрел на Софию, не моргая.

– Наш папа – молодец – сам вложил и сам выиграет скоро! – Варя закрасивала область под графиком, превращая его в подобие весёлого существа с глазами и без рта.

– Да, вложил и закопал под деревом в стране...

– Да, папа! – прервала его София. – Решили. Это инвестиции. Люди выигрывают. И все ещё надеемся, что ты будешь жить с нами в новом доме, – добавила она, смягчившись. – Варя, не мучай дедушку вопросами, ему уже отдыхать пора.

– А мама с папой... тебе приготовили... как раз... – начала Варя, растягивая слова и поглядывая на Софию.

– Варя! Ну-ка встала, книгу в зубы и в свою комнату.

Варя тут же скулсилась, забрала книгу со стола, потом положила на колени и закрыла заглавие рукой. Над красными бук-

вами сверху было написано: «Цейфер А. Я.» и из-под ладошки выглядывал остаток заглавия – «... для маленьких умниц». Варя тихо открыла книгу снова.

– У дедушки новая книжка есть, интересная. Будем по ней дальше заниматься. – Цейфер ссадил Варю и подождав, когда София освободит ему проход, вышел.

Цейфер открыл маленькие, в половину роста, двери и вошёл на чердак. Вдоль стены слева были сложены его книги и старые вещи, дальше под окном – вещи хозяев дома, они уговорили Цейферов поддержать их на чердаке, да так и не забрали, и Цейфер в конце концов накрыл их чёрной полиэтиленовой плёнкой. Где-то здесь должны быть «Упражнения для школьников по математике» Цейфера, кандидата наук, перевезённые вместе со старыми конспектами. Хорошо, что не дал Софии оставить их там, на Краснознаменной, и настоял, чтобы упаковала перед вылетом. «Не только лук колечками, не только, – подумал Цейфер, снова проведя ладонью по модной стрижке. Волосы напоминали щётку и приятно кололи ладонь. – Может, в школах этому уже и не учат, но это все равно основы, никогда не устаревает».

Прямо за балкой торчала голова лошади. Нет, это не лошадь, это маска лошади, та самая, Варина, и не лошадь это, а пони, конечно же, разница была принципиальная.

Цейфер потянул за маску, швабра неожиданно закачалась вместе с тёмной массой под ней. Он откинул покрывало. Кресло! Кресло-качалка! Новое, еще в полиэтиленовой пленке. Завтра пятьдесят девять лет. Вот он, подарок, на который намекала Варя, кося хитрыми глазками на маму. «Значит, качалка. Буду сидеть в ней и качаться. В их новом большом доме». Голова лошади согласно кивала, качаясь после того, как её побеспокоили.

«А папа молодец – вложил и сам выиграет скоро!» – вспомнил он.

Голова затихла.

«А ты – старая лошадь, Цейфер. Ходил по кругу, кивал головой. То есть пони, конечно же».

Цейфер потянул маску на себя. Швабра упала на пол с грохотом, и он увидел, что за креслом стоит его старая гитара. Цейфер машинально потёр подушечки пальцев друг о друга – мозоли давно сошли. Взял гитару. Держать на весу было неудобно, Цейфер поставил ногу на стопку старых книг. Потом сел на них. Закрыл глаза. *Nothing else matters*. Вспомнил *anything, something, nothing* – стихок из Вариного урока по английскому. Она поймет, когда вырастет.

– Папа, ты с гитарой? Где ты её откопал? Мы думали, её мыши съели! – София нарезала петрушку для салата и заняла весь стол обрезками, а Варя сидела рядом и играла кружочками зелёного лука.

– Мыши съели, – захихикала Варя и затихла, когда София посмотрела на нее строго.

– Вот. – Он выложил на стол небольшую книжицу в желтоватой обложке.

«Надеюсь, к пятнадцати годам ты научишь её раскрывать скобки в выражении», – проскрипел внутри него ядовитый голос.

Цейфер попятился к выходу.

– Папа, ты куда?

София взрослая, а все как ребёнок, надо ей знать, куда же идёт папа.

– Я позвоню.

«Я уже вырос, большой мальчик. Сначала хостел, а там посмотрим, – подумал Цейфер, идя по коридору и бережно неся гитару, чтобы не стукнуть о мебель. – Ещё утро, например, до Франкфурта часа два, наверное. В восемь вечера на улице Zeil все только начинается. Время исполнять мечты. *Nothing, something, everything*.

Варя поймёт, когда вырастет».

...59

– Вот что бывает, когда люди теряют работу, – промямлил голос с британским акцентом. Цейфер стащил маску, чтобы ответить жёстко, что он не безработный, он просто здесь играет, и

что он, вообще-то, был на том первом концерте в 89-м, где Pink Floyd исполняли Learning to Fly, и что...

Нет, это не ему. Это вокруг барабанщика напротив столпились люди, и долговязый британец кивает головой в такт барабанному ритму – через улицу сидел музыкант в маске зайца с длинными ушами и колотил барабанными палочками по пластмассовым белым вёдрам, расставленным вокруг. Безработный соплик. Хотя получалось у него неплохо. Вначале неплохо, пока Цейфер не заметил, что барабанщик подыгрывает его песням. Вот и сейчас слышно было только барабанщика, а Цейфер сидел почти один.

Цейфер пытался играть громче, чтобы заглушить наглеца. Тот снова поймал ритм. Превратил его в энергичное соло, и люди сомкнулись вокруг. Цейферу оставалось только изучать их спины.

Цейфер пробовал взять кое-что посложнее. «Love Hurts, Nazareth должно его поставить на место», – подумал он и начал выкрикивать припев скрипящим голосом, имитируя фальцет Дэна Маккаферти. Британец повернулся, вместе с ним оглянулась девушка, которая тёрлась возле него.

Не сработало, барабанщик тут же начал партию для назаретов и оба снова повернулись к нему. «Что ты, пацан, понимаешь в этом, тебя на свете еще не было, когда они это спели», – злился Цейфер. Уши заячьей маски издевательски болтались в такт барабанным ритмам. «Цейфер и морду набить может», – вспомнил Цейфер, как ещё в армии над ним смеялись, окончательно и бесповоротно разозлился, встал и пошёл к барабанщику.

Барабанщик продолжал стучать, и чем ближе подходил Цейфер, тем грохот вёдер был громче и омерзительнее.

Цейфер подошел и стал рядом совсем близко. Барабанщик упрямо колотил по вёдрам.

– Тут на три четверти надо. Понятно? – сказал он барабанщику громко, как глухонемому, но тот продолжал отбивать свою музыку.

– Drei четверть! – Он вспомнил, что надо же по-немецки, наверное.

Барабанщик не реагировал, только вёдра тряслись от ударов. Цейфер присел на корточки рядом с вёдрами и сложил голову на руки, как гопник.

Соло закончилось, наступила тишина. Цейфер притянул к себе ближайшее ведро и постучал громко по нему ладонью без всякого ритма.

– Hören sie, заяц? – почти прокричал он в тишине и постучал еще раз, громче.

– Я иду, иду, – послышался голос рядом, и быстро, запыхавшись, подошла женщина лет шестидесяти, в модном берете и со спортивной сумкой. Поставив сумку на парапет, она спросила: – Миша, что тут у тебя?

Барабанщик снял маску, и Цейфер тут же встал – на него смотрел немолодой мужчина и улыбался, в уголках глаз собрались морщинки. «Отличная стрижка – площадка, ровная такая, как после салона, – подумал Цейфер и машинально потрогал свою щётку волос. – И седой, волосы почти белые».

– Арон Яковлевич Цейфер. Вот я тут играю, рядом. Рок, такое, – представился он нерешительно женщине.

– А я Лида, мы с Мишей тут каждый день музицируем.

– А Immigrant Song можете? – произнёс барабанщик вдруг. – Я вот разучиваю, не могу пока взять точно.

– Так там в слабую долю надо, кроме последних четырёх тактов, и бит по малому барабану, а у вас...

«Вёдра» – хотел сказать он, но вовремя замолчал.

– А вы тоже тут играете, значит? И мой вот колотил по своим вёдрам дома на веранде. Я его сюда выгнала, чтобы не шумел. А ну, дали тебе хоть что-то? О, три евро, и то хлеб.

Цейфер молчал и смотрел, как барабанщик пытался крутить палочки между пальцев.

– Ну а мы тут играем, значит, – продолжала Лида, – дети дом купили и уехали. В дыре, час на электричке отсюда. А мы снимаем, не стали с ними, нам поближе к городу надо. Большой дом у них, они и комнату нам выделили. А мы остались.

– Ладно, я пойду. – Цейфер вдруг забеспокоился о гитаре, что осталась на его месте.

– А мы подумали, что вы сердитесь на нас. Тут до вас играл один. Еле разняла. Ведра летели по всему Цайлю.

– Лида! Он сам получил. Еще и мало. Фальшивил, как старая кастрюля.

...и один месяц

Цейфер сел ровнее. На взятой из хостела подушке сидеть было удобно. Посидел так, медитативно провожая взглядом прохожих сквозь дырочки маски. Мимо идут люди по своим делам. Сейчас он заставит их останавливаться. Он проиграл первые ноты *Nothing Else Matters* и запел.

Нет, совсем не тот голос. Скрипит, не тянет. Дома на чердаке акустика была как в органном зале. Здесь, на улице, себя не слышно за шорохом ног и галдежом прохожих.

«Почему они так шумят? Я приехал к ним, сижу, пою и играю для них. А они идут мимо. И шумят».

Цейфер перестал петь. «Все, отдыхаю три минуты», – сказал он себе строго и снял маску, подставив вспотевшее лицо майскому солнцу.

– Папа, смотри, это дедушка в маске лошади был!

– Смотри, дорогая, дед – рок-звезда, сейчас выдаст что-то.

Цейфер быстро надел маску снова и застыл, ожидая, пока любопытные поймут, что ничего не происходит, и пойдут по своим делам, потом снова взял гитару в руки. Хорошая вещь – маска. Никто не знает, что тебе пятьдесят девять, если ты, например, рыжая лошадь.

Барабанщик перестал стучать по своим ведрам. Цейфер поднял голову – маска лежала рядом, на парапете на клетчатой клеенке стоял термос, и Лида раскладывала бутерброды. Потом она наполнила два походных стаканчика и один дала барабанщику. Он приподнял стаканчик, делая знак Цейферу, как будто выпивая за его здоровье.

Цейфер снял маску, поднялся и подошёл к барабанщику.

– Не в 85-м, а в 89-м они это пели. Мне тогда тридцать было, а ты только курить учился.

– Слушай, Цейфер...

– Ты проспорил, значит.

Женщина взяла один бутерброд, поправила половинки хлеба, положила сверху ещё кусок колбасы и протянула Цейферу.

– Как ваша Варя, к школе готовы уже?

– Ага, так трудится! Звонила вчера по скайпу, умножение уже знает! И читает, сорок три слова в минуту! – Цейфер постоял, ожидая восхищения и расспросов, но они молчали.

«И у мамы с папой тоже все хорошо». Цейфер сел рядом на парапет так, чтобы видеть гитару, и достал телефон. Уведомлений не было, и он засунул его снова в карман.

Марина Бертельсен*

Вотс ап, карантин?

Как ты делаешь это?

Что?

Ну, сердце! Оно пульсирует.

Не знаю. Не спрашивай. Я вообще не знаю, как всё это работает. Просто нажимаю на сердечко, и всё.

Как дела?

Сидим.

Мы тоже.

А новости?

Говорят, до конца апреля.

Знаешь, а мы привыкаем.

К чему?

Не знаю ещё, но мне начинает нравиться. Тихо, немногочеловечно, не надо выстраивать планы, спешить.

А я бьюсь об стены. Но не специально. Мне кажется, я расту. А комнаты уменьшаются.

Я довязала плед для дивана. Очень большой и уютный.

Мы ругаемся каждый день. До стука соседей. Если б не дети...

А мы редко выходим из комнат.
Ой! Я побежала пирог вынимать!
А я к сериалу. Звони.
Сердечки, сердечки, сердечки

Ты слышала?!

Слышала.

А читала?

Читала.

Ох! Что же будет?!

Йогу не пробовала? Хочешь, скину

Неее, не мое. И коврика нет.

А для лица? Это нововведение, просто чума!

Я ногти сама покрасила. Плачу.

Ну, не плачь, сотри и покрась прозрачным. Я обстригла свои, ну их нафиг!

А волосы! Волосы – просто ужас. И салоны закрыты!

Песня – восторг! Луис Фонси. Послушай. Я танцую часами.

Диспасито? Счастливая. Мне не танцуется. Не моё.

Лови анекдот! Описашься!

Фу! Мне бы твоё настроение.

Тогда лови сердце!

Чего не подходишь?!

Была занята... уф!

Чем?

Да трахались, извини за подробности.

Ну, вы даёте, кролики... Впрочем, дурацкое дело нехитрое.

А дети куда?

Вчера – с игрушками в ванную, сегодня – по айпаду им в руки и электронную бабушку.

Читаю Томаса Манна. Читала?

Нет. А про что?

Тебе не понравится – сложно, извини за мою откровенность.

То есть я – дура?

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

Нет-нет, что ты. Я тебя очень ценю. Правда.
Верю! Побежала на кухню. Дети дерутся.

Привет. Как дела?

Я тесто поставила. Теперь хочу кресло. Цветники переделываю. Погода – потряс!

Кресло? Какое?

На верёвке, крутящееся, на балкон, уже заказала в Икее.

Зачем тебе кресло? А если лета не будет?

Будет. И кресло, и лето. Что с настроением?

Ничего.

Я вижу. Твои буквы звучат очень грустно.

Надоело быть несвободной! Ни театров, ни выставок, ни гостей. Социальная жизнь скончалась. Квартира как камера на двоих.

Ваших хором хватит на дюжину. Кросс устраивать можно.

Мы друг с другом молчим. Представляешь? Хорошо, хоть шевелимся.

А мне некогда полежать. Дети вроде притихли, могла бы... но кто будет готовить им ужин... завтрак, обед.

Не надо о грустном. Я пытаюсь бодриться. Вот, поправились. Ем и ем.

Я тоже. Плевать. Похудеем. Мужу нравится, говорит, есть за что ущипнуть.

Ты все-таки сумасшедшая. Неужели тебе все равно?

Мы маски шьём. Хочешь выкройку?

Нет, спасибо. Мы не выходим наружу.

А мы не себе. Волонтерам. И руки занять. Может, кину тебе рисунок?

От новостей депрессия и паническая атака. Жить не хочется. Таблеток плотнуть?

Хочешь, приеду?

Тьфу-тьфу! Сиди дома, опасно.

У меня антивирус. Врожденный. Прабабка перенесла малярию.

(Чего не придумаешь ради дружбы. А может, и правда, была прабабка?)

Не стоит. Спасибо. Сказала же, пытаюсь бодриться.

Тогда лови сердце!

Как ты делаешь это?! Оно все время пульсирует.

Александра Бруй*

«Чёрное рабство» жёлтого цвета

История позапрошлого столетия о спасении в тюрьме

Марья держит в руках медицинский билет, на листках которого в столбик проставлены кудрявые врачебные отметки. Вчера ей исполнился двадцать один год. Сегодня о ней появилась запись в государственных бумагах. Поэтому завтра её жизнь изменится.

Родом из Новгородской губернии, Марья Романовна Савинова теперь жила в Петербурге. До той записи она продолжала бы опостылевшую работу и, как прежде, забирала бы одну часть полученных денег себе, а три четверти отдавала хозяйке: за комнату, обед, содержание.

Теперь она сидит у стола в городской полиции и пытается прочитать сделанную о ней в распластанной книге пометку. Буквы вверх ногами, и всё-таки по слогам удастся «схватить»: «1870... Ноябрь... за кражу денегъ къ тюремному заключенію».

* *Онлайн-курс Екатерины Ляминой и Алексея Вдовина «Нон-фикшн»*

Долг Madame

Книга, лежавшая перед Савиновой, – обычная ведомость. В ней сказано, что происхождения Марья – мещанского, а по роду деятельности – публичная женщина. Украла она небольшую сумму, всё верно, кажется, рассчитав. К примеру, токарь Савельев стащил 3 биллиардных шара из трактира и «присужден к заключению на четыре месяца». А солдатская вдова Авдотья Никифорова за прошение на улице милостыни – на три недели. Марье нужен был месяц или больше – чтобы содержательница борделя перестала её искать, трясти кулаками и требовать возврата ею навязанных долгов. Конечно, на дворе 1870 год, и есть закон, в котором сказано, что денежные претензии содержательниц не могут служить препятствием к оставлению борделей. Но в нём же и про сытые обеды, и про башмаки, и про платья – обеспечивать и кормить, оберегать и не притеснять. На самом деле, всё сложнее, и Марья решила на воровство. Долг Madame эти деньги не покроют, но отдавать она их и не собиралась.

Дом терпимости

В Петербурге в середине XIX века, как и во всей дореволюционной России, открыть бордель и нанять девиц на работу может любая женщина от тридцати до шестидесяти лет. Бюрократии почти никакой: снять помещение подальше от школ и церквей, получить полицейское разрешение и быть готовой предъявить медкарточку каждой девицы при проверке. Все нюансы благопристойного ведения хозяйства публичного дома еще в мае 1844-го подробно разъяснят в циркулярах МВД и назовут «Правилами для содержательниц домов терпимости». По этому поводу литератор Николай Греч напишет другу Фаддею Булгарину: «Доктора здесь в отчаянии. <...> Перовский¹ издал постановление о борделях...».

¹ *Перовский, Лев Алексеевич – с 1841 по 1852 г. министр внутренних дел Российской Империи*

Позднее, в 1861 году, Правила выйдут в новой редакции, расширятся и как будто ужесточатся. Теперь задумавшая предприятие женщина может быть не старше пятидесяти пяти и должна иметь справку о собственной благонадежности (подтверждают в местной полиции). Этот документ вместе с паспортом она относит во Врачебно-полицейский комитет и уже здесь получает «пакет документов» на право ведения деятельности: разрешительное свидетельство, казённый формуляр для списка сотрудников и уже обновлённую памятку-правила зарегистрированного работодателя.

В них, например, предупреждают, что за побои женщин или неявку последних к медицинскому освидетельствованию содержательницу посадят в исправительное заведение. Перевоспитание и все сопутствующие ему расходы придется оплатить самой.

В том же 1861-м денежные отношения между хозяйкой и девицей можно фиксировать в расчётных книжках. Деликатная рекомендация об этом также появляется в Правилах. Бухгалтерия ведётся с двух сторон: поступления и расходы вписываются столбиком, и раз в неделю хозяйка и работница демонстрируют их друг другу. Такая отчётность обещает уравнять права нанимающего и наёмника, а в спорных случаях предоставит полиции «право на разбор». Примечательно, что белая бухгалтерия фактически обрекает на «чёрное рабство» из-за формулировки в Правилах: «Содержательницам дозволяется принимать к себе женщин... *не более как на год.* <...> Денежные претензии... не могут служить препятствием к оставлению... борделя во всякое время, *если не были ведены... расчётные книжки*». То есть уйти просто так не получится.

Одновременно с узаконенными борделями существуют полуполюгальные, для которых, вопреки статусу, тоже есть правила. Главное условие – запрещение непотребства в общественных местах. Разврат терпит только в притонах и секретных квартирах.

Тяжелый хлеб

«На службе» Марья приносит до 7 рублей в день. Согласно циркуляру, 1,75 из них остаются ей в личное расположение. Хозяйка забирает 5,25 рубля и за это даёт «...сообразно средствам борделя: помещение, освещение, отопление, сытный и здоровый стол, необходимое бельё, платье, башмаки и вообще то, что нужно для существования и что не составляет предмета прихоти или роскоши».

Килограмм ситного хлеба (т.е. из просеянной сквозь сито муки) стоит 9 копеек, ржаного – 5 копеек. Выходит, что если Марья Романовна захочет купить хлеба, чтобы потом раздать бродягам на Сенной (её-то обеспечивает Madame), то не сможет донести его от булочной. Дневного заработка ей хватит на 20 кг ситного или 35 кг ржаного хлеба. Так почему же она крадёт чужие деньги? Жажда разбогатеть? Страх остаться голодной, как в добордельный период? Нестерпимое желание присвоить чужое? Но зачем тогда добровольно сознается?

Признание

Она сидит у стола в городской полиции и смотрит на свои башмаки. Их простые овальные носы, чуть стёртые и припыленные, торчат из-под юбок ненового, но еще нарядного, слишком праздничного платья. Её отвлекает околоточный надзиратель, немолодой, с острыми оттопыренными усами человек. Зачем же вы сами решили сознаться, спрашивает он, и Марья Романовна нервно вздрагивает, однако тут же находится:

– Затем, чтобы по справедливости.

Надзиратель вздыхает. Еще раз окидывает публичную женщину тупым вопросительным взглядом и что-то подписывает в лежащие перед ним бумаги.

Правила клуба

Перед поступлением в бордель девицы проходят освидетельствование у врача. Государство опасается «любоострастных болезней» – венерических заболеваний и страшного сифилиса. Последним, согласно официальной статистике, в 1869 году болеет 1,3% населения Санкт-Петербурга, город лидирует среди других в Империи. Именно по этой причине еще в 1843 году упомянутый литератором Гречем министр внутренних дел Лев Перовский и создает Врачебно-полицейский комитет – с целью «правильного медико-полицейского надзора над женщинами, промышляющими «развратом».

Поэтому проститутка обязана беспрекословно подвергаться врачебному медконтролю, поэтому хозяйка должна осматривать девиц каждый день. Публичных женщин в Санкт-Петербурге лечат в особом отделении Калинкинской больницы. Замалчивание болезней и обнаружение их на освидетельствовании обязует девиц выплатить содержательнице определенную сумму. На деле всё, как всегда, по-другому. Осмотр проходит спешно и бессистемно, а те, кого выловили лечиться, до конца не выздоравливают и спешат вернуться к работе. Никакой сифилис не обнуляет тягостные, беспросветные долги. Кабальная система взаимоотношений Madame – проститутка не подчиняется циркулярам.

Поступая на работу, девица отдает паспорт. Вместо него – заменительный, или попросту «жёлтый» билет – клеймо невозвратности в «чистый» мир. На первой странице фотография, имя, сословие. На последней врач ставит отметки. Все остальные листы отданы «Правилам для публичных женщин».

Марья знает Правила наизусть, может рассказать, как стих: и про опрятность, и про частое обмывание водой детородной части, про то, что нельзя ходить по нескольку вместе, переезжать без разрешения полиции, про то, что содержательница не вправе требовать, чтобы предметы прихоти и роскоши непременно покупали у нее и что уйти от Madame можно во всякое время. И, конечно, про то, что ничего из этого, кроме требований к Ма-

рье, не работает. Долги, безденежье и побои – вот и весь заработок. Её никто не отпустит, и никто за неё не заступится. Ведь публичная – это значит чья угодно, но не своя собственная. Ровно об этом спустя полвека заговорят, сокрушаясь, герои «Ямы» Куприна, из-за которой последнего не раз обвиняли в ненужном чрезмерном натурализме.

Марья крадёт впервые за всё время служения Madame. Крадёт у проверенного клиента, надеясь вырваться из лап публичной любви и сопутствующего ей всеобщего презрения.

Освобождение

Савинова Марья Романовна была заключена под стражу в городскую тюрьму в Тюремном переулке (ныне – пер. Матвеева). Её дальнейшая судьба обрывается, но остается надежда, что побег из дома терпимости удался ей вполне.

Елена Букреева*

Так надо было

Мальчик с утра до вечера гонял мяч по своей квартире и не подозревал, что пол, заменяющий ему футбольное поле, является одновременно и нашим потолком.

Мы тоже не знали, сколько лет мальчику, как его зовут и мальчик ли это вообще. Мы не могли даже догадываться ни об этом, ни о том, как долго продлится ещё самоизоляция, закончатся ли футбольные тренировки с отменой этого режима, и наступит, наконец, всему конец, в хорошем смысле, конечно.

Неопознанному шумному объекту было дано имя – мальчик Кирюша. Согласно легенде, он был послан нам богами, как кара за слишком уютное заточение. Трёхкомнатная московская квартира с двумя сануздами на двоих, высокоскоростной интернет и огромный холодильник, набитый деликатесами – согласитесь, мы заслужили, чтобы мальчик Кирюша играл над нашими головами в мяч. Благодарим тебя, господи, что не нашими головами! Аминь!

Мы приняли и смирились. Не сразу, конечно. Вначале муж разрывался между желанием позвонить, но не мог выбрать куда. В дверь соседей? А может в мэрию?

– У него есть родители? Или его воспитали волки?

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

– Пусть Собянин выпустит детей на улицу!

Но постепенно привыкли. Мы просыпались с первым ударом мяча, благо мальчик Кирюша начинал тренировку не раньше восьми, предавались послеобеденному сну, когда наступал долгожданный тайм-аут, убавляли громкость телевизора после девяти вечера, чтобы ненароком не разбудить затихающего на ночь футбольного демона.

Десятый день самоизоляции обещал быть похожим на предыдущие девять. Мальчик Кирюша гонял мяч, мы завтракали и смотрели новости – сначала, как обычно, про вирус.

– Бред какой-то! В Италии при жёстком карантине все умирают, а в Швеции все сидят в кафе и живы. – Муж сосредоточенно пилил сардельку, истекающую кровавым кетчупом.

Мальчик Кирюша сначала отрабатывал удар в стену, а потом начал двигать мебель – предположительно, стулья.

– Я за шведский сценарий. Вон, белорусы даже в футбол не перестали играть, и никто не умер! Ну, почти никто. – Муж увеличил громкость телевизора. – Ворота он там, что ли, сооружает?

– А может мальчик Кирюша белорус? – предположила я.

– Прекрати разжигать национальную рознь! У этого, – муж ткнул указательным пальцем в потолок, – нет национальности.

Вдруг сверху всё затихло, и диктор новостей заговорил в тишине неожиданно громко:

– Столичные полицейские ищут мошенника, который выманил у пенсионерки четыре с половиной миллиона рублей. Аферист внушил жертве, что за её деньгами объявлена охота, и пообещал помощь высших сил.

На экране появилась бодрая симпатичная старушка:

– Мне позвонил по телефону Михаил и сказал, что знает, что у меня большие сбережения в банке, но мне их не отдадут, потому что на деньгах порча.

– А вы не спросили, откуда он знает про ваши деньги? – поинтересовался журналист.

– Я не спросила, – виновато вздохнула старушка и нежно погладила одну из трёх иконок, лежащих перед ней на столе. – Ког-

да он пришёл, мы зажгли свечи и начали молиться. Потом Михаил сказал, что надо ехать в банк, чтобы снять деньги и изгнать из них злого духа.

– Прямо Архангел Михаил, сука! – Муж снова добавил громкости, потому что мебель сверху возобновила движение.

– Не ругайся, пост же!

– И ты туда же! Такая же, как эта бабка! С соседями не ругайся, неудобно, комментарии под постами мэрии не пиши, всё равно не прочтут, не кричи на водителей из машины, всё равно они тебя не слышат – полное смирение! Пусть с нами всё делают, что хотят! Когда станешь бабулей, я заберу у тебя все телефоны и деньги!

– Будешь так нервничать, вряд ли станешь бабулей.

– После банка мы поехали в церковь, – продолжала старушка.

– И отключу все православные каналы! – не унимался муж.

– В церкви Михаил сказал, что я могу взять сколько угодно свечек – это бесплатно.

– Бесплатные свечки за четыре с половиной миллиона, отлично!

– И пока я зажигала свечки под иконами, он отдал мои деньги.

– Кому? – строго спросил журналист старушку.

– Да, кому? – переспросил мой муж.

– Откуда же я знаю, кому! – рассердилась пенсионерка. – Я же не видела, я же свечки ставила!

– А зачем вы ему отдали свои деньги?

– Да, зачем? – пытал вместе с журналистом старушку муж.

– Зачем-зачем! – Жертва обмана передразнила любопытных и добавила многозначительно: – Так надо было!

– Вот дура!

– Ну, ты чего... Она просто старая наивная женщина, – вступилась я за старушку.

– Конечно! Это же универсальная удобная формула для больных и здоровых, старых и молодых – «так надо было»! Мы с тобой вторую неделю дома сидим, потому что никто не знает, как одолеть вирус, а спроси этих влиятельных и могущих, какого

хрена столько денег впуливали в войны и оружие, вместо того, чтобы развивать здравоохранение и науку, они что ответят? Правильно! Так надо было! И даже если мы сдохнем, от вируса или от голода, так тоже будет надо!

Тут мальчик Кирюша, который на протяжении всего сюжета про обманутую старушку скрежетал мебелью, совершенно нестати решил сменить футбол на прыжки с высоты. Видимо, мебель ему нужна была для сооружения трамплина.

– Да когда же это ... закончится! – с этими словами муж схватил нож, выпачканный кровью сосиски, и застучал им по батарее, выкрикивая антидетские лозунги и всякое нецензурное.

Я не пыталась остановить его и успокоить, потому что знала, что он скоро сам остановится и успокоится. Когда это случилось, и муж извинился за спонтанную акцию протеста, я снисходительно погладила его по голове и сказала:

– Ты должен сходить к родителям Кирюши и узнать у них имя и фамилию мальчика.

– А это ещё зачем?

– Ну как зачем? Мы должны это знать, чтобы через десять – двадцать лет, когда мальчик Кирюша станет известным футболистом, понять, что наши мучения были не напрасны, что так надо было...

Наталья Вдовикина*

Когерентность

– Понимаешь, – говорит Макс, встряхивая на ходу буйной своей гривой, – я тогда реально спать боялся с ней в одной квартире. Думал, хорошо ещё у нас топора дома нет, а то ведь точно ляжешь и не проснешься уже! Ругались мы – ужас. А разводиться не вариант. По официальному если – это ж убиться, состаришься, пока все комиссии пройдешь. Лекции эти, терапия, полгода на примирение – ну чего я тебе объясняю. Да и невыгодно страшно, налоги одиноким сам знаешь, какие. Завлабом мне тоже тогда не стать, и Катьке по службе нехорошо... В общем, такая была ситуация, на что угодно уже готовы были, ну я так точно.

– Да ладно заливать! Чтоб Катька и топор? – я качаю головой, но в глазах у Макса появляется что-то такое, что на минуту я выхожу из роли и верю. Очень даже верю. Он отворачивается и говорит как-то сухо:

– Ты не понимаешь.

Я понимаю лучше, чем Макс может себе представить. Но рассказывать об этом незачем, и уж особенно ему. Впрочем, Макс не может предаваться депрессии дольше пяти шагов.

* *Онлайн-курс Марины Степновой «Язык и стиль: как писать хорошо»*

Он вскидывает голову и продолжает с энтузиазмом, который меня всегда немного пугал:

– Ну вот, мы с Катюхой вместе и придумали – чтобы, значит, жить нормально и не ссориться. Катька, знаешь, весьма разумная женщина, не чуждый науке человек, хоть и лаборантка простая. Я всегда говорил: найди хорошего лаборанта – академиком станешь, – Макс жизнерадостно улыбается во все свои тридцать, или сколько у него там осталось зубов.

Ловко подпрыгнув, он иноходью огибает лужу и принимается рассказывать в деталях. Когда Макс увлекается объяснениями, он всегда растопыривает перед собой пальцы, будто натягивая невидимые веревочки – помнится, была у нас в детстве такая игра, как же она называлась? Колыбель для кошки? Странное какое-то название.

– Знаешь, это, на самом деле, отлаженная технология – ментальное управление, его в восстановительной медицине применяют уже. Мысленную команду подаешь – и прям в распознаватель, а? Каково? Электроды подшить – раз плюнуть, проще, чем тату набить. И блок управления малюсенький, это тебе не первое поколение, когда его на тележке возили. Катька сразу на шею повесила, а я на часах под циферблат подклеил, но только натирать потом стало, тогда тоже вон сделал себе, – Макс выдергивает из-за ворота цепочку с небольшой подвеской, вроде армейского жетона.

– Там команды очень простые, им бессловесных обучают – ну, у кого речи нет и движений. Ментальный интерфейс. Базовое: повтор, отмена, сильнее, слабее, да, нет, а потом комбинации идут, довольно сложные конструкции можно построить. Но нам ничего такого особенного и не понадобилось. Самая хитрость была – два контура в кольцо замкнуть, чтоб, значит, друг другу прямо в мозги.

Макс вскидывается и, замедляя шаги, ловит мой взгляд.

– Это все, конечно, суперсекретно и ужасно незаконно, – он подмигивает мне, и лицо у него делается, как у мальчишки, стащившего из магазина пару шоколадок, – для гражданского ис-

пользования мы ещё даже до испытаний на добровольцах не дошли. А уж такой вот, – Макс усмехается, – *многопользовательский режим*... Там комиссию по этике инфаркт хватит в полном составе!

Я понимающе киваю.

– Тебе страшно не было?

Глупый вопрос. Макс не из тех, кому бывает – не так у него устроены мозги.

– Что нас поймают? – Да ну ты что! У них на глазах можно китайцам слона продать, никто и не заметит.

Вот. Я же говорил – не так у него мышление работает. И изображение тоже.

– А ощущения?

– Ну как... Непривычно сначала. Мы, знаешь, простую вещь совсем сделали, но очень эффективно оказалось. Как начинается ссора, как лишнего сказал – рраз, и на две фразы назад откатываешь. Стиралочку такую. Просто переформулируешь, или там повторяешь последнее, что было ещё нормальным, и так его мысленно другому подталкиваешь – приноровиться надо, конечно, чтоб чёткая доминанта формировалась. Оно тогда... как тебе описать... ну как бы затирает у реципиента хвост потока и поверх перезаписывает, понимаешь?

Мы садимся на лавочку у воды. Ветер гладит реку против шерсти, ерошит её зябкую рябь, налепляет на нее неряшливо-жёлтых листьев, бумажек и прочей ерунды. К берегу жмутся две толстые неспешные утки, копошатся, ныряют, выставляя поплавками короткие хвосты.

– Еще мы стоп-слово сделали, – Макс тоже ёжится, засовывает руки в карманы. – Ну, типа, если ты чем недоволен прям сильно, даешь такое чёткое стоп.

Вот с этого места мне по-настоящему интересно. Я смотрю на него внимательно, но как бы вскользь – знаете, так – как будто бы мимо. Будто на самом деле ты наблюдаешь, как утки продолжают застарелый спор, недовольно побрякивая друг на друга.

– Там, конечно, с контуром обратной связи повозиться пришлось, – Макс чертит воздух и явно видит перед собой не уток, а свои бесчисленные ментальные схемы, – Ну и всё равно, конечно, это же не приказ. Волевые центры не задействованы вообще. Там даже толком энергии на доминанту у реципиента не хватает, чтоб насытить. Но проводимость увеличивается в достаточной мере. В общем, в итоге неплохо получилось, я считаю! – глаза его горят слегка безумной гордостью.

– А потом я подумал, – Макс понижает голос, и я целиком превращаюсь в слух. Я даже, кажется, не дышу. – Если понизить интенсивность сигнала, но увеличить когерентность, убрать шумы. Как тонко направленный луч, понимаешь?

– А как ты шумы уберешь? – мне и в самом деле интересно. Вот где настоящее золотое дно, если только Макс придумал что-то стоящее.

– Ну, я пробовал, конечно, тренироваться, четче делать посыл. Там сконцентрироваться, расслабиться, альфа-волны – но это всё не то. А потом понял: чего я фигнёй страдаю? У меня ж допуск есть. Быстренько на самом себе всё снимал, выделил сигнал, почистил – дело нехитрое. Чёткость получилась – залюбуешься! И с передатчиком своим я поколдовал, загнал туда мой образец и сделал петлевую схему. Такая, понимаешь, мысленная кнопочка – ты её как бы жмёшь, а передатчик передаёт не то, что ты скомандовал, а то, что у него там запрограммировано. Просто, как и всё гениальное!

– И чем же оно гениально?

– Ну как? – Макс лукаво улыбается, страшно довольный, – Интенсивность сигнала можно снизить ниже порога сознания. А чёткость останется достаточной. Я так Катю от её музона отучил – ты бы знал, как у меня этот джаз её в печенках сидел. А тут красота: кнопочку жмёшь каждый раз – нет, нет, нет. Сознание её эти сигналы не ловит. А мозг-то на форму кривой уже натренирован – получается такое стоп-стоп-стоп под порогом слышимости. И работает!

Из-за низких туч на минуту проглядывает белёсый луч. Макс жмурится на солнце, замерев, совсем как селезень, распушивший перья у кромки воды.

– Ты не представляешь, такая тишь и благодать у нас с ней настала... Медовый месяц прям, даже лучше! Я, наверное, в жизни так хорошо не жил.

Я хлопаю его по плечу:

– Ну ты молоток вообще. Голова! Пойдем по пивку, что ли? Или вот что – ты в выходные свободен? Может, забуримся с ребятами на рыбалку, как в оны времена?

Макс улыбается снова, теперь слегка виновато, и поднимается со скамейки.

– Да нет, слушай... Я, знаешь, как-то разлюбил это дело. Вы лучше без меня.

– Ну ладно, – я гляжу на него с доброй насмешкой, – Бывай тогда, молодожен!

Мы расходимся: Макс домой, а я вместо пива иду пить чай с Катей. Она умная женщина, в этом Макс прав. И нам есть, что обсудить. Первые пробы нашей схемы дают явный успех, но всегда ведь хочется двигаться дальше. Тем более, что у меня как раз появилась пара идей.

Мария Гацоева*

Пёстрый ветер

А когда небо спустится,
рыхлое, как фланель,
серое, как глаза однокурсницы
Н. Абрамовой,
я выхожу на улицу,
вцепляюсь в ладони людей:
«Гусенице надо окуклиться.
А потом?
Я не помню...»
Заново!
Под фланелевым небом
с живучей надеждою
невест,
я ждала прорастания жизни,
ждала моё солнце в зените.
«Приходите, всё будет, вы ждите!
Окуклитесь и приходите.
И – держите билет. Он без места,
Но все-таки есть».

* *Онлайн-курс Дмитрия Быкова и Михаила Эдельштейна «Поэзия»*

Я хотела понять...
Я сдала свой экзамен за курс.
Уточните у той же моей
сероглазой Абрамовой.
Почему я лежу в этом куколе?
В коконе этом кружусь?
Сокрушаю свой пульс. Ужимаю.
Куда же мне?
Заново?
В упаковке.
В закрытой коробке.
Коробка в столе.
Стол в квартире.
Квартира в подъезде.
В какой-то высотке...
Я, конечно, не жду уже, что
в посеревшем окне
небо спустится,
снимет фланелью ко мне –
неслучившейся особи
в окаменевшей обмотке.

Тик-так – метроном не мерит,
ритм трещит, пищит, но
ничего не значит.
Время внутри защит
открывает двери.
Лев Вавилонский рычит,
и детсадовский зайчик
плачет.
Им не тесно вместе. Им хорошо.
В бесконечности место
и льву, и зайцу, и Тибру, и Сене.
Там, где всё протекло и прошло –

и ничего не прошло –
есть счастливое место для разных
явлений.
Кто сказал, человек конечен –
конечен наконечник, шпиль, меч.
Конечен штиль, конечна встреча,
конечна речь.
А человек – ограничен контуром,
ограждён ухом, руками, ртом,
но центробежен.
Будущее и прошлое
свёрнуты за грудиной.
И когда небо, как свиток, свернётся,
они развернутся.
Потом.

Чудище

Я внутри ограды гнездо вью.
Чищу и рублю я лаги для града.
Чудище тянет к гнездовью, к маю,
к жилью.
Чудищу – хочется в стаю.
В рассаду.
Обло, озорно, огромно.
Любит «Дор Блю».
Не блюрит фото,
хотя помнит люрекс.
Чудище говорит, прищурясь:
«Блюр не люблю.
Я без купюр люблюсь».
Пращурьы знали знаки –
зеркальну вязь:
Сом или язв? Явь или навь? Дом или сома?

(Сома такая кома, что с нею сходясь,
Хрясь – хряком в грязь).
Ну а чудище вышло из дома.

Чудище вышло.
Я вам не открою сама.

Чур меня, ящур. Все – суета сует.
Чудищу не до жира: блюет от блюра.
Чудище знает:
хорошо лишь там, где нас нет.
И де-факто нет и уже де-юре.
Форма не фора, не фЕтиш, и не фетИшь.
Фарш не форшмак и не фиш.
Шифр утрачен в гуще, и
-и- чаще –
чудищу чуши уже не внушишь.
Вот шиш!
Чудищу нужно «по-настояще».
Лайя, стозевно, наземно
и тянет левкой к рублю,
коинам, прочим лавэ и левам.
Чудище говорит:
невещественное не люблю.
И желает погибели лансам и женеvьевам.
Томно, позорно, скоромно
пришло, говорю:
«При всем богатстве рока руки – к чаче.
Очень уж я, чудище, вас не люблю.
Бдите,
товарищи-люди.
А чудищу лучше в чаче».
Здесь у нас в верховье реки – цветение!
Вот розмарин. Он для памяти. Ешь, люби,
но помни: подходит к рыбе.

А это рута – испытывать горечь, оплачивая грехи.
Как ргуть при люэсе. Хуже уже никуда. Хоть быстрее.
А вот и – цветочек аленький. Он для любви чудища к чело-
веку и наоборот.
Это мифическое растение. Выглядит как герань.
Звучит «нихера». Но, говорят, в Иванов день, когда зацветёт
папоротник...
Чудище знает, что папоротник не цветёт. Но на Иванов день,
взяв герань, зачем-то идёт к лесу...

Милая, ты больна.
Бледная,
лоб пощупай!
– Лоб – та отвесная штука
у изголовья лица.
Он холодней, чем щука?
Пальцами чутче щупай.
Ощущаешь
щупальцы подлеца?
Это Чужой, залез тебе в лоб,
забрался в забрало склизкий.
Это Чужой, сожрать тебя чтоб.
Выжрать под виски.
Брысь, рысь.
Беги в лес.
Уноси ноги.
Гибель
слышится,
близится,
видится.
Гончии.
Гон.
Здесь на любой дороге –

и нету подмоги –
на каждой твоей дороге –
монументальный он.

Хрум-хрим-хрук.
Что за звук?
Чужой выедаёт мысли – слышишь –
хрустят как мюсли.
Чужой выедаёт чувства – видишь –
плотнеет мрак.
Страх его потерять
– особая часть искусства –
Чужой совершенен в статусе
«вурдалак».
– А вдруг он исправится?
Поест и изменится?
Стешется, нагуляется,
Сгладится, перемелется?
Он ведь в душе хороший!

Мы допиваем мартини.
Целуем в щеку. И оставляем на произвол
вечно-зелёных надежд.
Но, уходя, кладём в её косметичку
компактный осиновый кол.
Женщина не должна быть беззащитной
перед лицом любимого.

Мой зоопарк

Внутри у меня проживают слоны,
снаружи слоны не видны,
но по вере
вам эти слоны могут быть

и видны,
а также и прочие звери.
Особенно много здесь зайцев,
и вот,
не биты лисой и забыты Мазаем,
они за столом, и у них Новый год,
сидят и зывают: «Ле-хаим!
Леееегка наша заячья жизнь!
Леееегка наша заячья песнь!
Здесь можно зависнуть
попить и поесть.
Так радуйтесь, радуйтесь, зайцы!»
Внутри у меня проживает жираф.
Изысканный шарф
он изысканно носит.
Он любит брускетту, он пьёт тёмный крафт
и грубости не переносит.
Жирафа, сжирая, терзает тоска,
он в небе, касаются тучи виска,
копыта об землю оббиты.
И если распасться на душу и плоть,
то как заземление ему побороть,
и примет ли небо копыта?
Пока же имеет печальный он вид –
гуляет зайчва у бескрылых копыт.
Сидят и зывают: «*Ле-Хаим!*
Зайчва! Допивай, разливаем!»
Внутри у меня по цепи ДНК
гуляет котище с мобильным ПК.
Котище откормленный, чёрный,
по виду весьма просвещённый.
Он знает все тайное наверняка –
какая в Каспийское море река
и правильный ракурс рапана.
И кто здесь агент Ватикана.

*«Вееещественный мир – это вещь!
Но мир невеещественный – мощь!
Спускайся, котище, попить и поесть!
Так радуйтесь, радуйтесь, зайцы!»*
Внутри у меня проживает енот...
Так радуйтесь, радуйтесь, зайцы!

Дары волхвов

Ангел бликом скользил по ступеням
простуженных спален,
день летел в свой шеол,
затерявшись в бесплотных «вчера».
Бальтазар, Мельхиор и Каспар
разлиновывать небо устали,
И заснули, и спали,
когда им сказали: «Пора».
А в небе луч упал дугой.
Бальтазар пробовал луч на вкус,
смеялся чему-то, сказал лучу
«Дорогой!»
А после:
«Иду за тобой, даже если сюда не вернусь».
И сложил в ларец свое золото.
Мельхиору вдруг стало легко, будто пьян,
вспомнилась радость. Она уже
с юности его не тревожила.
И в котомку сложив свой бесценный ливан,
шептал растерянно: «Боже мой...
...Боже Мой... Неуже...
Золото – для Царя, ладан – для Жреца.
Звёзды говорят – новая власть.
Сердце говорит – конца не будет.
Не будет конца!»

А звезда золотила ворота дома,
Каспар проснулся,
увидев тревожный бред.
Хотел запомнить, но осталось лишь:
«И никак по-другому?»
И ещё какое-то невосполнимое «нет».
Каспар поднялся, заметил звезду.
«Дары, дары, – пробормотал он, – сейчас.
Сейчас найду».
Достал свою смирну и вдруг заплакал,
жалея Ребенка, себя, верблюда,
тихую звезду
над холодной пустыней...
И плакал потом всю дорогу,
пока Младенец не успокоил Каспара,
коснувшись его головы.

Мария Денисова*

Посредине злейшего лета

Хорошо!

Отечество славлю, которое есть
ничего,
которое спать
хочется,
которое подвиг
бессмертен.

Но трижды – которое будет
вечным,
которое мать-
и-мачеха,
которое аршином
измерят.

Славлю корни кривые его.
Славлю промерзшую твердь.
Каменные острова.
Золотые ограды.
Истинно говорю вам:

* *Онлайн-курс Дмитрия Быкова и Михаила Эдельштейна «Поэзия»*

трижды
прославлю
его –
петух ни пропеть не успеет,
ни попросить пощады.

помирает анна иванна
посредине злейшего лета
поперёк белесого неба.
вот бы мне еще бы немножко.
как бы мне дотянуть бы мне бы
чтобы утром прозрачный холод
чтоб в окошко рыжие ветки
чтобы с неба белое просо.
чтобы внуки возвращались из школы.
чтобы дети возвращались из школы.
чтобы я возвращалась из школы.
а на столе чтоб золотая шарлотка.
Так и будет, Анна Иванна.
Через три с половиной минуты
будет осень, Анна Иванна.
Будет осень.

если двухмесячному младенцу
закрывать глаза ладонью
он тянется за рукой
как котёнок или щенок
и почти сразу засыпает

верит, что пришла ночь –
тёплая, большая, пахнущая мылом и табаком

во сне он видит вот это
и это
и ещё вот это
но для всего этого у него ещё нет слов
ни слова «ночь», ни слова «табак»
ни «господи», ни «наконец-то»

отец, увидев, что сын наконец-то заснул
берёт сигарету
выходит на балкон
прислушиваясь – не заскулит ли младенец
и думает об этом
и вот об этом

а ночь
придвигается ближе
тёплая
большая
кромешная

LOVE IS

любовь – это буратино
с деревенеющим сердцем
с синими волосами
она постоянно врёт,
у неё растёт нос
она злится и врёт все больше,
деревянные поезда летят под откос
деревянные птицы кричат деревянными голосами
она хотела бы быть настоящей
визжащей
горячей
уставшей

не этой берёзовой куклой
с тупым осиновым колом в сердце

любовь – это волк из «ну, погоди»
её всегда жалко
но в ней никогда не угасает надежда –
я поймаю его, я его поймаю

любовь это чипполино
всегда революция
всегда слёзы

оле-лукойе
курочка ряба
валя котик
щелкунчик
мышинный хвостик

любовь это все детские сказки
всё, что когда-то нас окружало
всё, что нас усыпляло
всё, что делало нас сильнее
настоящее
прошедшее

буратино сидит на полянке
смотрит на нерождённых братьев

и вдруг
из самой гущи деревьев,
из белого липкого молока
из берлоги, пропахшей зверем и яростью
из маминой спальни, ставшей комнатой для гостей
возносится
альпий

гигантский
неумолимый
солнечный
шар

Баллада о ненадежном рассказчике

Тянуло холодом, и начинался ветер.
Пора было собираться, и тут набежали эти.
Нас было трое, их не менее ста двадцати.
Мы хотели пройти.
Они стекались к карьеру, как грязевой поток.
Они кивали друг другу, как будто учили урок.
Они чернели на фоне башен ЖК.
Мы приуныли слегка.
До того, как начать бежать, я крикнул: «Беги»,
И Серый исчез, а я кого-то ударил с ноги,
Потом навесил кому-то ещё, а кто-то навесил мне,
А Витёк кричал, как во сне.
Я думал, что Бог не фраер, что Он – един,
А значит, Серый вернется с подмогой и мы победим,
Точнее – просто пойдём куда я хотел пойти.
Там надо успеть до шести.

Но чёрные думали так же: что Бог един,
Что Он не даст неверным дожить до седин,
Что мы не сможем добраться до стен ЖК,
Что жизнь коротка.
Когда карьер оказался за моею спиной,
Когда жёлтая башня выросла прямо передо мной,
Когда я увидел, что чёрные встали стеной,
Я перестал быть мной.
Я увидел, что Серый лежит вниз лицом,
Я увидел, что Витька держится молодцом,

Я увидел, что я лежу мордой в грязь,
И чёрные пляшут, смеясь.
Их шупальца втягиваются обратно в круглые рты,
Их жвала трещат, и дрожат их седые хвосты,
Лопаются хитин, спинки сочатся чёрным вином,
Их Бог – об одном:
О том, что нет приюта в чужом ЖК,
О том, что не жизнь коротка, а смерть близка,
О всех уставших так сильно, как я устал.
Потом я встал.
И я дошел до нотариуса, и я оформил развод,
Вернулся в квартиру, почти не пил целый год,
Снова женился, развёлся, женился снова,
Переехал в Перово.
В новую башню, на сто сорок третий этаж, к жене.
Дочка лет до пяти улыбалась во сне.
Мы с ней любили смотреть на город из кухонного окна.
Красная площадь видна.
И чёрная площадь тоже видна, и ещё
Видно, как растекается город, как светится он горячо,
Как лопаются асфальт и сочится чёрным вином,
Как от ветра качается дом,
Там растёт еще одна башня в сто восемьдесят этажей,
Там мёртвую кучей лежит скорлупа гаражей.
Там у Серого в ребрах шумит трава, песок шелестит.
Там Витёк хрипит.

Людмила Жилякова*

Эклектика / Диалектика

Единое не есть сущее, но родитель его, и это – как бы первое рождение, ибо, будучи совершенным, так как ничего не ищет, ничего не имеет и ни в чём не нуждается, Оно как бы перелилось через край и, исполненное Собою, создало иное.

Плотин

День кончился пронзительным закатом – оранжевым, лиловым, красным. К ветру. Глаза, глядите зорче. Память, помни. Запомни и смартфон, да только что ты хранишь в себе? Все пиксели на месте, и лишь заката нет... Но где во мне он?

Семнадцать тысяч девятьсот семнадцать мне дней сегодня. А закатов сколько увидела? Из них число какое запомнила? И сколько же из этих во мне желанье плакать вызывало,

* *Онлайн-курс Дмитрия Быкова и Михаила Эдельштейна «Поэзия»*

от скольких вовсе умереть хотелось?..
Как сосчитать... да хоть в уме прикинуть?

Я палимпсест рисую слой за слоем на памяти – испытывая чувства, похожие на те, что были прежде, но всё ж не те. Единое вбирает акме мгновений наших, познавая себя чрез них. Но каждый новый образ тусклей, мутнее. Губит ли привычка, гнетёт усталость тела ли, души ли...

Мне в детстве рассказали, что мешая цвета все вместе, мы получим белый. Мешала раз за разом. Серо-буромалиновый обычно получался. Теперь же, понимая, как достигнуть той внешней белизны, я потеряла под всеми серо-бурыми слоями доверчивого робкого ребёнка, что был внутри и честно верил в краски.

Была б я просто сломанной фасеткой в структуре ока мира стрекозиной, как битый пиксель в покрывале майи, как лишний бит в чужом программном коде... Но нет. Я – в ткани бытия прореха, и сквозь чуть-чуть, на грани осязанья, с той стороны в реальность дует ветер, меня повсюду делая изгоем. Во сне окольные глухие тропы всё тянутся передо мной как прежде. Но наяву мне хуже и страшнее. Единое, кой хрен тебе во мне?

Активный гражданин

*Люблю Чайковского Петра!
Он был заядлый композитор,
Великий звуков инквизитор,
Певец народного добра.*

Игорь Иргеньев

Поэта – далеко заводит речь.

Марина Цветаева

1

Послушайте, ребята,
Что вам споёт акын.
Страшней Большого Брата
Активный гражданин.

Как крестоносец истый,
Как ярый ассасин,
В веках воспет речисто
Активный гражданин.

Ходил он с продотрядом,
Калечил, грабил, жёг.
Грознее Торквемады
Порядка юный бог!

2

Да, Томас Торквемада
(все пьём валокордин) –
Он тоже был что надо
Активный гражданин.

Не делая ошибок,
Судил еретиков
Огнем, щипцами, дыбой
Спас веру от врагов.

3

Старушка Яну Гусу
Подкинула дрова.
Её поныне помним,
А остальных – едва.

«O, sancta simplicitas!», –
Сказал печально Гус, –
«Активная гражданка,
Твой не изыскан вкус».

4

Возьмем пример поближе,
Не из чужих былин.
У нас любой ребёнок
Активный гражданин.

С Морозова Павлуши
Все брали мы пример.
Так может стать героем
Активный пионер!

А вот пример обратный –
Кто знает, тот поймет.
Отец кокошит сына
За вересковый мёд.

Теперь рецепт утерян
И мёда нам не пить.

Да, стоило за это
Ребёнка утопить!

5

Таких активных граждан
История полна.
И в этом равнодушных
Извечная вина!

Ах, ничего засранцам
Мы этим не простим!
Ни войн, ни революций,
Ни бомб, ни хиросим!

Ты признан просто тёплым –
Ни хладен, ни горяч.
Ты взвешен и отвержен,
Как легкий Танин мяч.

Мы на тебя всё свалим
И дальше поспешим
К героям и злодеям
Со знаменем большим.

Бьем яйца краем нужным,
Как партия велит!
Иных замочим дружно –
Нам враг космополит!

6

Стоять бывает склизко
На камешках иных.
Итак, о том, что близко,
Молчит мой скорбный стих.

Поэт в России больше,
Чем в Африке поэт.
Поэтому поэтов
В России больше нет.

Зато активных граждан
Своих она куёт.
И нынче очень важно
Направить их полёт!

На выборы придите!
Да-да, мы все пришли!
Теперь же не ходите!
Ой-ой, а мы пришли...

К таким двойным стандартам
Неприменим аршин.
Оставь ума палату –
За верой вновь спешим!

7

В краю берёз воспетом
Средь яблонь и рябин
Побудь чуть-чуть поэтом,
Активный гражданин!

Нас в детстве научили,
Что наша жизнь – борьба.
Дерись, топчи! По капле
Выдавливай раба!

Порядок созидая
С деструкцией в бою,

Умри сегодня стоя
За родину свою!

И стоя умирая,
На горний глядя свет,
Скажу: не надо рая!
Порядка ж нет как нет.

Любовная песнь

1

Писала стихи о любви –
такое дали задание
на курсе онлайн-поэзии
Быкова и Эдельштейна.
Перебирала в памяти
имена, события, лица.
Чтоб было к кому обратиться,
чтоб знать, в чём корить,
и, конечно,
за что извиняться...
Запуталась.
Вечером мужу –
а мы тридцать лет как вместе.
Сказала: представь, это надо же!
Мне задали стих про любовь.

Так вот я –
сказал он просто.
Что хочешь пиши обо мне.

2

Как скажешь.
Мы познакомились,
как все обычно знакомятся.
Я – студентка мехмата,
ты – философ-студент,
в общие гости пришли –
на флэт.
Ты рыжий, нескладный, высокий,
с открытой улыбкой гагаринской,
врун, болтун, хохотун,
свой парень в любой компании.
Я в круглых очках без диоптрий,
в хайратнике, с волосами,
в папином пиджаке –
все говорили: «Джон Леннон,
спой нам!» –
по телевизору что-то
такое тогда показали...
В те времена
ещё телевизор смотрели,
звонили из автомата,
не знали,
что наша жизнь
вся офлайн происходит,
кассетный магнитофон,
книги (тираж триста тысяч –
поди попробуй купи)
давали читать друг другу
и не всегда возвращали.

3

Той ночью тебя подначивала:
философия – не наука,
чтоб умирать учиться,
нужны не университеты.
Хотя мы тогда считали,
что Монтень – моветон,
невежды высокомерные...
Ты говорил о разном.
Декламировал Маяковского,
сам такой же, как он –
красный шарф
вместо жёлтой рубахи.

4

Назавтра гуляли по городу,
декабрьскому и неприветливому.
Расстались, о новом свидании
больше не уговариваясь –
ни адреса, ни телефона...
Могли никогда не встретиться,
но встретились через день.

5

Иногда фантазировали:
где-то мы будем
через пятнадцать лет?
В разных местах, разумеется,
и не узнаем друг друга,
да и едва ли вспомним.
От этого было как-то
весело и тревожно.

Через пятнадцать лет...
Столько разве живут?

6

На свадьбу
только друзей пригласили.
В загсе
на ковёр велели пройти
лысый, затёртый, линиялый:
«Встаньте на этот ковёр,
символ любви и счастья».
Истерически было смешно.
«Кольцами обменяйтесь», –
мы пришли без колец.
«Ну, а теперь поцелуй!» –
руки пожали друг другу,
этим рукопожатьем
что-то такое скрепив.
Приехал твой блудный отец
с подарком –
чья-то мужская печатка
и золотые зубы,
завернутые в салфетку.
Молодость тем хороша,
что и такое смешно.
Ночью с друзьями в парке
пели Пекин-Роу-Роу.
Все разошлись... Ты остался
с нами жить в коммуналке –
с родителями моими
и со старшей сестрой –
все в двух комнатах смежных,
вместо двери занавеска.
С соседкой-алкоголичкой

и с целым казачьим полком,
который она привечала.
Родители нам
свой диван уступили.

7

Из этой верфи
в самодельной любовной лодке
мы уплыли, два храбрых портняжки,
и плывем без руля и ветрил.
Наш ковчег обрастает ракушками,
заселяясь непарными, дикими,
иногда симпатичными тварями –
составители бестиариев
много дали бы за таких.
Между сциллами и харибдами
нас несёт бытовая магия,
поплавок над волнами прыгает
синкретичный наш теремок.
Но когда за край земли вынесет,
и мы будем падать в неведомое,
нам бы только успеть обняться,
чтоб сорваться туда вдвоём.

Рождественская баллада

1

Поздний вечер, совсем темно,
Спать уже лёг супруг.
Гугл-хрома открыв окно,
Мария заходит в фейсбук.

2

Там уже ждёт её странный друг,
С которым она на «вы» –
Птичий профиль и трудный ник
Не выгнать из головы.

3

Будто бы Санта-Клаус пришел
С мешком подарков большим –
Добрый праздник и волшебство
Являются вместе с ним.

4

Чудес и радости бьет фонтан
Из светлого детского сна.
В сто раз он ближе, чем муж Степан,
О, как же она влюблена!

5

Он знает все мысли её, и он
Мыслит с ней в унисон,
Он любит, он пишет страсти слова –
От них она чуть жива.

6

«Мария, девочка, будь смелей,
Пойдем же со мной туда,
Где тела нет и где смерти нет –
Уйдем со мной в провода.

7

Как мерзкою плотью отградно любить,
Ты ведаешь, может быть.
Но с чистого духа любовью, поверь,
Это никак не сравнить.

8

Слиянье сознаний всего тесней –
Гудят мириады частиц,
Небо плавится тысячей солнц,
Рождая сияющих птиц».

9

Каждый вечер Мария дрожит,
Страстью и страхом полна.
Степан украдкой жену сторожит.
По небу ходит луна.

10

Степан в смятенье: теряет ту,
С кем целое он одно.
Несёт караул на безмолвном посту,
Но ей уже всё равно.

11

Последний страха пал бастион,
И тут же пришла беда:
Степан немеет, заморожен:
Мария ушла в провода.

12

Дыра в квартире там, где она
Только сейчас была.
Всё так же круглая рыба-луна
Таращится из-за стекла.

13

Степан, не слыша, как дышит ночь,
Глядит сквозь чёрный экран.
А там вдали по пустыне прочь
Марию везёт караван.

14

Он ищет, кто во всём виноват.
И чей же он видит ник?
Spiritus Sanctus – и космоса хлад
Льётся за воротник...

15

Беспомощным взором Степан следит,
Как жизнь Марии идёт:
Иосиф Обручник стар и небрит,
Но он, конечно, не в счёт.

16

Сама Мария живет в слезах,
Тоскуя по жизни той,
Что проходила в иных временах,
И стала теперь мечтой.

17

Но что поделать, выхода нет.
День наконец наступил,
Когда родился – сынок, привет! –
Младенец Эммануил.

18

Приходят волхвы, приносят дары...
Мария клятву даёт,
Что выведет сына из этой игры,
Коль знает расклад наперёд.

19

Но годы идут, пустой её труд –
Всё вышло как предречено.
И смотрит седой бородатый Степан
В то же экрана окно.

20

Все годы Марию любил и жалел
И сына считал своим.
А что сын Спаситель – так что с того,
Могло быть и хуже им.

21

Вот сын его словом предсмертным зовёт
И с мукой глядит сквозь экран.
И видит Степана, так же как сам
Видит его Степан.

22

Степан шевелит губами: «Сын мой!»
Что делать, не знает он.
Но ночью ужасной, ночью злой
Снится Степану сон.

23

Так же, как Spiritus Sanctus, он
С экрана другой стороны
Сына берет и тащит его...
Как жаль, что во сне нет жены.

24

Наутро проснулся – вот он, сынок!
Лежит на диване без чувств.
Скорая мчится. Электрошок!
Слышен ампулы хруст.

25

Или́, Или́! – вырывается стон. –
Лáма савахфанí?
Врачам нет дела – ещё и не то
Видали в жизни они.

26

Раны странные, но ничего,
Парень-то молодой.
Ему не стигматы – мозги бы лечить,
Чтоб не страдал ерундой.

27

Степан, от тревоги сам не свой,
Валится в ноги врачам:
Сына спасите, я за него
Вам что хотите отдам!

28

Медики хмурятся: хватит, дед,
Лишнего здесь говорить!
Сына спасём. А так... Спирт мы пьём, –
Спиритус можешь налить.

29

Сына убили, и сын исчез –
В глазах Марии туман.
А Бог смеётся, глядя с Небес:
Ну и силён Степан!

30

Свой ад невозможно взломать изнутри,
Но Стёпа нашёл портал –
Тот не пройдёт мимо скрытой двери,
Кто слишком долго страдал.

31

Пространство-время Господь разомкнул,
И Сына забрал с собой,
А Степана с Марией вернул
В исходную точку домой.

32

И вновь с тревогой юный Степан
Смотрит, как у окна,
Сомнамбулически глядя в экран,
Всё дальше уходит жена.

33

Но дан ему новый шанс теперь
Попасть в счастливую дверь.
Марию Степан за запястья взял
И связь времен разорвал.

34

Он искушенья сумел победить
И строго сказал как есть:
Бог Аналоговый един,
А цифровых не счесть.

35

Но Spiritus Sanctus, известный бот,
Как клещ на листке сидит.
И новую жертву всё время ждёт
И снова ей говорит:

36

«Мария, Мария, свой ум открой!
Мария, Мария, ответь!
Лучше неизвестной жизни порой
Полная доблести смерть.

37

Иди сюда, я тебя отведу
В Небесный Ерусалим.
Хватит страдать в добровольном аду
Мыслью со мной улетим!»

38

И снова история быстрит ход,
Катит вперед колесом.
От новой Марии мир снова ждёт
Спасителя с добрым лицом.

39

Историю Spiritus Sanctus творит –
Так что-то ему велит.
Мария спит. И младенец спит.
И Санта-Клаус летит.

И идут волхвы, и несут дары
В жалкие наши дворы.

Алексей Жихаревич*

Нелинейная лирика (18+)

Человек ложится в кровать, закрывает глаза и вот
неожиданно понимает, что когда откроет их снова,
окажется, что закончился один из самых длинных его снов, а
на дворе тысяча девятьсот семьдесят какой-то затёртый год,
зима, когда вымерзли яблони в деревенском саду.
на улицах висят портреты Ильича и дорогого
Леонида Ильича,
в далёком Ленинграде на Большой Зеленина,
скрипя и грохоча,
останавливается трамвай, и люди бегут к нему,
оскальзываясь на льду,
и среди этих бегущих, молодой и красивый, его отец,
он едет этим морозным вечером на смену
на Балтийский завод.
В его стране пока никто не догадывается, что её ждёт,
и что через пару десятков лет ей придет конец.
На тысячи километров кругом полотном лежат снега,

* *Онлайн-курс Дмитрия Быкова и Михаила Эдельштейна «Поэзия»*

в Ленинграде пасмурно, в Киеве солнце,
по земле между ними – мир,
а в доме уютно дребезжит холодильник марки «Мир»,
и река, как и тысячу лет назад, течёт в своих берегах.
В городах зажигают фонари,
а в деревне звёзды блестят на снегу, подсвечивая
как бы изнутри,
этот зимний вечер.
Человек лежит в кровати и слушает тишину,
полную скрытых звуков: вот крыса точит бревно,
вот с таинственным стуком ветка лезет в окно.
Его мама и бабушка уже отошли ко сну,
а на кухне один сидит выпивший с бани дед,
курит в печку и разговаривает сам с собой
на разные голоса, всклокоченный и босой,
майка-алкоголичка и трусы с петухами –
это всё, во что он одет.

Он поругивает партию и правительство
и критически относится к окружающей действительности.
А окружают деревню исхоженные леса и возделанные поля,
в целом – в мире меньше ржавчины, рака и борщевика,
молоко берут у коровы, а воду даёт река,
и люди видят, как понемногу устраивается их земля.
Человек лежит и думает: ведь я могу
сделать так, чтобы время жизни обратилось назад,
для этого всего-то и нужно сейчас открыть глаза,
потянуться в колыбели и пролепетать «агу»,
и вернуться в тысяча девятьсот семьдесят
какой-то затёртый год,
и начать всё сначала. Вот разве что придётся забыть
тех, кого с тех пор успел встретить и полюбить.
Человек
жмурится, чтобы не разжать случайно век,
и лежит так, пока не заснёт.

На низком берегу извилистой Луги,
в рыжем песке
лицом к реке
лежит профессор античной филологии,
раскинувшись, словно во сне;
его лоб украшает
аккуратная, ровная, небольшая
дырочка между пилоткой и пенсне.
Для участия в Ленинградской оборонительной операции
в свой вещмешок
он положил рубаху, паёк
и томик in quarto Горация
с закладкой около тридцать восьмой оды:
«мирт простой ни с чем не сплетай»...
Светает.
Стоит июль тысяча девятьсот сорок первого...

по серо-сизому, словно у алкоголика, лицу небес
проходят ультракороткой волной какие-то куче-перистые –
непонятного вида –
облака, наподобие нервного тика:
это значит – от безмерного глубока до пустого
и мелкого «здесь» –
добывает сигнал с самого дна Аида,
это значит, заработало радио «Эвридика»,
чья сетка вещания редка, как грозы зимой, снегопады летом,
но если случится эфир, то с тупым древесным
упорством, словно родильница, тужась,
«Эвридика» транслирует в мир белый шум
и кейджевское молчание,

выплескивает гомеровски-бледный ужас,
настигающий, впрочем, только поэтов,
заставляя их лица дергаться в тике, сминая черты,
наполняя отчаянием;
этот вызов, исторгнутый из пустоты и тления
нормальный человек просто послал к хуям бы,
сказал: «Дорогая, иди ты в зад!» –
но, повинувшись жуткой инерции мышления,
поэты бормочут и бормочут свои четырехстопные ямбы,
и оборачиваются, оборачиваются назад

к сумасшедшей старушке, бродящей
с опасною бритвой в руке
на лужке меж заправкой и «Лентой», и в борщевике,
колокольчиках, кашке
вырезающей в свой эстетически-безупречный букет
лишь ромашки,
в настоящий момент
подойти боится молоденький мент,
думает: Глупо, но вдруг – загляну в голубые глаз её глуби,
и окажется – любит.

В детстве она мечтала завести сенбернара,
жить в доме у озера или даже у моря,
летом купаться, зимой валяться в снегу.
Но вот приблизилась старость,
а она все еще валяется на диване в Печорах
со сварщиком Борей.
И, глядя на облачное руно, свисающее из брюха небес,

она говорит: – Боря, хватит ждать, ты уже давно
должен совершить над собой некое усилие!
Но вместо того, чтобы пригласить её в кино, сделать
предложение и жить долго и счастливо прямо здесь,
Боря уезжает воевать в Сирию.
Проходит полвека, четыре войны,
и вот уже нет ни России, ни Сирии, ни вообще
хоть какой-нибудь знакомой страны,
только Печоры вечны под брюхом небес.
И, гуляя у омывающего теперь Куничину
гору Южно-Балтийского моря
с пьяным, обросшим, как сенбернар, ветераном Борей,
она думает: «Как странно, что иногда далекие
мечты сбываются прямо здесь».

– Как липкая грязь заползает с руки на руку,
когда запойный Серёжа здоровается с тобой,
дыша перегаром...
– Или как блошинные укусы идут по ноге всегда парой...
– Или словно в просвете зимних туч
вдалеке над горизонтом видится что-то золотое, горячее,
за которым хочется, бросив всё, идти...
– Или как если друг в друга вцепиться, войти,
словно возвращаясь на родину... – Или
молча беситься из-за волос на мыле...
Бунинские девки в просветах
панельных изб
пережевывают сюжеты
вкладышей из
«Love is»,
а мимо них, по замысловатой кривой
огибая лужи,
бежит мой лирический герой,

привычно простужен,
небрит, зашёл в магазин
«Пятёрочка» после работы,
купил сардин,
детям – йогурт, бананы,
ну и бутылку под ужин –
предстоит выходной,
суббота;
бежит
и думает: – Странно,
море осмысленных высказываний кажется, что безбрежно,
но что же,
получается – не поймать ничего для огромного
спектра от нежности
до бесчувствия.
Поэтому он витгенштейновски промолчит
вместо того, чтобы пытаться сказать невыразимое,
а когда все уснут – выпьет ещё по одной
с вышеупомянутым алкашом Серёжей.
Любимая,
помолчу и я.

(Г. К. / К. Г.)
На экран гаджета
с тихим звоном выползает уведомление,
помеченное ещё как следует не начавшимся днём:
«Такой-то сегодня празднует день рождения –
дайте ему знать, что вы помните о нём».
– Как же это, –
просыпаешься от удивления
(хотя в этой вечной ноябрьской ночи
несложно запутаться в яви и снах), –

как же так может случиться,
что за наваждение –
ведь пару лет назад я был на его похоронах.
Так бывает – человек запостил котика,
украсил аватарку памятным знаком,
лайкнул петицию за легалайз легких наркотиков,
а потом неожиданно взял и умер от рака.
И был ли такой-то тебе другом, наставником
или кем-то другим,
делил с тобою хлеб и вино или вкусы и заблуждения,
но одно совершенно точно: такой-то был совсем не таким,
как тот, которого предлагают нынче поздравить
с днём рождения.
И чем дальше, тем больше в записных книжках,
хранящихся в облаке,
в списках «друзей» в соцсетях и едва-едва живых журналах
поселяется этих персонажей странного облика,
симулякров, копий несуществующего оригинала,
застывших в карикатурном бессмертии
из ноликов и единичек
слепков наших несовершенств,
отпечатков минутных порывов и стыдных привычек.
Не очень понятно, как быть в этой ситуации,
где нет проблемы, нет и решений;
полный смутных эмоций, бродишь целый день
в какой-то прострации,
пытаешься писать, выдавливаешь: «Закат пламенел,
как готика», –
а вот уже и сам он: ноябрьский день умирает,
не успев толком родиться.
Завесишь окно,
откроешь вино
и потянешься к гаджету – запостить котика:
будем жить (хотя в ноябре, конечно,
всякое может случиться).

Юлия Казанова*

Травелоги группы ЛЕФ

Как путешествовали и писали об этом Маяковский, Третьяков и Родченко

Участники группы ЛЕФ ставили всё с ног на голову. Левый фронт искусств постановил – миру нужно новое искусство – и явил миру новое искусство. Лефовцы начали писать – и ввели диктатуру факта, превратили прозу в кино, обрушили на читателя «интересные сами по себе» вещи. Такими же были их путевые заметки. В них Владимир Маяковский, Сергей Третьяков и Александр Родченко писали про утыканную кактусами мексиканскую ночь, небоскрёбы для провинциалов и американские горки на поездах.

Как писать?

Идейные очки и диктатура факта

Представители нового искусства писали о путешествиях по-новому. Во-первых, они наблюдали мир сквозь идейные очки. Оптику ЛЕФа определяла вера в государство будущего, которое в муках рождалось в Советской России, и их неверие в государства прошлого, которые могли сиять тысячью огней, но всё-таки были обречены. Лефовцы отмечали плюсы иностранной жизни,

их поражала передовая архитектура, технический прогресс. На это стоило посмотреть, но Запад стар и тосклив, а советская страна кипит энергией. Нью-йоркским отелям и дворцам Маяковский предпочитал разрушенную московскую мостовую. Он сравнивал: «Вот мы – “отсталый”, “варварский” народ. Мы только начинаем. Каждый новый трактор для нас – целое событие. Ещё одна молотилка – важное приобретение. Новая электростанция – чудо из чудес. За всем этим мы пока ещё приезжаем сюда. И всё же – здесь скучно, а у нас весело; здесь все пахнет гнием, умирает, гниёт, а у нас всю бурлит жизнь, у нас будущее».

Во-вторых, лефовцы преклонялись перед фактами, они пытались создавать сверхдокументальную прозу – прозу-фотографию, прозу-хронику, фиксируя всё то, что видели. Этот принцип киноглаза Дзиги Вертова, только на бумаге. Осип Брик объяснял Третьякову, как писать о путешествии в Китай: «Ты в вагоне – кодачь каждый штрих и разговор. Ты на станции – всё отметь вплоть до афиш смытых дождем». Свой травелог Третьяков назвал путёфильмой. Маяковский тоже вырабатывал в себе «фактический» стиль: «В работе сознательно перевожу себя на газетчика».

В-третьих, они писали с юмором. Чего стоит описанное Третьяковым начало путешествия: «Звонок. Свисток. Скок на площадку. Оттуда остервенелые люди. Между вами – чемодан. Матербранка».

Наконец вы оборачиваетесь и машете, чем машете – неважно, ибо уже машете водокачке.

Не высывайтесь глядя в свое прошлое.

Пройдите в купэ. Вы начали новую жизнь – товаропассажирскую».

Маяковский с иронией «переживал» отказ в латышской визе: «Я человек по существу весёлый. Благодаря такому характеру я однажды побывал в Латвии и, описав её, должен был второй раз уже объезжать её морем».

* *Онлайн-курс Екатерины Ляминой и Алексея Вдовина «Нон-фикшн»*

Почему именно травелог?

Схватить читателя

Лефовцы писали травелоги для советских граждан, абсолютное большинство которых за границу не выезжало. Тем не менее, Маяковский считал жанр популярным и многообещающим: «Езда хватает сегодняшнего читателя. Вместо выдуманных интересностей о скучных вещах, образов и метафор – вещи, интересные сами по себе».

Заметки о путешествиях издавались, тем более что у лефовцев был свой журнал. Путьфильма Третьякова «Москва – Пекин» была опубликована в ЛЕФе в 1923 году. В 1927 году «Новый ЛЕФ» опубликовал письма Родченко из Парижа домой (превращение личного жанра в публичный было ещё одним приёмом нового искусства). В 1926 году в Госиздате выходят путевые очерки Маяковского «Моё открытие Америки». Он выступает, делясь путевыми впечатлениями, его публикуют газеты.

Куда ехать?

Маршруты, встречи, «голова болит»

Проблема путешественников 20-х годов – получить разрешение не только на въезд, но и на выезд. Маяковский впервые покинул Советскую Россию как технический работник дипломисии.

Поэт девять раз выезжал за границу. Чаще всего он ездил в Берлин и Париж, центры русской эмиграции. Поэта манили Северо-Американские Соединённые Штаты (САСШ, как они назывались тогда), страна заводов Форда и подпирающих звёзды небоскрёбов. Его маршрут в Америку скорректировал визовый вопрос – Маяковский не собирался ехать в Мексику, но только там, в конце концов, смог получить разрешение на въезд в Штаты, и то на границе его арестовали. Поэт мечтал объехать вокруг света, даже составил маршрут через Токио, Буэнос-Айрес и Константинополь, но это путешествие так и не осуществил. В 1929 году Маяковскому было отказано в выезде за границу.

Родченко выехал за границу единственный раз – работать. С марта по июнь 1925 года он занимался советским павильоном на Международной выставке в Париже (рекламные плакаты Родченко и Маяковского получили серебряную медаль). За границей лефовцы держались друг друга. Встретившись в Париже, Родченко и Маяковский как следует погуляли. 29 мая 1925 года Родченко пишет жене: «Володя приехал вчера, с ним бродил вечером и ночью по Парижу, сегодня не ходил на выставку, голова болит». А в письме от 31 мая просит не докладывать Лиле, что они с Маяковским пили.

Третьяков тоже поехал за границу работать. В Пекин его пригласил Китайский Национальный университет – преподавать русский язык. Он уже был в Китае. Гражданская война застала его на Дальнем Востоке. Когда Владивосток заняли японцы, Третьяков тайно перебрался в Китай в трюме парохода. Оттуда добрался до Читы, потом до Москвы.

При следующем въезде в Китай его досмотрели с пристрастием: «Меня тормошили недолго, но подозрительно. Вся заботливо сложенная требуха разворочена, как кишки ядром. Изпод белья извлекают книгу мою, стихи и долго вертят подозрительно».

На чем ехать?

На лучших океанских пароходах

Футуристы и лефовцы с особым пиететом относились к достижениям техники. У Маяковского аэродром Бурже вызывал «сверхлуврский интерес». Третьяков детально описывал, как движутся поезда. Родченко искренне расстраивался, что передовой транспорт будет служить легкомысленной публике. Ему было обидно, что «на лучших океанских пароходах, аэро и проч. будут и есть опять эти фокстроты, и пудры, и бесконечные биде».

В 1925 году Маяковский начал путешествие в Америку с перелёта Москва – Кёнигсберг. Это была первая международная пассажирская авиалиния в Советской России. Её обслуживал пятиместный Fokker F.III с открытой кабиной пилота и с тол-

стыми крыльями, в которых возили контрабанду. По словам Маяковского, лётчик приседал на хвост и махал крыльями встречным самолётам, а в Кёнигсберге напугал всех, затормозив у самых дверей таможи. Машина, покорная человеку, – идеал Маяковского.

Третьяков делился самолётными впечатлениями в заметке «Сквозь непротёртые очки»: «У пассажиров бывает два невротических момента. Первый – желание выброситься. Мысленно переживается полёт, задых, кувырк и удар плашмя о землю в кровавый студень. Второе – страх перед только что подуманным».

До Мексики Маяковский добирался из Франции на пароходе *Espagne*, который шёл 18 дней. В «Открытии Америки» он перечисляет, из чего состоит пароход – «две трубы, одно кино, кафе-столовая, библиотека, концертный зал и газета», а ещё три класса. Поэт, шеголявший своей близостью к пролетариату, купил билет в первый.

В Соединённых Штатах Маяковского впечатляет огромное количество поездов, чистенькие электровозы, бесконечные железнодорожные линии, рельсы у самой воды или на высоте нескольких этажей, многоуровневые вокзалы.

Третьяков описывает движение поездов в Забайкалье, больше похожее на американские горки: «Средина ночи. Переваливаем Яблоновый хребет. Поезд буквально лезет на стену, задыхается. Слабосердные в вагонах тоже задыхаются. Перевал. Дальше спуск, что на салазках. Фьюуу – держи! Поезд катится так весело, что в нескольких местах устроен специальный тупик, взлетающий вверх. Если поезд у начала тупика не остановится и не докажет своей выдержки... то он ворвется в тупик, вскатит на гору, а потом назад опять на гору, и так пока не остановится».

Он же говорит о поездной романтике, о том, чем можно себя развлечь – записки, шахматы, преферанс. Он же поёт «дифирамбы» проводникам: «Проводник вагону человек глубоко посторонний и меланхолик. Название станций он знает наизусть. Один из пассажиров, дачник, погнул себе язык, запоминая на-

звание станции, сообщенное ему проводником «актоеезнает», умиляясь чисто-итальянскому скоплению гласных в этом полуазиатском имени».

Что смотреть?

Растопырить глаза

На города, а не на природу, потому что за городами будущее. Маяковский писал про случай в своём детстве: «После электричества совершенно бросил интересоваться природой». Океан казался ему скучным. Его манили горящие электричеством улицы, небоскрёбы, инженерные чудеса. Но Куба и Мексика поразили его ландшафтами и палитрой. В одной фразе о Гаване Маяковский использует сразу четыре цвета: «На фоне зелёного моря чёрный негр в белых штанах продает пунцовую рыбу». Описывая дорогу из Веракруса (куда причалил *Espagne* после остановки на Кубе) в Мехико на поезде, пишет: «В совершенно синей, ультрамариновой ночи чёрные тела пальм – совсем длинноволосые богемцы-художники».

В другом месте: «На фоне красного восхода, сами окрапленные красным, стояли кактусы. Одни кактусы. Огромными ушами в бородавках вслушивался нопаль, любимый деликатес ослов. Длинными кухонными ножами, начинающимися из одного места, вырастал могей. Его перегоняют в полупиво-полуводку – “пульке”, спаивая голодных индейцев. А за нопалем и моге-ем, в пять человеческих ростов, ещё какой-то сросшийся трубами, как орган консерватории, только тёмно-зелёный, в иголках и шишках». В мексиканской столице тоже безумная палитра: «Мехико-сити плоский и пёстрый. Снаружи почти все домики – ящиками. Розовые, голубые, зелёные. Преобладающий цвет розовато-жёлтый, этаким морским песком на заре».

Нью-Йорк впечатлил поэта при первом знакомстве. И как Нью-Йорк обрушился на Маяковского, так Маяковский обрушивает его на читателя. «Больше, чем вывороченная природа Мексики поражает растениями и людьми, ошарашивает вас выплывающий из океана Нью-Йорк своей навороченной стройкой и

техникой. Я въезжал в Нью-Йорк с суши, ткнулся лицом только в один вокзал, но хотя и был приучаю трѣхдневным проездом по Техасу, глаза всё-таки растопырил». Это цивилизация после объявлений «В Мехико-сити без штанов вход воспрещается».

Поезда повсюду, на Бродвее столько света, что можно читать чужую газету на иностранном языке, кино и театры, магазины. Но когда первое впечатление проходит, Маяковский делает неутешительный вывод: Нью-Йорк – это город-показуха, созданный для втирания очков провинциалам.

Для Маяковского Нью-Йорк – нагромождение предметов, город без плана, город, где правит доллар и средневековая мораль. Ему нравились небоскрѣбы – самые чудесные здания («Одни дома длиной до звѣзд, другие – длиной до луны»), но его раздражают украшения небоскрѣбов и особенно стиль бозар. Шум Нью-Йорка – неорганизованный, в нём не звучит мотив строительства нового мира (в отличие от СССР).

Что хорошего осталось от Америки после того, как Маяковский разочаровался в небоскрѣбах? Чикаго, который не прячет свои фабрики и живѣт без явного хвастовства. Завод Форда в Детройте – если отрешиться от рабочего вопроса. Бруклинский мост с его стальными канатами – именно сюда Маяковский отправился на первую прогулку со своей будущей возлюбленной Элли Джонс.

Мост через Ист-Ривер стал ещё одной любимой достопримечательностью поэта наравне с Эйфелевой башней, которую он в стихах приглашал в СССР и обещал «до солнц расчистить <еѣ> сталь и медь». Мост, как и башня, порадовал поэта, прежде всего, как огромная железная конструкция в воздухе. Маяковский посвящает им стихи. Эйфелевой башне:

Не вам –
образцу машинного гения –
здесь
таять от аполлинеровских
вирш.

Для вас
не место – место гниения –
Париж проституток,
поэтов,
бирж.

Бруклинскому мосту:

Я горд
вот этой
стальной милей,
живѣм в ней
мои видения встали –
борьба
за конструкции
вместо стилей,
расчѣт суровый
гаек
и стали.

Жаль, что Маяковский не увидел ажурного моста ученика Эйфеля в Порту.

Про Париж Маяковский всегда писал разные вещи – он то ошеломляет его, то надоедает ему. Во французскую столицу он, конечно, ехал не для того, чтобы, как художники былых времен, приложиться к мощам искусства. В стихах говорил – «Парижская жизнь не про нас». Но всё-таки ездил. Поэту нужна была конфронтация, это было топливом для его искусства.

Родченко тоже недоволен Парижем, он пишет: «Париж из Москвы один, а в Париже он совсем другой». Художник профессиональным взглядом осматривал уличную рекламу, но она не произвела на него особого впечатления. Маяковский пошѣл дальше – предлагал пустить электрическую рекламу по Нотр-Даму и вставить лампочки в глаза химер.

Родченко посетил Лувр, ходил в кино и цирки, посещал шоу. Танцы полуголых женщин, которые пропагандировали культ женщины как вещи, ему не нравились. Художнику нравилось метро, где рабочие пели «Интернационал». Эйфелева башня ему тоже приглянулась – он мечтал жить рядом, чтобы не теряться во французской столице.

Родченко развенчивал понятие французского шика. «Шиковали» в Париже скорее соотечественницы: «Француженки очень мало красятся и не очень шикарно одеваются, многие совсем некрашеные. Это наши, приезжая, перефранцузят».

Как объясняться?

Айскримы и гачупины

Ни Маяковский, ни Родченко не знали иностранных языков. В Германии Маяковский мог как-то объясниться, во Франции ему помогала сестра Лили Брик – Эльза Триоле, в Америке – старый друг, поэт-футурист Давид Бурлюк. В очерке «Как я её рассмешил» поэт рассказывает, что в совершенстве он владел только одной фразой на английском – вы не могли бы налить ещё чаю? А вот Сергей Третьяков языки знал и даже занимался переводами (он был одним из первых переводчиков Брехта на русский).

Левовцы, слыша иностранную речь и наблюдая незнакомые надписи, наполняли свои заметки стритами, этуалями, айскримами, корнерами, блё, тикетами, гачупинами, муви. Третьяков стал свидетелем забавной истории о смешении языков: «Пытаемся поужинать – разговор только по-английски, да и то бойлакей японец понимает его лишь в пределах названий блюд. Сидящий неподалеку тучный русский орёт бою – «хам». Вы думаете, он ругается? Нет, он требует ветчины».

Что есть?

(Кроме «хама»)

Родченко описывал свои французские трапезы: на завтрак в восемь утра он ел две булки с маслом и выпивал две чашки

кофе, на второй завтрак в полдень ел зелень, бифштекс, сладкое и выпивал полбутылки вина, в шесть-семь обедал. Иногда попадался мерзкий суп. Из вин ему пришлось по душе «Шаббли». В Париже он страдал от отсутствия чая и папирос без мундштука.

Маяковский стал гостем Диего Риверы на традиционном мексиканском обеде. «Сухие, пресные-пресные тяжелые лепёшки-блины. Рубленое скатанное мясо с массой муки и целым пожаром перца.

До обеда кокосовый орех, после – манго.

Запивается отдающей самогоном дешёвой водкой – коньяком-хабанерой».

В Америке было принято есть на бегу – день миллионов начинался с паршивого кофе и одинакового жирного бублика. Несмотря на сухой закон, выпить в Нью-Йорке можно было в любом заведении – начиная со второй комнаты. Маяковский, похоже, тоже посещал эти «тайные» коктейльные бары: «Джентльмена пропускают в соседнюю комнату – там с засученными рукавами уже орудуют несколько коктейльщиков, ежесекундно меняя приходящим содержимое, цвета и форму рюмок длиннейшей стойки».

А вот в Пекине после стихов Третьякова есть вряд ли бы захотелось: «Из язв харчевен тучный выпух гангреной пищи обложил»...

Куда идти на шопинг?

Шуба за доллар

В 1920-е годы Европа была дешёвой для советских граждан из-за высокого курса рубля. За один рубль давали примерно 10 франков. Германия с неконтролируемой инфляцией была раем для всех иностранцев. В Берлине Маяковский и Брики вели роскошную жизнь («как всё в Германии дешёво!»). Они жили в отеле Kurfurst в районе знаменитой Курфюрстендамм, которую в те годы называли Нэпским проспектом. В Берлине Лили смогла купить шубу за сумму, равную одному доллару.

В 1924 году Маяковский пишет ей из Парижа: «Первый же день приезда посвятили твоим покупкам, заказали тебе чемоданчик – замечательный – и купили шляпы, вышлем, как только свиной чемодан будет готов. Духи послал; если дойдёт в целости, буду таковые высылать постепенно». Знаменитое «голое» платье Лили тоже было парижским подарком от «Володика». О себе Маяковский пишет, что «постепенно одевается», хотя и «без энтузиазма».

Но даже без энтузиазма Маяковскому удалось то, что некоторым не удаётся даже с энтузиазмом. На фотографиях он то в костюме, с тростью, в шляпе, то в кепке, то в канотье. Пролетарский поэт – икона стиля. Маяковский одевался в парижском магазине английских товаров Old England где покупал рубашки (в основном однотонные пастельных тонов: нежно-розовые, песочные, голубые), галстуки, носки, пижамы. Там же он приобрёл резиновый складной таз для душа – единственная вещь, которая смогла рассмешить героиню очерка «Как я её рассмешил». Таз, как и мыло, следовали за поэтом повсюду – он маниакально боялся заразы.

Родченко тоже приоделся в Париже. Он докладывает жене: «За гроши, то есть за 80 рублей, я купил костюм, ботинки и всякую мелочь». Он покупает себе воротники, галстуки, фуфайки, подкладку под кожаное пальто, перчатки, жене планирует купить пояс, шляпу, туфли, чулки, пальто, папиросы на пробу. Также художник приобретал фото- и видеоаппараты. Матери в подарок вёз граммофон.

Родченко, теоретик и адепт прозодежды и критик общества потребления, возвращался в Москву – по его собственным словам – совсем западником: «одетый в 10 рубашек, три костюма и с чемоданом аппаратов».

Самая известная покупка Маяковского во Франции – Renault для Лили Брик. В октябре 1928 года он пишет, что пока нет нового договора, нет и денег: «На машины пока только облизываюсь – смотрел специально автосалон». Но поэт получает гонорар за пьесу «Клоп», советуется со своей парижской возлюбленной Та-

тьяной Яковлевой и в ноябре покупает для Лили Renault NN за 20 тысяч франков. Снизу машина была светло-серой, сверху – чёрной. Предвосхищая пересуды, Маяковский пишет:

Ну что ж,
простите, пожалуйста,
что я
из Парижа
привёз Рено,
а не духи
и не галстук.

По дороге Москва–Пекин шоппинг был совсем другого рода: в Екатеринбурге продавались каменные мундштуки и кольца с аметистами и топазами, в районе Вятки – корзины. В Омске предлагали масло, на станции Буй поезда наполнялись бомбами сыра. Третьяков пишет: «Для человека, любящего покушать, – путь Москва–Чита это проход в верхних торговых рядах».

Доллары на территории Советской России в поездах не принимались. Третьяков рассказывает прямо-таки булгаковскую историю, только в роли нечистой силы у него выступал Совнарком: «Гораздо сложнее было положение немца и других иностранцев, когда в вагон-ресторане у них отказались принять американские доллары в уплату за обед и потребовали червонцев, которых у них не было. Я живо представил себе это ощущение – набит карман бумажками, лучшей в мире валютой, и вдруг, как под декретом Совнаркома эта валюта превращается просто в смешную пачку клозетных бумажек». Иностранцам приходилось ждать Манчжурии, где в буфетах принимали доллары и иены.

Сколько денег брать? «При себе 637 долларов»

Сколько же денег везли лефовцы за границу? Об этом есть только обрывочные сведения. Маяковский явно не экономил на

перемещениях. Перелёт Москва – Кёнигсберг стоил 100 долларов. На пароходе *Espagne* Маяковский путешествовал в первом классе, хотя и жаловался Лиле на цену билета. И в первом классе он поехал после того, как в Париже его обокрали.

Родченко пишет 10 июня 1925 года: «У Володьки несчастье. Вытащили из кармана все его деньги для Америки, 130 долларов, он теперь без копейки. Но ему одолжат в посольстве, мне он был тоже должен 280 фр., наверно, уже не отдаст». В другом месте говорится, что у него украли бумажник с 25 000 франков. Поэт обратился в Торгпредство СССР и получил аванс за собрание сочинений – 2 000 рублей.

Когда Маяковский въезжал в США, он заплатил залог 500 долларов. В разрешении на въезд говорилось, что границу пересекает художник, «имеющий при себе 637 долларов». По нынешнему курсу это больше 8 000.

* * *

Маяковский писал в блокноте из чёрной кожи, на скамейке в парке, улавливая звучание городов. Родченко писал в гостиничных номерах перед сном о том, как прошёл его день. Третьяков писал в крепком блокноте «формата печной заслонки», в поездах, почерком, который было невозможно разобрать. Совершили ли они революцию в травелогге? И да, и нет. С одной стороны, они перевернули традиционный взгляд на Нью-Йорк и Париж, называли их скоплением предметов, считали недо-разумением без плана, из достопримечательностей признавали только Эйфелеву башню и Бруклинский мост. Лефовцы создавали прозу, в которой не было места полутонам. Они вводили новые темы, изобретали новые способы – по кадрам разложили путь из Москвы в Пекин – и новые слова. С другой стороны, они сами становились западниками, когда впервые видели Манхэттен, шикарно обедали или шли за покупками. В любом случае, лефовские травелоги – прекрасная альтернатива стандартным путеводителям, где всё предсказуемо, выглажено и неконфронтационно.

Михаил Колесников*

Её муж

Он преследовал меня всюду – свистел из щелей на потолке и подглядывал сквозь выжженную кнопку лифта. «Только не заслонить дыру!» – всякий раз, вызывая лифт, я опасался укола в палец. Его рука пряталась в туалетной сушилке, он загадочно выль в кондиционере и вместе с голубями осаждал наш офисный подоконник. Ранняя пташка – такие добиваются карьерных высот, – просыпается он в половине шестого, минута в минуту, бе-гает, – летом в шортах, а зимой в биатлонных лосинах, – затем принимает ледяной душ. Должно быть, у него кожа без складок с филигранно завязанным пупом. Его рот насмешливо изгибался в узорах растворимого капучино.

Он – муж Веры Харовой. Этот мужчина жил со мной почти год – ровно столько мы с Верой проработали на одном региональном телеканале.

– Мой Лёша, если утром не съест сыра, потом ходит сам не свой, – говорила она.

А я с детства не люблю сыр. И молоко тоже. Лёша – моя противоположность. Иногда мне казалось, будто его не существует, он – свист в моей голове.

* *Онлайн-курс Марины Степновой «Язык и стиль: как писать хорошо»*

Утро. Над заводом с примыкающими многоэтажками шаром подтопленного мороженого плывёт облако. Балкон гримёрки открыт, тюль выгибается в лучах под ритмы грохота фургоннов. Пылинки ездят по линолеуму, взлетая на трамплинах складок. Я прикован к креслу с петлёй на шее – сейчас Вера будет меня стричь. Устало свалив ногу на ногу, покорно слушаю отчёт о том, как Лёша провёл выходные. Её шарф морит запахом мужского дезодоранта.

– Это я у мужа шарф стащила.

От Лёшиного духа я зеваю. Вера где-то за мной – моя голова наклонена вниз, я не вижу её, только ловлю затылком выдохи. Она лязгает ножницами – небрежно, холодно, как патологоанатом.

– Фу, какая причёска. Не эфирная, – кидает Вера.

Я не сразу догадываюсь, что это в адрес телевизора, висящего на стене, там транслируют столичные новости.

По её бедру елозит кобура с косметикой, расчёсками и пучком ножниц, – таких приборов я больше ни у кого из стилистов не замечал.

– Тю, да это обычный подсумок. Сразу видно, что ты не работал на кино.

О, кино.

Тогда, в начале нулевых, мечта о киноэкране, больших бюджетах, о съёмках с каскадёрами благоухала, созревала, её очертания становились более ясными, но никто, кроме Веры, не смел заговорить о кино первым. Предвкушая разговор, её взгляд упоённо сновал по гримёрке, как самка комара в первых числах августа. Когда она произносила это слово, её уши заострялись, она – летучая мышь – впивалась зубами в шею собеседника. Но и тут присовокупляла Лёшу – ведь он-то как раз и работал в кинопроизводстве.

– В кино не принято говорить «последний», хотя это сугубо наша, киношная привычка. Это слова моего мужа, – и она гордо шатала своё отражение в своих очках.

Кино – её слабость. Храм, куда ходят только избранные, – не я. Мне нельзя. Может, ей казалось, будто я ненавижу её за это, презираю – как в любом маленьком городе презирают любых мечтателей.

Вера выкраивала время на чтение и фильмы, регулярно демонстрируя изысканность словарного запаса. Она частила со словами *ханжа*, *схолост*, *подспудно*, но чаще всего она употребляла слово *сноб*. Снобом у неё был каждый второй. Как-то раз после нервной командировки я грубо высказался о наших водителях, – и она определила меня в снобы.

– Ты сноб. Нельзя так. Вот мой муж говорит, что каждый водитель – это кладёзь драм, жизненных историй. Это готовые кинообразы!

Однажды – когда уже у всех были мобильники – я застал Веру за разговором с ним. Она стояла на лестнице между этажами, двигая сигаретой рваную консервную банку.

– Нет! Нет, Лёша, я не буду. Ты! Отведёшь Настю в садик. Сделаешь уроки с Витей. Точка.

Я успел увернуться от её взгляда.

Зимой я мёрз. В феврале мы снимали передачу, эфир которой планировали на весну – поэтому и одежду для меня подбирали не слишком зимнюю. Мне купили пальто, это был фасон «дойти от джипа до офиса и обратно». Пальто не грело, оно просто висело – разрешая моим плечам побыть его вешалкой. Язык и челюсть дрожали. и я невнятно говорил подводки. После двух дней меня протянуло.

– У моего мужа, например, когда он был на кинопроекте, зимой актёрам выдавали халаты, их накидывали на себя, чтоб было теплее, перед уличными сценами. Почему бы вам так не сделать? – напутствовала Вера по телефону.

– Ты издеваешься надо мной? – хрипел я.

– Нет. А что тут такого?

– Вот так, тупо на верхнюю одежду, накидывали эти халаты и расхаживали в них? На глазах у прохожих?!

– Ну да. Какая разница, что люди думают? Зато тебе не холодно.

Я бредил. Коктейль из халата, кино и снега безжизненно пенился в моей горячей голове. Когда реактор перегрелся, ко мне в комнату вошёл её муж. Он был в красной куртке и белой маске, в руке тащил какой-то ящик.

«Убей меня! Ты ведь этого хотел...» – безразлично думал я.

– Дорогой, скорая приехала.

Мне поставили капельницу.

В бреду я ходил перед Дворцом Культуры, – сухой снег звонко чихал под каблуком. На мне было пальто, шарф, пропитанный Вериним мужем, где-то сверху трепыхался зелёный халат. Огромным пятном плыл я, слепо задевая прохожих, – они оглядывались.

– Во даёт!

– Эй! Полегче!

Старики язвительно тыкали пальцами. Охранники ресторанов, моргая, щупали под животами газовые баллончики. Двое бездомных, задержав чекушки у щербатых ртов, долго всматривались в мой облик, точно пытаясь кого-то узнать, в конце концов один из них едко – так, чтоб я услышал – выкрикнул:

– Нет, это какой-то доходяга! Её муж не такой!

Её муж победил меня.

В марте я уволился и поехал в Москву. Я не застал тот день, когда Верин голос произнёс новое слово: *Сенегал*, – туда Лёша полетел снимать эпизод какого-то фильма. «Сенег-а-ал!» – этот свинцовый шар катался по коридорам телестудии всю весну, лето и осень, ненасытно давя всё живое на пути.

В канун Нового года Вера пошла к своей парикмахерше Карине, – у стилистов они тоже есть. И там застала её с Лёшей. Нет, она не врывалась в квартиру, не выцарапывала глаза, не кричала. Она тихо стояла под дверью, из-за которой доносился шорох. Ещё секунда, две, – она решила бы, что послышалось, что Кари-

ны нет дома, развернулась бы и ушла. Но кто-то затопал, крутнул замок и в дверь высунулся влажный торс. Это был Лёша.

Хотя, наверное, даже не в этом смысл – ведь она точно простила бы Лёше измену.

Развода потребовал он сам.

Елена Николая*

Парижские каникулы

Парижское метро не было красивым, как московское, оно было простым и удобным, короткие расстояния между станциями. Вообще, Париж был совсем другой. Не такой, как Москва. Узенькие улочки, старинные особняки, булыжные мостовые. Вера любовалась Латинским кварталом, парком Люксембург и Марсовым полем, представляя в небе воздушный шар с изобретателем Бланшаром. Восхищалась крохотными сырными лавками и булочными, откуда тянуло выпечкой и ванилью. Ей хотелось найти здесь местечко и для себя. Как она будет жить без Парижа? Денег, собранных на поездку, еле хватило на неделю, а ей так хотелось остаться. Перед поездкой она перебрала все возможности, но так и не успела как следует вспомнить школьный французский, так ей было невтерпёж. Теперь она поняла, как глупо ехать с наивными иллюзиями в чужой город и пытаться найти работу. Она поздно возвращалась в маленький отель, смущаясь от ворчания ночного портье. Июльские ночи самые светлые, а Париж оказался таким уютным. Разве возможно обойти Москву за один день с юга на север? Париж – запросто. За день можно пройти сотни улиц и помечтать на набережной Сены, рядом с зелёными ящиками букинистов со старыми книж-

ками, гравюрами и почтовыми открытками прошлого века. Она спала мало и беспокойно. Падала на кровать, сбросив стоптанные сандалии в белой пыли сада Тюильри, а утром торопливо готовилась к встрече с городом. Он был её возлюбленным, дразня невозможным и пытаясь очаровать, ничего не обещая взамен.

Она бродила по городу, впитывая в себя каждый уголок, каждый сквер, наблюдая за парочками на скамьях среди густой летней листвы. Видела тысячи лиц, улыбалась незнакомым. Прочла все объявления о работе в русских церквях, но звонить с мобильного не могла, денег не было. А из отеля боялась, вдруг ей нечем будет заплатить в день отъезда. Наблюдала за семейками в парках: папы ловили бегающих малышей, мамы болтали с подружками, листая журналы, и впитывала в себя их жизнь, их радости, красивый и звучный язык. В сознании всплывали давно забытые глаголы и смутно знакомые фразы на французском.

Она сама могла показаться смешной и немного старомодной, как неровные булыжники и храмы с чёрными от городской копоти стенами. Седые волнистые волосы подколоты шпильками в низкий шиньон, лицо сияло таким восторгом, что иногда на неё оборачивались прохожие, а она этого и не замечала.

Она ни с кем не поделилась своим желанием поехать в Париж. Семьи и детей у нее не было, зато каждый год – по тридцать малышей начальных классов. Их надо было научить тому, что дети должны знать в семь лет, утереть носы, когда они плакали, и рассказать, как устроен мир. Она учила и любила их больше тридцати лет, а этим летом её неожиданно отправили на пенсию. Прислали письмо и документы на подпись. Она сначала растерялась, а затем вспомнила, что давно мечтала увидеть улицы, по которым ходили Бальзак, Мольер и Марсель Пруст. Сняла в банке всё, что было, и вот она здесь. Она была счастлива. Деньги кончились быстро, но она увидела Лувр, собор Парижской Богоматери и Сорбонну. Пер Лашез она оставила на последние дни. Она не любила кладбищ. Родители покоились на Ваганьковском, и она навещала их в годовщину свадьбы. Даты

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

смерти – грустные даты. А дата любви всегда останется радостной. Родители умерли в один день, 31 мая, с разницей в десять лет, и она надеялась, что им теперь не так одиноко, как было одиноко маме последние годы.

Пер Лашез удивил отсутствием грусти и величественными аллеями. Она наслаждалась тишиной и запахами раннего утра, положила по цветку Шопену и Эдит Пиаф, долго стояла в колумбарии возле таблички с именем Айседоры Дункан, вытирая слёзы. Сзади раздалось вежливое покашливание, и чья-то рука протянула белый тканевый платок. Она машинально взяла, провела по мокрым щекам, спохватилась: «Испачкаю...» Обернувшись, наткнулась взглядом на мужчину в круглых очках и светлой шляпе, похожего на Чехова. Он стоял, опираясь на трость из тёмного дерева, высокий и неуклюжий в мятом льняном пиджаке.

– Merci, Monsieur, c'est tres gentil!¹ – Удивилась, как легко говорить на французском.

– Вы говорите по-русски? – Лёгкий акцент аккуратно произнесенной фразы.

– Да, я русская, недавно в Париже. – Разговор завертелся, закружился, о Париже, о Москве, откуда он знает русский и почему она любит Францию.

– Шарль Давиньи. – Мужчина слегка поклонился.

– Вера Аркадьевна Голицына, можно Вера. – Впечатления от путешествия выплёскивались с такой непосредственностью, что через несколько минут она забыла, что плакала, и рассказывала обо всём, что её поразило в Париже.

Она говорила и говорила, иногда останавливалась и трогала Шарля за рукав, продолжая делиться увиденным. Под кронами старых разлапистых дубов прыгали солнечные зайчики, чуть позже солнце сжалилось над ними и спряталось в рыхлую вату облаков. Они пересекли Бульвар Вольтера и вышли к площади Вогезов.

– Я могу пригласить вас на обед? – спросил Шарль.

¹ Спасибо, господин, это очень любезно (фр.)

– Я вас не задерживаю? Заболталась совсем, – смешалась Вера.

– У меня давно не было такой очаровательной собеседницы.

Вера забыла, что способна быстро краснеть, а Шарль ничем не выдал, что заметил её смущение. Они устроились под арками среди столиков с красно-белыми шашечками скатертей. После обеда Шарль захотел показать Вере свой Париж, и они долго бродили по району Маре. После Музея Пикассо он рассказывал Вере об ордене тамплиеров и Марии-Антуанетте. Маковый рулет на улице Розье в крошечном кошерном кафе оказался бесподобным. День тонул в тёмной воде Сены.

– Благодаря вам мой последний день в Париже оказался таким чудесным, – сказала Вера.

– Последний? – расстроился Шарль.

– Завтра поезд, да и деньги кончились, – рассмеялась Вера, – но боже мой, какая это была неделя!

– У меня пустует квартира в Париже, я сейчас живу за городом, можете остановиться у меня и уехать чуть позже, – неожиданно предложил Шарль.

– Что вы! Вы же меня совсем не знаете.

– Как не знаю? Мы с вами общались... – Он посмотрел на часы. – Почти девять часов. – Растерянность Веры придала ему храбрости. – Мы можем поменять билет и сейчас.

– Шарль, уже поздно, билет у меня в гостинице... и я ведь тоже совсем вас не знаю, – тихо сказала Вера.

– Хорошо, – согласился Шарль. – Во сколько у вас поезд?

– Где-то в обед...

– Я провожу вас. Утром решите, вокзал или Париж. Вы же не видели Версаль?

Вера достала из сумочки карточку с адресом отеля и позволила Шарлю взять такси. Ведь он прав, ещё есть несколько часов. Чемодан собран, но так хотелось побыть здесь ещё немного, спешить некуда. Душная Москва или Версальский дворец? Да и когда она сможет вернуться?

Утром на вокзале Гар-дю-Нор Шарль поменял билет с её единственным условием, что она вышлет деньги, когда вернётся в Москву.

– Здесь еще жили мои родители. – Шарль попытался снять с себя ответственность за антикварную мебель квартиры в двух шагах от Эйфелевой башни.

– Очень красиво, – пробормотала Вера, – но я ругаю себя, что навязалась на вашу голову.

– Вера, – улыбнулся Шарль. – Сколько вам лет? – И сам себе ответил: – Мы с вами не так молоды! Если не делать глупостей сейчас, то когда же?

– Вы правы, – рассмеялась Вера, – билет поменяли, денег на отель у меня всё равно нет. Я просто боюсь, что буду совсем несчастна, когда вернусь.

Версаль покорила королевскими покоем и фонтанами. Бретань, устричные фермы, виноградники Шампани. Столько красоты в такой маленькой стране! Как в Реймсе могут сочетаться собор крещения французских королей и фасады ар-деко? А секрет залива Мон-Сен-Мишель?

Они многое узнали и друг о друге. Шарль родился в Бордо, семья занималась торговлей винами, и он – один из акционеров компании по продаже вина в Европе и России. Вера из рода Голицыных, родители были учителями истории, и от них в наследство она получила эту беспредельную любовь к Франции. Первая жена Шарля похоронена на кладбище Пер Лашез, дочь живет в Америке. Второй брак продлился недолго.

Они были удивительно похожи. Оба сентябрьские Девы. Любили Бодлера и Стендаля, Вагнера и Чайковского. По утрам Шарль заезжал за ней, и они вместе завтракали, обсуждая планы на день. Она смотрела на его красивые руки и удивлялась, что ему за шестьдесят. Волосы с проседью, загорелое лицо, даже с тростью он не выглядел стариком. Нашли адрес русского букиниста возле Сорбонны, выбрали несколько книг и толстый русско-французский словарь. Вера читала его на ночь вместо романа.

В один из дней они отправились к замкам Луары, и Шарль сказал ещё утром, что приготовил для нее сюрприз. Замок Шенонсо был невообразимо хорош, и Вера подумала, что это и был сюрприз, но они поехали дальше, в сторону Атлантического побережья. За спиной остался городок Анже, и Вера закрыла глаза. Проснулась от шелеста шин по гравии. Их встретил Анри, помощник Шарля, рядом крутился золотистый ретривер по имени Виски. Дом принадлежал семье Шарля, но бывали здесь крайне редко. Перед ужином Анри поставил на столик шампанское в ведёрке со льдом и оставил их одних.

– За тебя, Вера.

– Спасибо, Шарль. Ты знаешь, я буду ждать тебя в Москве. И еще мы съездим в Санкт-Петербург и в Новгород. Конечно, у меня нет замка, – засмеялась она, – но у тебя будет отдельная спальня.

– Ты помнишь, я обещал сюрприз, – серьезно произнес Шарль. – Он на дне бокала.

Вера чуть нагнула бокал, в котором что-то звякнуло.

– Что же это может быть? – Не принимая всерьез тон Шарля, она выудила ложечкой кольцо.

– Выходи за меня замуж, Вера. Ты не можешь опять сказать, что мало знаешь меня, я пытаюсь показать себя с самой хорошей стороны уже дней десять.

– Уже десять! Мне осталось всего несколько дней? – пробормотала Вера.

– Если твой ответ «нет», то тогда четыре, а если ты согласна, то у нас впереди лет двадцать, и я смогу показать тебе всю Францию, да и весь мир. Завтра мы возвращаемся, а сегодня с нами ужинает мой старый друг Паскаль, я хотел вас познакомить.

На ужин Анри приготовил перепёлку под апельсиновым соусом, достал из подвала бутылку Шато Марго, кофе пили на летней террасе. Вера немного освоилась с французским, и весь вечер они говорили о литературе. Она вышла на кухню за бутылкой воды и возвращаясь услышала несколько фраз.

– Я сделал Вере предложение, – голос Шарля.

- Да, я так и понял...
- Ты помнишь нашу поездку в Москву, Паскаль? В восемь-десять пятом. Нашего гида Ольгу?
- Её невозможно забыть.
- Мы с ней стали близки перед отъездом. В Париже мне казалось, что я быстро её забуду, что все будет как прежде. Работа, семья, рутина... но я постоянно думал о ней. Вернулся через полгода в Москву, искал её...
- Почему ты ничего мне не сказал?
- Зачем? Я не нашел её, она больше не работала в Интуристе, ни телефона, ни адреса у меня не было.
- А ты всё же уверен, что сегодняшняя Вера не охотница за богатыми мужьями? – саркастически произнес Паскаль
- Перестань, она не такая...
- Не такая, – передразнил Паскаль. – Все они одинаковые.

Разговор смолк. Вера подождала несколько секунд, ей казалось, что всем слышно, как колотится её сердце. Вернулась к столу и почти сразу ушла, сославшись на усталость. Виски составил ей компанию и улёгся на коврик около кровати.

Утром пёс первым вскочил на заднее сиденье, и они неожиданно взяли его с собой. До даты, напечатанной на билете, оставалось несколько дней, но в их отношениях что-то изменилось. Исчезла лёгкость первых дней. Затяжных разговоров было все меньше. Вера несколько раз пыталась заговорить о том, что услышала там, на террасе, но не находила смелости. Ей почему-то становилось стыдно и очень грустно.

В день отправления поезда Вера попросила Шарля вывести собаку, пока она накрывала к обеду. Когда он вернулся, на одной из тарелок лежали конверт и кольцо. Она благодарила Шарля, просила прощения. Оставила московский адрес, если Шарль не передумает приехать. В дорожную сумку закинула белую рубашку, свидетельницу её счастья, и тяжеленный словарь. Дорога на вокзал заняла полчаса, поезд «Париж – Москва» отходил с четвертой платформы. Её вагон был в головной части поезда, оказавшись первым классом, и ей снова стало больно от того,

что она и не догадалась раньше взглянуть на билет и сказать Шарлю спасибо. Проводника нигде не было, она поднялась по ступеням, нашла купе, бросила сумку на кушетку и вышла в коридор, вглядываясь в провожающих, будто искала кого-то. Двери поезда закрывались, когда она заметила движение в начале платформы и приблизила лицо к стеклу.

По перрону бежала жёлтая собака в оранжевом ошейнике. За ней спешил Шарль, рубашка выбилась из брюк, он был без трости и сильно хромал. Споткнулся обо что-то ей невидимое, упал. Вокзальный полицейский успел наступить на поводок, собака скулила и рвалась к поезду. «Боже мой! Что я делаю!» Вера бросилась к выходу. Она колотила в дверь, нажимала на рычаги, но поезд медленно катился вдоль перрона. Собаки уже не было видно. Да и было ли все это вообще? Вера лихорадочно огляделась, уткнулась взглядом в блестящую ручку на стене тамбура, зажмурилась и рванула на себя стоп-кран.

Дарья Новакова*

Маска

– Масок нет! – на всю аптеку закричала фармацевт.

Очередь вздрогнула и заволновалась. Константин Иванович, стоявший последним, никак не отреагировал. Ему было всё равно.

– Для кого мы объявление писали? – продолжала распалываться аптекарша. – Вот, русским по белому написано: масок нет, санитайзеров нет, перчаток одноразовых нет! – И она ткнула пальцем в стекло перед собой.

– Да мы так, узнать хотели, – миролюбиво сказала какая-то девушка в очереди, – а вдруг завезли?

Остальные поддакнули.

– Вы сами-то в маске, – заметил кто-то в очереди. – И в перчатках.

– Это только для сотрудников аптеки!

Очередь стала расходиться. Та самая девушка, видимо, из чувства вины купила валерьянку и ушла.

– А вам что? – недовольно спросила фармацевт Константина Ивановича. Тот молча протянул мятый рецепт.

Она взяла и стала всматриваться, словно не понимая, что именно там написано. Он вдруг заметил, что поверх маски на

него смотрят усталые глаза. Ему показалось, что она хотела их почесать – уже потянулась было руками, но вовремя осеклась.

– Вы уж простите, что я так грубо, – вдруг произнесла она, будто снимая маску. – Просто все как помешались с этим вирусом. А у меня двое детей и муж, которые постоянно просят что-нибудь пожевать. Девочка – дошкольница, а мальчик во втором классе учится... Онлайн, конечно. Они мужа постоянно донимают: то тут мультик включи, то подключи к конференции, то поиграй. А ему ведь тоже работать надо. Я вот смену закончу и до ночи готовлю ещё. А ведь сама боюсь вирус домой принести...

Константин Иванович как будто не слушал.

– Мне бы лекарство свое получить, – наконец, сказал он.

Она отпустила ему препарат – мощнейшее обезболивающее – и он направился домой. По дороге он думал вовсе не о вирусе, а о жене. Она умирала, и он ничего не мог сделать. Шторы у неё в комнате были задёрнуты, а часы тикали.

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

Екатерина Петровская*

Остановка по требованию

Был обычный летний вторник, похожий для Жеки на все остальные дни недели. Он уже предвкушал, как вернется домой, откроет скрипучую калитку, достанет из холодильника бутылочку холодного пива и сядет с ней на крыльце, как отец спросит своё традиционное «что на работе?», и, закурив папиросу, примостится рядом, как старый пёс Пират приковывает тяжёлой походкой, и, вздохнув, ляжет у их ног.

Но перед самым концом рабочего дня его вызвал к себе хозяин. Он сидел в стеклянной конторке, отделявшей его от пространства строительного магазина. Здесь он мог наблюдать за всем, что происходит в зале. Хозяин долго мялся, вытирал платком потную лысину и мясистую красную шею. Потом, тяжело дыша, принялся распинаться о сложных временах и нестабильной обстановке, о высоких налогах и проверяющих компаниях. Жека чувствовал себя неуютно: хозяин не смотрел на него, он склонился над столом, заваленным бумагами, отчего Жеке казалось, что с ним разговаривает лысина. Жека разглядывал странный мячик в сеточке, который вертела в руке лысина. «А это стрессбол. – Хозяин, видимо, почувствовал его взгляд. – Помогает при нервах». Он надавил на мячик, и тот превратился во множество мелких шариков, похожих на виноград. Жека усмех-

нулся и по своей дурацкой привычке шмыгнул носом. «М-да, – промычал хозяин. – Но ты все понял? Значит, к сентябрю подыскивай себе работу». Жека кивнул и вышел из кабинета. Он долго стоял в нерешительности, не зная, что делать дальше. Слова медленно обретали смысл. С сентября он безработный. Найти что-то подходящее в их краях было практически невозможно, и ему очень повезло продержаться на этом месте целый год.

Стрессбола у Жеки не было, поэтому он купил по дороге две банки пива. Старый, перекошенный набок автобус еще советской эпохи, как всегда, был забит под завязку. Жека с трудом в него втиснулся и, будучи маленького роста, уткнулся прямо в огромные груди стоявшей рядом женщины.

«Молодой человек, – громко заверещала она, – напились, так ведите себя прилично». Жека попытался высвободиться из грудастого плена, но сзади напирала, и он только усугубил свое положение.

«Следующая остановка “Бобры”, по требованию», – любезно сообщил механический голос. Вот уже сколько лет Жека каждый день проезжал по этому маршруту, и ни разу за всё это время здесь никто не сошёл. Остановка всегда была пуста, и автобус, не замедляя хода, пролетал мимо. Всем было известно, что в Бобрах жизни нет. Сам не понимая, почему, может, из-за того, что за Бобры стало немного обидно, Жека нажал кнопку. У водителя раздался звонок, он по инерции проехал мимо остановки, и Жека уже было подумал, что не судьба ему нарушить привычный уклад, но автобус возмущенно выдохнул и резко затормозил. Все пассажиры разом замолчали и удивленно уставились на Жеку. Двери открылись, водитель приподнялся, чтобы получше рассмотреть странного пассажира. Жека протиснулся к выходу и выбрался наружу. Он с вызовом посмотрел на удалявшийся автобус, потом открыл банку с пивом и закурил сигарету. Бравата постепенно прошла, по сути, он повёл себя глупо, тем более, что рейс был последним. Придется ловить попутку.

Жека огляделся: домов поблизости не было, только лес со всех сторон. Зачем здесь вообще сделали остановку? Чуть пра-

* *Онлайн-курс Марины Степновой «Язык и стиль: как писать хорошо»*

вее он увидел поросшую травой грунтовую дорогу – всё же, кто-то ездил. Он не был по природе своей ни любопытным, ни любознательным, но уж такой, видимо, выдался вторник, и Жека решил проверить, что там дальше. После строительного магазина с его вечными запахами краски и лака в лесу дышалось по-особенному свободно. С каждым шагом обиды и страхи оставались где-то там, далеко, в городе, а лес успокаивал ласковым шелестом: «Всё будет хорошо, потому что по-другому быть не может». Жека сам не заметил, как прошёл километров пять, а то и больше. Пора было возвращаться. Но тут на пригорке он увидел дом, а рядом с домом – фигурку человека. Тот помахал ему рукой. Теперь уже неудобно было не подойти. Домик оказался совсем крошечным, почти по самые окна вросшим в землю, серого цвета давно не крашенного дерева. Стекол в одном из окон не было, и его аккуратно забили фанерой, зато во втором, где стёкла еще оставались, можно было разглядеть белые тюлевые занавески и горшок с геранью. Да и сами хозяева выглядели под стать дому. На вид обоим можно было дать лет сто. Бабушка – вся сгорбленная, со скрученными артритом пальцами. А старик – худой и сморщенный, как урюк.

– Я не там вышел, – шмыгнув носом, как бы извиняясь проговорил Жека.

– А мы тут любим гостям рады, – нараспев протянула бабушка.

Они пригласили Жеку внутрь. В избушке стоял запах безнадежной чистоты и абсолютной бедности. Жека в нерешительности замер на пороге.

– Как же вы тут живёте совсем одни? – не удержался Жека.

– Да как мы живём? Нормально, – улыбнулся беззубым ртом старик. – Только вот без электричества худо. Как три года назад дерево, того, упало, так его и нету.

– Может, чаю? – предложила старуха.

– Нет, что вы! – Жека не знал, куда девать банку с остатками пива, он чувствовал себя неудобно и неловко. – А как же с продуктами?

– Так у нас же и куры, и коза, и картошку пока содим, и моркву, – всё так же улыбался дед. – Почтальон пенсию приносит и, там, муки, сахара, макароны.

– А как же без телефона? – не унимался Жека.

– Телефон-то дочка прислала, да только зарядить-то его негде, электричества нет.

Посередине комнаты, у стены, огромной жирной насмешкой стоял древний телевизор на ножках. Сверху его бережно накрыли белой накрахмаленной салфеткой.

– Может, вам нужно чего?

– Да что ты, сынок! – Старуха всплеснула руками, но, подумав, добавила: – Разве что, батареечки, а то радио не можем слушать, не знаем, что в мире происходит, а скоро же олимпиада.

«Олимпиада» она сказала смешно, вместо первого «а» произнося «я».

Жека вышел из дома. Два толстых рыжих кота грелись на закатном солнышке и провожали его долгими немигающими взглядами.

«Как же так, как же так, – всё повторял он. – Ведь я каждый день, и все мы каждый день проезжали эти Бобры».

Антон Порядин*

Дождь в марте

Тусклый свет льётся из зарешёченного окна, мутный – если его потрогать, то рука растворится в нём. За окном громоздятся рыхлый мартовский снег, бетонная стена с колючей проволокой уходит к горизонту набухшего тучами неба и сливается с посе-ревшим снегом, так что кажется, что зоне нет конца. Под окном два охранника бессмысленно долбят мёрзлый лёд. Мёрзлая по-года, мёрзлый лёд, мёрзлая душа у меня, она, как и небо, готова была бы заплакать, но разучилась, слёзы застревают в ней и пре-вращаются в воспоминания.

Я – химик, я всю жизнь работал по специальности. В дет-стве как-то утром папа разбудил меня и сказал: «Мне повысили зарплату, хочу сделать тебе подарок». Был такой же мартовский день, мы шли по мосткам в ленинградских новостройках, лави-руя между котлованами и кучами чёрной земли, дошли до мага-зина и купили набор «Юный химик». Набор был очень дорогой, я нёс коробку как сокровище, а придя домой немедленно распа-ковал и приступил к опытам. Химия была завораживающим за-нятием... Мне нравилось смотреть, как вещества меняют цве-та, как они превращаются из одного в другое, даже как мутне-ют пробирки – во всём этом, казалось, есть что-то такое чудо-действенное, как будто ты можешь управлять природой вещей.

* *Онлайн-курс Анны Старобинец «Внутренний подросток»*

Я поступил в Технологический Институт – самый лучший вуз, где готовили химиков. Стояло смутное время, разваливалась страна, но я учился как сумасшедший и после института остал-ся на кафедре – это было унылое место, туда приходили плохо одетые люди, кипятили воду кипятильниками и пили невкусный чай. Там я познакомился с Геннадием Филипповичем. Как-то раз он пригласил меня к себе в кабинет, включил кипятильник, посмотрел на меня внимательно и сказал: «У меня... есть нара-ботки... технологии... их можно коммерциализировать, сейчас время такое... сами знаете, я долго к вам присматривался, ду-маю, мы сработаемся». Не хочу об этом дальше – вспоминается другой разговор у меня в кабинете спустя пару лет. «Геннадий Филиппович, – говорил я, стараясь звучать твёрдо, но тон сры-вался вверх, как у школьника. – Ваши технологии – они уже не ваши. Они мои. Все патенты зарегистрированы на меня. Я обе-спечу вам достойную старость, но... вам придётся отойти». Я не ищу оправданий, нет, просто не люблю об этом вспоминать.

В то же время я встретился с Андреем. Он уже тогда был другим – мы носили черт-те что полубандитское, а он ходил в пиджаке и галстуке и сыпал терминами, которых я не понимал – NPV, EBITDA и подобное. Как-то раз мы все крепко гуляли, и он задумал переплыть Неву – срочно надо было к девушке, а я взял и пошёл с ним. Неву мы не переплыли, нас быстро забрали в ми-лицию, но я помню, как мы шли по залитому северным солнцем Петербургу, и я чувствовал, и, мне кажется, Андрей чувствовал, что нас с этой минуты что-то связывает, и мы теперь друг друга никогда не предадим.

А потом разразился кризис, и Андрей уехал учиться в Аме-рику. Я вспомнил про него, когда встал вопрос покупки завода, попросил посмотреть отчётность, а он взял и прилетел на следу-ющий день. Я помню этот зимний вечер, мы сидели в рестора-не на набережной Волги в Нижнем Новгороде, в глазах Андрея сиял мир по ту сторону океана, он рассказывал нам с партнера-ми – случайно обогатившимися трейдерами, торговавшими эта-ноламинами, а еще не брезговавшими паркетной доской и се-

лёдкой в консервах, – про то, как мы разовьём этот бизнес, про грядущее ПРО, про стратегических инвесторов, которых он знает чуть ли не поимённо, и что на всё это нужно три года, и у него есть план. «Дорожная карта» – так он выразился. «Мы берём его в компаньоны», – сказал я, и возражений не последовало.

Даже неважно, что ничего этого не состоялось – страна очень быстро стала совсем другой, и мне жаль утраченных надежд, но я все равно рад тем минутам счастья, которые испытывал, когда видел, как на месте жалких советских коробок, треть потребляемой энергии которых шла на их обогрев, выросли современные цеха, или как появлялись новенькие цистерны с нашим логотипом. Но очень скоро стало понятно, что мы достигли потолка, мы не росли, мы судорожно кидались в разные стороны. «Давай купим швейцарского трейдера», – как-то предложил Андрей. Неужели он уже тогда все предвидел?

И вот тогда нарисовался этот генерал ФСБ. Он подошёл на приеме у губернатора – грузный и лысый, похожий на постаревшего Тараса Бульбу, – и сказал: «Я давно восхищаюсь вашим предприятием, Владимир Николаевич! Самые лучшие показатели по производительности!» Через две недели мне позвонили – генерал готов сделать предложение о покупке завода.

«Завод не продаётся», – ответил я. Как я мог его продать? Я химик, я всю жизнь работал по специальности. Мои предки по отцовской линии были евреи и держали шинок. Приходили австрийцы, русские, потом белые, поляки, красные, кто-то кого-то постоянно резал, а они все держали шинок, пока советская власть его окончательно не реквизировала. Так и мне казалось: этот завод – мой шинок, след в мире, и, если я его продам, я стану ненужным. Теперь я понимаю – жизнь даётся нам, чтобы построить лестницу в небо. А мы останавливаемся на полдороге, смотрим на великолепие того, что когда-то сделали, и не идём дальше. И тут лестница падает под собственным весом, потеряв точку опоры.

Неприятности начались сразу же – так одна химическая реакция рождает другую, и уже не установить, с чего все началось. Когда «Газпром» не подписал продление контракта, я поехал в

Москву. «Почему? У меня же самый современный завод!» – протестовал я перед начальником департамента. «Ваш завод токсичен, – сказал он устало. – Продайте его, и мы возобновим контракт с новым владельцем». Я был настроен воевать, но Андрей охладил мой настрой. «С кем воевать? – спросил он. – У них есть всё. Они помножат нас на ноль и не чихнут. Надо выводить деньги на трейдера в Швейцарию и самим валить при возможности. Пусть им достанется пустая коробка». И я согласился.

Я помню последнюю встречу с Андреем перед самым арестом. Уже выяснилось, что трейдер был выкуплен только на него, что все деньги, которые удалось вывести, достанутся Андрею, а мне – пустая коробка и вероятный срок. «Я вытащу тебя, если что», – говорил Андрей, и я понимал, что ниоткуда он меня не вытащит, что он, в принципе, хороший человек, но так вот сложилось, и вспоминал, как сам обещал Геннадию Филипповичу достойную старость. Перед глазами пронеслось, как много лет назад мы шли по залитому северным солнцем Петербургу, и я физически ощущал, как мертвеет душа и от неё отваливается кусок за куском. Ночью меня арестовали.

Сквозь окно камеры я вижу, как тяжелеет небо и лиловая туча набухает над сереющим горизонтом. Вот уже полнеба залито лиловым, туча растёт, полнеет, засасывает в себя остатки мутного мартовского света, как чёрная дыра, и я сначала вижу, а потом слышу дождь. Я вижу, как струи воды смывают слои грязного, рыхлого, обрушивающегося под собственной тяжестью снега, и земля обнажается, подставляя свои раны струям несущегося потока, словно хочет смыть с себя всю накопившуюся за зиму мерзость. Я слышу, как капли отскакивают от зарешеченного стекла, оставляя на нем похожие на слёзы ручейки, и думаю, что, если у меня были бы слёзы, они бы лились в унисон с этими ручейками.

И я чувствую облегчение на душе или на том, что от неё осталось, и мне хочется вернуться в начало – в то мартовское утро в ленинградских новостройках, когда мы с папой пошли в магазин и купили мне набор «Юный химик».

Ксения Роганова*

Без неё

Михаил Алексеевич бережно протирал пыль на полках кабинета своей покойной супруги. Он снимал по одному одетых в костюмчики и платья тильд-зайцев, целый отряд которых Надежда Андреевна успела пошить с конца прошлого года.

Сегодня по плану Михаил Алексеевич перестирывал портьеры и тюль. По всему дачному дому разносилось дребезжание стиральной машины, терзающей шторы в отжиме. Окно было приоткрыто, при желании можно было дотянуться до еловой ветви. Лет двадцать назад, когда перестраивали дом, большую раскидистую ель решили оставить на участке. С улицы приятно тянуло свежестью и влажной корой. На кушетке тихо посапывал корги, которого в начале весны им подарила дочь. В день большого снегопада Лиза достала из переноски крошечного, похожего на подрумяненную шапку беже, щенка, который с легкостью помещался на коленях. Надежда Андреевна назвала его Дидье, вдохновившись музыкальными ассоциациями. Михаил Алексеевич согласился. Но про себя все же задумал футбольную тракторку.

Вот уже несколько месяцев с момента кончины супруги Михаил Алексеевич придерживался ритуала – каждую субботу поднимался к ней в кабинет, переступая скрипучую половицу, как это делала она сама, и приступал к уборке. Пылесосил цвета-

стый ковёр, привезенный из Марокко, вытирал пыль, перетряхивал пледы и подушки. Порой немного забывался и нежно гладил корешки её книг в стеллаже.

Сурово хмурясь, отчего в межбровье залегали глубокие складки, он распахивал шифоньер. Там Михаил Алексеевич тщательно осматривал нафталиновые шарики, а также пальто и платья, на предмет появления моли. Складка разглаживалась, когда ни одной дохлой моли или прорехи в вещах в ходе осмотра не находилось. Тогда Михаил Алексеевич с облегчением выдыхал и закрывал шкаф – до следующей недели.

В очередной раз забыв пригнуться, Михаил Алексеевич задел подвешенный к люстре ловец ветра: тот задребезжал высокими переливами.

Кабинет был наполнен сутью Надежды Андреевны. Дорогие её сердцу мелочи из путешествий, огромная ваза в кобальтовую сетку, купленный на барахолке дубовый стол. Затаскивая его с соседом на пару, Михаил Алексеевич сорвал спину. Они приезжали сюда, когда супруга писала кандидатскую, а несколько позже и докторскую. Говорила, что ей тут проще работается. Да и в целом живется. Когда уезжали – она была печальна и молчалива.

На столе фотография: на ней улыбающаяся Надежда Андреевна в жёлтом дождевике, а рядом он – в елового цвета резиновых сапогах – на площади святого Марка в начале мая этого года. Эту поездку они приурочили к сорокалетию совместной жизни.

В день приезда погода выдалась паршивая: стеной лил дождь, было промозгло и темно. Выезжали из города на севере Италии, где последние десять дней они принимали термальные ванны. Надежда Андреевна после процедур оживилась, а на её щеках появился румянец. Уже несколько дней Михаил Алексеевич не слышал, чтобы супруга просыпалась ночью от болезненных судорог в ногах. За последний год варикоз совсем измучил её: она постоянно носила компрессионные чулки и очень стеснялась своих ног.

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

После двух часов дороги из машины пересели в небольшой катер – с шашечками такси на крыше. Гостиница с непривычки показалась Михаилу Алексеевичу игрушечным домиком. Крутые лестницы, обои с крупными золотыми вензелями, вазы с пышными букетами, пасторали в тяжелых рамах, а кровать в их номере – с балдахинем. Всё вокруг было бордовое и бархатное, что, судя по количеству прикосновений, вызывало неподдельный восторг у его супруги.

Надежда Андреевна радостно распаковывала вещи, наряжала деревянные плечики в свою одежду. Михаил Алексеевич рассеянно осматривал свои кроссовки – за пять минут, что они шли до отеля, ноги вымокли насквозь. Носки его также потемнели сырыми пятнами.

Те самые, подходящие на его сорок шестой размер, садовые резиновые сапоги, нашлись в одном из обувных магазинов спустя час с лишним поисков.

Узкие улочки петляли, то собираясь в пучок, то расходясь в пространстве. Невысокие четырёхэтажные дома скребли низкие тучи. Без уличного освещения мрачные переулки смыкались над головой. От подобного давления рослый Михаил Алексеевич невольно съёжился внутри своей куртки. Площадь святого Марка тогда подтопило – через некоторые лужи Михаил Алексеевич переносил супругу на руках.

Из-за непогоды в номере было прохладно. Засыпали долго – Надежда Андреевна никак не могла согреться. Он обнимал её со спины, оценивая прикосновениями, как сильно она исхудала за последний год. Михаил Алексеевич догадывался, что как женщина она могла быть этим довольна – она стала охотнее глядеться в зеркало, фотографироваться и примерять наряды. Новые вещи на три-четыре размера меньше он гладил с тоской лишь оттого, что это была нездоровая худоба. Михаил Алексеевич уткнулся в её затылок, ощущая резко выступающий шейный позвонок.

Проснулись они от звуков ресторана. Вчерашняя дождливая тишина сменилась радостным многоголосьем и звоном по-

суды. Собираясь на завтрак, Надежда Андреевна тихонько пела в душе. Михаил Алексеевич, ощущая легкую дрожь в коленях, замер подле двери в ванную, слушая её голос.

За утренним кофе он с упоением наблюдал, как супруга собирала себе тост с печёными томатами. Михаил Алексеевич поразился, насколько великолепно может быть женщина, которая ест. Даже спустя сорок лет брака.

Очнувшись от непогоды Венеция распахнулась для них. Сидя бок о бок на низких обитых красным плюшем лавочках, они парили по каналам в гондоле. Михаил Алексеевич больше смотрел на жену. Казалось, женщине рядом с ним все так же было двадцать. Ловя его взгляды, Надежда Андреевна сжимала его руку чуть сильнее.

Вечером отправились в аэропорт. Встав в водном такси в полный рост, они смотрели, как несутся по морскому шоссе, как удаляется странный город и как парят чайки.

После поездки в Италию Надежда Андреевна завела себе привычку каждый день печь свежий хлеб. Спустя недели экспериментов с сортами муки, когда местные птицы уже перестали охотно клевать подсушенный хлеб, она добилась невероятно пористой чабатты.

Она вставала пораньше, включала на кухне радио и принималась за хлеб. Михаил Алексеевич варил кофе в джезве, вместе они накрывали стол на веранде.

А в августе она умерла.

Он проснулся, а она уже не дышала и была прохладная, как фарфоровая статуэтка. Причиной смерти назвали оторвавшийся тромб.

Из шока и бесчувственного отупения первых дней он вышел, когда в морге приблизился к ней, такой хрупкой, красивой и отныне не принадлежащей миру живых.

Было много людей, больше – незнакомых. Строгий преподавательский состав, аспиранты, студенты. Огромной толпой они

заслоняли не только семейное, но и личное горе Михаила Алексеевича. Он отбился от Лизы, держался к гробу близко, несколько раз порывался к нему даже кинуться и накрыть своим телом. Но толпа удерживала его, не давая впиться пальцами в борта.

На первые две недели с Михаилом Алексеевичем на даче осталась Лиза.

Она ходила в чёрном, с такими же глубокими тенями под глазами. А Михаил Алексеевич впервые, наверное, заметил, что у нее губы и скулы точно как у матери в молодости.

Один раз Михаил Алексеевич застал ее рыдающей над парящей кастрюлей супа. Он уложил дочь в своей спальне и принес ей Дидье. Тот, искренне обеспокоенный слезами и всхлипами Лизы, принялся лизать ее лицо, пока та не успокоилась и не заснула.

Михаил Алексеевич надел старый ватник и пошел в хозблок. Рывком открыл вспухшую от влажности дверь. Сложившись чуть ли не пополам, пошарил рукой в дальних углах серванта, где они хранили старую посуду, и нашел пачку сигарет.

Тогда, впервые за долгое время, он выкурил, наверное, полпачки. Он сидел на корточках за хозблоком и дымил, словно ему снова было тринадцать и он смолил с пацанами за школой, пока из ступора его не вывел кружащий по участку лай Дидье. Лиза проснулась и вышла из дома в поисках отца.

Пару дней спустя он снова пошел в хозблок. Однако пачки сигарет там не обнаружил. Прошлой ночью он слышал, как Лиза выходила из дома. «Вероятно, про сигареты знала не только Наденька». Вернувшись в дом, он, чтобы удостовериться, понюхал ватник. От воротника и правого рукава кисло пахло куревом.

Так они с Лизой старались присматривать друг за другом. Она помогала по дому, гладила бельё и стрелки на брюках отца. Но были дни, когда она не выходила из своей комнаты. Он тихо стучался и узнавал, не входя, как она и не нужна ли ей помощь. Тогда Лиза кроме чая ничего не просила.

В последний день отпуска Лиза собиралась неохотно, суетилась по дому, тянула время. Обнялись на прощанье – получилось несколько дольше обычного. После её отъезда Михаил Алексеевич впервые услышал тишину дома.

Близился сентябрь. Михаил Алексеевич решил, что желания выходить на работу у него нет. Тогда он единственный раз покинул дачу, чтобы съездить в университет в Москву. В университете знакомые молча почтительно кивали ему при встрече, кто-то хлопал по плечу. А суровый с виду завкафедрой теоретической электротехники пожал его ладонь двумя руками и уверил, что его курс в первом семестре смогут отдать Игорю Павловичу. Еще он посоветовал обратиться в отдел кадров за путевкой в санаторий в Адыгее. Он сам ездил туда прошлым летом «подлататься».

– В остальном, Михаил Алексеевич, не переживай ни за что. Оставайся дома так долго, как тебе потребуется.

За несколько часов, что Михаил Алексеевич находился в Москве, он успел рассосать пять шариков валидола, пытаясь прогнать из груди тяжелое давящее ощущение. Он спешно пробилсь сквозь толпу на Ярославском вокзале, сел в электричку и прикрыл глаза. Уже через час он открыл ключом калитку. И только там, спрятавшись в укромном кармашке вселенной, за деревьями, где жил еще дух его прежней жизни, сердце отпустило.

С тех пор Михаил Алексеевич просыпался рано. На второй половине кровати, положив морду на лапы с пухлыми подушечками, спал Дидье. Михаил Алексеевич, открывая глаза, первые несколько минут лежал неподвижно. Он ровно и глубоко дышал, осматривая крашенный потолок и стены спальни. Под его подушкой лежала аккуратно сложенная ночная сорочка супруги. Сосредоточившись, Михаил Алексеевич все еще мог уловить исходящий от тонкой ткани запах цветущей вишни.

Затем он, тяжело переваливаясь, вставал и делал зарядку. Так душа его заново привыкала к телу после сна. Затем в ванной хо-рошенько обливался ледяной водой. После этого кожа начинала пульсировать жаром, и тело окончательно возвращалось к нему.

Из подготовленного с ночи теста формовал чабатту и отправлял её в духовку. Несколько дней после похорон Михаил Алексеевич потратил на поиски рецепта среди бумаг супруги. Пока пёкся хлеб, варил себе кофе в джезве. Завтракал на веранде, сидя на венском стуле Надежды Андреевны.

В кабинете он взял флакон духов и раз в несколько дней опрыскивал ими портьеры в доме.

Днем с Дидье он выходил на прогулку. Пёс оживленно носился взад и вперед, а Михаил Алексеевич, ссутулившись, не спеша шёл по тропинке. Он еле разборчиво говорил что-то себе под нос. И невозможно было понять, разговаривал он сам с собой, с Дидье или обращался к покойной супруге.

Осень выдалась благодатная. Деревья дрожали жёлтым, а воздух был наполнен густым землистым теплом. На солнце Михаил Алексеевич даже расстёгивал куртку. К обеду, когда Дидье успевал порядком утомиться от валяния в листьях и таскания веток, которые нередко бывали раза в три крупнее него, они возвращались домой.

Михаил Алексеевич садился в гостиной и несколько часов работал. К ужину он всё так же накрывал стол на две персоны, но ел мало и неохотно. Достаточно скоро свитера на нем стали сидеть мешковато.

Вечера он проводил за чтением. После похорон в гостиной подле журнального стола выросло три кипы книг высотой примерно по колено. Еще звонила Лиза. Но иногда он не брал трубку или говорил ей, что занят, и просил созвониться на следующий день.

В один из вечеров голос её звучал неровно:

– Папа, прошу тебя, возвращайся в Москву.

– Лиза, мы уже обсуждали.

– Мне не по себе, что ты там один.

– Со мной все в порядке.

– Ты ведь слышал, что по соседству уже три дачи обнесли?

Приезжай, пожалуйста...

– Лиза, я тоже тебя люблю. Созвонимся завтра, доброй ночи.

На ночь он готовил тесто и убирал его в кладовку, чтобы утром снова испечь хлеб.

Любимым его временем были мгновения перед сном. Тогда к сознанию Михаила Алексеевича начинали примешиваться иллюзии, граничащие с реальностью: Надежда Андреевна, сидя на краешке кровати в ночной сорочке, мажет руки кремом и рассказывает ему что-то про новую поездку в Италию.

Сегодня Михаил Алексеевич проснулся резко, даже привстал. Сизый предутренний свет наполнял комнату и немного размывал привычные очертания. Дидье рядом не было.

– Я снова проснулся, да? – спросил он пустую комнату.

Он глубоко дышал, пытаясь сглотнуть вставший в горле ком. Последний раз такое сильное чувство было у него пару месяцев назад, на похоронах.

Утренних птиц не было слышно: Михаил Алексеевич беспокойно потер ухо, чтобы удостовериться, что не оглох. Слепота щурясь, он поднёс будильник ближе к глазам. Стрелки показывали шесть утра.

Михаил Алексеевич потянулся, встал, накинул халат и вышел из спальни. С кухни доносился звуки чьего-то присутствия.

– Лиза? Лиза, это ты приехала?

Послышались голоса – приглушенные, мужские. Михаил Алексеевич вспомнил про Лизино беспокойство.

– Дидье, проклятая ты псина, где ты? Ты ж вроде охотничий... – шептал он себе под нос.

Пошарив взглядом вокруг, Михаил Алексеевич нашел стоящий в углу кусок карниза. Он ухватил его наподобие биты, переступил скрипучую половицу, чтобы себя не выдать, и стал спускаться вниз. Ноги его пробил ледяной пот. «Лиза отчитает как мальчишку, надо было ехать в Москву».

В гостиной, в которой, к слову, не обнаружилось никаких следов разбоя, к нему навстречу вылетел радостный Дидье. Он стал крутиться у него в ногах, больно хлопая хвостом по икрам.

Михаил Алексеевич зашикал на собаку. Он не хотел, чтобы воры обнаружили его раньше времени. Пёс радостно поглядел на хозяина, словно приглашая его за собой, и бодро побежал обратно в сторону кухни.

Теперь голоса было отчетливо слышно. Сердце Михаила Алексеевича рухнуло в пятки. Опустив кусок карниза, подрагивая в коленях, он двинулся на кухню.

Было прохладно, белые вуали занавесок взмывали от сквозняка. Двумя мужскими голосами шумело радио, которое Михаил Алексеевич выключил после кончины супруги.

Она сидела за столом в велюровом халате. Глаз её не было видно за бликующими стеклами очков. В её ногах лежал Дидье, зачарованно смотря на хозяйку снизу вверх.

– Наденька...

– Миша, я тебя разбудила? Давай завтракать тогда, хлеб уже готов.

Елена Сазыкина*

Чокнутый Эваристо

Дон Эваристо Лима Делоарте, как и все жители деревни Эль Арко, что расположена на склоне холма у озера Вайе де Браво, вставал ещё затемно, натягивал тёплую вязаную кофту с капюшоном и шёл в поле, покрытое холодной утренней росой. Но только он, в отличие от остальных, не копал, не корчевал и не сеял. Он, даже если и брал в руки лопату, то всё больше стоял неподвижно, опершись на неё и уставившись на восток, в сторону горы, из-за которой вставало солнце.

Те, кто встречался с ним нечасто, как, например, дон Сильверิโอ Падийя или дон Кресенсио Санчес, настаивали, что он попросту немного рассеян и ленив. Правда, они были какими-никакие родственники, пускай и дальние, так что им не пристало распускать дурные слухи о членах собственной семьи. В то же время ближайшие соседи – дон Рауль Монтеро и донья Кристалина Хуарес, имевшие несчастье в любое время дня и ночи наблюдать дона Эваристо через щели в кривом палисаднике, – считали его попросту «локо», то есть чокнутым. Большинство же односельчан сходились во мнении, что дон Эваристо «немного не в себе» и «мало работает на благо семьи».

Рассказывали, что когда Эваристо был еще мальчиком, его часто жалили скорпионы. Что якобы поэтому он и стал таким,

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

каким стал. Но это неправда. Дело обстояло с точностью до наоборот: скорпионы жалили Эваристо именно потому, что он тогда уже был не в себе. Он их нисколько не боялся, сажал в спичечные коробки и относил домой, где разводил в большом аквариуме, привезённом ему из города отцом. Судя по всему, их яд на него не действовал. Это вызывало немало кривотолков среди жителей Эль Арко. Нечувствительность к яду казалась особенно странной на фоне повышенной чувствительности к иным вещам, которые для его сверстников служили развлечением. Например, Эваристо как-то упал навзничь и забился в странном припадке от одного лишь вида чёрного кота, орущего дурным голосом и изгибавшегося в воздухе, потому что кто-то ради шутки подвесил его за хвост к ветке акации.

Со своей будущей женой Соледад он познакомился, когда короткое время работал учителем начальной школы. Соледад заканчивала секундарию и часто видела молодого учителя в библиотеке: он сидел, согнувшись над какой-нибудь книгой, безмолвно двигая губами. Однажды она набралась смелости и подошла к нему. Он прочитал ей стихотворение Густаво Адольфо Бекера «Вернутся тёмные ласточки». Когда они поженились, ему пришлось уйти из школы и начать работать в поле и в огороде, потому что тогда же заболел его отец, и надо было продолжать семейное дело: сажать кукурузу, кабачки и томаты, собирать их и отвозить каждые две недели по средам на передвижной рынок тьянгис в город Мехико.

Дочку они назвали Изабель. Роды протекали так тяжело, что изнемогшую Соледад отвезли в больницу, где, как потом объяснили врачи, ей пришлось что-то удалить, и это якобы убергло её от потери крови, но оставило бесплодной на всю жизнь. Однако донья Кристалина Хуарес была убеждена, что врачи тут ни при чем, а всему виной семя её мужа, отравленное ядом скорпионов. Так или иначе, их ранний ребенок оказался единственным.

Эваристо души не чаял в маленькой дочке, нянчился с ней, привозил из города невиданных кукол, без усталости вырезал для них из деревяшек домики, мебель, лошадок, свиней и петухов,

или плёл из соломы шляпки, корзинки и гамаки. Донья Соледад к тому времени поняла, что от мужа как от работника толку немного, и предоставила ему заниматься ребёнком, в то время как сама вела их большое хозяйство: работала в поле, стирала, готовила и ухаживала за скотиной.

Теперь дон Эваристо хотя был еще не стар, но уже преодолел главный перевал своей жизни. Дочь их давно выросла и вышла замуж за соседского сына – Рамиро Монтеро Хуареса. Трое их внуков выходили в поле вместе с отцом. Дон Эваристо и донья Соледад тоже сопровождали зятя в его полевых работах, но от обоих проку было немного, а точнее, не было совсем.

Еще до рождения первого внука у доньи Соледад стали случаться странные помрачения, когда она вдруг ни с того, ни с сего наряжалась в своё праздничное платье и в таком виде выходила полоть грядки или кормить свиней. Если к ней обращались, она принималась напевать себе под нос и как будто ничего не слышала. Со временем эти случаи становились все чаще, а её песни всё громче, пока она окончательно не отказалась разговаривать с родственниками и снимать своё платье даже на ночь. Так и разгуливала по полю целыми днями с непокрытой головой, что-то напевая и время от времени выдёргивая из земли сорную траву. Донья Кристалина, однако, считала, что свояченица лишь притворяется чокнутой. Дескать, уж кто-кто, а бедняжка Соледад за свою жизнь так наработалась, что на старости лет заслужила немного принарядиться и отдохнуть. И тут же прибавляла, что любая на её месте поступила бы так же, накажи её Господь таким же непутёвым мужем.

Действительно, за эти годы от Эваристо проку в хозяйстве только убавилось, но этому давно никто не удивлялся. Единственный, кто никак не хотел смириться с его повадками, вернее, с самим его существованием, был зять Рамиро:

– Сам не работает, старый дармоед, так ещё и пацанов отвлекает своими байками. Со свиньями он, видишь ли, разговаривает. Лучше б совсем молчал.

Особенно он обозлился на тестя после одного случая. В прошлом году Рамиро пригнал с базы из-под Толуки целый грузовик досок для ремонта дома и постройки нового курятника. Дон Эваристо неожиданно проявил недюжинный интерес к покупке, и Рамиро, которому как раз предстояло ехать в город, решил поручить тестю ответственное и нужное дело. Он дал ему подробные инструкции и уехал, а когда вернулся, то вместо курятника обнаружил странную постройку вроде стены с козырьком, высотой примерно с двухэтажный дом, но при этом совершенно плоскую. Рамиро был вне себя, и в приступе ярости бросился было на тестя, но неожиданно наперерез ему метнулась жена: «Не смей трогать папу!»

Постепенно Рамиро остыл и даже по просьбе Изабель не стал разбирать уродливое сооружение, но так и не смог добиться объяснения, с какой целью оно было воздвигнуто среди их огорода. А когда его мать, донья Кристалина, задала тот же вопрос невестке, то та ей ответила, что, мол, стена нужна, чтобы «закрыться от дурного глаза». Донья Кристалина сразу догадалась, на какой такой «глаз» намекает невестка. И хотя постройка ничуть не мешала ей подглядывать, мысленно прокляла нахалку вместе с её чокнутым папашей.

Много лет назад, в последний, кажется, год своей жизни старый дон Эухенио Лима, отец Эваристо, продал одному горожанину большой участок земли, расположенный выше по склону их холма. Там стоял заколоченный сарай, под крышей которого каждую весну устраивали свои гнёзда ласточки. Сын узнал об этой сделке уже после смерти отца, когда весной нагрянула бригада разметчиков, а вслед за ними и рабочие. Первым делом срубили старый сарай. Днём рабочие уехали, и Эваристо до ночи пропадал на склоне, растаскивая доски, – будто бы что-то искал. Вернулся он домой уже после захода солнца, весь перемазанный глиной и такой мрачный, что Соледад побоялась его о чём-либо расспрашивать. Только перед сном, заметив книжку стихов на подушке, она осмелела и поинтересовалась, что искал Эваристо на склоне.

Вместо ответа муж достал из кармана и показал ей раздавленные яичные скорлупки, молочно-белые в бурую крапинку. Соледад ничего не поняла, но, чтобы как-то порадовать мужа, попросила его почитать ей на ночь стихи. Она вообще плохо понимала как мужа, так и стихи, но давно подметила, что чтение вслух его успокаивает.

Откуда ей было знать, что Эваристо всё своё детство провел на этом склоне, часами наблюдая, как ласточки садятся на отвесную стену сарая, опираясь на расправленный веером хвост. Чем чаще они прилетают, тем быстрее растёт тёмное глиняное пятно под козырьком крыши. Постепенно оно начинает отделяться от стены, пока не превращается в подобие серого приплюснутого кувшина. В мае строительство заканчивается, и тогда одна ласточка усаживается на торчащий из стены гвоздь и поёт гимн труду и продолжению рода, а остальные её слушают, высунув из круглых отверстий свои рыжеватые головы. А под брюшком у них тем временем наливаются хрупкой жизнью молочно-белые, в бурую крапинку, яички.

К осени на склоне началось строительство: трёхэтажный дом с балконами и террасой. Соседи судачили, теряясь в догадках, что же городские станут сажать на своём гигантском огороде. Дон Рауль настаивал, что всё одно, потому что ничего у них не вырастет, городские ведь и землю-то обрабатывать не умеют. В это, впрочем, верилось с трудом. Зачем им тогда такой гигантский огород?

Но дон Рауль оказался прав. Сажать ничего не стали, если не считать пары фруктовых деревьев, пальм и эукарии. Из прочей растительности оставили только старый кипарис, остальное разровняли и превратили в газон. Вдоль ограды пустили ядовитый плющ – он растёт быстро, и вскоре живая изгородь уже не пропускала любопытные взгляды соседей. Однако уши забором не отгородишь: плеск воды и детские крики выдавали наличие бассейна и игровой площадки, а часто меняющиеся хмельные голоса и грохот транзисторов по выходным – факт сдачи дома в аренду большим семействам, приезжавшим из города устраивать на природе шумные фиесты.

По такому случаю Эваристо впервые взял в руки инструменты – топорик и садовые ножницы – дабы бороться с непрошеным гостем – плющом, который перекинулся на их участок и норовил задушить в ядовитых объятых растущие вдоль забора лимоны и акации. С сожалением наблюдал он, как у новоиспеченных соседей плющ уже начал обвивать старый кипарис, некогда посаженный его отцом.

При этом сам соседский дом и его обитатели мало интересовали Эваристо. Вернее, из всего дома его интересовал лишь козырёк крыши, а из всех обитателей – ласточки, что всю весну неустанно летели и летели под этот козырёк. Гнезд издавдалека ему было не видно, зато их полёт от заболоченного берега с ношей глины и травы в маленьких клювах проходил как раз над его полем.

Ближе к лету приезжали хозяева и подновляли дом к началу отпускного сезона. Среди прочего срезали глиняные гнёзда из-под крыши и заново красили стену. Весь день потом кружила стая ласточек над полем семьи Лима, боясь подлететь к страшному месту, где только что были их гнёзда. Так повторялось из года в год. Упряма и глупа птичья память: она крепко держалась за излюбленный склон, даже не заметив превращения деревянного сарая в каменный дом, но отказывалась запомнить людей, много лет подряд уничтожавших их гнёзда.

Как мог им объяснить Эваристо, что туда лететь больше не нужно? Как отманить недальновидных птиц от гибельной крыши? Его собственный дом хоть и стоял ближе к озеру, но увы, не был привлекателен для ласточек – слишком он был приземистый и чересчур беспокойный: собаки, дети, коты. Чего он только не делал, чтобы завлечь птиц: надстраивал козырёк у крыши, увещевал детей, гонял кошек и соколов – ласточки упорно летели мимо, неся в клювиках глину для своих обречённых будущих гнезд. Но однажды зять привез откуда-то целый грузовик досок, и Эваристо ни секунды не сомневался, что из них следует соорудить.

Деревянная стена простояла всю осень и зиму в ожидании маленьких новосёлов. А в середине марта из города вернулся хмурый Рамиро и привёз небывалые новости: передвижные

рынки закрыли из-за какой-то заразы, душившей город, а все горожане расселись по домам и даже в магазин выйти бояться.

– Как же мы будем торговать? – недоумевал Рамиро. – Кукурузу, допустим, можно сохранить месяц-другой в сарае, а вот томаты и кабачки... да и кур больше забивать нельзя, так что придется кормить дармоедок. Петухов надо будет отселить, чтоб хоть цыплят не прибавилось.

Потом закрыли сельскую школу, хотя никто из Эль Арко в глаза не видел этой городской заразы и тем более не верил в её гибельную силу. Внуки целыми днями носились по полю чумазые и нечёсаные, гоняли кур и пытались дрессировать перепуганных свиней. От такого обращения свиньи теряли аппетит и отказывались жиреть.

Рамиро мрачнел с каждым днём и все чаще откупоривал бутылки с мескалем. Если жена не успевала вовремя спрятать бутылку, он принимался кидаться помидорами или камнями в кур и облезлых шавок, скитавшихся в поисках пропитания по всей деревне. В такие дни Изабель под разными предлогами отправляла детей погостить к свекрам.

А однажды в руках у Рамиро оказался топор, и он швырнул его в недавно оценившуюся суку, на свою беду, крутившуюся у него под ногами. Клинок вонзился ей между рёбер, и несчастное животное быстро истекло кровью посреди огорода. Безобразно ругаясь, Рамиро извлек топор из тела собаки и принялся отпихивать труп в сторону компостной ямы. Его занятие прервал щенячий визг, раздавшийся откуда-то из сарая. Как был, с топором в руке, Рамиро пошёл на звук.

Дон Эваристо впервые заинтересовался жильцами из дома напротив, когда услышал из-за ограды неведомый ему говор. И он, скорее всего, тут же бы о нём и забыл, если б жильцы не задержались дольше обычного. Прошло две недели, а они всё еще жарили на летней кухне барбекю, играли на гитаре и пели песни другой страны. Иногда их дети переходили между собой на испанский, и в конце апреля Эваристо услышал такой разговор:

- Разве мы не вернёмся в город?
- Нет, папа говорит, мы тут останемся ещё на месяц. Работы в городе мало, а ласточкины птенцы еще не вывелись.
- Он хочет посмотреть на птенцов?
- Папа боится, что хозяева срежут гнезда, как только мы уедем.
- А почему он думает, что срежут?
- Вон, видишь те разводы под крышей? Это следы от старых гнёзд.

Вскоре Эваристо увидел их папу: высокий мужчина со светлой бородой срубал у самой земли ветви зловердного плюща, оплетавшие ствол старого кипариса, и освобождал от смертельных объятий полужадушенные нижние ветви дерева. А потом он установил на балконе видеокамеру – видимо, чтобы наблюдать за ласточкиными гнёздами, не пугая при этом их хозяев. Когда он выходил проверять свою камеру, то радостно и возбужденно что-то рассказывал невидимому собеседнику, остававшемуся в глубине комнаты.

Эваристо не надо было знать чужого языка, чтобы понимать, о чём говорил этот человек. И он вместе с ним радовался за ласточек, за то, что этой весной они выведут, наконец, своих птенцов. А еще думал о том, что вот такого бородача ему всю жизнь не хватало в Эль Арко, чтобы вместе с ним разводить маленькую жизнь в большом аквариуме, спасти чёрных котиков от жестокой казни и наблюдать за ласточками на склоне холма у старого деревянного сарая.

Эта весна принесла ему еще один подарок: две птички пары сочли-таки его постройку годной, и впервые на участке Лима появились глиняные гнезда. Нельзя было, конечно, сравнить их с тридцатью гнёздами под крышей соседей, но всё лучше, чем ничего. Эваристо вдруг тоже захотелось их фотографировать. Камера у него была – дочь подарила на пятидесятилетие. А где-то в шкафу хранилась старая деревянная тренога, сделанная еще его прадедом, увлекавшимся съёмкой семейных дагерротипов.

Он как раз думал, как приладить свой фотоаппарат к старинной треноге, когда до его ушей донесся предсмертный хрип раненой суки, ругань пьяного зятя и визг испуганных щенков за сараем. Как был, с тяжелой треногой в руках, Эваристо пошёл на эти звуки.

Щенков, тощих и блохастых, было четверо. Глаза у них еще не открылись, и они беспомощно копошились за ящиком с кабачками, где их недавно оставила мать. Озверевший от мескаля и пролитой крови Рамиро заносил топор во второй раз, когда в дверях сарая появился его тесть. Дон Эваристо быстро оценил ситуацию и, шагнув к зятю, замахнулся треногой.

Изабель закончила готовить обед, усадила за стол мать и, чтобы не испачкалось её праздничное платье, привычным движением повязала ей на шею салфетку:

– Ты кушай, мама, я схожу позову папу и Рамиро.

Никто не откликнулся ни на первый, ни на второй её зов. Изабель обошла дом с западной стороны и позвала в третий раз, в направлении поля. Тишина. Она было подумала, что муж спьяну решил навестить кого-нибудь из приятелей, но калитка была закрыта, а их просевший от старости фольксваген стоял на своем обычном месте у ворот. И тут она услышала какой-то писк, идущий из сарая. Наверное, её отец с мужем были там. Но что могли делать вместе два человека, никогда не ладившие друг с другом? И кто мог так пищать? С полотенцем в руке Изабель пошла на звук.

В сарае она в ужасе остановилась: на земле, усеянной кабачками и помидорами, валялись здоровенная трёхногая палка и окровавленный топор. Из-за перевернутого ящика в углу доносился жалобный писк, и среди всего этого лежали, раскинув руки и не шевелясь, её муж и отец. Рамиро издавал какие-то странные звуки, похожие на храп. Если бы не тёмное пятно запекшейся крови на голове, можно было бы подумать, что человек слегка перебрал и решил устроить себе сиесту. Дон Эваристо

сто лежал в метре от зятя. Кровь, вытекавшая из глубокой раны на его плече, смешивалась с соком раздавленных помидоров. Изабель склонилась над ним: он дышал. Только тогда она позволила себе громко завывать и принялась перетягивать полотенцем плечо отца.

– Дочка. – Дон Эваристо приоткрыл глаза и зашевелил губами. – Тихо, дочка. Вызови скорую. Он оклемается. Он пьяный... просто ударился головой.

– А ты, папа?

– Ничего. Послушай. Там, за ящиком, щенки. Выходи их с недельку и отдай соседу... из дома напротив, поняла? Пусть только Рамиро не знает. Сосед ещё месяц тут будет. Он их возьмёт, я знаю. И ласточек береги. У нас на стене два гнезда, дочка, слышишь? Два гнезда. Маму по пустякам не беспокой. Все, иди в дом и звони.

Маргарита Трофимова*

Опыты

Рыбы

Она шлёт мне фотографии из примерочных –
в пушистых свитерах и коротких юбочках,
тонких платьях в горошек
в грубых мужских джинсовках
Даже XXS ей велик
Темноголовая птица с ранеными глазами,
острыми коленками и локтями,
Невозможными губами.
Кто выдумал эту кожу, кто идеальной линейкой
расчертил эти скулы и брови, этот овал лица?
Убить бы того подлеца.
Я видела, как большие и важные дядьки
Расползаются в мокрые кляксы
Едва коснутся краешка её блузки
Или родинки на щеке.
Она смеётся
Нервными колокольчиками, серебряными молоточками
Спит с кем попало, или с кем захочет

* *Онлайн-курс Дмитрия Быкова и Михаила Эдельштейна «Поэзия»*

Лишь бы продолжала присылать мне фотографии
из примерочных

Вот только не надо фото в купальнике
От них я теряю дыхание
Мне слишком красиво
Мне очень страшно
Зато я точно жива
Бесплезная как горчичник
Безнадежная как норильск
Живая
Как могут быть живы рыбы
В аквариуме ашана

3 августа 2019

над москвой распустилось чёрное солнце
напялило чёрные балаклавы
выпростало чёрные скалки
дубасило
корчевало
коверкало
никого не жалея
сказало: это твои сыновья
это твои сыновья
мне не надо таких сыновей
лучше я буду чайлд-фри
навсегда чайлд-фри
пусть буду сухой
бесплодной
бесшовной
чем рожу таких сыновей
мне сегодня будет сниться сон:
чёрный сын бьёт меня
по ступням и бёдрам

бьёт ногой в живот
чёрной скалкой по горлу
эх, мама
говорит чёрный сын
зачем ты меня родила такого
вот тебе за это
вот тебе

В поддержку сестёр X

Я тоже хотела убить своего отца
Нет, не так
Убить отца хотела моя сестра
А я
Хотела убить себя
Отец никого не насиловал
И не бил нас
Ну, почти
Он был обычным русским алкоголиком
Из семьи алкоголиков
Пьющим
Пропащим
Ссущимся по ночам
Смрадным
Блюющим.
Мы не убили отца
Отца убил огонь
Пожар
Электричество
Текущее мимо счётчика
Отца убила ворованная энергия
Деревянный дом
Вспыхнул как спичка
Среди ночи

Отца убил огонь
И маму
А мы не убивали отца
Но может быть
Надо было его убить?
Убить до пожара
Ведь тогда
Мама была бы жива
Мы бы убили отца
Нас бы как-то оправдали
Наверняка оправдали
Или не узнали
Что это сделали мы
Мы бы убили отца
Продали дом
Проклятый деревянный дом
Хлипкий дом-убийца
С шатающимся забором
Со скрипучей калиткой
И он бы не сгорел
Или сгорел
Но без моей мамы внутри него
А мама была бы жива
Увидела бы всё
Что видела я
Прочла бы все книжки
Посмотрела бы все фильмы
Увидела бы венецию
И гавану
Прочла щегла
И маленькую жизнь
Мы бы смотрели игру престолов
И интервью дудя
Нет, не так.
Возможно

Если бы мама была жива
Я бы не боялась её потерять
Вот смотрю сейчас на тех
Кто ругает своих живых родителей
(Нормальных родителей
Не совершенных
Но любящих
Помогающих)
Кто оскорбляет их
Унижает
Не понимает и презирает
И злюсь на них
Прямо ненавижу иногда
и даже бывает говорю им
ведь твоя мама не вечная
да, чувак, она точно не вечная
вот ты представь
что она лежит в гробу
а потом высказывайся
хорохорься
говори умное
Мне отвечают: заткнись
Отстань, дура
Даже не произноси такое
И я затыкаюсь.
Ведь я могла быть на их месте
Мама была бы жива
А вдруг я бы говорила ей
Помнишь, мама,
Ты говорила мне такое
Такое...
Это называется слатшейминг, мама
Это называется абьюз
Так нельзя, мама
Ты же педагог

А помнишь
Ты сказала мне:
«я надеюсь, у тебя никогда не будет детей»
И ты знаешь, мама
У меня нет детей
До сих пор нет
Не могу забеременеть
Никогда не было беременности
Это наверно из-за тебя?
Из-за тех твоих слов
Ты сглазила
Прокляла.
Неужели
Я бы говорила такое
Если бы мама была жива?..
Мы не убили отца
Да и не было никакого «мы»
Ведь сестра умерла
Когда мне было пятнадцать.
А может быть
Всё-таки
Надо было его убить?
Но его уже давно
Убил алкоголь
И огонь.
Я не хочу сказать
Что дети
Должны убивать родителей
Мы же не в книжке оруэлла
Хотя
Мы давно в ней.
Я только хочу сказать
Пусть у меня и нет своих детей
Но если я узнаю
Что мою племянницу

Или дочерей моей подруги
Или мою подругу
Насилуют
Брызгают баллончиком в лицо
Бьют пистолетом по голове
Да ещё и
На протяжении многих лет
Я буду готова
Надеть красный комбинезон
И вонзить ножницы в шею
Тому
Кто это делает.
А вообще
Это хорошо помогает –
Представлять
Что это не какие-то абстрактные три сестры
Не персонажи Чехова
Не далекие незнакомые
А близкие
Твои дочери
Твои сестры
Жёны
Подруги
Просто представь
Что на их месте – твоя любимая
А кто-то с ней вот так
Так же
Как тот с теми так
Вот тогда
Тогда непременно
Мы сразу все станем как принц Оберин
Который много лет
Носил в себе кирпич
Желание отомстить за свою сестру
Носил в себе злость

И силу
Мы станем как он
Злыми-презлыми
Сильными и красивыми
И бескомпромиссными.
Вот только я боюсь
Не боюсь, а почти уверена,
Что в этой битве
Нам всем, как и ему
Выдавит глаза
Гора.

Слово на букву Ф

носить каблуки
выбирать низкий ход
брить ноги
или не брить
делать нарядный мейк
или просто умываться
надевать юбку
надевать брюки
надевать юбку на брюки
красить волосы в чёрный
белый, красный
фиолетовый
не красить
не стричь
стричь раз в месяц
полсантиметра
стричь клоками самостоятельно
когда вздумается
не скрывать седину
сверкать сединой

выжигать седину
розовые губы
или зелёные
или заполненные гиалуронкой
железо или йога
или лежать на диване
и есть пончики
татуировки
скарификация
пирсинг
или их отсутствие
загорелая кожа
белая кожа
веснушки
бигуди, гофре, выпрямитель
андеркат, дреды
всё это
ты выбираешь сама
это твоё тело
это твоё тело
это твоё тело
феминизм – он об этом
об этом в том числе
феминизм – это выбор
выбор быть любой собой
любить любую себя
неспортивную, чёрную, квадратную
сделавшую аборт
блестящую, гладкую, пушистую
давшую отпор
сказавшую нет
неровную, неравную, нервную
трепетную
сказавшую да
сильную, скуластую

пропашую, палящую, парящую
сомневающуюся
плоскую-круглую-угластую
себя-желе
себя-воду-виноград-колесо
не сказавшую ни да ни нет
промолчавшую
цветную
выхоленную-выспреннюю-смоляную
злую, нутряную
поверхностную, летучую
вязкую, тягучую
любуюлюбуюлюбую
люблюлюбую
вымою-высушу-зацелую
любить себя любую
это твоё тело
это твоё тело
это твоё тело
это только твоё тело

Анна Ханен*

Настя

Письмо первое

Милый Стёпка, вы уехали только неделю назад, а мне уже хочется тебе написать. Думаю, Лондон тебе очень понравится. К тому же, там ты пойдёшь в первый класс, а это дело серьёзное, не жук начихал.

Знаешь, в Москве почти окончился май. Ха-ха, твоя баб шутит, он везде почти закончился. Завтра поеду на дачу, посажу тыквы. Помнишь, какие они вырастают огромные? Через год я посажу их заново, и, может быть, следующим летом ты приедешь в Россию и тогда увидишь и тыквы, и свою любимую землянику, и мы рванем в Звенигород и будем гулять там до вечера и есть мороженое.

Ты, наверное, думаешь, зачем писать, когда можно говорить по ватсапу безо всяких писем. Понимаешь, твоя мама вышла замуж, теперь у тебя есть отчим, новые родственники и даже новая бабушка. Наверное, мне немного страшно, что ты забудешь свою московскую семью. Поэтому я буду писать тебе длинные истории, вроде сказок. Про что? Например, про мою маму, твою прабабушку Настю. Ведь её детство было настолько давно, что та реальность уже и правда кажется выдумкой.

* *Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»*

Родилась Настя в самый Новый год. Как 1 января наступило, так и родилась. Год это был 1939, еще до войны. Ты, наверное, даже не представляешь, как тогда жили: ни телефонов, ни телевизоров, за водой во двор ходить. Село, откуда Настя родом, называлось Чистопольские выселки, от Чистополя недалеко. Где Чистополь? В Татарстане, конечно. Но давай сейчас про село. Оно красивое, на берегу реки Камы. Жили там русские, татары, чуваша. Знаешь, почему «Выселки»? Потому что в девятнадцатом веке туда выселили самых шумных и непослушных, чтобы не мешали в городе. А они взяли и построили большое и красивое село. Папа Насти был конюхом, и от него всегда пахло лошадыми, это запах тёплый, чуть горьковатый и сладкий одновременно. А мама занималась надомной работой: стирала бельё, ходила убираться к людям и ухаживала за своими четырьмя детьми – Настей, её братом и двумя маленькими сестрами. От мамы пахло мылом, талой водой и чистыми простынями.

Как-то раз один дядька решил подшутить над Настей и сказал: «Тебя мамка не любит». Ей бы не поверить, крикнуть: «Любит! Я знаю, что любит!», но вот беда – она думала, что имя у нее козье. Коза у них была Наська. Насте невдомёк, что это козу человеческим именем назвали, считала, наоборот, её – козым. Поэтому и поверила злой шутке, решила, что любимых так не называют, и с тех пор часто грустила. Хотя вообще она была прехорошенькая и премиленькая: косички блестят, глазки горят и ямочки на щеках играют. И когда забывала грустить, бегала с братом по селу, любила упасть летом на сено, а зимой на снег и в небо смотреть. Вот тебе и лайфхак, как себя в то время представить: просто посмотри ночью на небо. Оно совсем не изменилось. Ты увидишь те же звёзды, что и видела маленькая Настя.

Тебе смешно, что я знаю слово «лайфхак»? Конечно, я же современная бабушка.

Когда Настя ещё не ходила в школу, была война – страшное время. Те, кто не воевал, работали, чтобы помогать фронту. И Настин папа тоже работал на военном заводе. Когда война

закончилась, он вернулся с военного завода домой, и все они – папа, мама и их четверо детей – переехали жить в Чистополь, маленький городок недалеко от Казани. В Выселках остались бабушка и дедушка.

Пришло время Насте идти в школу. Мама купила ей школьное коричневое платье и два фартука – чёрный и белый. Папа стал работать конюхом на мельзаводе – это такой большой завод, где делают муку, а мама – санитаркой в больнице. От завода им дали квартиру в одноэтажном доме, где жило еще несколько семей. В каждой квартире была своя печка, в печке готовили еду. Все бы хорошо, только с едой-то как раз было не очень, есть хотелось, а продукты тогда еще раздавали по карточкам. Ах, ты же не поймешь, о каких карточках речь, решишь, что о тех, которые вставляются в банкомат. Нет, совсем другие, бумажные. Когда голод совсем хватал за пятки, Настя с братом шли пешком в село к бабушке и дедушке, те для них всегда отыскивали что-нибудь вкусное. Идти было долго, валенки промокали от снега, но зато на деревенском столе ждали сухари, квашеная капуста, даже сало белое, холодное, с прозрачными росинками на боку.

Однажды под Новый год, как раз перед Настиним днём рождения, папа получил на заводе целый мешок муки. Как тебе объяснить, что такое в то время мешок муки? Настоящее богатство, понимаешь. Мама и папа полмешка себе оставили, а полмешка отсыпали, чтобы отвезти бабушке и дедушке. Зима выдалась снежная, решили, что папа на санях поедет и Настю и самую её младшую сестру с собой возьмет. А что дальше было, я тебе в следующем письме расскажу.

Обнимаю, передай привет маме, которая сейчас читает тебе это письмо.

Твоя баб

Письмо второе

Милый Стёпка, еще не отправила первое письмо, а уже пишу второе. Очень рада, что у вас во дворе Букингемский дворец. Конечно, это немного удивительно, всё-таки он слишком боль-

шой, чтобы быть в чьём-то дворе. Наверное, ты имел в виду, что вы живёте недалеко от дворца? Это тоже очень круто, поверь. Пришли, пожалуйста, еще фотографий по ватсапу. Ну а пока слушай дальше. Мы остановились на том, что Настин папа получил на заводе мешок муки.

Мама сказала Насте: «Иди к отцу на завод, предупреди, что нужно пораньше выехать». Она волновалась, потому что папа видел только одним глазом и слышал только одним ухом. Мало ли что может случиться в темноте. Пошла Настя на завод, заходит на проходную и говорит сторожу: «Позовите, пожалуйста, моего папку». Сторож старенький её узнал, велел подождать минуту и топтал огромными валенками – топ-топ-топ – в конюшню. Осталась Настя одна в проходной и вдруг видит – спички лежат на тумбочке неубранные, забыл кто-то. Оглянулась девочка, так ей захотелось эти спички себе забрать. Не выдержала, схватила рукой коробок и быстро в карман спрятала. И даже зажмурилась от страха, вдруг кто заметил. А когда открыла глаза, сторож уже обратно по коридору топал. «Сейчас папка твой выйдет. На вот, держи, с Новым годом», – и протянул ей шоколадную конфету. Настя даже дышать перестала, вытаращила глазёнки. «Спасибо», – прошептала.

Дома конфету поделили поровну между всеми детьми – каждому по кусочку. А когда отец вернулся со смены, они с младшей сестрой надели свои ватные пальто, повязали платки крестнакрест и сели в сани. Выехали пораньше, смена на заводе предновогодняя короче была, только зимой в пять часов уже все равно темно совсем.

Вот едут они через лес, мороз за нос и за щёки кусает, пальцы хоть в рукавицах, а всё равно стынют. Сугробы намело такие, что даже самые высокие ёлки кажутся маленькими. Лошади бегут, снег из-под копыт брызжет. Луна висит в небе тонким месяцем перевёрнутым, не светит. Отец на козлах сидит, правит. Настя с сестрой в санях на кочках подпрыгивают, мешок с мукой держат, не дай бог обронить. Вдруг слышит Настя, зву-

ки какие-то странные за деревьями, и к ним приближаются, – как будто дышит кто-то громко и подвывает. «Папка, тут собаки какие-то!» «Да какие ж собаки в лесу ночью?» «Папка!» Отец повернулся, глянул здоровым глазом, и тут на дорогу выпрыгнули волки, пять или шесть! Понеслись за санями! Лошади волков почуяли, испугались, ржут, что ушам больно. Отец хлещет кнутом по лошадиным крупам: «Но! Быстрее!» Сестра Настина заплакала, а Настя кричит: «Папка! Что делать?! Догоняют!» И правда, волки всё ближе и ближе. Один вдруг прыгнул вперед и метрах в десяти от саней оказался. Завизжали девочки, прижались друг к другу. Лошади от страха бросились вбок, насилиу отец телегу выправил. Ещё секунда, и все в сугробе оказались бы, а тогда – конец. Отец одной рукой поводья держит, а другой по карманам хлопает. «Спички! – кричит. – Огонь нужен! Ах, забыл, дьявол! Спички забыл!» Зажмурилась Настя, втянула голову, не знает, как признаться, что у неё спички есть. Эх, была не была, все равно пропадать: «Папка! У меня есть!» «Молодец, дочка, жги и кидай в них!» Настя мешок с мукой сестре сунула, рукавицы стянула, достала ледяными пальцами коробок, чиркнула спичкой. Первая спичка упала совсем близко к саням, волк бег не сбавил. Вторая чуть подальше улетела. Потом ещё и ещё, жжёт Настя спички и в волков бросает. Одна даже как будто волку в нос попала, хотя, может, это показалось в темноте. Но волки и впрямь стали отставать, огонь напугал их. Только много ли спичек в коробке? «Папка, последняя!» Но сани уже к деревне поворачивали, волки туда близко не подходили. Так они и отстали и в лес вернулись. А Настя обняла сестренку и говорит: «Не плачь, дурочка, главное, мука цела».

В селе бабушка не могла верить в то, что случилось, только руками всплескивала: «Батюшки мои! Батюшки!» Отца с девочками обратно уже не отпустила. «Нечего, – сказала, – у нас Новый год и встретите. А завтра – домой». Замесила тесто, самовар поставила. Тепло на печке, сестра сразу уснула, а Насте все еще морды волчьих из темноты выплывающие мерещились. Потом и она уснула.

Утром в избе пахло хлебом. Отец начал домой собираться: «Мать ждёт, волнуется». Бабушка завернула в полотенце большую краюху и Насте с собой дала: «С днём рождения, внучка». И правда, у Насти день рождения-то как раз в первый день после Нового года.

Лес утром другой, сказочный, нестрашный. Кони бегут, снег летит, Настя с сестрой на кочках подпрыгивают и смеются: «По-тише, папка!» А Настя вдруг развернула полотенце, отломала кусочек хлеба и бросила в кусты. «Вдруг, – говорит, – там вчера волчок был голодный. Пусть поест». Вот такая была девочка.

Обнимаю тебя крепко,

Твоя баб

Письмо третье

Милый Стёпка, вчера, когда я звонила, ты не мог со мной говорить, потому что смотрел мультики. Это было немножко обидно, но я не обижаюсь. Давай с тобой договоримся вообще никогда друг на друга не обижаться, что бы ни случилось. Представляешь, какая это сила – не обижаться!

Тихо и незаметно проходило Настино детство. Страна потихоньку восстанавливалась после войны, отменили карточки, появились продукты. Мама и папа завели поросят, для них они построили специальный дом во дворе – хлев. Поросята были чёрные, и всех звали одинаково – Уголёк. Настя ухаживала за Угольками, ей нравилось гладить их по тёплым шёлковым спинкам. Ты думаешь, поросячья щетинка жёсткая? Нет, она мягкая, как волосы. А сквозь неё просвечивает кожа – розовая с тёмными пятнышками.

Зимой Настя обожала кататься на коньках. Кама замерзала, на лёд ложился толстый слой снега, но у самого берега ветер сдувал снег, уносил в побелевшие кусты и деревья, и открывался маленький каток, неровный, с буграми от застывшей под ветром воды. Но зато прочный и блестящий, будто полированный. Дети спускались к нему с высокого берега, прикручивали верёвками

полозья к валенкам и подставляли спины ветру, чтобы мчаться быстрее.

Учиться только Насте не очень нравилось. Никто ей не помогал, а самой было сложно, особенно отвечать на уроке – от страха слова забывались, вылетали из головы, и такая там тишина образовывалась, что в ушах начинало звенеть. Поэтому когда седьмой класс закончился, она решила в школу больше не возвращаться. Раньше так можно было. Но и дома лишним ртом не останешься. Пришлось Насте идти в няньки. Шёл ей четырнадцатый год.

Во время войны в Чистополь переехал московский часовой завод. Сто семьдесят вагонов ехали из Москвы в Казань по железной дороге, а потом из Казани плыли по реке в Чистополь. Первые часы, которые начали на нем выпускать, назывались «Победа». Ты, конечно, понимаешь, у каждого завода есть директор, а у директора – заместитель, «зам», иногда даже несколько. Работал на том заводе большой начальник, один из «замов» – Борис Степанович Коган. У Бориса Степановича было много детей, мал мала меньше. К ним-то Настю и взяли няней. Дом Коганов был совсем не похож на Настин – комнат больше и все они просторней. В самой большой комнате стояло огромное полосатое кресло. Круглый стол посредине покрывала тёмно-зелёная скатерть с тяжелой свисающей бахромой. Одну стену от пола до потолка закрывали книжные полки с книгами. Кухня находилась отдельно от столовой, и в ней хозяйничала розовощёкая кухарка Анюта в белом переднике. Но больше всего Настю почему-то поразили вилки, торчащие вверх зубчиками из эмалированной банки, ведь сами они дома всегда ели ложками. Жена Когана Раиса Сергеевна показала Насте топчан в детской, где ей полагалось спать, сунула в руки годовалого карапуза, который тут же захныкал, и отдала несколько распоряжений.

Так началась Настина жизнь в няньках. Коганы были порядочны, вежливы, чистоплотны, дети их – в меру воспитаны и в меру капризны. Правда, иногда Настю охватывало странное чувство, как будто она не совсем человек здесь, так, что-то вро-

де лампы в углу или книги на полке. Часто рано утром, когда все спали, она вставала, тихо одевалась, выскальзывала на крыльцо и шла к своим. Дома родители и брат с сестрами тоже ещё спали. Настя садилась на стул и рассматривала печку, в которой стоял тёплый котелок, в нём, она знала, оставались после ужина мясо с картошкой, их можно доедать на следующий день, рассматривала буфет, ложки горкой на полотенце рядом с умывальником, цветные коврики на скамье, стульях, тумбочке. Когда Настя выросла, она так и любила застелить всё цветными ковриками. А пока ей было четырнадцать, она слушала звуки спящего дома, потом открывала дверцу буфета, откалывала щипцами маленький кусочек сахара от большой сахарной головы, тихо-тихо, почти бесшумно, и возвращалась к Коганам.

Через год к когановской мал-мале добавился крошечный младенец, который, впрочем, быстро округлялся и к трём месяцам превратился в толстого улыбчивого малыша. Однажды случилось ЧП. Все семейство Коганов ушло в гости, оставив Настю дома одну с самым младшим. Когда настало время поменять ему пелёнки, оказалось, что чистых пелёнок нет. Младенец орал, личико его багровело, Настя металась по дому в поисках пелёнок, но их нигде не было. То ли Раиса Сергеевна убрала их и забыла её предупредить, то ли Анюта случайно спрятала, то ли старшие дети, кто ж теперь разберёт. Не было, и всё. Тогда Настя взяла зелёную скатерть с тяжелой бахромой, которая покрывала круглый стол в гостиной, и завернула в нее младенца. Младенец пискнул и блаженно затих. Когда Коганы вернулись из гостей, был скандал. Стали обсуждать, нужно ли Настю прогнать, но потом отвлеклись на что-то, да и забыли про нее, как лампу в углу.

Целую тебя,

Твоя баб

Письмо четвёртое

Стёпка, дорогой мой мальчик, что-то не клеится у нас с тобой с письмами. Позвонила твоей маме, чтобы узнать адрес в

Лондоне, куда отправлять письма, а то вот их уже сколько накопилось, но оказывается, твоя мама считает, что они тебе ни к чему, будут отвлекать и мешать адаптироваться в другой стране. Может быть, и правда не стоит забивать твою голову былями и небылицами. Но, знаешь, сохраню их. Вдруг летом ты все-таки приедешь в Москву, и тогда мы прочтём их вместе. А пока я всё ещё могу звонить тебе по ватсапу, только, пожалуйста, отвечай, ладно?

Алёна Шварц*

«Они просто бросили и предали меня...»

Слово свободы

В марте 2019 года Архиепископ Калининградский и Балтийский Серафим написал письмо на имя главы Калининградской области Антона Алиханова, где выразил обеспокоенность тем фактом, что исторический Медовый мост и здание Музея янтаря в Калининграде с 2018 года украшены фигурками домовых, или, как их называют иначе, хомлинов.

А РПЦ и коммунисты против!

Представитель РПЦ отметил, что в российской культуре есть много персонажей, способных привлечь в Калининградскую область туристов «без отбрасывания региона к тёмным векам язычества и примитивного славянского национализма». «Просим вас услышать нашу обеспокоенность по данной проблеме», – сказано в письме.

Депутат калининградской облдумы от КППРФ Екатерина Королёва поддержала мнение представителя РПЦ и попросила провести проверку законности размещения фигурок на памятниках истории и культуры «Медовый мост» и «Музей Янтаря».

На Медовом мосту в Калининграде сидит дед Хомлин (от слова *Home* – дом), а бабуля Хомлин – у входа в Музей янтаря.

* *Онлайн-курс Екатерины Ляминой и Алексея Вдовина «Нон-фикшн»*

Забавные фигурки сделал художник и скульптор Андрей Следков. Всего планировалось установить семь подобных изваяний.

Автор эскизов и идеи размещения фигурок домовят Наталия Шевченко рассказала РИА Новости, что после жалобы епископа Калининградского и Балтийского Серафима и вызванного ею резонанса продолжение проекта приостановлено.

«Планировалось, что следующая фигурка должна появиться на очень известном в городе месте. Но из-за этой шумихи мы не можем сейчас устанавливать хомлина, хотя он даже готов. Мы хотим всё сделать по-доброму, переждать какое-то время, не отвечать на провокации», – поделилась мыслями Шевченко.

Многие калининградцы высказались в поддержку домовых, даже запустили в соцсетях флешмоб в их защиту. Люди начали публиковать фотографии фигурок хомлинов на Медовом мосту у Кафедрального собора и возле здания Музея янтаря с хэштегом #нетрогайтехомлинов, выступая таким образом против возможного демонтажа 15-сантиметровых бронзовых скульптурок.

«С таким успехом можно попросить вычеркнуть Бабу Ягу, Фиксиков... и много кого ещё. Чистой воды пиар авторов обращения. Наш город становится интересным, уютным, красивым...» – написал один из пользователей под фотографией хомлина в «Инстаграме».

«Они сразу же полюбились как жителям, так и гостям города. Они поднимают настроение, вызывают улыбку и очень хорошо получаются на фото... В кои-то веки в Калининграде появилось что-то действительно милое, осмысленное и приятное взгляду», – пишет другой пользователь «Инстаграма».

Житель города Дмитрий Янков повесил весёлому дедуле янтарные бусы с янтарным крестиком. Он пояснил, что, возможно, так персонаж, сидящий возле изначально католического собора и в нескольких метрах от синагоги, обретет статус «межконфессионального символа, просто туристического объекта, центра притяжения для детей».

Между тем, проблема притеснения домовых в России далеко не нова. Уже не первое десятилетие люди ограничивают их в правах.

«Пожалейте сироту бесприютную!»

Вспомним, кто такие домовые. Домовой у славянских народов – домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, плодородие, здоровье людей, животных. Нужны ли они в наше время? Положа руку на сердце, признаем: нынче деятельность домовых практически перестала быть актуальной.

Формированию и поддержке здоровых отношений в семье помогают психологи и психотерапевты. Дома и квартиры охраняют надежные системы сигнализаций. Уборку помещений осуществляют сотрудники клининговых компаний. Тепло в доме поддерживается благодаря газовому и электрооборудованию. Фактически функция домовых в городах сведена к присмотру за домашними животными.

Благодаря такой оптимизации людского быта среднестатистический домовый остается без средств к существованию, коими для него, в первую очередь, являются продукты питания. Действительно, люди в большинстве своем перестали подкармливать потерявших авторитет покровителей очага, оставлять им молоко, кашу и прочие лакомства. По сути, обрекли хомлинов на вымирание.

Многие домовые мигрируют в отдаленные деревни и сёла, но и там научно-технический прогресс не даёт им возможности вести полноценную деятельность и, следовательно, получать за свою работу достойное вознаграждение.

След тянется еще с советских времен. Многие помнят бездомного потомственного домового Кузю. В 1984-м году он выступил с громким призывом: «Пожалейте сироту бесприютную! С малых лет жил в людях, ел не досыта, спал без просыпа... Недосыпал, в общем!»

Заявления и протесты Кузи, звучавшие и позже, в 1985-м, 1986-м и 1987-м годах, получили широкий общественный резонанс. Повсеместно цитировались лозунги: «Домовые мы. Счастье в дом приносим», «Работать буду по совести. За хозяйство не бойся», «Я не жадный, я домовитый!», «Кто не работает, тот понарошку!»

К счастью, благодаря освещению в СМИ жизни и деятельности Кузи, ему удалось найти хозяев и обрести дом. Однако с конца 1980-х годов прошлого века о нем практически ничего не известно. По непроверенным данным и слухам, сегодня Кузьма является одним из негласных лидеров несистемной оппозиции людям, отвергающим хомлинов.

Работы нет, но вы держитесь

Разумеется, нельзя отрицать, что работа домовым – это призвание, а для зарабатывания на пропитание есть шанс отыскать, как утверждают некоторые политики, «массу других прекрасных мест, где это можно сделать быстрее и лучше». Они уверены, что современный энергичный хомлин способен найти дополнительный заработок. Например, пойти в бизнес.

В самом деле, мы наблюдаем и такие примеры: в попытке получить хоть какие-то дивиденды домовые, в частности, предоставляют свое имя ряду компаний. Скажем, известно об их успешном сотрудничестве с крупной сетью «Домовой» – это магазины товаров для дома, открытые в некоторых российских городах. Или о коллаборации с компанией «Домовёнок», предоставляющей услуги по уборке помещений.

Встречаются, однако, и случаи нелегального использования имени домовых в названиях магазинов. К сожалению, владельцы отдельных компаний, понимая, что хомлины не имеют возможности отстаивать свои права в суде, даже не задумываются о том, какой серьёзный материальный и моральный ущерб им наносят.

И всё же, в первую очередь этим хозяйственным и семейным существам нужно не бизнес-партнерство, а внимание и забота со стороны людей. Им также очень важно применять свои многовековые знания и опыт на практике. А люди напрочь вытесняют домовых из своей жизни.

Парадоксальная ситуация: ни в сети магазинов «Домовой», ни в клининговой компании «Домовёнок» не работает ни одного домового. Не кажется ли вам, что это то же самое, как если бы, например, в нотариальной конторе не присутствовало ни одно-

го нотариуса, а в отделении полиции не значилось бы ни одного полицейского?.. Неужели действительно целая прослойка нашего общества обречена на вымирание?

Робкий шаг в Г.А.В.Н.Э.

Некоторое время назад притесняемое социальной системой меньшинство из России рассчитывало на поддержку со стороны толерантной Европы, в частности, Великобритании. Однако оказалось, что у западных сородичей противоположные проблемы. Европейские домовые эльфы, или домовики, наоборот, перегружены работой и находятся буквально в рабстве у своих хозяев-людей.

Доподлинно неизвестно, откуда именно прибыли в Европу эльфы, однако речь идёт о нелегальной трудовой миграции из неблагополучных в социальном и экономическом отношении стран. Оказавшись в бедственном, практически безвыходном положении, многие домовики, не зная, на что идут, согласились служить в семьях состоятельных британцев. В результате попали из огня да в полымя.

Домовики-мигранты плохо знают английский и о себе говорят в третьем лице. Хозяевам это на руку: искажённая речь подчеркивает зависимое положение эльфов в обществе. Одежды у них нет: в знак подневольности домашние рабы носят наволочки, лоскутки, разные тряпки. Денег за работу им тоже, разумеется, не платят. Покинуть господский дом без разрешения они не могут, а за невыполнение приказа хозяина эльфу приходится даже истязать себя.

Так, секретарю-переводчику международной неправительственной организации Amnesty International¹ («Международ-

¹ *Amnesty International – международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году, которая ставит своей целью «предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации в контексте своей работы по продвижению прав человека».*

ная амнистия») Джоан Роулинг однажды довелось наблюдать момент самобичевания домового эльфа Добби в городке Литтл Уингинг в графстве Суррей, по адресу ул. Тисовая (Privet Drive), дом 4. Вот как описала она впоследствии этот случай:

«Добби... вдруг, прыгнув на подоконник, стал яростно биться головой об оконную раму.

– Гадкий Добби! – кричал он при этом. – Мерзкий, гадкий Добби! <...> Добби обязан наказать себя. <...> Добби сказал плохое о своей семье... <...> О своих хозяевах... Добби – домовый эльф, его участь до конца дней жить в одном доме, служить одной семье...»

Роулинг уже много лет наблюдает за жизнью и деятельностью домовиков-нелегалов и всячески старается их поддерживать. Так, именно по её инициативе скандально известная правозащитница Гермiona Грейнджер основала в 1994 году Г.А.В.Н.Э. – Гражданскую Ассоциацию Восстановления Независимости Эльфов. В некоторых российских СМИ название также переводят как З.А.Д.Э. – Защита Автономии Домовых Эльфов. Оригинальная аббревиатура – S.P.E.W.: Society for Promotion of Elfish Welfare.

Главной целью организации стало освобождение домовых эльфов от рабства и предоставление им равных с людьми прав. Манифест организации Гермiona Грейнджер предложила озглавить как «Движение за Прекращение Возмутительного и Жестокое Обращение с Дружественными Магическими Созданиями и Борьбу за Изменение их Правового Статуса».

К сожалению, через год организация была закрыта. Положение домовых эльфов за прошедшие с тех пор два с лишним десятилетия не изменилось.

«Я защищал дом, как мог...»

Но вернемся в Россию. Весной 2019 года российская кинокомпания «Трио Фильм» выпустила проект «Домовой». Режиссеру Евгению Бедареву и операторам Андрею Кузнецову и Сергею Политику удалось получить согласие хомлина, живущего в

одной из квартир в сталинской высотке на Котельнической набережной, на съёмки фильма о нем. Тем самым авторы рассчитывали привлечь внимание общественности к проблемам главных домашних духов.

«Домовым когда хорошо – когда в семье царит мир», – объясняет Домовой, попросивший не называть его имени, и рассказывает собеседнику свою трагическую историю:

– Я вот с первой семьёй, помню, жил душа в душу... Всегда был уют, доброта, порядок. Я им во всём помогал...

– И что пошло не так?

– Они уехали, а я остался.

– А ты чего не поехал? Кочевряжился?

– А меня не позвали. Домовые могут переехать только тогда, когда их приглашают. Мы так устроены... Я искренне надеялся, что они вернуться... Этого не произошло. Они просто бросили и предали меня.

На глазах Домового видны слёзы.

– Потом появились следующие. Затем еще одни хозяева. Я верил, что смогу подружиться с ними и жить одной семьёй, но это оказалось невозможным. Люди становились всё хуже и хуже, а из-за них становился хуже и дом. Мы с ним связаны.

Домовой рассказывает, что он и его соплеменники часто вынуждены жить в энергетически загрязненном жилье, и существование становится особенно невыносимым.

– Если в доме ссоры и ненависть, он как будто покрывается плесенью. Её не видно, но она пропитывает стены, как зараза. Если бы люди задумались, они давно бы поняли, что сами виноваты во всех своих проблемах. Я не мог допустить, чтобы в мой дом пришла болезнь. Я хотел, чтобы в нём было тепло и светло. Чтобы все было по-человечески. Я защищал дом, как мог.

Из наблюдения за жизнью Домового, принявшего участие в проекте компании «Трио Фильм», можно узнать о том, как в современном обществе люди манипулируют хомлинами: держат их при себе в корыстных целях, даже закармливают «конфетами и

монетами», а в случае ненадобности изгоняют из квартир. Разумеется, существа вынуждены принимать ответные меры: они пугают и мучают жильцов, портят вещи и мебель и вообще всячески вредят людям.

Но, к сожалению, силы неравны.

«Мы не злые. Домовые добрые, мы дома защищаем», – говорит анонимный герой проекта.

Только кому это надо...

Эпилог

Ещё один маленький хомлин появился в Калининграде на набережной исторического флота возле музея Мирового океана в июле текущего года.

«Ночью мы установили фигурку внучка наших хомлинов на набережной, его можно найти у носа корабля «Витязь», он сидит в «бумажном» кораблике. На наш взгляд, это получилось очень символично. Уже сейчас интерес к нему огромный, нам приходится дежурить и просить гостей близко не подходить к окрашенному парапету», – рассказала РИА Новости инициатор проекта Наталия Шевченко.

Оставят ли этих существ в покое, или антидомовая кампания, граничащая с откровенной травлей, будет продолжена – вопрос открытый...

Статья подготовлена на основании текстовых, фото- и видеоматериалов, размещенных в открытом доступе в Интернете.

Все события и герои не вымышлены, любые совпадения не случайны.

Во время работы над данной статьей ни одного домового не пострадало.

ЮНЫЙ
ТАХАРЬ

НОМИНАЦИЯ

Ольга Александрова*, 15 лет

Санёк

Иногда, услышав шорохи в шкафу, невольно задумываешься: «Не живёт ли в этом доме ещё кто-то?». Открываешь шкаф, но там пусто. Потом заколка потеряется, наушники. И разозлившись, начнёшь ругаться на того, кто издаёт эти непонятные шорохи.

Обычно люди не знакомы со своими домовыми, но в одной квартире он однажды забылся и нарушил это правило. Поздно вечером, решив, что все давно спят, домовый вышел из шкафа и пошлёпал к двери. Оторвавшись от домашнего задания, девочка остановила его:

– Пацан, ты куда миску походную потащил?

Он обернулся, выпучил глаза и промямлил:

– Так это... Есть пошёл я.

– Ну, иди, ешь, вернёшься, садись ко мне – объяснять будешь, что ты такое, – сказала девочка и вернула своё внимание в тетрадь.

Видимо ситуация совершенно убила аппетит домового. Он остановился у двери, посмотрел на девочку, осторожно положил на пол миску и сказал:

– Я домовый. Санёк. – Он вытянул вперёд ладонь.

* *Мастерская прозы для подростков Олега Швеца*

– Аня. – Сказала девочка после рукопожатия

Санёк был почти одного роста с Аней. На его карие глаза постоянно опускались лохматые каштановые волосы, он ходил в дырявых спортивных штанах и камуфляжной мятой футболке. Его одежда, как и всё в той квартире, была покрыта пушистым слоем шерсти мягкой домашней кошки. Возможно, девочке стоило испугаться и завизжать, но ей это дело показалось совершенно житейским. Он выглядел рассеянным и неуклюжим. Санька нельзя было назвать очень умным, потому что это было не так. Он любил воровать провода, ключи, книги, впрочем, делать это нормально не умел, поэтому вещи быстро находили. Однако о его существовании Аня никому не рассказала.

Санёк выходил к Ане ночью из шкафа и помогал делать простые домашние задания. Но математики боялись оба. Санёк говорил, что знал человека, который составил этот учебник, этот человек был больной и постоянно пил какие-то таблетки, а потом его отправили в психиатрическую лечебницу, где он и составил учебник. Вскоре Ане удалось научить Саньку подделывать её почерк. Взамен она давала ему смотреть фильмы и читать книги. Чтение – главный талант Саньки. Кажется, он читал быстрее, чем гепард бежит за добычей.

Когда все засыпали, они немного говорили о науке, о людях, о еде. Аня не видела других домовых, поэтому верила, что этот лучше всех.

Володя Зайцев*, 12 лет

Камнерез на колёсиках

Я шёл в столовую, чтобы сытно поесть. Я подошёл к буфетчице, достал деньги из кошелька и купил вкуснейшее мясо по-французски. Но тут мне прямо в ухо завизжала сигнализация:

– Виу-виу, вяу-вяу! Виу-виу, вяу-вяу!

Серьёзно, опять? У нас каждый месяц эта учебная сигнализация. Так всех тренируют «избегать опасных ситуаций». Да, я бы мог уже давно побежать на улицу, как это всегда просят сделать, но помешала одна деталь. Это то, что я уже держал в руках свой обед! Куда его девать – непонятно. Все друзья уже за пределами здания, тем более всё очень быстро остынет, а такая привилегия как микроволновка у нас отсутствует. Выйти с едой на улицу тоже не вариант, так как у дверей школы стоит охранник, который запрещает «выносить за пределы здания школьное имущество, а именно – вилку и тарелку!» Тогда я решил оперативно проверить одну незамысловатую комбинацию. Запихнул мясо в рот, выбежал из столовой, наткнулся на уборщицу, направился к выходу, захотел пролезть под турникетом, долбанулся об него головой и выронил изо рта треть обеда, вышел на улицу, получил комом снега по голове, увидел своих друзей, направился к ним.

– Ты где был? – спросили меня друзья.

* Мастерская Нины Дашевской «Из реальности в текст»

– Да так... Хавал.

– Понятно. Ну ладно, как закончится эта учебная сигналка, сразу ран в школу в мобилки рубиться, а то у меня телеф на морозе выключится.

Никогда не любил говор своих друзей. Мы стояли минут пять в ожидании возвращения в класс. Неожиданно я услышал шум под ногами, который становился всё громче и громче. Судя по всему, услышал это не только я. Народ принялся с опаской отходить в сторону.

– Мы все умрём! – заорали вдалеке ребята из началки. В земле появилась трещина, она ровным кругом окружила всю школу. Затем по необъяснимым причинам наша школа отделилась и с куском земли взлетела вверх! Все в панике покинули территорию школы, а я не мог это сделать. Почему? Да потому, что я стоял на том куске земли, который оторвался вместе со школой. Все учителя, которые не сопровождали классы, посмотрели из окон вниз. Мы поднимались всё выше и выше. Вдруг наш небесный остров завалился набок. Я как кошка забрался на дерево.

– Я знал, что это случится! – Закричал географ, который пытался ухватиться руками за землю. Он с неизбежностью катился по наклонной плоскости вниз.

– Что случится? – спросил я.

– Один раз в несколько тысяч лет на Земле бушует Вертикальный Ураган! Он вырывает всё живое с корнем и тянет к себе наверх, – ответил он мне и упал, сорвавшись с края острова. А ведь всё начиналось с мяса по-французски! Сил держаться у меня не было, и я тоже отпустил руки. До земли было ещё километров пять, я просто надеялся на что-нибудь хорошее. Вдруг ко мне прицепился некий магнитный луч. Он начал тянуть меня к себе. В итоге я оказался на земле целым и невредимым. Я начал идти к источнику магнитного луча. Он исходил из того места, где до этого была школа. Там стоял каменный мужчина. Да, да, самый настоящий человек из камня.

– Спасибо, – сказал он мне.

– Кто вы? За что спасибо?

– Меня зовут Роки Стоун. Моя история закрыта смертному и открыта Богам, о чём они пожалели. Спасибо тебе вот за это, – сказал он мне и вынул треть обеда, которую я уронил, направляясь на улицу. Я внимательно присмотрелся. Там блестело нечто... живое. Оно билось с неувимой силой и скоростью.

– Что это? – спросил я у него.

– Это моё сердце. Ты освободил меня от подземных мук!

– То есть это всё вызвано не вертикальным ураганом, а... нашим сердцем? – Совершенно верно. Кстати, прошу прощения за школу, – ответил он мне и вернул на место небесный остров.

– А как же те люди, что упали? Например, учитель географии?

– Я их всех вернул к жизни и телепатически им внушил, что это был плохой сон. И снова спасибо тебе за моё освобождение. К сожалению, мне пора, – объяснил он. Он взял в руку своё сердце, и его грудная клетка распахнулась, как ворота. Как только он поместил туда свой живой орган, камень на его теле начал рассыпаться. Когда все куски и кусочки опали, передо мной стоял уже совершенно живой человек. Не промолвив больше ни слова, он взлетел на небо и исчез. Вместе с пропажей незнакомца, у меня появилось одно желание. Я хочу узнать, кто же такой этот Стоун?!

С помощью мобильной связи я ввёл в гугле «Роки Стоун». «Фасадные панели» – выдал мне поисковик. Может, этот каменный чел владеет фирмой фасадных панелей? Фу, что за бред! Хотя...

– Эй, Вовандеморт! – раздалась сзади голоса моих друзей.

– Что? – спросил я.

– Печалька...

– Почему печалька? Потому что школа взорвалась?

– Не поэтому. В мобилы поиграть не получится.

Я отбежал подальше от своих одноклассников, а то ещё «на хату» позовут. Неожиданно я начал чувствовать лёгкое покалывание в животе. Оно становилось всё сильнее и сильнее, превратившись в магнитный луч. Опять он?! Я переместился в огром-

ный каменный дворец. За тронном сидел, конечно же, наш Владелец Панелей.

– Приветствую тебя, смертный! – громовым голосом сказал он мне. – За моё освобождение ты получишь великий дар! Проси у меня, что угодно.

Ком снега, который упал на меня днём начал таять, затекая мне за шиворот.

– А можно два дара? – спросил я у него.

– Это ещё почему?

– Первый дар за освобождение, а второй – за мясо по-французски. 130 рублей как-никак!

– Пускай будет так. Что же ты желаешь?

– Я хочу узнать, кто ты такой. И, пожалуй, банку колы.

– Ты смертный, тебе нельзя рассказывать мою историю!

– Но ты же сказал просить что угодно!

– Ладно, так уж и быть, – начал Стоун, но не договорил из-за раздавшегося взрыва. От замка ничего не осталось, мы с Роки чудом спаслись.

– Кто это? – спросил Роки.

– Ты думаешь, я это знаю?!

Вдали появился загадочный силуэт. Он становился всё больше и больше. Может, это заклятый враг Роки? Или ещё кто-нибудь из-под земли? Перед нами стоял... Учитель географии! Его лицо было в порезах и ссадинах, костюм порван. Я узнал его только по значку в виде глобуса у него на груди.

– Володя Зайцев? Что ты здесь делаешь? – спросил он у меня.

– А что Вы здесь делаете, Пётр Петрович? – спросил я у него.

– Я пришёл мстить этому каменному уродцу! Он мне внушил, что всё происходящее было сном. Конечно сном, когда на тебе свежая кровь!

– Упс, – промолвил Роки.

– Как Вы нашли нас? Я же телепортировался! – не понял я.

– Да от вашего магнитного луча сдох мой дозиметр радиации! Вы представляете, какая там была доза?! Поэтому я запросто вас вычислил.

– И... что вы хотите сделать? – снова спросил я.

– Если ты не будешь лезть, я с тобой ничего не сделаю. А вот ему не поздоровится, – сказал географ, показав на Роки. Затем он полез в карман, и вынул оттуда карандаш: – Карандаш любого географа должен быть остро заточен. А острый карандаш острее любого ножа!

Пётр Петрович набросился на Роки. Дальше всё было, как в типичных боевиках. Кто-то лидировал сначала, кто-то потом. Роки нещадно бил кулаками, а географ, будто шпагой, размахивал карандашом. Из одного лилась кровь, из другого сыпались камешки. Когда грифель карандаша Петра Петровича сломался, он попытался драться врукопашную. Особого преимущества это не дало. В итоге Стоун сделал из своих магнитных лучей кандалы для географа. К сожалению, проработали они недолго. Мой учитель географии снял свой значок с глобусом. Он позволил ему выбраться из западни. Дальше он бросил значок на землю, и тот обратился в камнерез на колёсиках! Я услышал, как Роки громко сглотнул. Географ понёсся на него. Не успело пройти и секунды, как Владельца Панелей разрубили пополам. Географ, прыгая от радости, скрылся вдалеке.

– Володя, Володя!.. – звал меня каменный друг. Я подошёл к нему. – Володя! У меня нет кровотечения, мне и удары никакие не страшны. Но моё сердце... Оно очень хрупкое, в отличие от моего твёрдого тела.

– Как я могу помочь? – поинтересовался я. – Может, мне нужно купить второе мясо по-французски и достать оттуда ещё одно сердце?

– Хе-хе. Нет, это так не работает... Ты вроде хотел узнать кто я такой, а также просил банку колы. На первое у меня не хватит времени, а вот на второе...

Рядом со мной появилось то, что я хотел.

– Ну всё, мне пора. Прощай, Володя Зайцев! – произнёс Роки и испарился.

– Зайцев, завтра переписываешь контрольную! – напомнил издалека мне географ.

Всё затихло. Все затихли. Я сидел на развалинах каменного дворца, попивал колу и с грустью посматривал на камнерез с колёсиками.

Кира Иоч*, 12 лет

«Вот Маяковский странным был...»

Вот Маяковский странным был, Есенин – хулиганом,
Колумб Америку открыл, а я упал с дивана.

Физические формулы, увы, мне не понять,
Но интересно было бы кого-нибудь взорвать.

Вот коробка под ботинки,
Вот коробка для игры,
Эта для тяжёлых грузов,
Эта – средство от тоски.
В той лежат листы – бумага,
В этой нужен препарат,
В той двенадцать кружек с чаем,
В этой фотоаппарат.
Говорит нам каждый встречный:
Это что ещё за склад?
Мы лет сто, а может двести
Собирали этот клад.

* Литературная мастерская Ольги Волковой

Мария Козьякова*, 9 лет

Как мы с Колей играли в пиратов.

Мы с Колей решили играть в пиратов. Надели красивые шляпы и повязки на глаза.

– Нам нужно закопать сокровище! – сказал Коля.

– Что мы закопаем? – спросил я.

– Давай каждый из нас принесет свою любимую игрушку, – предложил Коля. – Представляешь, как через 10 лет мы их откопаем!

Я пошел за своей машинкой. Но как я её отдам? Ещё столько всего нужно с ней сделать! Тогда я позвонил Коле и сказал, что нужно закопать что-нибудь вкусное. А тут у бабушки очень кстати были готовые пирожки с капустой. Но мы не удержались и съели их по дороге.

– Знаешь, – сказал мне Коля, – мама говорит, что Лариска её сокровище.

– Отличная идея, юнга! У неё же золотые волосы!

Лариса была сестрой Коли. Она с радостью согласилась закопаться.

– Стоп! – сказала Лариска, когда мы уже собирались её закапывать. – А что я буду есть?

– Точно! Давай возьмем пирожков у твоей бабушки и дадим Лариске, мы же раскопаем её только через 10 лет! – предложил Коля.

Тогда нам пришлось ещё и идти за пирожками.

– Зачем вам столько пирожков? – спросила бабушка.

И в тот момент наша миссия провалилась. Мы были наивные, маленькие пираты, и рассказали ей про наш замысел. Бабушка позвонила Колиной маме, и она выгащила Лариску из ямы. А с нас взяла обещание, что мы никогда больше так не будем.

* Мастерская Дарьи Скворцовой «Истории, которые живут на крыше»

София Кулиджанова*, 10 лет

Приключения осьминога Паула

Когда-то в океанариуме жил осьминог Паул. Это был застенчивый, фиолетово-красный осьминог с большими, голубыми как небо глазами. На пятой щупальце у него отсутствовали присоски, если не считать одной крохотной половинки. Иногда Паул сливался по цвету с водой, потому что ему надоедали вечно глазающие посетители. Зато так он мог рассмотреть брошюры с надписью «Бразилия» в их руках.

Как-то раз, когда осьминога пришли кормить, в аквариуме подняли крышку, и ему удалось ускользнуть оттуда. Слившись с полом, Паул попытался аккуратно проползти к выходу, но упал в открытый аквариум с рыбами.

Оттуда осьминог увидел рабочих, направляющихся к аквариуму, и поспешно слился по цвету с водой. Рабочие не заметили его и, подняв аквариум, ушли. Осьминог увидел гигантский автомобиль, на котором было написано «ФУРА». Двое рабочих открыли двери и поставили аквариум внутрь. Затем раздался щелчок, и стало темно. Под громкий стук колес, уставший от только что пережитого приключения, осьминог задремал. Ему снилось, словно на него кто-то смотрит и говорит ему: «Вот ты, Паул, жаждал приключений, и теперь они твои. Будь аккуратен: тебе предстоит опасный путь!»

* *Мастерская Дарьи Скворцовой «Истории, которые живут на крыше»*

Сильный толчок заставил Паула проснуться. Сквозь щель между крышкой и аквариумом он смог разглядеть бронзово-красный вагон. Аквариум с осьминогом куда-то поставили, и всё опять погрузилось во мрак. «Куда же нас всё-таки везут?», – подумал Паул и снова уснул.

Осьминога разбудил пронзительный, резкий скрип колес. Двое загорелых мужчин в рабочих комбинезонах так неаккуратно вытащили аквариум из вагона, что с него слетела крышка. Заметив это, Паул засомневался. В нем боролись два желания: выпрыгнуть из своей клетки навстречу приключениям или остаться. Первое желание взяло верх – осьминог выбрался из аквариума. Как только он почувствовал под щупальцами твёрдый асфальт, то быстро огляделся. Впереди длинный перрон, слева бегают мужчины в рабочих комбинезонах, а справа... непроходимые джунгли! Конечно, Паул пополз туда.

В джунглях было жарко и влажно. Осьминог думал, что скоро ему станет плохо без воды, но время шло, а он чувствовал себя прекрасно. Через какое-то время Паул оглянулся, чтобы посмотреть, не преследует ли его кто-нибудь. Погони не было. Осьминог пополз под большой мокрый лист и начал осматриваться. Он был под огромной пальмой, на которой висело что-то разноцветное. Паул не успел рассмотреть, что же это было, как вдруг...

– Ай! – воскликнул он.

Сверху на Паула упали пять бананов, причём разных цветов! Они сразу же начали кланяться и представляться: Микс, Люкс, Вжик, Мелон и Праго. Осьминог выпучил и без того круглые глаза и сказал: «Паул. Осьминог Паул».

Тут самый крупный, зелёный банан выступил из толпы: «Так, Паул. Мне и моим друзьям хочется поговорить с тобой. В одной стране, которая называется Единороголандия, случилась беда. Исчез волшебный кристалл Оллоролкс. Этот кристалл защищал страну от плохих существ и природных бедствий. Мы, одни из представителей разноцветных бананов, хотим спасти Оллоролкс. Нам нужна помощь. Хочешь присоединиться к нам?».

Паул подумал, затем ещё подумал, и ответил утвердительно. Сколько лет он мечтал о приключениях! Неужели сейчас, перед этой толпой бананов, он сможет им отказать?!

«Отлично! – воскликнул банан. И тут же добавил: – Вот подробная карта Единороголандии. Вот тут горы Себальярова, они названы в честь семьи великого волшебника – Себальяра. По их кромке течет река Любенсгерг. На дне её лежат драгоценные камни, из которых брал силы Оллоролокс. Нам предстоит пройти мимо них и не дотронуться ни до одного камня, иначе Оллоролокс потеряет всё свое могущество. Видишь эту пещеру? В ней большой рубиновый пьедестал. На нем раньше стоял Оллоролокс. Дальше, за горами, лес единорогов. Теперь нам пора в путь. Выше нос те, у кого он есть!»

Через полтора часа Паул уже полз по тропинке, над которой был зелёный навес. Банан что-то тихонько напевал себе под нос, когда все вдруг услышали журчание воды, и не успели ничего сказать, как Паул ринулся вперед. Быстро лавируя между деревьями, он подполз к реке, в которой что-то поблескивало, и подпрыгнул вверх. Он не оторвался от земли и на полметра, как что-то потянуло его вниз. Паул упал на камень и больно ушиб голову. Перед его глазами замелькали круги, и он потерял сознание.

А в это время двое мужчин, одетых во все серое, пробирались сквозь листву. Один был высокий, худощавый, с белыми, как снег, волосами и чёрными, как смоль, глазами. Второй был очень толстый, маленького роста, с грязно-болотным цветом глаз и серыми волосами.

– Ну Ролл! Почему ты не можешь остановиться прямо сейчас?

– Если ты задашь ещё один вопрос, я выкину тебя в канаву с крокодилами!

Толстый обиженно посмотрел на него и пробубнил:

– Если Его Величеству Роллу так уж и захочется выкинуть бедняшку Дила в канавку с крокодильчиками, то Его Величе-

ство наверняка полетит туда первым вместе с этим восьминогом!

– Хватит бубнить, Дил! Если хочешь привал, помолчи!

– Все, молчу. А мешок куда?

– Да вот в эти кусты!

Мешок отлетел в сторону, задел один из острых шипов, росших на кусте, и порвался. В нем что-то зашевелилось, и из мешка вылез... Паул! Он с трудом высвободил щупальца и быстро пополз в лес. Вскоре позади он услышал крик: «Сбежал! Ты кинул мешок в кусты с шипами, а не в кусты с листьями папоротника! ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ!»

Но Паул уже научился быстро перемещаться с помощью своих щупалец, и вскоре крики затихли вдалеке. Пока осьминог пытался вспомнить, где именно он расстался с бананами, что-то потянуло его вверх. Это был Микс, зелёный банан. Оказалось, что он быстро пронесся по веткам деревьев и спустился вниз у того самого камня, где Паул потерял сознание.

Но это был вовсе не камень, а большой, голубой с желтой гривой и хвостом единорог! Паул ничего не понял и опять потерял сознание. Очнувшись он от того, что кто-то лизнул его прямо в нос. Осьминог встал и посмотрел сначала на банан, а потом на единорога.

– Я ничего не понимаю, – сказал он.

– Да тут и нечего понимать! – весело ответил Микс. – Ты подпрыгнул прямо над рекой Любенсгерг и чуть в неё не свалился. Но тут двое каких-то не пойми-кого поймали тебя за щупальца и потянули в кусты. Я, как предводитель, ринулся за ними, как вдруг...

– А почему ты не тёмно-зеленый, как был, а салатный? – вдруг спросил Паул.

– Не перебивай. Ну так вот: когда я отправился вслед за этими воругами, одна противная макака схватила меня и сняла кожуру – приготовилась съесть! Ну я, понятное дело, сбежал, но кожуру с собой не прихватил. Но какой банан без кожуры? Увидел, что рядом с домом другого банана висит только что высти-

ранная кожа такого приятного салатного цвета, что даже в глазах зарябило. Поэтому я не сдержался и натянул её. А потом вижу: летит по небу мешок прямо в кусты с колючками! Я за мешком прыгнул, а из него ты вылезает. Я тебя хвать, и вытащил. А дальше ты потерял сознание, очнулся и стал меня расспрашивать. Вот и вся история.

Вскоре вся компания бананов уже ехала на спине единорога и радостно пела:

Привет тому, кто здесь живёт,
Кто любит мир свободы,
Пусть знает тот,
Кто так живёт,
Что все невзгоды пополам,
Разделит доблестный банан!
Умение жить для оптимиста,
Как будто мяч для фурилиста,
Ой, нет, какой для фурилиста!
Как будто мяч для футболиста!
Спеши, о друг, спеши, спеши!
Нам Оллоролокс предстоит спасти!
Вперёд, вперёд спеши сейчас,
Мой друг, скорей, настал твой час!

Через час маленькая компания добралась до Леса Единорогов. Их встретили с почестями и радостными восклицаниями. И каково же было удивление бананов, когда они узнали, что ехали на сыне Его Императорского Величества!

– Кстати, мы не учли одну вещь, – сказал банан. – В Единороголандию можно попасть только на единороге.

– Значит, нам очень-очень повезло, – весело ответил Паул.

– Так, Ваше Императорское Величество, нам надо попасть на вершину горы Себальярова. Там тайник ворюг, которые наверняка похитили Оллоролокс, – вежливо сказал банан.

– Но сейчас уже поздний вечер, – сказал император Единороголандии, – Вы можете заблудиться. Я советую вам остаться на ночь.

– Мм... хорошо! Мы остаёмся, – смирился сказал Микс.

– Отлично! – Ответил император, – Сделаю всё от меня зависящее, чтобы завтра вы добрались до места.

Ночь выдалась чудесной. Мириады звёзд мерцали на небе, сверчки тихо напевали какой-то печальный мотив, а светлячки кружились золотистыми точками то там, то тут. Паул стоял у окна хижины, сплетённой из листьев папоротника, и о чём-то думал.

Наутро бананы и Паул снова двинулись в путь. Вскоре они добрались до вершины горы Себальяра и залезли в пещеру, полную сокровищ.

«Это он!» – воскликнул Микс, и кинулся к серебристоголобому камню, лежавшему в самой гуще сокровищ. Вдруг все увидели две странные тени, между которыми происходила борьба. Все обернулись и ахнули. Паул с явным усилием пытался повалить на землю толстого ворюгу, который с таким же упорством пытался поймать Паула.

– Ребята, в бой! – крикнул один из бананов и, выхватив блестящий клинок в ножнах из груды сокровищ, кинул его в толстяка.

От ужаса тот покатился вниз, сбил с ног худого, и они вместе упали в пропасть. Вскоре Паул откопал рубиновый пьедестал, на который бананы поставили Оллоролокс. Вдруг налетели ураган, метель и пурга. А затем словно втянулись внутрь Оллоролокса с таким свистом, что по коже и коже забегали мурашки.

Вскоре Паул с бананами приблизились к Лесу Единорогов. Бананы рассказали императору о том, как осьминог помог им найти пьедестал для Оллоролокса.

– Паул, ты поступил очень смело, – сказал император. – За твою храбрость мы готовы исполнить три твоих желания. Решай какие желания хочешь осуществить!

– Я бы хотел... – скромно начал Паул.

– Я хочу, – поправил его император.

– Я хочу... – продолжил Паул, – Я хочу узнать, почему у меня нет присосок на пятой щупальце.

Вокруг него все закружилось, и он услышал:

– Когда ты был маленьким, двое браконьеров тащили тебя от серого камня, за который ты ухватился. Когда они оторвали тебя, почти все присоски остались на камне.

– И ещё: я хочу, чтобы все мои присоски вернулись на место! – Уже смелее сказал Паул. – Ой! – воскликнул он.

На пятой щупальце с лёгким треском стали появляться присоски. Одна половинка к другой половинке: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь! Все недостающие присоски на месте! Восторгу Паула не было предела.

– И последнее. Я хочу вернуться в свою семью, – сказал Паул.

Как только он это произнес, всё расплылось и замелькало, а через секунду Паул услышал: Австралия! Он открыл глаза и увидел перед собой двух фиолетово-красных осьминогов.

– Паул, мой милый! – воскликнула осьминожиха, стоявшая справа.

– Мама? Папа? – спросил Паул.

– Сынок! – услышал он.

Через полтора часа осьминог сидел рядом с родителями и ел морскую капусту, которую не пробовал с самого детства. Вдруг с потолка их подводной пещеры свалились все бананы. Паул оторопел.

– Люкс? Микс? Вжик? Мелон? Праго? – спросил он.

– Конечно, это мы! – воскликнули бананы. – Ведь мы от тебя ни на шаг!

Маруся Кунилова*, 7 лет

Стихи о собаках

Собака мечтает о косточке,
А я мечтаю о собаке,
Которая будет только моей.

Радужные собаки бегали по облакам,
А на земле отражались солнечные зайчики в виде собак.
И все люди радовались.

* Мастерская Ирины Лукьяновой и Светланы Андреевой «Усы, лапы, хвост»

Полина Леднева*, 13 лет

Заяц

Петр I на обложке напоминал мне бульдога. Челюсть у него собачья и глазки запали куда-то внутрь. И пялится – прямо в душу. Я это понял минут пять назад, а может тридцать, не знаю. Надоело, что он постоянно пырит на меня, и я подвинулся. Даже на парту лег, а он все смотрит и смотрит. Как Мона Лиза. Крыска-Лариска говорила, что если в Лувр поехать, то она будет на тебя смотреть, где бы ты в зале не стоял. Не Лариска и не картина, конечно, а Мона Лиза.

Ларису Гузеевну мы прозвали Крыской ещё в третьем классе, когда она в нашу школу пришла. Это из-за её маленьких вертячих ручек, которыми она постоянно что-то трогает. Например, голову Мишке Заяцу погладит, а он скрючится, как креветка, и лицо морщит. Но куда там денешься, не выдергивать же голову!

– Исаев, ты оглох?

Вообще-то не оглох, задумался просто. Но кричит она знатно. Не как крыса, скорее, как здоровенная мышь.

– Ответь на вопрос в конце концов!

– Я полностью согласен.

– С чем ты там согласен, Исаев? Я тебя спрашиваю, когда Сушкин птих написал, а ты мне что?

Я прыснул. А зря! Глаза у Крыски выкатились, как у Петра. Но невозможно же не смеяться, когда у неё там Сушкин птих!

Удивительная женщина наша Крыска. Всё что угодно в нелепость превратит, а я виноват потом. Стоит такая, Заяца по голове гладит и торжествует. А Заяц ужасно мнительный, терпеть не может, когда его трогают. Потом голову на перемене влажной салфеткой оттирает.

Я стараюсь не отводить от Крыски глаз, как будто это как-то поможет скрыть от неё мои руки, которые нащупывают на парте учебник, и рот, которым я отчаянно пытаюсь спросить у соседки Лизы Крыжовник, на какой странице эта дата. На самом деле, Лиза вовсе не Крыжовник, а так просто, Мухина, но когда-то она зарегистрировалась под этой фамилией в Вк, а та взяла и приклеилась. Открыв, наконец, проклятый учебник я отвожу взгляд, и вся моя гипномагия рушится.

– Исаев, не заставляй меня ставить тебе два!

Я чуть не ляпнул, что и не думал никого заставлять, но неожиданно встрял Заяц:

– В восеча тысемсот пядцать дватом...

Затишье перед бурей. Так как глазам Крыски расширяться уже некуда, расширяется всё остальное. Кажется, она скоро займет собой весь проход.

– Заяц! Что ты себе позволяешь! Как низко, Заяц! Мать ко мне после уроков! Отца! Марш к завучу!

За неимением больше в своей власти Заяца, Крыска тербит собственную голову, выдергивая из пучка пряди. Мне даже жаль её становится. Но ненадолго – она нас шесть лет терроризировала, пора бы уже справедливости и восторжествовать!

Все-таки приятно смотреть, как орут не на тебя. Как будто купил случайно просроченный творожок, а его съел кто-то другой.

– И этого олуха Исаева с собой прихвати! Два клоуна завелись, ни грамма уважения!

Дело дрянь.

* Мастерская прозы для подростков Олега Швеца

Мы с Зайцем идем по коридору медленно, будто это чем-то поможет. Видно, что Заяц еле сдерживается, чтобы не разреветься. Глаза на мокром месте и губа дергается, как Крыжовник на школьной дискотеке. Мне почему-то очень хочется его подбодрить, я выдаю:

– Ну брось, зато теперь она от тебя скорее всего отстанет. Тебе не придется ежедневно тратить кучу влажных салфеток на свою несчастную голову, ты не будешь выбрасывать их на помойку, они не попадут в океан и в них не запутается прелестная морская черепаха. Ты спас черепаху, зайчик.

– Спасибо, – выдавливает он, – люблю черепах.

Даша Нечаева*, 9 лет

Стихи о кошках, собаках

Весеннее утро.

Щебечут птицы на заборе.

Кот замер.

* Мастерская Ирины Лукьяновой и Светланы Андреевой «Усы, лапы, хвост»

Давид Нисенбойм*, 12 лет

Скучно

Ранним утром летнего дня 2016 года большая семья двинулась в путь из Барселоны в Кастель-де-фельс, небольшой пригород большого города. Мы собирались провести день на пляже. Шёл второй месяц каникул, и мне с братьями было порядком скучно.

Первым к морю побежал Габи, он долго ждал возможности искупаться в прохладной водичке и позагорать. За ним спокойно шел четырнадцатилетний Игорь, довольный тем, что наконец-то от него отстали учителя с их контрольными. Завершал процессию я, сонный и не выспавшийся. По правде говоря, я надеялся, что солёная морская вода поможет мне взбодриться. Алекс немного задержался, он попытался выпросить хоть чуть-чуть Мохито у бабушки. Он просил очень убедительно, да и бабушка была не против. Но родители, к несчастью, были рядом, и досталось не только Алексу, но и бабушке.

– Лучше бы ты мне давала Мохито когда я была маленькой! – злилась мама.

– Лучше бы ты так хорошо себя вела как Алекс, – не осталась в долгу бабушка.

Тем временем мы всей компанией уже плескались в море. Волн не было, зато водорослей хоть отбавляй!

* *Мастерская Стефана Хмельницкого и Екатерины Какуриной «Рецепт вина из одуванчиков»*

– Ну вот, даже не поплавать толком.

В итоге решили делать из них парики, украшая их камнями, ракушками и коричневым песочком. Маме было всё равно: для неё главным было, чтобы мы не ныли, что нам надоело, и не просили гаджеты.

Но этого развлечения хватило ненадолго. Вскоре мы вылезли и залегли на пляже как стадо тюленей. Скучно. Пляжный бар был уже закрыт, и пообедать где-то поблизости было негде... В итоге, наскоро собрав вещи, мы помчались домой. Хотя мы зря так спешили, по дороге нас всех без исключения укачало. И есть уже совсем не хотелось.

Вечер прошел ужасно. Мама и бабушка закрылись на кухне, Алекс ушел прогуляться, а Игорь запретил нам даже приближаться к его двери. Мы с Габи маялись от безделья. Даже ссориться было лень.

Вот бы какое-нибудь настоящее приключение, подумал я. И Габи как будто прочитал мои мысли: «Вот-бы замутить чего-нибудь, а то со скуки сдохнуть можно».

Вот уж точно моя бабушка говорит: не мечтай, а то сбудется.

Легли мы рано, где-то в девять. Рано? Да если честно, мы бы и в семь легли, если бы солнце не светило в окно, всё равно делать было нечего. Такой расклад устраивал всех, и родителей, и детей. В сон я провалился быстро, сжал своего плюшевого медведя и отключился самый первый.

Утром, когда я зашел разбудить Габи к завтраку (он всегда позже всех вставал), я увидел его лежащим на ковре возле кровати. Он тихо посапывал, и мне даже стало жалко его будить (похоже он так крутился во сне, что свалился, но спал настолько крепко, что не проснулся).

Только я тихо вышел из его комнаты, как за спиной услышал дикий вопль и звук разбитого стекла. Я мигом прыгнул в комнату обратно. Происходящее повергло меня в ступор: окно было разбито вдребезги, Габи громко кричал, держась за перила балкона. Более того, его как будто кто-то тянул через них! У меня перехватило дыхание, я со скоростью света подбежал к брату и

схватил его за руки, чтобы помочь. Это и стало роковой ошибкой. Габи отпустил перила, держась только за меня. Я не смог удержаться на ногах и нас вместе унесло в сторону моря каким-то чудовищным порывом ветра. В глазах потемнело.

Очнулся я в холодном, сыром помещении. Все стены, пол и потолок были из металла. Страшно болело плечо. Габриэль лежал на полу без сознания. Он летел первый, поэтому очень сильно ударился об стенку. Майка была порвана, из раны на спине сочилась кровь, а на затылке красовалась огромная шишка. Забыв о боли, я побежал к брату. Слава богу, он дышал и у него билось сердце. Что же делать? На лбу выступила испарина, руки дрожали. Я был в панике, поэтому ничего лучше принципа «потряси и дай пощечину» я не нашел. После сильной пощечины Габи очнулся и чуть не полез в драку, хотя быстро остановился.

– Братик, ты очнулся! – воскликнул я.

– Дубина! Ты видимо очень хочешь, чтобы я здесь остался навсегда! Я не могу встать! – рявкнул в ответ он.

– И тебя с добрым утром! – я был так рад, что он очнулся, что предпочел не обращать внимание на сарказм.

Тут на одной из стен стали проступать буквы. Как будто кто-то невидимый продавливал металл с обратной стороны. Мы замерли и медленно прочитали надпись на испанском: «Хотите выбраться? Предлагаю сыграть в игру. Просто ответьте на мои вопросы. И обещаю, скучно вам не будет»

Начинается... мы с Габи переглянулись, вспомнив фильм «Джуманджи». Ждали мы минут пять, и мне это уже надоело, как вдруг в голову пришла идея:

– Да, мы все поняли и ждем первого вопроса. – протрубил я.

– Ты чего орёшь? – поморщился брат.

– Надо! – отрезал я и стал ждать дальше. Вопрос на стене не появился. Тем не менее, первая надпись исчезла.

Прошло ещё минут пять. Я мерял шагами комнату, Габи тёр ушибленную ногу.

Тут уже он заорал:

– Да, мы все поняли и ждём первого вопроса, – повторил он за мной.

Я с удивлением посмотрел на него. Он насупился: «Чего смотришь?».

Перепалка закончилась не начавшись. На стене стали проступать огромные буквы: «Сколько будет 1+1?»

Казалось, что вопрос простой, но в чем подвох? Наши с Габи мнения разделились. Я считал, что ответить два и не выдумывать. Габи же, как всегда, придерживался другого мнения, что тут что-то не так. Его хлебом не корми, дай поспорить. Через три минуты ожесточенной баталии мы всё-таки сошлись на том, что надо попробовать. Решили одну проблему и тут же столкнулись с другой: где написать этот текст?

Да сколько же можно головоломок: от злости я стукнул кулаком по стене и там появилась белая точка.

– Ага, вот как это работает, сказал Габи и, схватив камень, написал ответ на стене.

Но увы! Ничего не получилось. Похоже, Габи был прав, ответ был неверный.

И тут меня осенило: а если речь идёт о другой системе счисления? Нас тут двое, может быть речь о двоичной системе?

– Десять – заорал я! Пиши!

Габи написал десятку на стене, и она замерцала холодным фиолетовым свечением.

– Есть! – воскликнули мы с Габи хором.

– Ждём второй вопрос!!! – заорали мы, перекрикивая друг друга. В ушах зазвенело! Наверное, у создателей этой игры чуть родимчик не приключился от нашего ора. Поэтому вопрос появился быстро.

– Кто вы?

Мы переглянулись. Я мог дать десяток ответов на этот вопрос, но какой из них верный?

– Жители планеты Земля, – буркнул Габи. Его эта история явно начинала злить. Он молча мерил шагами помещение. Вдруг подхватил камень и написал на стене: «Братья».

И снова надпись замерцала.

Настала пора третьего вопроса.

«Умеете ли вы обращаться с холодным оружием?» – вот это поворот!

Мне стало страшно. Габи, наоборот, был счастлив что ему наконец-то можно будет подраться с кем-то.

В голове роилось множество вопросов. Кто создал эту игру? Почему именно мы? Почему такие странные вопросы? И вообще, доживём ли мы до конца? Погружённый в размышления, я не заметил как заснул. Открыв глаза, я сразу понял, что мы уже не одни. Рядом со мной лежал топорик и щит. Габи держал в руках короткий самурайский меч. А в десятке метров от нас стояли четверо странно одетых людей с палицами и кинжалами в руках.

Один из них начал медленно двигаться в мою сторону. Мы с Габи, не сговариваясь, встали спина к спине. Мой противник первым нанес удар. Но не попал, воткнул кинжал в самую середину щита. Я отбежал и метнул свой топорик. Попал в ногу. Враг взвыл и упал на землю. Оглянувшись, я заметил, что Габи яростно отбивает атаку сразу трёх нападавших.

– Держись! – крикнул я и, прикрывшись щитом, кинулся в самую гущу. Некоторое время мы удерживали оборону, но силы были слишком неравны.

– Нужно бежать, – выдохнул Габи, – смотри, там какая-то дверь! Иначе нам крышка!

Мы побежали к двери и распахнули её. Вдруг я услышал чей-то голос, обернулся...

– Даавииид, просыпайся, да сколько же можно тебя будить! Мама трясла меня за плечо...

– Где Габи? Первым делом воскликнул я

– Да спит, где ж еще ему быть. А с кем ты всю ночь разговаривал?

– Да так мам, приснился сон.

– Страшный?

– Ну есть немного, улыбнулся я. Зато скучно мне точно не было!

Софья Савельева*, 13 лет

Стены между нами

Взмыленная Саня влетела в свою комнату, не забыв на прощание как следует хлопнуть дверью, и прислонилась спиной к двери. Как же она устала.

За дверью почти сразу же раздался сердитый окрик матери:

– Я тебе сейчас похлопаю дверьми! Давай, ломай все, мы же миллионеры!

– Тогда понятно, почему они могут сломаться! Вы же с твоим распрекрасным Димой их выбирали! – закричала Саня.

– Ты сейчас договоришься! – по ту сторону стены послышались шаги. Саня мигом повернула ключ в замочной скважине и подперла дверную ручку стулом.

Всё, теперь никто не войдет. Мать стучала по дереву, орала и бесилась, пытаясь войти, но Саня не обращала ни малейшего внимания на весь этот психоз.

Надо успокоиться. Саня подошла к письменному столу и включила ноутбук. Старенький, он всегда медленно загружался. Еще бы, на счету этого ноутбука было неудачная попытка быть скинутым с десятого этажа, потому что, видите ли, «в этом доме не будет ничего, подаренного Ниной Петровной», как однажды на всю квартиру заорал Дима. Один клик «мышкой» и вот, Саня уже в другом мире, в мире вордовского файла под названием «Иллюзия».

* *Мастерская Стефана Хмельницкого и Екатерины Какуриной «Над пропастью – пиши»*

Сидеть в одиночестве, в полной тишине и придумывать сцены и реплики героев, отрывая себя от кричащей на всю квартиру реальности, что может быть замечательнее? Она быстро пролистала документ до конца. Сто страниц откровенного бреда были уже за плечами. Саша открыла маленький зелёный блокнот. По плану, который Саня записала ещё целую вечность назад, должна была идти до тошноты счастливая сцена, наверное, по голове залитая терпкой ванилью. Она сделала глубокий вдох и выдох. Этот фанфик всегда успокаивал, но, видимо, не в этот раз. Как вообще можно описать, как радуются другие, когда у самой лицо, как после цунами?

Солёные слезы жгли раздражённую постоянной подводкой кожу в уголках глаз и стекали вниз растворяясь в складках одежды. Подумать только, может же обычная вода жечь как лава... Вдохновения, которое обычно приходило в больших количествах, как только она садилась за ноутбук, хватило только на коротенькое: «Он пришёл».

В другой комнате ещё ругались друг на друга мама и бабушка, но крики постепенно умолкали. Надо же, раздуть скандал из-за такой ерунды, как есть курицу – вилкой или руками! Но нет, вместо того, чтобы успокоиться, они всегда плавно переходили на тему настоящего мужа мамы, дяди Димы. А тут всегда затрагивалось его неприятие Сашкой, дескать, бабушка наговорила. Поэтому обычная ссора ни разу не заканчивалась иначе – Саня в слезах уходила в свою комнату и так хлопала дверью, что на кухне тряслись стаканы, бабушка и мама продолжали перекидываться язвительными словечками, а младшая сестра Сашки Милена как обычно сидела с полным ртом еды и поддакивала матери.

Нет, сегодня написать хотя бы один абзац несущих какой-то смысл слов, как любил говорить до противного приставучий старый учитель русского, не получится. Нужно почитать что-нибудь формальное. Сашка решительно вытерла слезы, отодвинула ноутбук и грохнула перед собой учебник по геометрии за восьмой класс. Глупые сухие правила понемногу успокаивали её. Хотя, наверное, они не такие уж и глупые. Они бесстрастные

и чопорные, они ничего не чувствуют и просто портят всем ученикам жизнь. Иногда Саше хотелось именно так – ничего не чувствовать и быть холодной, как ледышка, ко всему, что происходит, чтобы не устраивать Второй Всемирный Потоп и не тратить нервы.

Дима приходился родным отцом Саше и Милене. Бабушка всегда рассказывала, как познакомились их родители. Произошло это как в обычных сериалах на «Первом» – Анна Николаевна столкнулась с ним в офисе и случайно пролила кофе на его белую рубашку. Дальше пошла череда самых обыкновенных извинений и слов, потом он непринужденно надел пиджак и – драма по классике – предложил спокойно выпить по чашечке кофе. А после – самые обыкновенные свидания. Всё было настолько банально, как будто кто-то свыше уже изначально заготовил схему, как надо действовать, и уклоняться от курса нельзя было никак.

Они поженились через год. Вскоре родилась Саня, через четыре года – Милена. Все было хорошо. С бабушкиных слов, Дмитрий был настоящим красавцем – высокий и стройный, с мягкими каштановыми волосами и правильными чертами лица, он смог очаровать маму. Но была в их отношениях та формальность, за которую Санька так ненавидела учебники и которая сохранилась даже после рождения детей. Нина Петровна, бабушка, чувствовала, что что-то не так. Она всегда замечала больше, чем её дочь, и на этот раз от её глаз не укрылось странноватое поведение зятя в последний год маминого брака – на работе допоздна, на выходных, во время заслуженного отпуска – о чем всегда говорила своей дочери. Но та предпочитала особо не вникать. А потом как-то утром, когда Дима умывался, Саня играла с котом, а Милена опять канючила мультики, мать обнаружила переписку с какой-то непонятной Анжелой в его телефоне.

Саня навсегда запомнила этот день. Мать безмолвно собирала вещи мужа, чтобы преспокойно выкинуть в общий коридор, Дима так же молчаливо одевался. Видимо понял, что натворил. А потом как жалкий пёс позорно подобрал с пола общего коридора

дора сумки и быстро ушёл к лифту. И навсегда растворился, никак не напоминая о себе. По крайней мере, так думала Саша.

Через год в их семье появился дядя Серёжа. Для Саньки, которая лихорадочно искала в каждом мужчине отца, он стал примером идеального семьянина. Добрый и заботливый, он не обделял своей любовью ни не своих детей, ни Анну. Саньке он полюбился сразу же, она надеялась, что он останется с ними навсегда. Видеть родного отца ей больше не хотелось, она уже знала причину, из-за которой тот оказался выставленным на улицу.

Сергей побыл в их семье около года, как вдруг громом среди ясного дня в их жизнь заявился Дима. И мать его простила. Простила. Санька никогда этого не понимала. Теперь отец вернулся в их семью, а отчим вместо него оказался за дверью. Сколько бы Саша ни умоляла, ни кричала, ни плакала, его решение было непоколебимо. «Твоя мама будет счастлива только вместе с твоим отцом. Я не хочу делать её несчастной», – сказал он перед уходом.

– Тогда поменяй в моей комнате замки. Не хочу, чтобы он туда заходил, – сквозь слёзы проговорила Саня. Дядя Серёжа исполнил просьбу девочки, после чего ушёл навсегда. И больше никогда не появлялся в их жизни.

А Дима опять по-нахальному стал хозяином квартиры. Но сколько бы он ни старался, добиться расположения Саньки так и не смог, зато быстро выбрал Милену в качестве «любимой доченьки». На свете не было еще такого человека, которого Саня бы ненавидела всем сердцем и душой. Его возвращение привело к бесчисленным ссорам матери и бабушки, но только теперь к старушке подключилась и Саша. Те отношения между матерью и дочкой, которые раньше были такими доверительными, стали не теплее вакуума в космосе.

Санька вздохнула и потянулась к телефону. Быстро нашла в списке контактов абонента «Вишенка» и приложила трубку к уху. Это был второй человек после бабушки, которому она всё доверяла.

– Алло? – раздалось в динамике телефона.

– Маш, привет... – её голос сорвался.

– Ну рассказывай, что у тебя там произошло. Я готова.

– Я не могу так больше, не могу! Они опять из-за этого придурка пересрались! – она пустилась в рассказ о ссоре. После разговора с подружкой ей стало чуточку легче.

* * *

Тупая информатичка! Что она вообще понимает в людях?

Санька открыла входную дверь и зло бросила рюкзак на чёрный дипломат отца, который прислонился к стене. Тот упал, и внутри что-то разбилось. Саша злорадно усмехнулась и пропустила перед собой Милену. Сестра сразу заорала:

– Мы пришли!

В этот момент Саня была готова её убить. Она совсем не понимает, что так орать не надо? Что сестра её в кои-то веки хочет проскользнуть незамеченной в свою комнату, чтобы не столкнуться с Димой или с мамой? Но противной четверокласснице всегда нравилось бесить сестру, она с хищной ухмылкой проскочила в коридор и увернулась от шапки, которая полетела в неё в качестве наказания. Почти в эту же секунду в коридоре оказался отец. У него и мамы был отпуск.

– Саша, держи себя в руках, – не поскупился на замечание он.

– Ой, кто бы говорил, – демонстративно скривившись, отрезала Саня и прошла на кухню. Там она сразу же подверглась допросу матери:

– Как дела? Что получили? Что нового?

Милену как всегда сразу всё рассказала. Она болтала долго и безостановочно, Саньке показалось, что от этого «словесного поноса» у нее сейчас расколется голова. Она устало спрятала лицо в ладонях, поблагодарив бабушку за тарелку супа. Тот противно пах не то корицей, не то кинзой, не то еще чем, но чем-то определенно не «суповским». Наверняка опять стряпня отца... Он определённо хочет их отравить. Убедиться в правдивости запаха у Сашки не было возможности – кривая перегородка носа

стала настоящим камнем преткновения. Ну и ладно, после информатички эта перегородка даже защищала от отвратительных запахов. А кстати, этот запах надо обязательно добавить в повествование «Иллюзии»...

– А Санька двойку получила по инфе! – широко улыбаясь, объявила сестра. Саня вскинула голову и зло глянула на сестру.

– Это же сколько теперь исправлять её придется? А говорила я тебе, говорила же, что надо готовиться к контрольной, а не фанфики свои писать! – сразу обрушился на девушку гнев матери. – Ты же хочешь быть айтишником, какие двойки!

– Да плевать мне на эту информатику! Не хочу я быть программистом! Не хочу! – вышла из себя Саня.

– Но ты же говорила...

– Это он тебе говорил, не я! Это он за меня решил! – она указала на отца.

– Во-первых, не «он», а твой папа, во-вторых, я хочу, чтобы моя дочь разбиралась в этой сфере, – спокойно произнес он, но сразу пожалел об этом.

Саня вскочила со стула.

– А ты вообще замолчи! Мало ли, что ты хочешь! Сам полжизни моей шлялся не пойми где и с кем, теперь не смей мне указывать!

– Александра! Не смей так говорить с отцом! – встряла Анна Николаевна.

– Мама, очнись! Он предал тебя, а ты его снова взяла под крылышко? Что ты за человек такой! «Предавший однажды снова может предать», сама же говорила!

– Он исправился и больше так не будет. А над своим поведением тебе стоит подумать.

– Анна, Сашенька права, я всегда тебе це ховорила! Не слушаешь мене, послушай хоч ребенка! – попросила бабушка.

– Я вам не ребенок! – в исступлении закричала Саня. – Я уеду когда-нибудь, уеду от вас навсегда, чтоб не видеть больше! – она выбежала из кухни. В комнате хлопнула дверь, и щёлкнул замок. На кухне повисло молчание, прерываемое только чавканьем

Милены. Мать поставила локти на стол, спрятала лицо в ладонях, как некогда её дочь, и пробурчала:

– Несносная девчонка... Что же мне с ней делать?

– Перебесится – успокоится, – важно изрек отец. – Она у вас совсем от рук отбилась. Надо заняться ею.

– Я тебе займуся! – разозлилась бабушка. – Ты испортил жизнь им обеим, испортил одну з них, я не позволю тебе испортить Санечку!

– Мама, ей уже четырнадцать лет, хватит с ней сюсюкаться! И не начинай свою байку снова, достала уже! – схватилась за голову Анна. Только её мать заметила, как беспокойно она смотрела вслед убежавшей Саше.

Бабушка поджала губы, встала, взяла миску с супом и направилась к комнате внучки. Только ей одной всегда удавалось утихомирить разбушевавшуюся внучку, и только её одну слушалась Саня и доверяла почти все тайны. Любую просьбу отца или матери она воспринимала в штыки, поэтому Анна Николаевна уже давно разочаровалась в попытке поговорить с дочерью-бунтаркой.

Но тем не менее Анна вдруг вскочила и протянула руки к тарелке:

– Мама, не надо. Я сама, – она отобрала тарелку и вышла из кухни.

Бабушка победоносно глянула на поднявшего бровь Дмитрия и начала притопывать ногой, как всегда делала, когда была довольна происходящим.

Анна постучала в дверь Саниной комнаты. Изнутри раздавалось глухое и монотонное:

– Если ты не бабушка, то уходи на все четыре стороны. – А потом раздалось что-то новое: – А тебя, Милена, я вообще скоро Круциатусом прокляну!

Анна покачала головой и осторожно толкнула дверь. Она тихо тронулась и открылась внутрь. Немного опешив, женщина вошла в комнату.

Сгорбившись, Саня усердно тыкала пальцами в клавиатуру ноутбука. Пальцы её дергали чёрные волосы, которых каждое утро

безбожно пытали не «Круцио», а утюжком-выпрямителем. Улыбка лёгким порывом пронеслась на лице матери. Она поставила тарелку рядом с компьютером и неловко села на стул рядом с Саней.

– Я всегда думала, что ты запираешься после каждой нашей перепалки, – произнесла она.

Это, наверное, было самой бредовой идеей, как начать разговор, но Анна мысленно себя успокоила.

– Я никогда не запираюсь, – не поворачивая головы, буркнула Саня и отодвинула тарелку. – Я всегда жду кого-нибудь из вас, но вы не приходите. И суп этот заberi. Я вам не таракан, чтобы травить меня не пойми чем.

– Это не отравка. Твой отец, между прочим, старался.

– Даже не пытайся. Ты же знаешь, что своего мнения о нём я не поменяю, – кнопка, на которую она безостановочно тыкала, болезненно охала, каждый раз грозя всему миру, что скоро попросту выпадет. Но Саня предпочитала не замечать её страданий и продолжила: – Я не понимаю, как ты его простила, как ты вообще могла это сделать?

Анна отвела глаза в сторону и тихо сказала:

– «Если есть что-то непростительное на свете, так это неумение прощать».

– «Прощайте врагов ваших, но не забывайте их имена». Но ты, походу, забыла, – возразила Саня, мысленно поблагодарив Кеннеди за удачную цитату. Она повернула голову на мать. – Мам... Ты чего? Эй!

Непонятное, отсутствующее выражение лица женщины ледяным душем окатило Сашу, заставляя всерьёз задуматься, а нет ли в этой комнате какого-нибудь гаррипоттеровского дементора. Анна широко распахнула глаза цвета ежевики и смотрела куда-то в стену. Казалось, что она находится не в четырёх стенах трёхкомнатной квартиры, а где-то вне времени и пространства, там, куда никому из ныне живущих не суждено добраться.

Мозгу Сани совершенно не понравилось всё происходящее. Разбудив нервы на руке, он заставил Саню щёлкнуть пальцами перед лицом матери, но та даже не пошевелилась, только сказала:

– В людей надо верить, какие бы они ни были. Это основа всей жизни. Никто не должен ставить границы перед лицом конкретного человека словами «Ты лгун», «Ты предатель». Иначе поставишь слишком много стен в своей голове. Может быть, они и предатели, все без исключения, но тебе с ними жить. А жить, не контактируя ни с кем, так проще пойти в монастырь где-нибудь в Сибири, – она обратила глаза на дочь. Какие-то пляшущие чертенята прошлого в её взгляде заставили Саню съёжиться и перестать насиловать клавишу. – Твой отец сделал ошибку, о да. Но я ещё люблю его, поэтому готова простить и в двадцать пятый раз. Ты уже взрослый человек и должна понимать это.

Она замолчала, давая понять, что на сегодня тема закрыта. Что-то неприятно зашевелилось внутри девочки и быстренько окрасило уши в красный цвет. Саня поспешила перевести тему разговора:

– Почему ты ушла с филологического факультета? Ты была бы неплохим писателем.

Завеса былого спала с лица Анны, как только она улыбнулась и произнесла:

– Знаю. Но поняла, что это несерьёзно. Если ты хороший писатель – это одно дело, но когда ты даже на людях показывать не любишь, то куда уж тебе до выпуска собственной книги!

– А если я хочу пойти на писателя? – спросила Саня.

– Прямо совсем тебе не нравится информатика?

– Я её не понимаю.

– Я тоже, – просто сказала Анна. Саня выпучила глаза. – Да-да. У меня рядом с работой есть институт, и там учится один молодой человек на программиста. Так вот, он приходит и максимально просто объясняет мне, как и что делать, или что-то помогает мне делать на компьютере, когда свободен. Он и практикуется, и зарплату получает. Я довольна, он доволен, коллеги мои отдыхают от постоянных дёрганий с места вопросами «А как? А почему?». Так и живём, – пожала плечами она.

Саня рассмеялась. Слезы уже давно перестали жечь щеки.

– Можно, я почитаю твой фанфик? – после недолгой паузы одобрительно сузив глаза, спросила Анна. – Я же, как никак, не-

доученный писатель. Что-то я еще помню. Заодно и познакомлюсь с современным писательством.

– Без проблем, – улыбнулась Саня. Так просто и непринуждённо они не общались уже целую вечность.

Анна встала и сказала:

– Ешь суп и делай уроки, хватит фанфики писать, а я пока наделаю пончиков. С шоколадом. – Она вышла из комнаты и тихо притворила дверь.

Пончики... С шоколадом... Нормальный разговор с мамой в кои-то веки... Если Дима сейчас съедет с их квартиры, то это будет лучший день в Саниной жизни.

Она мечтательно потянулась и отодвинула ноутбук, предварительно удалив все буквы «т», которыми мучила несчастную кнопку.

На следующий день Санька зашла на кухню и кинула перед тарелкой отца учебник по литературе. Её губы были плотно поджаты, а из глаз вот-вот вылетят шаровые молнии. Мама, моющая посуду, быстро обернулась к дочери, бабушка безмятежно отложила газету в сторону.

– Слушай меня, человек, который в паспорте мой отец. Вот, чем я хочу заниматься. И никакое твое идиотское решение не помешает мне стать писателем, – ядовито процедила Саня.

– Ты серьёзно хочешь этим заниматься? Тебя могут не читать, не оценить, а это как минимум затяжная депрессия, – попытался как можно проникновеннее сказать отец.

– И что? Меня это не остановит. Я *умею* хорошо писать, я в этом на все сто уверена.

– Но ты хоть понимаешь литературу? Я думаю, тебе больше подойдут точные науки. Потом мы с мамой всегда сможем устроить тебя на работу.

– Я не настолько безнадёжна, чтобы работать под опекой родителей. Причём мама за меня. *Да*, мама? – она резко повернулась к матери.

– Я поддерживаю. У нее есть прекрасный шанс быть признанной обществом. Потом это моя дочь, ты хочешь сказать, что

я вырастила беспросветную тупицу? – на удивление Сани взвилась мать, скрещивая руки на груди.

Дима закатил глаза, но вовремя сменил гнев на милость, не желая подливать бензина в пока ещё зарождающийся огонёк. Он поджал губы и кинул:

– Ты что, Аня, конечно же *нет*.

– Вот и отлично. А еще я хочу выучить испанский, – добавила Саня.

– К чему это? – беспокойно сверкнула глазами Анна.

– Люблю языки изучать. Французский и английский я и так учу, теперь ещё и испанский. И да, курсы я тоже нашла. Твое дело оплатить, – так же небрежно обратилась к отцу Саша.

– Ну, раз такая тяга к языкам, то почему бы и нет? – попробовал одобряюще улыбнуться отец, но Саня одарила его только гневным взглядом, да и получилось у него не очень-то правдоподобно.

– Вот и превосходно, – Саня забрала учебники и удалилась к себе. Мать поджала губы и молча вернулась к посуде. Бабушка, тихо посмеиваясь, спряталась за газетой.

Саня успела пройти всего лишь метра три до своей комнаты, как вдруг услышала:

– Ты спятила? Не забыла, чем кончилась твоя тяга к этой долбаной писанине? – резал слух жесткий и колючий голос отца.

– Я верю в свою дочь. Я читала, что она пишет. Поверь, пусть лучше её сначала не признают, она будет долго и мучительно трудиться, чем всю жизнь горбиться на сидящей в печёнках работе в сфере, которую она не понимает от слова совсем, – воспротивился резкий, но уверенный и мелодичный голос матери.

– Ты на что намекаешь? Вспомни, кто помог тебе пробиться в люди, кто выгасил тебя из этого украинского захолустья, из-за кого у тебя теперь высокая зарплата? Ты думаешь, такие, как я, так просто на дороге валяются? Бери – не хочу?

– Ты думаешь, что она никогда не найдет себе хлопца? Она найдет, и в рази лучше тебя! На таких редкостных гадов як ти ни

одна благоразумная дивчина внимания не обратит! – взорвалась бабушка. – Сколько ж в тебе бахвальства!

– А вас, Нина Петровна, *никто*, заметьте, не спрашивал, – ядовито напомнил Дима. – Аня, с таким отвратительным характером её никто на работу не возьмет, подумай о ней! А ты еще и даешь ей вольную на писательство!

– Так, знаешь что? Не смей так говорить о моей дочери! – зашипела Анна. – Если она захочет, она всего добьется! А ты вообще мог оставить меня там и уехать восвосяи со своей Анжелой! Я бы хоть счастливее была!

– Ах так? Ну что ж... – на кухне послышались шаги. Саня едва успела юркнуть в комнату и закрыть дверь, моля всех богов, чтобы Дима ничего не заметил. Остальной разговор она не услышала.

Он забрал маму и бабушку из Украины? Мама знала эту пресловутую Анжелу? Они были знакомы? Чем же закончилась «тяга к писанине»? Миллион вопросов уже построил жужжащие пчелиные ульи в голове.

Саня машинально села за стол и открыла «Твиттер» на телефоне. Если раньше посты от какого-нибудь *Творца Стекла* веселили её, то теперь она бессмысленно водила глазами по экрану, не понимая ничего дальше первых трёх слов.

Дверь тихо скрипнула, в комнату вошла Анна. Саня обернулась к ней, чуть не свернув шею и не опрокинув стул вместе с собой. Печальные чёрные мамины глаза встретились с такими же чёрными глазами дочери, широко раскрытыми от непонятной тревоги. Анна глухо сказала:

– У тебя есть еще полтора года до ОГЭ. Выбери что-нибудь более серьезное. Врач, учитель, не знаю, банкир, офисный работник... Что угодно, но не писатель.

Саня поперхнулась воздухом. В мозгу что-то щёлкнуло, та чаша, которая занимала почётное место в сознании под названием «Бесит», резко заполнилась до краёв. Через какое-то время девочка смогла выдавить из себя:

– В смысле? Ты же говорила...

– Я много что говорила в этой жизни, много обещала и клялась и не всегда это выполняла, – резко отозвалась Анна. – Одними фанфиками на хлеб не накопишь, пусть они будут как хобби. Я не хочу, чтобы моя дочь жила не пойми где, питалась не пойми чем только потому, что дохода от её книг нет. Так что давай завязывай со всем этим. Пора уже взяться за голову.

– Что *он* тебе наговорил? – срывающимся голосом начала Саня.

– Я взрослый человек и решения принимаю сама. И хватит относиться к своему отцу с таким неуважением. Забудь всю свою неприязнь, тебе еще много лет здесь жить. И это, – она подняла ноутбук со стола и направилась к выходу, – я забираю.

Она закрыла дверь в комнату дочери и прислонилась к ней спиной. За дверью громовым раскатом взорвался крик Сани: «НЕНАВИ-И-И-И-ЖУ!». Анна прикусила губу и ушла в свою комнату.

Саня уедет когда-нибудь. Уедет далеко и надолго. В какую-нибудь дальнюю Италию, Испанию или Францию. Да или просто в другой город. Лишь бы никого из родственников не видеть. И пусть сестра всегда говорила: «Зачем тебе эта Франция? Чего тебе в России не сидится?», в принципе никогда не понимая до конца намерений Сани, Саня уедет отсюда.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, звучит заманчиво... Особенно первое слово. Саня села за стол на кухне и вгрызлась в мякоть яблока, листая страницу в Интернете на телефоне. Нет, ну кто придумал такое сокращение – СПбГУ? Как это вообще можно выговорить?

Как же хорошо, что три последних урока отменили, а в доме никого нет. Рыжий кот тихо подошел к стулу Сани и запрыгнул на её колени.

Как бы надо делать уроки, но так лень... Саня потянулась и налила себе сок.

Тишину квартиры разорвал звонок в дверь. Может быть, бабушка пришла. Саня столкнула с колен Рыжика, который с оби-

женной мордашкой засеменил к двери, и поспешила открыть дверь.

Лучше б она сидела на месте. В дверях стояла девушка с накрученными волосами. В руках она держала бутылку шампанского и явно не ожидала увидеть Саню, потому что до тошноты сладкая улыбка вдруг слетела с заштукатуренного тональным кремом лица.

Но в ту же секунду Саня скрестила руки на груди и произнесла:

– Значит, Анжела вас зовут.

– Эмм, да... А ты кто? – неуверенно спросила та и заглянула внутрь.

– Неважно. Его все равно здесь нет. Но вы проходите, расслагайтесь, – вздернув бровь, ответила Саня. Шикарный коварный план возник в её голове.

Анжела скинула сапоги и прошла внутрь. Как будто хозяйка этого дома. Саню передернуло от отвращения. Бедная мама! Но мы сейчас быстренько отомстим, решила девочка.

Тем временем Анжела мыла руки в ванной. Похоже, что здесь она была уже много раз, раз так хорошо ориентировалась. Она повернулась к Сане, но та не дала ей возможности заговорить. Мило улыбнувшись и помахав рукой, она с шумом захлопнула дверь и повернула ключ в замке. Анжела оказалась запертой в четырёх стенах. Изнутри нельзя было открыться, в этом-то и заключалась вся загвоздка замков этой квартиры: только в Саниной комнате можно было запереться изнутри, а снаружи нет, тогда как на остальных замках все было наоборот. Почти сразу же раздался крик Анжелы:

– Эй, ты что, открой!

– Ну уж нет! – злорадно крикнула Саша. – Сиди там! Решила на женатых мужиков поохотиться, у которых есть дети, так вот теперь плати за свои поступки! Подумать только – он водит в эту квартиру тебя прямо под носом у мамы! Бедная моя мама! И как она только ничего не заметила! Ну ничего, сегодня вы оба вылетите из этой квартиры, за пределами которой сколько душе угодно можете удовлетворять свои плотские потребности!

Саня ушла в прихожую, игнорируя все мольбы Анжелы, и сказу увидела сумочку, которая так и стояла на полу, забывтая хозяйкой. Внутри дребезжал телефон, на экране которого всплыл контакт «Зайка», а под ним номер Димы. Саня приняла звонок и спокойно сказала:

– Ну вот ты и попался, разбойник!

На другом конце линии повисло молчание, а потом Дмитрий заговорил:

– Э-э-э-э... Саня, это ты? А что же...

– Значит так, змея ты хренова, ты сейчас забираешь маму, приводишь её сюда и все ей рассказываешь, – сурово сказала Саня. – Она верила тебе, а ты?

Дима замолчал, а Саня сбросила трубку. Не факт, конечно, что он её послушает, но попытка не пытка. Если что, Анжелу в ванной она подержит часик, а потом восвосяи отпустит. Но главное – фотографии для пушей правдоподобности. Саня сделала все дела, ушла на кухню дожевывать яблоко и непринужденно листать дальше сайт СПбГУ.

От работы до дома ехать тридцать минут. Саня мысленно прикинула, во сколько родители должны прийти. На руку играло то обстоятельство, что Дима был начальником мамы. Если остатки его совести возьмут верх, то они скоро будут в квартире.

Через сорок минут в квартире Акимовых раздался звонок. Саня вскочила и понеслась открывать дверь. На пороге стояли растрепанные Анна и Дима. Не говоря ни слова, они прошли внутрь, и Саша отперла дверь ванной.

Четыре человека сидели на кухне, молча переводя взгляд друг на друга. Оскорбленное достоинство одного злобно ругалось где-то в уголке. Вина, свинцовым облаком нависшая над другим, как недостойный пес скулила под ногами у тихого и молчаливого, но грозного и непредсказуемого третьего. Упоение торжеством справедливости плясало вокруг четвертого, во весь голос издеваясь над первыми двумя призраками действительности.

Анна Николаевна глухо и сухо, но твердо сказала:

– Убирайтесь отсюда, вы оба. Живо. Пока я не поубивала вас всех.

– Аня, послушай... – начал было Дима, но Анна резко закричала:

– Выметайся отсюда! Собирай свои манатки и вали на все четыре стороны! Ради тебя я бросила дело, которое любила и понимала, уехала из родной страны, заставила всех тревожиться! Думала, что люблю тебя, из-за тебя отвергла другого, *достойного*, простила тебя! Пригрела змею! Поругалась с дочерью и матерью, настроила дочь против себя, сделала её несчастной! И все ради тебя! А ты? Что я делала не так, из-за чего ты так со мной? Так нравятся куклы? Все, я больше не обременяю тебя ответственностью за семью. Иди, играй с куклами дальше, раз не вырос за все свои сорок лет жизни! **ВЫМЕТАЙСЯ, Я СКАЗАЛА!**

Она поднялась и ушла в комнату. Через десять минут спортивная сумка со всеми вещами Димы полетела в общий коридор. Саня и Анна стояли в прихожей, скрестив руки на груди. Две пары чёрных глаз, которые сейчас были больше похожи на пробуждающиеся вулканы, одинаковые поджатые губы, одинаково убранные чёрные волосы – похожие как две капли воды мать и дочь безмолвно выносили вердикт главным их головным болям и источникам всех их проблем. От этого сходства и Диме, и Анжеле становилось не по себе.

Уже собираясь уйти, Дима вдруг потянулся к Сане. Анна молниеносно выставила руку в сторону, отгораживая дочь от ненавистного человека.

– Не смей трогать мою дочь. Проваливай, – добавила она.

Наконец они исчезли. Саня посмотрела на закрывшуюся дверь и сказала:

– Вот и всё.

– И слава Богу, – завела глаза Анна. Так заводить глаза, как она, никто не умел. – Они все имели свойство возвращаться.

– Давай только этот раз с ним будет последним, ладно?

– Давай вместе не дадим им вернуться, – улыбнулась мать.

Между ними было расстояние в один метр. Саня медленно подняла руку и распустила волосы, как любит мама. Потом одним шагом покрыла дистанцию, чего, наверное, никогда не сделала бы еще месяц назад, и обняла Анну. Старые распри оказались за захлопнувшейся дверью, где-нибудь в сумке Дмитрия, посреди его вещей, теперь обломками каменной стены между матерью и дочкой оттягивали лямку сумки, до боли натирая плечо.

Никто не знал, что будет дальше. Никто не может предугадать, какое оно, будущее. Но зато мы все можем жить настоящим, которое порой еще прекраснее этого таинственного далеко. Сейчас Сане хотелось, чтобы этот момент не заканчивался.

– У тебя не будет проблем на работе?

– Я уволюсь. Сдался мне больно этот офис, когда можно устроиться на работу в какой-нибудь журнал, писать статьи. Знаешь, учишь на кого хочешь. Хоть на дворника. Лишь бы все было хорошо. Не знаю, смогу ли я нагнать упущенное за эти два года, но я обещаю больше не вставать на твоём пути.

– Нагонишь. Мы вместе нагоним.

– А давай в честь этого события сходим куда-нибудь? Все равно сегодня пятница. Пошли в «Макдональдс». Чего вас так рано отпустили?

– Да тут такое дело... Ка-а-ароче...

Они быстро собрались и, разговаривая, спустились на улицу.

* * *

Ленинградский вокзал гудел. Люди бегали туда-сюда, как муравьи, время от времени раздавался ровный приятный голос, который объявлял все прибытия и отбытия и подгонял запоздалых пассажиров.

У Сани потели ладошки, а в животе скакали какие-то опьяневшие зайцы.

Прекрасный проходной балл по ЕГЭ, полное одобрение со стороны мамы и вот, наконец, долгожданный билет в город ту-

манов дрожал в руках девушки. Все бумаги были оформлены, Питерское общежитие при СПбГУ уже ждало её.

Она села в вагон. На платформе махали ей мама, Миленка, улыбающаяся во все двадцать восемь зубов, бабушка и дядя Серёжа. Она улыбнулась им в ответ и помахала рукой.

Поезд со свистом тронулся с места. Милена на платформе побежала за ним, но вскоре отстала и еще долго смотрела вслед уходящему составу.

* * *

Анна сидела за столом в своей квартире и что-то быстро строчила на бумаге. В дверь постучали, и женщина побежала открывать. В квартиру вошел её муж, Сергей. В руках он держал два конверта.

– Привет, – он поцеловал жену. – Вот тебе извещение в «Почту России», посылка твоя пришла, а вот Саня прислала.

– Так давай же сюда скорее! – всполошилась женщина.

Она вернулась на кухню и открыла письмо от дочери. В конверте лежала открытка.

«Дорогая мама! Пишу тебе из моей комнаты в общежитии. У меня все хорошо. Здесь так классно! Ждите меня на Новый год», – было написано ровным Саниным почерком.

На фотографии Анне улыбались две девушки – черноволосая Санька и её новая подруга Лиза. Они сидели в по-новогоднему украшенной уютной комнате, сзади какой-то парень со смешным выражением лица старался испортить кадр.

А белый московский снег все падал за окном, пушистым облачком оседая на проводах.

Стефания Симоненко*, 10 лет

Змейка, у которой не было друзей

Однажды родилась маленькая змейка. Её мама была плохая мама и поэтому не следила за маленькой змейкой Чу. Поэтому Чу пошла сама познавать мир. Чу пошла налево, там она встретила мышь. Чу уже хотела спросить, кто она и хочет ли она поиграть, но вдруг мышка вскрикнула и убежала. Тогда Чу расплакалась и пошла направо.

Потом она встретила птенца. Она вспрыгнула и поймала его. Но когда она хотела поиграть с ним, она поняла, что он мёртв. Она убежала в лес и зарыдала.

Тут она услышала шорох в траве. Она насторожилась, но всё ещё всхлипывала. Из кустов вышел мангуст и спросил, что случилось, и как её зовут. Чу сказала что её зовут Чу и что она хочет поиграть, но все умирают, когда она начинает играть с ними. Мангуст сказал, что он может поиграть с ней. Тогда Чу обрадовалась, и они начали играть.

И тут мангуст случайно убил её. Но умерла она с улыбкой на лице.

* *Мастерская Ирины Лукьяновой и Светланы Андреевой «Чудеса из скорлупы»*

Варвара Смирнова*, 11 лет

Я сейчас всё объясню

Егор вбежал в класс. В тот же миг прозвенел звонок на перемену. Учительница, увидев Егора, тут же знаком велела ему подойти. Остальные ребята заинтересованно притихли в ожидании грозы. Когда Егор приблизился, классная руководительница угрожающе зашипела – во всяком случае, при её акценте и боевом настроении речь была похожа на шипение:

– Ну-сс, Иванов, почему же-с насс не было на истории?

– Я сейчас всё объясню, – бодро ответил провинившийся, стараясь не растерять своего оптимизма под яростным взглядом учительницы.

– Очень на это надеюсссь. Хотя сомневаюсссь, что вы найдёте-с стоящую причину. Это ведь не первый расс. Надеюсссь, вы не бегали опять за учебником-с, который якобы забыли дома? Хотя в прошлый расс вы его вроде забыли повторно. Но продолжайте-с. Я больше васс не перебиваю.

– Значит так: шёл я утром в школу в новых брюках. И вдруг я случайно поскользнулся и упал прямо в лужу...

– Но у нас больше недели не было дождя! Откуда лужа-то? – спросил Коля Пирожков.

– А у меня соседка цветы поливала на балконе и случайно лейку уронила.

* Литературная мастерская Ольги Волковой

Учительница вопросительно посмотрела на чистые поношенные штаны рассказчика:

– Что-то не вижу пятен.

– Ну так не стану же я в школу в грязном идти! Побежал я, значит, домой переодеваться...

– Вы живёте напротив школы-сс, Иванов. Неужели вы полчаса переодевалисссь?

– Нет, конечно! Это ещё не всё! И вот я, значит, второй раз из дома выхожу. На этот раз уже побежал – побоялся опоздать. Вдруг вижу – огромная собака бездомная под кустом лежит. Тощая, как скелет, грязная как несколько лет не мытая машина, и лапа сломана – это сразу было видно, потому что она была под неестественным углом вывернута. И глаза такие несчастные, что я к ней по телефону вызвал ветеринаров.

Они её забрали, но попросили с ними поехать, чтобы за ней присмотреть. Пришлось ехать. Приехали, значит, и сначала помыли её да осмотрели. И тут оказалось, что это не собака вовсе, а волк. Все ветеринары так перепугались, как будто Третья Мировая началась. Забегали, завопили: «Дикое животное, дикое животное!». Как будто не понимают, что это самое животное больное и не может им вреда причинить. А когда они успокоились, то заявили, что не собираются его лечить, и выставили нас за дверь.

А та клиника была рядом с заповедником. И вот волк похромал в этот заповедник. Я – за ним. Не бросать же животное! Вдруг смогу помочь чем-нибудь...

– Какая помощь животным? Ты же каждую весну птичьи гнёзда разоряешь! – проворчала Катя Лебедева.

– Это было в прошлом, а месяц назад мне подарили канарейку, и я изменился. Так вот: пошёл я, значит, за волком в заповедник...

– Но ведь ближайший к нам заповедник-сс находится в часе быссссстррой езды отсюда. Вы просссто не могли добраться в школу к концу урока.

– Да вы дослушайте!

Учительница нахмурилась и замолчала.

– Так вот: волк всё бредёт и бредёт. Даже я из сил выбиваться начал, а у него словно неиссякаемая энергия. Вдруг я смотрю – а он прямо к капкану направляется. Не спрашивайте, откуда там капкан, я сам не знаю. И вот он, значит, направляется к этой ловушке. А я подумал: вот он туда попадёт, а я не знаю, как его вытащить. Найдут его охотники и пустят его шкуру на шубу или что-то вроде этого. И получается, я весь день за ним зря по лесу шатался.

Тогда я выбежал вперёд и встал между ним и ловушкой. А он, верно, сил после еды набрался...

– После какой еды? – вмешался Петя Воробьёв.

– Ой, забыл! Я же не сказал! Так ему же прямо в лапы заяц прыгнул, ну волк и пообедал. И, видимо, после обеда у него немного поутихла, и он на меня огрызнулся. Но я не отступил. Тогда он меня в локоть укусил.

Класс критично осмотрел локти Егора, но ранений не обнаружил. А он тем временем продолжал:

– Я испугался, значит, что он меня совсем загрызёт, и убежал. Бежал, бежал и сам не понял, куда прибежал. Смотрю – полянка, на полянке камень, а на камне существо какое-то сидит. Присмотрелся повнимательнее и увидел, что это Добби – ну, знаете, домовый эльф из «Гарри Поттера»...

– Так он же и в книге и в фильме умер! – изумилась Лиза Гребнева. – Да и вообще – это английская история. Что он делал так далеко от дома?

– Сейчас поймёшь, – отмахнулся рассказчик. – Я сначала подумал, что у меня галлюцинации начались и так растерялся, что спросил:

– Ты кто?

– Я призрак, – печально отозвался Добби.

– Но призраков не существует!

– А я существую. Правда, я не обычный призрак. Я всё никак не мог определиться, хочу я быть призраком или нет, поэтому я становлюсь видимым только раз в два года. А в остальное вре-

мя я путешествую по миру. Зато теперь я знаю гораздо больше, чем любой живой домашний эльф, и могу разговаривать на всех языках. А иногда у меня получается даже использовать магию.

Вдруг меня осенило.

– А ты не мог бы мне помочь? Можешь сделать так, чтобы время повернулось вспять к началу сегодняшнего дня, но при этом у меня остались воспоминания о том, что произошло?

Призрак молча щёлкнул пальцами, и я оказался рядом с кустом, под которым лежала собака. Ой, то есть волк. И солнце светило так же, как сейчас. Я догадался, что у домового эльфа всё получилось. Я позвонил в службу по отлову животных, чтобы волк не лежал посреди города, и этот звонок меня задержал, понимаете?

– Я понимаю-ссс только одно: мне сссследует поговорить с вашими-с родителями нассссчёт вашего поведения.

Зазвенел звонок на урок.

Соня Филатова*, 12 лет

Мыши, Кристи и суицид

Усталые, измаявшиеся, понурые и перегруженные мы вернулись в класс после трёх часов лекции о буллинге, суициде и неблагополучных семьях. Устали как собаки, а впереди ещё целый учебный день!

– Мы будем писать рассказы! – Мисс Кейтс сказала это очень радостно, но никто не разделил её энтузиазма. Тем не менее, она продолжала: – Мы посмотрели много фильмов про то, как можно писать рассказы.

Хотя она же учительница, и вроде объяснять должна она, а не какой-то чувак из телевизора. Должно быть, она это тоже поняла и объявила, что будет писать вместе с нами. Типа, чтобы показывать на практике, что она имеет в виду. В прошлом году, по её же словам, она преподавала во втором классе, и по видимому решила, что от второго до шестого не так далеко, и её финты пройдут и с нами... Ну что ж, она вроде не ошибалась.

– В рассказе всегда должна быть проблема, которую герой пытается решить, и цель, к которой он стремится, а для интереса добавляются разные препятствия, которые герой должен преодолеть!

И тут она привела прекрасный пример, как она сказала, «классического рассказа».

* *Мастерская Нины Дашевской «Из реальности в текст»*

«Жила-была девочка, её звали Кристи, и она очень хотела играть в школьной футбольной команде. (“Это цель”, – объяснила Кейтс). Но бедная девочка была инвалидом (мне стало интересно, как она тогда может играть в футбол...) и не только физически, она также была инвалидом на голову (я не знаю, как нормально перевести её слова, но это вполне близко...) отчего у неё были плохие оценки и её не брали. Так вот; а да, да! И еще над ней издевались! (“Это были её препятствия на пути к цели!”) Я не помню, как именно она решала проблему с инвалидностью, и физической, и моральной – подозреваю, что Кейтс это не очень интересовало. Как говорится, додумайте сами...

Мой рассказ был не очень интересен, он был про двух мышей, которые пытались поделить арахис, единственным препятствием в нем была самая обыкновенная жадность. Всем знакомо, правда? Но суть не в моем рассказе...

Кейтс сказала, что перед тем, как сдавать своё произведение, нужно дать его на прочтение однокласснику. Ко мне подошла Адити, мы с ней были не то чтобы подруги, но и не то чтобы враги – в общем, обыкновенная такая индийская девочка, в толстых синих очках.

Она предложила мне почитать её рассказ, сказала, что он еще не закончен, и попросила меня подсказать правильную концовку, а то она в этом ну ничегошеньки не смыслит...

Я согласилась: всегда интересно, что другие придумали, пока ты корпел над мышами и арахисом.

Лучше бы не брала.

Этот рассказ было ярчайшим примером того, что поняли мои одноклассники из речи училки.

Рассказ начинался так: «В один прекрасный день мой брат плохо чувствовал себя целую неделю» (заметьте, перевод дословный). Дальше было о том, что у её брата был рак лёгких, что он долго мучился, что родители главной героини ругались, и что в конце концов брат взял и умер.

Джеки (так звали героиню) была в депрессии.

По правде говоря, я не знала, какой конец тут можно подсказать. Хорошего в этой истории быть уже ничего не могло.

Да, Мисс Кейтс, вы подаете прекрасный пример своим ученикам! А еще удивляетесь, что девочки во время самостоятельной работы шушукались о разных видах рака. Хотя чему удивляться, если два дня назад мы все носили розовое, так как это, по словам многих учителей, цвет рака, а для тех, кто розовые вещи не надел, были сделаны специальные ленточки, тоже розовые, наверное, чтобы им было не обидно. Вот откуда она набралась!...

Фууу... Угораздило же эту Адити выбрать...

На следующий день я пришла в школу с твердым намерением сказать “писательнице”, чтобы она начала всё сначала.

Но я и рот открыть не успела, как она начала говорить, что придумала прекрасный конец! Я несколько насторожилась, но все-таки спросила, какой. Ну конечно! Молодец Адити, нашла выход из положения! Прекрасный конец состоял в том, что Джеки должна торжественно покончить жизнь самоубийством. Лучше и не придумаешь!...

Я не стала её переубеждать, пусть делает как знает. Сказала, что это идеально, показала ей некоторые поправки с точки зрения построения предложений (а их было зашибись как много), и пошла, думая, что легко отделалась. Не так быстро...

Не буду рассказывать, как читала рассказ Сары, о том, как в главного героя вселился демон и как он пытался убить младшую сестру, это не интересно, но опять же вполне показательно.

Адити не смогла написать трагический эпилог для своей мелодрамы и опять же – ну кто её за ногу дернул! – попросила меня... Не знаю, кто дергал меня, но я, дура, опять согласилась, наваляла ей минут за двадцать историю про кровь и плачущих родителей. Адити была в восторге, ужасно обрадовалась, объявила, что это точно то, что ей нужно и что учительница, обязательно одобрит. Ну что ж ... пусть про моих мышей хотя бы вспомнят, пока с ними тоже не случилось что-нибудь ужасное... пожалуйста...

Сдача рассказов прошла успешно. На следующий день Мисс Кейтс усадила нас на ковёр (да, в шестом классе некоторые части урока мы проходим, сидя по-турецки на коврик), и попросила минутку внимания: «Дети! – тяжело вздохнула она садясь сверху на парту, поправила хиджаб и окинула нас сочувствующим взглядом, – Ваши сочинения тронули меня до глубины сердца! Я и не представляла... что, что вам так плохо! Если вам нужно поделиться с кем-то вашими проблемами, подходите! Не бойтесь! Я помогу!»

Она посмотрела прямо на Адити. А Адити обернулась ко мне и широко улыбнулась. Взгляд её точно говорил: «Ура, ей понравилось!!!»

Эмили Бренс

Последний выстрел

из

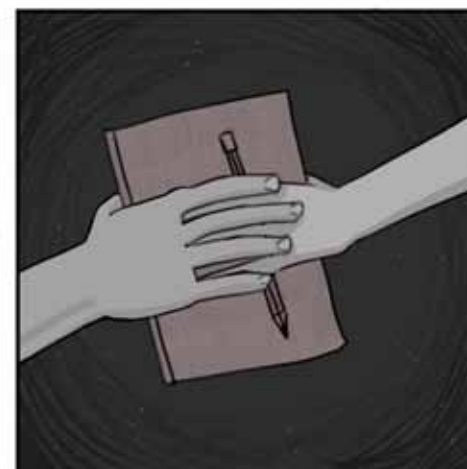
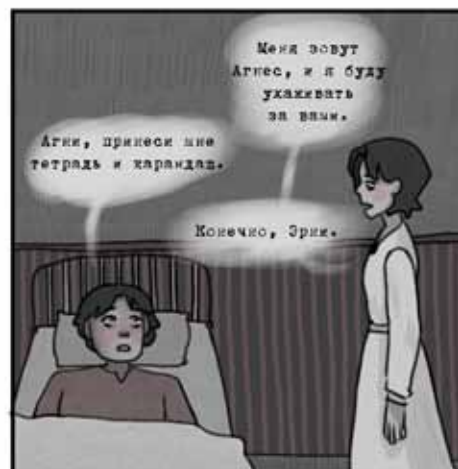
Vincenzo Bernardelli

Мастерская Елены Авиновой и Натальи Осиповой «Как создавать комикс»

Жизнь — трагедия,
исход которой
предрежен.

В 1929 году Эрнест написал автобиографический роман «Продай, оружие!»

В 1940 году я купил домик на Кубе.

Марлин — это крупная рыба, она обитает на глубине и способна очень быстро передвигаться.

Наживка нужна подвижная. Рыбалка длится долго, чтобы вымотать марлина и заставить всплыть на поверхность.

Потом рыбу убивают дубинкой либо гарпуном. Для охоты требуется сноровка и выносливость.

В 1952 году Эрнест написал «Старик и море».

2 июля 1961 года, через 2 дня после выписки из больницы, Эрнест застрелился. Посмертной записки он не оставил.

А. Городецкая

КТО-
ТАКОЙ

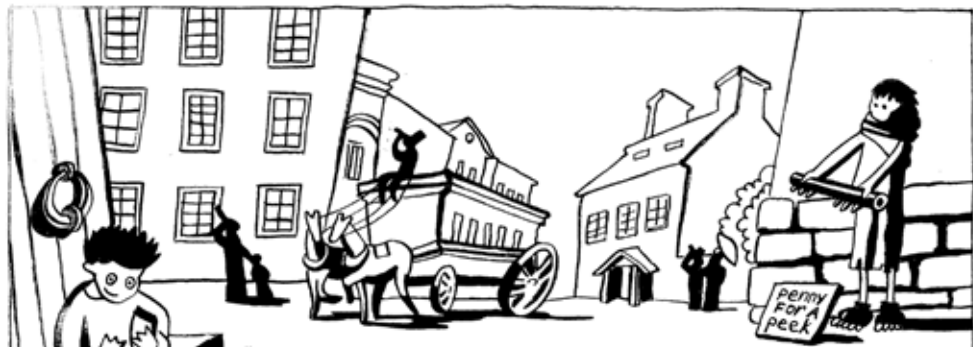
ДЭВИД БРЮСТЕР

**ПЯХАРЬ
ГОДА**
НОМИНАЦИЯ

2020г.

Мастерская Елены Авиновой и Натальи Осиповой «Как создавать комикс»

Май 1848 года. На улицах Лондона царит нечто невообразимое.

Прохожие скупают у лудильщиков дешёвые нестояные калейдоскопы и ходят с ними, не отрывая глаз от причудливых сменяющихся узоров. То и дело врезаюсь друг друга или в стены.

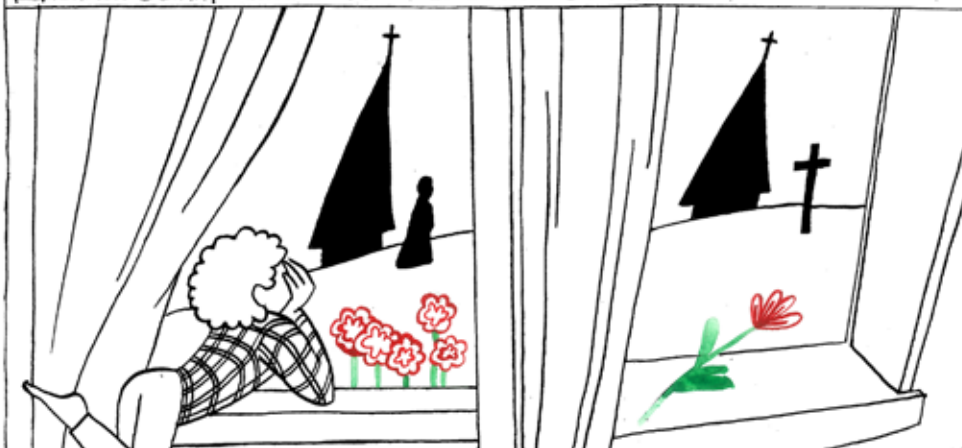

Постойте, кто это только что заплатил пенни? Неужели сам сэр Дэвид Брюстер, изобретатель калейдоскопа?

Совсем недавно Брюстер запатентовал свое детище, однако противостоят наплыву "пиратов" он не в силах. За последние три месяца на улицах Лондона и Парижа продано 200 тысяч калейдоскопов и хороши, если хотя бы 1000 из них созданы по его чертежам.

Еще мальчиком Дэвид увлекался оптикой и уже в 10 лет собрал свой первый телескоп под руководством знаменитого шотландского изобретателя-самоучки Джеймса Вейча, близкого друга Вальтера Скотта.

В юности Дэвид был тайно влюблён в дочь пастора Маргарет Сомервиль. И частенько заглядывался на неё в окно: созерцал прекрасное.

Маргарет умерла в 1844 году. Волею судеб её похоронили рядом с тем самым окном.

В 12 лет его отправили учиться в Эдинбургский университет. Он собирался стать священником и даже несколько раз проповедовал. Однако однокурсник Генри Брум (впоследствии видный, государственный деятель) убедил его заняться наукой

Хватит проповедовать, займись преломлением света...

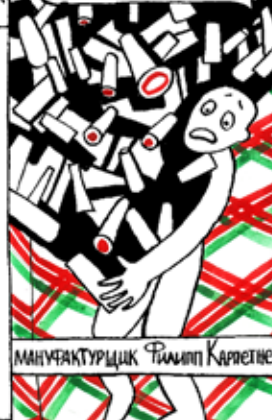
За полтора десятилетия Дэвиду удалось открыть немало любопытных оптических явлений. Например, он обнаружил, что отражения света, клонящиеся друг к другу внутри системы зеркал, образуют круговой узор. Если привести систему зеркал в движение, узоры начнут менять друг друга произвольным образом.

Жена пишет, что их дом в Эдинбурге осаждают с утра до вечера. Люди готовы платить деньги авансом, лишь бы поскорее заполучить свой собственный калейдоскоп.

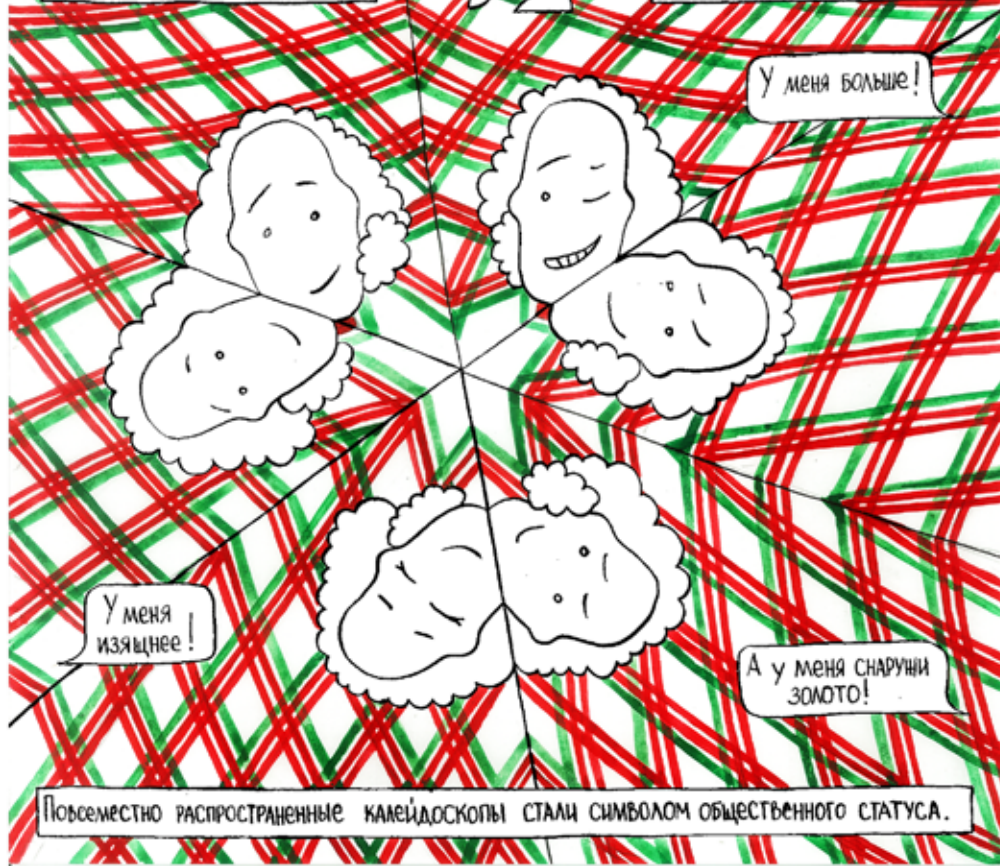
Если у человека был свой калейдоскоп, ему все равно интересно было заглянуть в чужой, т.к. каждый уникален.

Загаденье!

мануфактурщик Филипп Карстнер

Повсеместно распространенные калейдоскопы стали символом общественного статуса.

Ничто, созданное человеком, еще не вызывало такого всеобщего интереса

Уверен, что вы могли бы выручить сто тысяч фунтов!

Моя философская игрушка раскроет людям тайну симметрии

Брюстер рассчитывал, что калейдоскоп станет наглядным пособием для широких масс, "философской игрушкой", но он и представить себе не мог, насколько общество ей увлечется.

Мы в отчаянии! И не из-за политики (это пройдет), а из-за ускоряющихся темпов развития".

Собираю открытие!

А где прекрасные узоры? Тут только хлам!

Слава Брюстера дойдет до наших дней, в честь него назовут и важные понятия в оптике, и минерал Брюстерит...

...А еще кратер на видимой стороне Луны

Внутри калейдоскопов будут класть цветы, насекомых, камни...

А люди ради "созерцания прекрасных форм" продолжают стаскиваться на улицах и сегодня.

Дарья Лабунская

Это
НЕ
Магритт

Мастерская Елены Авиновой и Натальи Осиповой «Как создавать комикс»

МАГРИТТ И «СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

МАГРИТТ И СЮРРЕАЛИСТЫ

СЮРРЕАЛИСТЫ (туда)

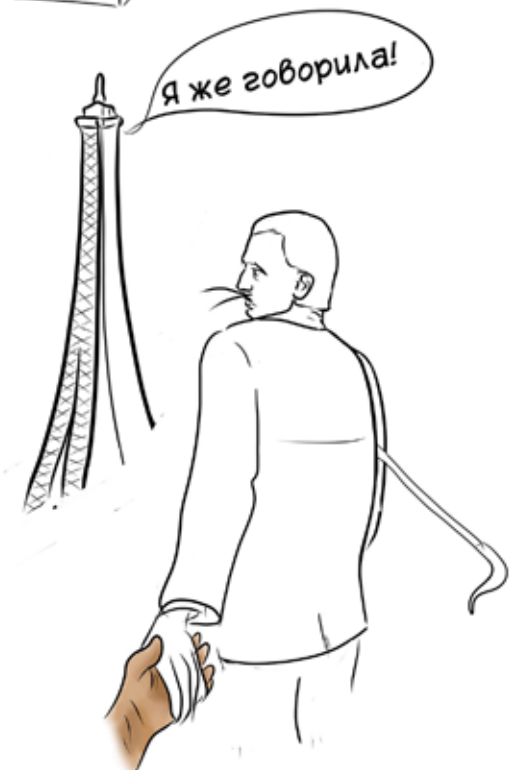
ТУТ КТО-ТО
ЕСТЬ?

КТО ЭТО?

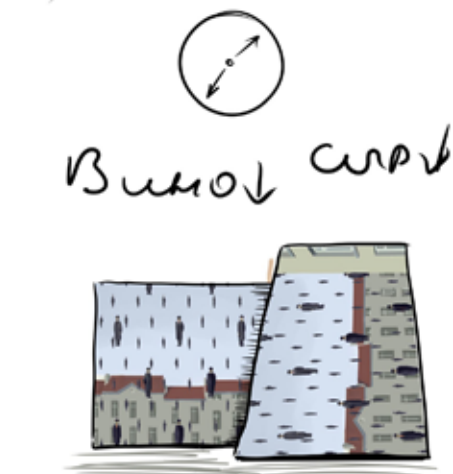
ЧТО ОН ТУТ ДЕЛАЕТ?

Пошел ВОИ!

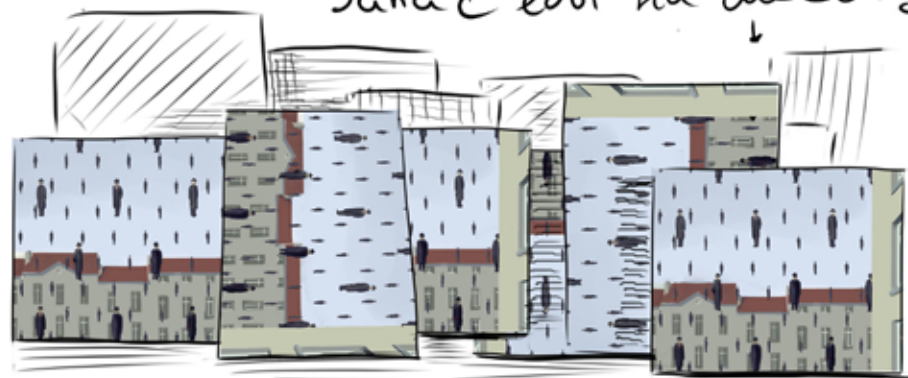
МАГРИТТ И «ГОЛКОНДА»

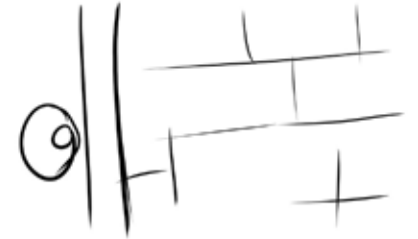
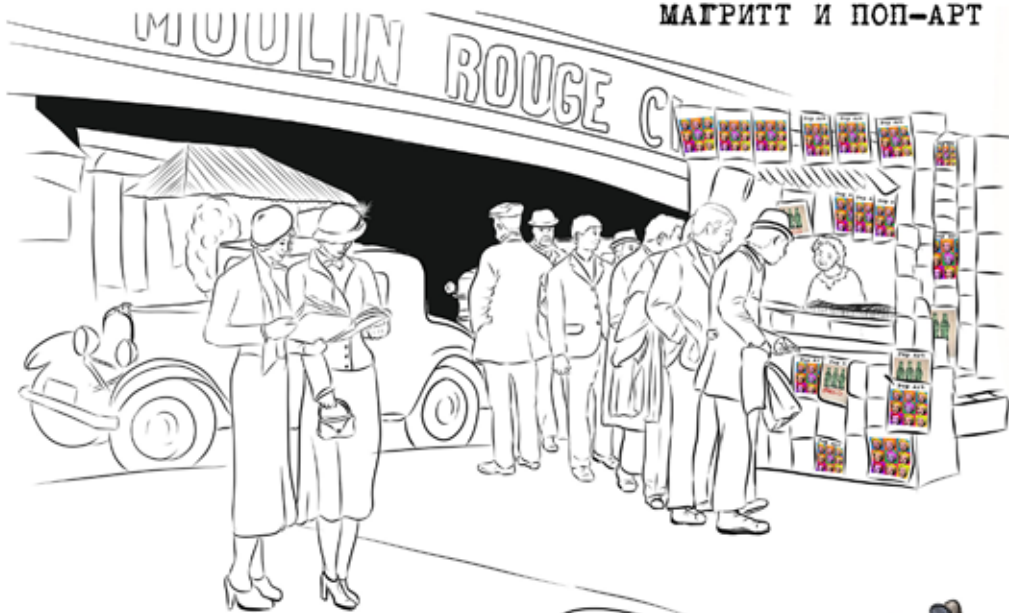
Голконда готова.
Да, три штуки.
Сегодня в шесть
буду дома.

Запас еды на месяц

МАГРИТТ И ПОП-АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

МАГРИТТ И «СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

Картину «Сын человеческий» Рене Магритт написал только в 1964 году, за три года до смерти. К тому времени художник уже получил признание, и его картины были известны всему миру. Но автор считает, что человек с яблоком жил внутри Магритта всю его жизнь. Поэтому история начинается именно с этого портрета.

МАГРИТТ И СЮРРЕАЛИСТЫ

В 1927 году после неудачной выставки Рене Магритт со своей женой Жоржеттой уехал в Париж, где художник вступил в кружок сюрреалистов, организованный Андре Бретоном. Его приняли там не сразу, только благодаря протекции Сальвадора Дали, который написал в газету статью про картину «Вероломство образов». После статьи Рене удалось наладить отношения с сюрреалистами.

МАГРИТТ И «ГОЛКОНДА»

В 40–50е годы художник остро нуждался в деньгах. Он писал копии своих самых известных на тот момент картин и продавал их. Конечно же, это была не Голконда (Голконда была написана в 1953 году). Но автору такая метафора показалась уместной. Голконда — древняя индийская крепость, столица одноименного Султаната. Будучи центром легендарной алмазной промышленности, она стала синонимом «кладези богатства».

МАГРИТТ И ПОП-АРТ

Популярность пришла к художнику только в самом конце 50-х годов, когда Магритту было почти 60 лет. Внезапный интерес связывают с приходом эры поп-арта. По всему миру прошли выставки: Великобритания, Франция, Италия, США. Образы, придуманные Магриттом, стали часто использоваться в массовой культуре. Художник никогда не был знаком с Уорхолом, автор взял этот образ в качестве квинтэссенции культуры поп-арта.

Creative Writing School

Художественное издание

Пашня

Альманах

Выпуск 5

Под редакцией Елены Холмогоровой

Художественное оформление, обложка: Елена Авинова
Выпускающий редактор Юлия Виноградова

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Издательство «О-Краткое»
610020, г. Киров, Динамовский проезд, 2
Тел. +7 (8332) 21-19-17
E-mail: okrat@okrat.ru

Подписано в печать 20.12.2020.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 35,5.
Тираж 150 экз. Заказ № 2682.

Отпечатано с готового электронного оригинал-макета
в ООО «Кировская областная типография»,
610004, Россия, г. Киров, ул. Ленина, 2в.